

Виктор Сокирко и Лидия Ткаченко

Жизнь и поражения советского  
инакомыслящего

**Поиски  
взаимопонимания**

(государственный и диссидентский  
суды)

Том IX

Москва, 2015



# Оглавление

<b>ПРЕДВАРЕНИЕ .....</b>	<b>6</b>
<b>ЧАСТЬ 2. БУТЫРСКИЙ ДНЕВНИК (ПРОДОЛЖЕНИЕ) .....</b>	<b>7</b>
2.8. Выход из тюрьмы 4 сентября.....	7
2.9. Пансионат после тюрьмы .....	12
2.10. Суд от имени государства.....	17
2.11. Письма Лилиной мамы (сентябрь–декабрь 1980) .....	21
<b>ПРИЛОЖЕНИЕ 1 К ЧАСТИ 2.     ОТЗЫВЫ НА САМИЗДАТСКИЕ ИЗДАНИЯ ОТ АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ .....</b>	<b>28</b>
П.2.1.1. Справка Института экономики АН СССР о серии самиздатской литературы “В защиту экономических свобод” из 8 выпусков (общим объемом 1832 страницы двухинтервального машинописного текста)..	28
П.2.1.2. Из Заключения Института философии АН СССР на самиздатский журнал “Поиски взаимопонимания” (№№ 1–3) .....	53
П.2.1.3. Рецензия Института истории СССР АН СССР на “Поиски” № 4 .	56
П.2.1.4. Отзыв Института всеобщей истории АН СССР на самиздатский журнал “Поиски” № 5 .....	60
П.2.1.5. Заключение Института международного рабочего движения АН СССР на свободный московский журнал “Поиски”, № 6, 1979 г. ....	65
П.2.1.6. Заключение Института международного рабочего движения АН СССР на журнал “Поиски”, № 7 .....	67
<b>ПРИЛОЖЕНИЕ 2 К ЧАСТИ 2.     ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ И СУДА И ЗАПИСЬ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА .....</b>	<b>73</b>
П.2.2.1. «Диссидентские» статьи УК РСФСР .....	73
П.2.2.2. Обвинительное заключение по уголовному делу № 50611/33-80 .....	76
П.2.2.3. Свободная запись судебного процесса в Мосгорсуде по обвинению Сокирко В.В. по ст. 190-1 УК РСФСР .....	90
П.2.2.4. Речь В. Сокирко в качестве защитника на судебном процессе .	128

П.2.2.5. Выписки из ПРИГОВОРА В. Сокирко .....	139
<b>ПРИЛОЖЕНИЕ 3 К ЧАСТИ 2.</b>	<b>ПРОЧИТАННОЕ В ТЮРЬМЕ ..... 146</b>
П.2.3.1. Обзор .....	146
П.2.3.2. Книги советские.....	149
П.2.3.3. Книги писателей- "деревенщиков" .....	155
П.2.3.4. Русская классика и революционная романтика.....	161
П.2.3.5. Марксистские книги .....	172
П.2.3.6. Книги по философии .....	180
П.2.3.7. Книги античных авторов.....	197
<b>ЧАСТЬ 3 ПОИСКИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ..... 204</b>	
3.1. ДИССИДЕНТСКИЙ суд .....	204
3.1.1. <i>Диссидентский суд (авт. – В. Сокирко)</i> .....	204
3.1.2. <i>События ноября 1980г (авт. – Л.Ткаченко)</i> .....	209
3.2. Заявления В. Сокирко для печати после освобождения из Бутырки .....	214
3.2.1. <i>24.10.1980 (заявление для АПН)</i> .....	214
3.2.2. <i>Письмо в АПН от 15.11.1980.....</i>	216
3.2.3. <i>27.10.1980 (проект интервью для иностранного корреспондента)</i> .....	218
3.3. Обсуждение выхода В. Сокирко из Бутыркии последующих событий: осуждение и защита .....	223
3.3.1. <i>С.В. Каллистратова. Открытое письмо Виктору Сокирко</i> .....	223
3.3.2. <i>В. Сокирко. Личный ответ С.В. Каллистратовой</i> .....	225
3.3.3 <i>Г. Павловский. Открытое письмо С.В. Каллистратовой</i> 229	
3.3.4. <i>Л. Ткаченко. Ответ на Открытое письмо С.В. Каллистратовой</i> .....	236
3.3.5 .....	244
3.3.6. <i>Н. Шеремет. Письмо Виктору Сокирко</i> .....	250
3.3.7. <i>П.М. Абовин-Егидес. Феномен Виктора Сокирко</i> .....	253

3.3.8. Л.Ткаченко. Комментарий к статье П.М. Абовина-Егидеса .....	256
3.3.9. В. Вольфсон. Мнение о «Феномене В. Сокирко» .....	258
3.3.10. Г.С. Померанц. Цена отречения (отрывок) .....	262
3.3.11. В. Сокирко. Письмо Г.С. Померанцу .....	267
3.3.12. М.Я Гефтер. Отрывок письма от 26.02.1981 .....	278
3.3.13. М.Я Гефтер. Глебу Павловскому от 10.12.81 .....	279
<b>ЭПИЛОГ.....</b>	<b>285</b>
<b>ПРИЛОЖЕНИЕ 1 К КНИГЕ В ЦЕЛОМ: СЦЕНАРИИ ДИАФИЛЬМОВ .....</b>	<b>292</b>
П. 0.1.1 «МАНГЫШЛАК - 1979» .....	292
П. 0.1.2. «Наши пансионаты» .....	308
<b>ПРИЛОЖЕНИЕ 2 К КНИГЕ В ЦЕЛОМ: ДВА ГОДА СПУСТЯ .....</b>	<b>392</b>
П. 0.2.1. Свободная запись судебного процесса по обвинению Павловского Г.О. по ст.190-1 УК РСФСР (1982) .....	392
<b>ПРИЛОЖЕНИЕ 3 К КНИГЕ В ЦЕЛОМ: СЕМЬЮ ГОДАМИ РАНЕЕ .....</b>	<b>416</b>
П.0.3.1 Дневник мелкого процесса (1973) .....	416

## **Предварение**

Дорогой читатель! Перед тобой вторая половина наших семейных материалов, связанных с Витиными поисками взаимопонимания как на свободе, так и в тюрьме, как с людьми близкими, так и с дальными. Я прошу у читателя прощения за то, что наше с Андреем Николаевичем Алексеевым – к.ф.н, социологом, автором многих книг и Предисловия к данной книге и по сути её дотошным составителем – желание подробно, с разных сторон рассказать о Витиных поисках делает твой читательский труд чуть ли не подвигом. Правда, у тебя есть выбор – прочесть только ту половину, которая тебя больше привлечёт. Когда в процессе чтения тебя, дорогой читатель, стукнет мысль, что у книги должен быть один автор - В.Сокирко как носитель идеи «поисков взаимопонимания» и как автор большинства, входящих в книгу материалов, поверь, пожалуйста, что это и моё, и А.Н.Алексеева нереализованное желание. Л.Ткаченко

## **Часть 2. БУТЫРСКИЙ ДНЕВНИК (продолжение)**

### **2.8. Выход из тюрьмы 4 сентября**

Своим сокамерникам я ничего не говорил. Не хотелось ни расспросов, ни зависти. Если бы был хоть один симпатичный, спросил бы, что передать на воле, а так...

Утром обычный подъём, зарядка, уборка, поверка, завтрак и ожидание бани – ведь сегодня четверг, банный день. Я надеялся, что меня успеют "выдернуть" до бани, но нет, и я не без удовольствия испытываю в последний раз главную бутырскую радость – горячий душ. Перед этим меня стрижёт зэк-парикмахер, и я очень естественно прошу стричь поменьше, ведь скоро на суд (все так просят).

Возвращаемся из бани в 11 часов, а меня уже ждёт корпусной: "Сокирко, с вещами!" Среди моих маленький переполох, ведь расставание со старым и ожидание нового всегда большое событие в камере "спеца". Так и сейчас. Разыгрываю удивление – ничего, мол, не понимаю, и прощаюсь: "Счастливо всем!" Аккуратно ушёл, даже забрал с собой свою пайку хлеба с куском сахара для примера. Только за поворотом коридора, замедляя из-за меня шаг (ведь после голодовки тащить все свои пожитки и матрас было нелегко), корпусной хитро спрашивает: "А ты знаешь, куда тебя веду, а? Догадываешься? На свободу, вот, гляди, в карточке написано". И широко улыбается. И хоть нет сил мне сейчас радоваться и страха у меня, быть может, больше, но я тоже улыбаюсь и изображаю радость, мол, хоть и надеялся, но не думал, что так скоро..."

А потом пошла процедура выхода – гораздо короче оформления: сдача тюремного имущества (хозяйка ругалась за укороченное одеяло, опять, мол, жгли, а я оправдывался, что такое дали), шмон, короткий и поверхностный ("Чего там у него

искать? Отбери только все до одной бумажки"), сидение в боксе с полчаса, пока камера хранения не подтвердила, что большинство записанных у меня вещей передано жене по доверенности. И на каждой "точке" с любопытством спрашивают: "Тебя почему выпустили – за недоказанностью что ли?" Моё же объяснение, что нет, просто изменение меры пресечения, встречается с изумлением, как нечто необыкновенное. Наконец, меня уже не ведут, а просто выпускают из бокса – иди вот туда, к входным дверям. И я впервые иду по тюрьме совершенно свободно, без сопровождения и «рук за спину». Нет, сопровождаемый завистливыми вздохами заключённого паренька в серой форме, шныря на сборке, который успел узнать о моём освобождении пока я сидел в боксе и дать мне совет сразу выпить пивка, тут совсем рядом продают хорошее. А теперь он говорит кому-то: "Эх, везёт как людям, на свободу выходят!" И жалостью к нему полнится сердце, и стыдом, а страх отходит и начинает брезжить какая-то радость. Спасибо тебе, друг! Дай Бог тебе уйти отсюда пораньше!

Капитан в проходной у дверей сдержан, выправил мне свидетельство об освобождении на паспортного типа бумаге, взял подпись о невыезде, удостоверился, что всё имущество и деньги мне выдали (за Бутыркой остались только мои 12 копеек) и спросил, как я буду добираться домой (может, в его обязанности входило давать пятак на метро). Сообщаю, что за воротами меня должна ждать машина, удивляется – на проходной об этом никто не знал. Минут 10 он ёщё выждал, а потом разрешил: "Можно дожидаться машины и на проходной".

Закрываю за собой старинные тяжёлые двери "спеца". С мешком на плечах иду к следственному корпусу, но уже снаружи, один, под мелким моросящим дождём, правда, ёщё внутри красных огромных букв на наружной стене "запретная зона подходить ближе 1 м запрещено". Пройдёт больше месяца, прежде чем я решусь обойти Бутырку ёщё раз, снаружи, действительно свободным человеком. А сейчас иду по тюрьме, мимо башен и молчащих окон каменных ячеек, набитых

тысячами людей, среди которых Валера и Юра, Саша и Леонард. Правда, не думал я тогда о них.

Проходную прошёл очень быстро, как обычную проходную, только внимательно сличили мою физиономию с тюремной карточкой на удостоверении. Переход в свободное состояние оказался совсем незаметным.

Из светлой "Волги" ко мне сразу выходит новый "коллега" и здоровается: "Что так долго Вас там задержали? Мы тут заждались". Объясняю про баню, закидываю свой мешок на заднее сидение и сажусь сам. Едем в прокуратуру. Всё как в обычном выезде, только сижу один. Да, вот это и есть свобода – комитетская "Волга", но уже не чёрная, а серая, и отсутствие двоих по бокам. Мне даже любезно рассказывают новости: кто уехал, а кого посадили или осудили. Наверное, это у них профессионально: на всякий случай ловить информацию, потому и любят доверительные разговоры.

Формально я на свободе, а реально веду всё ещё ту, бутырскую жизнь. И в приёмной Горпрокуратуры на Новокузнецкой, ожидая Бурцева, я хожу по холлу, заложив руки за спину. "Виктор Владимирович, - ухмыляется "коллега", – пора отвыкать от этой привычки". Прибегает занятый и оживлённый, но очень добрый Бурцев – ведь он всё же сдержал своё слово и отпустил меня на свободу: "Сейчас буду звонить Лидии Николаевне". Сажает нас в комнате № 5, даёт для ознакомления 1-й том дела и убегает.

Через час по его звонку приезжает Лиля. Она входит неожиданно и вся как-то изгибаётся в радостной улыбке мне: "Витенька!", бросает сумку на стол, протягивает руки. "Коллега" вскакивает и стремительно прошмыгивает в коридор. Я не трогаюсь с места, сижу прикованным и бессильным. Произношу только: "Лиль", – как вопрос и просьбу.

У меня нет ни сил, ни права прикасаться к ней, ещё чистой и свободной – вот такому, худому и облезлому, испоганившему ложью в ещё неизвестном ей заявлении не только себя, но может, и её судьбу.

Как будто замороженный, не трогаюсь с места, даже когда она подходит и прижимает к себе мою голову, только шепчу: "Ли, ты ещё не знаешь, ничего не знаешь, почему я здесь, что я сделал..." – "Ну что ты, родной, я знаю, читала твоё письмо. Ты всё правильно сказал, и друзья наши так считают". – "Нет, мне пришлось подписать другое заявление, гораздо хуже, – и тут же, боясь, что она во мне усомнится, горячо продолжаю, – но признания в клевете там нет, и показаний ни на кого, и отречения от взглядов нет". – "Правда? Ну, и хорошо, остальное неважно, родной мой. Главное, что сегодня дома будешь, не верится даже... Худенький-то какой, господи, что с тобой делали..."

В эту минуту я и почувствовал, что вроде вышел из тюрьмы, что вроде кончилась моя бутырская командировка. Я снова со своим главным человеком.

Потом пришли "коллега" и Антоныч, благодушные и праздничные. "Да, видно, сегодня не до работы, – отрезюмировал наше состояние Бурцев, – лучше Вас отвезут домой, а завтра с утра, с 10-ти займёмся делом. Повестку я Вам выпишу и справку за содержание в изоляторе с января, чтоб было чем отчитаться в понедельник на работе". Было от них ещё два деловых предложения: 1) отказаться от адвоката, "чтоб не мешался, когда дело и так ясное" – от Бурцева и 2) поехать в дом отдыха с младшими детьми до суда – от "коллеги" – якобы получше отдохнуть, причём все хлопоты об отпусках и путёвках подешевле он возьмёт на себя. Понятно, что главное – служебный интерес: "Обеспечить наилучшим образом Ваше уединение до суда, но это и в Ваших интересах, и потому решайтесь добровольно".

Оба предложения мне нравились, но ни на что не хотелось решаться до разговора с Лилей, и потому я остановил её согласие до завтра. Встречаться со многими людьми мне и вправду не хотелось – слишком велика была растерянность, ещё не выработано собственное понимание состоявшегося с "коллегами" соглашения. Кто я такой теперь – прежний Сокирко, или предавший себя и других и до сих пор этого не

понимающий? Лиля говорит, что прежний, и это уже много, но пока нет собственного понимания и уверенности, трудно разговаривать с людьми. Да и тревогу "коллеги" я понимаю и принимаю, что будет порядочно, если я выполню своё обещание до суда не давать информации о "заявлении". Не хочу, чтобы они жалели о том, что выполнили своё обещание и изменили меру пресечения. Хочу, чтобы в будущем диссидентов почаше отпускали до суда на свободу.

Та же "Волга" довезла нас до дома. Для Лили это было почти триумфом: "они" взяли, а теперь сами привезли меня домой. Я же хватаю свой мешок, захлопываю дверцу, и после обычного "Спасибо, до свидания" "Волга" и в самом деле уезжает, оставляя нас одних в подъезде... Дверь квартиры открывает Тёма, большой, взрослый, молча и крепко обнимает, и я удерживаюсь, чтоб не почувствовать себя маленьким. Я уже знаю, что он студент МИФИ, взрослый по положению, и это для меня вторая большая радость. Галю целую уже я сам, а потом в садике совсем выросшие, что не узнать, детки кричат: "Папа вернулся!", и я с трудом поднимаю их на воздух. Отец был на даче и свиделся с ним я только в воскресенье.

Детки теребят меня своими вопросами о "командировке" и своими рассказами. Суетливо предлагаю зайти в магазин, купить для них торт, чтобы отпраздновать моё возвращение. Ли вспоминает, что после голодовки, мне торт нельзя, но тут же соглашается со всем. В продмаге детки очень хозяйственны и целеустремлённо носятся с продуктовыми корзинами, а Лиля делает все покупки как-то механически, поминутно спотыкаясь улыбкой на мне. Она тоже никак не может поверить, что я вернулся и вотхожу с ними по магазину.

Дома я достаю из своего мешка пайку чёрного с дневным куском сахара и несколько давнишних рублёвых конфет (НЗ). Всё это надо было оставить в камере. Сейчас я дарю их деткам, но жалким выглядит мой подарок, как и сам я кажусь себе жалким в этой отремонтированной, благоустроенной и благополучной квартире. Какая Лиля всё же молодец – сама, только с Тёмкой, провернула всю гигантскую

работу ремонта. А я-то там всё думал, как она с ремонтом справится без меня. И вот – справилась спокойно. Правда, почти весь отпуск на это потратила. Я чувствую себя даже не нужным, раз дома так хорошо справляются без меня. А они – Тёма и Лиля, радостные и гордые, показывают свои новые приобретения, магнитофон и проигрыватель, купленные благодаря громадной помощи, главным образом от Фонда – и я ещё больше ощущаю свою ненужность. Даже в мыслях у меня там не было, что мои благодеяния здесь без меня, что материально со мной им было беднее. "Может, мне лучше снова сесть в тюрьму на благо семьи?" - пытаюсь шутить с кривой улыбкой. Лиля даже пугается: "Что ты, милый, что ты... Хочешь, мы всё это отадим, вернём обратно. Я помнила твой запрет, не брала, но потом согласилась, чтоб не обижались. Да и не знала ведь, как потом жизнь наша сложится..." И вот уже мне пришлось утешать, быть сильным и благодарным в душе за эти жалобы и выданную слабость – всё же нужен я...

Ночью я снова не мог спать, вторую ночь подряд. Смотрел на огни Москва-реки и марал бумагу словами объяснения со всеми друзьями сразу. Как будто корчился какими-то оправданиями, просьбами о прощении и за то, что меня арестовали, и за то, что вышел из тюрьмы. Я уродовал бумагу, но ничего не выходило, кроме бессвязных патетических восклицаний. Не было мыслей, были чувства.

Только через месяц я смог написать письмо друзьям, чтобы ещё через пару недель убедиться, что оно в таком горячечном виде невозможно, и спрятал его в архив на память.

## **2.9. Пансионат после тюрьмы**

Дело своё я "закрывал" быстро, управился за два с половиной дня. Моей главной задачей было списать заключения "специалистов" из идеологических институтов на "Поиски" и

мои сборники.<sup>1</sup> В пятницу мы занимались этим с Лилей вместе, в субботу я заканчивал один.

В понедельник 8 сентября, после работы, я подписал "201-ю статью" и все остальные документы и расстался с Бурцевым до возвращения имущества. В его завалах, действительно, невозможно было быстро разобраться, и потому я поверили, что, покончив с неотложными делами, он вернёт мне большую часть изъятых на обысках и не переданных в суд бумаг и машинки. На самом деле получилось по-иному: вернул он мне совсем немногое лишь после долгих хлопот в декабре, остальное, в том числе две машинки, остались в прокуратуре "до закрытия дела" (а когда оно будет закрыто, неизвестно). Но это уже после суда и неинтересно. В те же сентябрьские дни, когда я строчил в кабинете Бурцева и уносил домой исписанную бумагу, у нас существовали ещё совсем иные, почти дружеские и доверительные отношения, как это ни странно для человека с внешностью и повадками зэка. От моего вида даже милиционер в проходной прокуратуры сразу делал стойку и брался за паспорт, внимательно сверяя с повесткой и личностью.

Звонил и заходил "коллега", даже в свою нерабочую субботу, показал большую матрёшку, купленную перед этим по случаю для домашней коллекции. Машинистка Бурцева (и главная его помощница) договаривалась по телефону о домашних делах. Привычно лавируя между грудами машинок и папками с самиздатом, проходили в бурцевский кабинет уже примелькавшиеся следователи, даже их начальник – «добрейший Смирнов».

Обыкновенные советские люди, точно такие же, как мы с Лилей на своей работе, они делают тоже государственное дело, выполняя государственные задания, только по иному профилю. Не расчёт потребности в машинах, не обоснование новизны изобретений, а, например, оформление обвинения меня и моих друзей в клевете и преступлении. Жёсткая однотипная, монокристаллическая структура, во всём одинаковая, в которой

---

<sup>1</sup> См.ниже: разделы П.2.1.1-П.2.1.6.

всё оказывается нужным, а вот жить свободно, по-человечески – невозможно.

«Коллеги», видно, тоже делают нужное дело, противостоя западной радиопропаганде и участвующим в ней диссидентам. Они тоже тянут служебную лямку. На деле нет за следователями и КГБ никакой мистики, есть обычная советская служба – вплоть до отгулов за работу на овощной базе. И как же мне было не расположиться к этим обычновенным и хотя бы поэтому хорошим людям, которые, правда, по долгу службы готовили против меня обвинение, но сами по себе сделали много, чтобы был найден выход из моего диссидентского противостояния с высшим начальством. "Почти дружба" доходила до того, что Лиле хотелось пригласить Бурцева и "коллегу" к нам домой посмотреть диафильмы, и я смог только головным усилием остановить её: "Да спятили мы с тобой, что ли? Ведь они на службе и не могут с нами поступать вопреки своей службе".

Союз был очень непрочным, временным, очень локальным. Потому что принадлежали мы к разным, очень разным, даже противоположным, хотя я очень надеюсь, что не к антагонистическим слоям "слуг народа" и диссидентов.

Придёт суд, всё вскроется и обнажится. Наверное, мой отказ признать себя и других клеветниками на суде и после суда будет поставлен "коллегам" в вину как их "недоработка" и "упущение по службе". А моё заявление о признании "народности советского суда" будет воспринято диссидентскими максималистами как "предательство и измена" и не помогут оправдания, что я никому и ни в чём не присягал. И, тем не менее, "коллеги" останутся на службе, а я – в знакомых у диссидентов, пусть на особом счету. Вот когда это выяснится, то и нашей временной эфемерной "дружбе" придёт конец: Бурцев начнёт со мной свои игры, "коллега" – свои, опасные, но тоже неоднозначные, так что встречи со мной станут невозможными, а моё существование, как легального и лояльного к властям инакомыслящего опять окажется под

большим вопросом. Так, наш "низовой" и локальный компромисс будет затоплен высшей враждой.

Сразу после выхода я встретился с жёнами Валеры, Саши и Леонарда, раз мог хоть что-то рассказать о своих тюремных контактах, хотя бы о деталях тюремной жизни. Приходили к нам и другие близкие люди, заслышиав о моём выходе или услышав от Лили о временной нежелательности встреч, передавали приветы. Они сначала радовались просто по-человечески моему возвращению, а уж потом готовы были оценивать его причины.

На работе меня встретили хорошо, с любопытством, страхом и сочувствием – уж очень я был худой и землистый. В отделе кадров мою справку рассматривали как что-то совершенно невероятное: все были убеждены, что Сокирко в институте больше не появится – и вот он явился, как из преисподней. А ведь и в самом деле - с того света.

Прошли первые часы и дни осторожных расспросов, и сотрудники, которых Бурцев вызывал по моему делу на допросы, перестали от меня шарахаться. В работу войти я так и не успел, тем более что моё рабочее место было уже занято, а тема передана в другой отдел. Стараниями «коллеги» Лили получила отпуск за свой счёт на две недели, я очередной отпуск за 1980 год даже с полной выплатой, и в пятницу мы уехали в пансионат "Клязьминское водохранилище", оставив Тёму и Галю одних хозяйствовать.

К 8-ми утра к подъезду подошла такая же серая "Волга", и "коллега" позвонил в нашу дверь. Мы уже были собраны и хотели сразу спускаться, но "коллега" задержал: передавая Лиле 200 рублей в оплату пансионата, он попросил от нас расписки – "только для того, чтобы на службе были уверены, что я не затратил их на личные нужды". Я подписался за 150, Лили – за 50 рублей, подшучивая, как выгодно можно использовать эти расписки. "Коллега" смущённо отрицал всякий злой умысел, и мы ему охотно верили, не предполагая, что не пройдёт и трёх недель, как мне от "лица диссидентов" выскажут: "От передач и переводов, оплачиваемых Фондом, Вы отказывались, а от

помощи КГБ в пансионате – нет". Мол, от кого деньги получаем, тому и служим. - Да не служу я никому: ни Фонду, ни ГБ, а денег ихних мне не жалко!

Две неполных недели на Клязьминском водохранилище были чудесными по погоде – ясная солнечная, ранняя осень. Мы с Лилей по утрам бегали по лесу и даже купались. Жили в отдельном номере, с видом на "море", на яхты. Обильная и вкусная еда по часам, игры в мяч и бадминтон, вылазки по окрестностям пешком и на лодке - всё вместе было полноценным отдыхом с детьми. Лето 1980 года у нас всё же не пропало. Я ощущал это как заслуженную награду – ведь только из-за моих усилий изменили меру пресечения, и мы впервые в жизни оказались в семейном советском пансионате (кстати, нас впервые официально, по документам, именовали туристами, наряду с массой пенсионеров-пузанов, проживавших в нашем корпусе "Солнечный"). А однажды Лиля затянула меня даже на молодёжные танцы в корпусе-клубе, перед тем как звонить в Москву Оле и Саше и спрашивать, согласны ли они присутствовать на моём будущем суде (с "коллегой" ещё продолжалась "дружба", а присутствие на суде своих было мне очень важно). Я в жизни не был никогда на танц-вечерах, и даже с Лилей мы не танцевали лет 10, а тут вот сразу такое "омоложение". Однако минут через 10 стеснение ушло, я вошёл в ритм, даже стало нравиться, благо умения никакого не требовалось. А ещё через 10 минут надо было идти к телефону, и я помню, с какой звенящей радостью Лиля кричала в трубку: "А мы сейчас только что с танцев! Так хотите вы прийти к Вите на суд или нет?"

Трудно мне было удержаться от смеха, представляя недоумение печальных Саши и Оли, как им осмыслить эту смесь информации о танцах и о подготовке к суду. Неизвестно, что и думать об этих Сокирках, просто, чёрт знает, что такое! А ведь, думаю, Оля и Саша мой выход переживали тоже очень остро: идеальные и поверхностные соображения говорили "против", а давняя дружба – "за". Дружба пересилила, и они сказали нам своё "добро".

Но вместе с тем те две недели были и очень напряжёнными. Работа шла в меру моих сил. А способность к соображению восстанавливалась очень медленно и, наверное, не только от физического голодания, но и от тюремного умственного безделья.<sup>2</sup> Я готовился к суду по своим записям, а Лиля разбиралась в черновиках моих тюремных заявлений (Бурцев выполнил-таки своё обещание, отдал их), переводя их в семейный архив<sup>3</sup>.

О приезде Тёмы и Гали говорить не буду, но о визитах в пансионат "коллеги" упомянуть. Один раз он нас "просто проведал", а в другой раз отвёз меня на Каланчёвку, в Мосгорсуд, за обвинительным заключением.<sup>4</sup>

## 2.10. Суд от имени государства

До понедельника у меня были две важные встречи – с назначенным судом адвокатом и С.В. Калистратовой.

Адвокат Лившиц – пожилой, усталый, но очень заинтересованный. Уже успел почитать материалы дела, но говорил, что следует суд отложить на неделю, чтобы лучше с ними ознакомиться. Затяжки мне совсем не хотелось, да и участия адвоката тоже. Ведь от его усилий ничего не зависит, а мои личные возможности для высказывания на суде при нём сильно уменьшаются. Очень важно было бы иметь свою защитительную речь, раз последнее слово я запрорал "коллеге" ещё в Бутырке. Поэтому разговаривал вежливо, но решил делать всё возможное, чтобы защищаться самому.

Встречи с Софьей Васильевной, давней нашей знакомой и главным нашим консультантом по делу 1973 года, я хотел сразу после выхода, но поостерёгся перегружать её своими

---

<sup>2</sup> А. А.: «Ну, «умственного безделья» в тюрьме, судя по всему выше сказанному, у В. С. не было. Одно чтение литературы чего стоит». Л. Т.: «Да, пожалуй».

<sup>3</sup> См.:<http://sokirko.info/ideology/vokrugpoiskov.html>

<sup>4</sup> См. ниже: раздел П.2.2.2

обязательствами "конфиденциальности". Поэтому встретился накануне суда, в воскресенье.

Встреча была очень напряжённой. Казалось, Софья Васильевна лишь с трудом сдерживает выражение своего крайне негативного отношения к моему выходу. Однако прирождённый адвокат в ней взял верх, и она ответила на все мои вопросы. Теперь я мог быть спокойным по части защиты – мне дадут говорить спокойно, если можно применить такое определение к ситуации, когда знаешь, что за опровержение обвинения в клевете тебя могут осудить не условно, а действительно, и ты уже завтра потеряешь свободу.

Наверное, со стороны мой суд выглядел идиллией соглашательства и уступок в сравнении хотя бы с последующими судами Валеры и Юры, но субъективно оба дня я чувствовал себя выходящим на бой сразу на два фронта – и против обвинения в клевете и за свою реальную свободу, за свои душу и физическое тело. Одновременно. Моя тактика: выполнив обязательные бутырские условия, в остальном как можно более полно (но и лояльно) выразить своё понимание дела и убеждения. Думаю, что в главном мне это удалось.

Утром 29 сентября мы с Лилей едем на Каланчёвку, как на работу. На выходе со станции "Комсомольская" встречаем весёлого "коллегу". Он осведомляется о самочувствии (я и вправду загрипповал и ходил на суд с брюллетенем в кармане), вручает мне рукописный текст моего Заявления, где мы на ходу переправляем число и добавляем "в суд". Уточняет, что в списке присутствующих на суде будут от нас супруги Оболонские (Саша защищал Витю после ареста<sup>5</sup>; и высказывает ещё раз просьбу: "Я понимаю, что Вы не можете называть свои работы клеветническими, но может, о других авторах Вы не будете так утверждать? Неужели Вы и Петра Марковича считаете во всём правым?" Эта давняя и навязчивая тема на меня действует как красная тряпка на быка: "Опять Вы об этом... Зачем Вы трогаете бутырские договорённости?" И "коллега" замолкает. Я

---

<sup>5</sup> См. выше: раздел 1.2.1.

сообщаю, что из-за адвоката суд, возможно, перенесут на неделю. Как я и рассчитывал, "коллеге" это очень не нравится и он советует твёрдо отказываться от адвокатских услуг, а суд удовлетворит просьбу. Так и получилось: адвокат покинул зал суда "на цыпочках", а я получил возможность высказаться в защитительной речи столь полно, что нужды в последнем слове у меня и вправду не было.

Перед зданием суда встретились с немногочисленными свидетелями и с Олей, Сашей, Соней Сорокиной. Надеялись, что Соня пройдёт в суд (всё равно больше никого не было), на этаж её пустили, но «список присутствующих на открытом суде» обойти оказалось невозможным.

В отличие от суда 1973 года на этом (как потом оценил Тёма – среднем) процессе при таком же количестве публики (18 мест), зал был гораздо больше и радиофицирован. Был прокурор – не крупная пожилая женщина в очках и тёмном мундире с лицом, чем-то напоминающим лицо Геббельса. Зато суд был почти таким же: интеллигентного покроя судья (только женщина вместо мужчины) и простоватые заседатели. Впрочем, нынешние заседатели: один под 30 лет, а другой близок к пенсионному возрасту, казались мне живее и человечнее.

Начался суд. У нас есть его самодеятельная протокольная запись<sup>6</sup>, и она гораздо лучше передаёт, о чём говорилось оба дня, чем воспоминания, и потому я только передам собственное общее впечатление.

Моя задача была трудной, но понятной: не противореча формально бутырским обязательствам и заявлению, отвергнуть обвинение в адрес "Поисков" и экономических сборников, объяснить мотивы и причины наших действий. Думаю, что это всё мне удалось, начиная от ходатайства о вызове специалистов из идеологических институтов (отклонено), через объяснение своих мотивов на допросе обвиняемого и допросах свидетелей к главному - защитительной речи. А в перерывах я встречался с «коллегой», который, оказывается, по радио слушал весь

---

<sup>6</sup> См. ниже: раздел П.2.2.3

процесс. Поскольку я выполнял свои обязательства, он был спокоен, но после защитительной речи выглядел страшно раздосадованным. Я готовил её полночи и прочитал полностью, несмотря на то, что перед этим прокурор запросила у суда лишь условного осуждения, и, следовательно, моя защита с точки зрения наказания уже лишалась смысла.

Наверное, на это и был расчёт «коллеги». Но для меня в опровержении всех без исключения 10 пунктов обвинения самое главное было сохранение самого себя, был риск и потому страх и радость от преодоления и оттого, что всё же сказал всё намеченное. Суд удлинялся на совещание для вынесения приговора. А "коллега" в коридоре возмущался "нарушением договорённостей" (это неправда), обидой, нанесённой советскому суду (может, это правда), неудобным положением, в которое он поставлен (тоже, наверное, так), говоря, неизвестно теперь, какое решение примет суд (этого мы и так боялись). Я оправдывался тем, что для защиты надо просто приводить все возможные аргументы без исключения.

Суд полностью повторил обвинительное заключение и... просьбу прокурора [три года условно]. Лиля была неприкрыто счастлива (она боялась куда худшего). Успокоился и я: процесс проведён так, как хотел. Теперь осталось только запомнить, записать, сделать достоянием архива, овеществить, т.е. материализовать для друзей и времени.

Так кончился этот странный процесс по ст.190-1 УК РСФСР, где "преступник" и его друзья гуляли в коридоре и обедали в буфете с судьёй и заседателями, где прокурор сама просила фактического освобождения от наказания и где "почти дружбе" с "коллегой" был нанесён серьёзный урон. Сам суд уговоров не нарушил, а вот реакция начальства – совсем иное дело.

В вечер окончания суда, 30 сентября, я окончательно вернулся домой.

(См. продолжение дневника в 3.1.1. «Диссидентский суд»)

**Примечание.** На следующей неделе четыре дня шёл суд над В. Абрамкиным и приговорил его к 3-м годам лишения свободы в лагере общего режима. Затем два дня шел суд над Ю. Гrimмом и приговорил его к 3-м годам лишения свободы в лагере строгого режима.

## **2.11. Письма Лилиной мамы (сентябрь-декабрь 1980)**

### **5 сентября**

*Здравствуй, дочь моя! Я и не знаю, что тебе писать. Большое спасибо за подарок...*

*Что касается твоего последнего письма, то мне показалось, ты теряешь разум. Как ты смела требовать, чтоб я просила у тебя прощения? И за что? Может, твоих друзей обидела, что просила их, чтоб не погубили тебя, как Витю? Может, в этом винишь мать?..*

*Разве я не плакала с 68 года? Как приеду, так на эту тему разговоры. Просила: бросьте дружить с подлыми друзьями. Разве это не мои слёзы, разве Витю не предупреждала: ты же погубишь себя?*

*А теперь ты ещё виноватой меня ставишь. Там, где я бываю виноватой, я тут же говорю: признаю вину. Ещё ни разу не была виноватой ни перед кем, всегда сужу справедливо.*

*Витя, уверена, думает не так обо мне. Он понял, что я во многом права. Потому и думаю, дочь моя, потеряла ты разум. А была какая умница, как же радовались тобой, гордились все эти годы. Я всегда думала видеть покой от тебя.*

*Придёт пора, поймёшь, может быть. Но прошу, язык не распускай, в наше время язычников не любят. А у тебя 4 детей.*

*До свидания, счастья и здоровья. Также и Вите, может, его мука скоро закончится. Целую. Мать.*

## **22 сентября**

*Здравствуйте, Артёма и Галя! Я уже знаю, что вы получили мою посыпочку, кушайте на здоровье.... Звонила дедушке, чтоб он вам сказал, и вдруг он сообщает радость, что ваш папочка, а его сынок дома! А вот мама нехорошо поступила, что не сообщила о такой радости. Разве я враг ему, разве хотела, чтоб он нёс такую муку? Я же наоборот все эти годы умоляла, чтобы гнал плохих друзей, и всегда говорила: Витя тебя посадят и сошлют в Сибирь. Всегда пугала этим, а теперь какая-то вина на меня легла со стороны мамы.*

*Если бы папа видел, как я молилась каждое утро и вечер, просила у Бога, чтобы ему милость подал и терпение, то он бы мне сказал только добрые слова. А то, что я гнала тех ваших друзей, то если бы у меня было право, я бы их и к дому не подпустила. А с добрыми намерениями друзьям я бы сказала: прошу к моей доченьке и зяту Вите.*

*Тёма, ты большой и умный мальчик, только шею не любишь мыть (а может, уже научился? – то совсем умничка). Тёма, гони плохих друзей. В нашем законе, с нашими следователями нигде и ничего не допустят. Очень зоркие в защите родины. Мути появилось очень много, но всё исходит на нет. После съезда ещё больше будет*

*порядка. Вот жуликов развелось очень много. С ними ведут борьбу и ещё больше будут наказывать. Тёмочка, учись, ты же способный и будешь строить все возможные ракеты и др. и тебе будет кругом дорога вперёд. Не погань свою дорогу подлыми друзьями.*

*Галя, а чем ты недовольна, до сих пор не написала мне письмо? Как доехала, как учишься и что нового? Совсем забываешь меня. Одна остаюсь, никому не нужная. Думала, снесут наши дома, а теперь **сказали**, что нет, тонку на зиму готовьте. Видно здесь умирать придётся. Не было у меня счастья и не будет.*

*До свидания, мои хорошие. Больших успехов вам в делах, в учёбе, здоровья сибирского. Целую внучков моих. Бабуля.*

## **9 октября**

*Здравствуйте! Посылаю остатки помидор, яблоки купила, печенье неважное и два арбузаза [особого приготовления]. Кушайте на здоровье все, только не те гости, которых я выгоняла, и дедушку угостите.*

*Лиля, я думала, всё будет хорошо, когда получила телеграмму. Почтальонша прочла, я её поцеловала за такую телеграмму. В комнату пришла, плакала от радости. А вот недавно вызвали меня в М.В.Д. и сказали: Если Ваша дочь не оставит тех друзей, то мы её накажем больше, чем её мужа. А я говорю: У неё дети, в нашей стране детей не обижают. Лилька, неужто тебе не урок Витин? Витю загубили и Тёму губишь. Что же тебе не хватает? Чем же ты была недовольна в своих делах, науке и т.д.? Думала, поживу спокойно и опять голова кругом. Я же жду помощи и, видно, не дождусь...*

## **14 октября**

*Вчера и Витю, и Тёму вспоминала. Думаю, были бы рядом, и дрова б мне накололи, а то сама всё колю, сильно устала, насили устала утром. Сынок [мой старший брат Володя –Владимир Николаевич Ткаченко.- Л.Т.], чем-то не угодила, не приходит...*

*Лиля, прошу, гони этих друзей. В нашем М.В.Д. всё знают про вас, и мне сказали, если Ваша дочь не бросит, то мы её ещё большие накажем, как её мужа.*

*Лиля, вы только в одном побывали пансионате, как люди... А сколько их, сколько санаториев. Люди там бывают, не нарадуются, а платить приходится всего 30%, остальные расходы за счёт государства. И мне предлагали сколько раз, но я отказывалась, мне хотелось ехать к тебе, чтоб ты отдохнула. Но и ты по-человечески не отдохнула, рюкзак тянула большие себя...*

*Относительно сноса просто издеваются над нами... Наверное, умирать на месте...*

## **29 октября**

*...И за тебя, Лиля, рада, что у тебя всё хорошо. Лиля, ты пишешь, что счастлива. Но не всё счастье с тобой. Ты была бы очень счастлива, если бы не было таких подлых друзей, а были только хорошие. Не болтуны, не разлагатели наших дел. Сколько в нашей стране хорошего, но подрывают на каждом шагу. Вот те люди, которые замышляют и творят подлость, почему-то не хотят подумать, что в нашей стране всё обязательно раскрывается. А демонстрации в нашей стране не допускают, и это очень хорошо. И потому, дочь моя, советую, гони подлых друзей, живите в мире и любви, так*

*легче жить. Я так радовалась, когда ты писала, что вы с Витей и маленькими были в кино, в зоопарке, потом Витя на дачу уехал с детками, а то ему за пустой жизнью некогда было и деткам порадоваться, а им сейчас нужны и папа и мама. Да и вы с Витей не знали настоящего отдыха. Всё куда-то бежите.*

*Лиля, возьми себя в руки. Пора облагородумиться, понять, что пустая дружба не нужна в вашем доме. И мой покой нарушился, а тут ещё мне на работе такое сказали, совсем пала духом, как представила, как дети без тебя. И наплакалась, сколько душе угодно.*

## **15 ноября**

*Здравствуйте, дети и внуки! Витя, давно хотела тебе сказать мою незаслуженную обиду. Так как ты очень умный и обладаешь добротой (до того времени, как случилось, теперь не знаю, какой ты стал). Витя, ты помнишь то время, когда я приезжала к вам, когда не работала, а стала работать, тоже всё приезжала и каждый раз просила, а были дни, плакала, всё говорила: Бросьте вы этих друзей. Они вас доведут до Сибири. Витя, посадят тебя и тебя, Лиля, тоже, а детей в детский дом. Вы конечно посмеивались. Броде того, что ты понимаешь, малограмматная баба. И всё же для меня многое не надо грамоты на это, прекрасно всё понимала. Как видишь, всё случилось, испытал чащу горечи.*

*А когда всё это я узнала, то бегом в Москву. За эти дни чего я только не передумала, мне казалось, приеду, а Лиля тоже нет дома. Когда Галя пришла домой, я в первую очередь спросила, где мама, она ответила – на работе. И тут только сердце моё встало на место о*

*Лиле. И думаю, а каково ему там. Пришла Лиля домой, но так как волнение моё не прекратилось, я тут же Лиле говорю: Вот что и требовалось доказать, имея в виду тебя и твою пытку. Лиля выпрямилась и говорит: "Ты что, за этим приехала? Можешь сейчас же уезжать!" И какой же она мне на сердце камень положила, вроде я же и виновата в твоём горе.*

*Ты, Витя, умный, рассудишь правильно. И всё равно, я много молилась о тебе и молебен о здравии подавала. А вот друзей Лилиных почти выгнала. Здесь можете винить, но век бы не видать в вашем доме таких друзей. Вот, Витя, суди меня, виновата я или нет. За счёт таких друзей и любовь материнскую не пощадила. Ну что же, я всю жизнь борюсь, видно, мне суждено так, прокляли ещё в детстве. Вот юристка [Володина жена] похвалялась моей двоюродной сестре Любке, что, мол, я поехала в Москву и разругалась с Лилей, и теперь она не хочет, чтобы я жила у неё. Я ей сказала, что не под зaborом живу, пускай не переживает, к ней жить не пойду.*

*Витя, извини меня, может, что и не так, я же красиво не умею, а что думаю, то и пишу. До свидания. Желаю больших успехов в делах твоих.*

#### **4 декабря**

*Здравствуйте все! ... Вчера была у врача, признала больное сердце. Завтра пойду на кардиограмму. Ноги пока не гноятся, а что дальше, видно будет. Володя говорит, что пора бросать работу, а я как подумаю, что буду делать на 50 рублей пенсии. Собирать куски?.. А то я, что надо, то и покупаю. Хоть под старость Вольная Копейка, а то всю жизнь жила, что Коля даст, то и тратила... Но*

*прошло всё, не буду об этом. А что сердце болит, то всё равно, от чего умирать. Очень боюсь, чтоб одна в комнате не умерла. Маме хорошо - я рядом была. А мне скучно и страшно бывает...*

Вот плохо, что у вас стало плохо с продуктами. Но что ж поделаешь.... Очень много друзей принимаем, и всем надо подарить. Вот таким, как в Италии, то таким надо помочь, там большое горе.<sup>7</sup> Терпеть надо, лишь бы не было войны, какую мы пережили, а теперь ещё страшнее будет.

*Лиля, очень хорошо, что ты стараешься, труженица, это у тебя не отнять, а самодовольства у тебя хоть куда.*

*Также и Артёма далеко от яблони не укатил. Но ты ученье не оставляла на походы, а только в каникулы бегала по горам. Видно, молитвы мои помогали, а голова и ноги целыми оставались. А вот Артёма имеет друзей других, я его раскусила давно. Но тут твоя забота, охнешь, когда его посадят, поймёшь, но поздно будет. Слишком далеко его увлекли друзья. Нет, не радуюсь, а страдаю, не нахожу душевного покоя.*

*...Получила от Вити письмо. Спасибо, всё хорошо писано. И очень я рада, что вы друг друга поддерживаете, ответ вместе давали. Но я не согласна с тем, что если я ваших гостей и выгоняла, то не применяла базарной наглости, а также придерживалась вежливости...*

*Желаю вам здоровья и вечной молодости и душевной радости! А Вите вечно быть дома с детками. До свидания. Целую всех. Баба и мать.*

---

<sup>7</sup> А. А.: «Непонятно». Л. Т.: « Не помню я, что случилось в Италии, но знаю, что мама вполне могла посочувствовать чужому горю».

## **Приложение 1 к Части 2.**

### **Отзывы на самиздатские издания от академических учреждений**

**Примечание.** Выпуски 1-7 сборника «В защиту экономических свобод» ныне представлены в интернете. См.:

<http://www.sokirko.info/>

**П.2.1.1. Справка Института экономики АН СССР о серии самиздатской литературы “В защиту экономических свобод”<sup>8</sup> из 8 выпусков (общим объёмом 1832 страницы двухинтервального машинописного текста).**

[Справка подписана директором Института Е.Н Капустиным; исполнитель Козлова]

Структура первых семи сборников включает разделы с названиями, подчёркивающими претензию составителя на научность концепции («Наука»), историческую преемственность её («Истоки»), видимость широкого обсуждения («Дискуссии и письма»), а также разделы,

---

<sup>8</sup> <http://www.sokirko.info/ideology/vokrugpoiskov/2.9.htm>

долженствующие, по замыслу составителя (К. Б.), подтвердить объективность его позиции («Право и судебные преследования», «Книги и рецензии»). Все разделы и материалы в них помещённые даются с комментариями составителя (К. Б.) и во вполне определённом направлении...

Все выпуски состоят из тенденциозно подобранных, опубликованных в печати, в том числе и зарубежных статей, рецензий на них К. Б., а также сочинений составителей сборников и лиц, принявших участие в дискуссии по статье К. Б. «Я обвиняю...» в первом выпуске, где излагается его концепция «экономических свобод». Подобранные К.Б. статьи и его комментарии имеют целью аргументировать выдвинутые в 1-м выпуске положения о необходимости свободного предпринимательства, как более эффективного с его точки зрения вида деятельности и отказа от важнейшего преимущества и закономерности развития социалистической экономики – планомерности, оправдать спекуляцию, подпольный бизнес, что объективно направлено на дискредитацию советской власти, а предлагаемые меры вообще означают по существу ликвидацию завоеваний социализма.

В. Грин<sup>9</sup> фигурирует, как автор выпусков, в т.ч. первых двух, где определяется «теоретическая концепция» и политическое кредо составителей выпусков. Последний, 8-й выпуск, составленный В.Грином, в общем, не отходит от сложившейся схемы, но более определённо раскрывает тот политический подтекст, который звучит во всех выпусках...

**«Теоретическая концепция» К. Буржуадемова и В. Грина.** Она вырисовывается из всего комплекса статей и комментариев к статьям и выдержкам из публикаций других авторов, хотя заявка на особую концепцию делается в первом же выпуске (статья «Я обвиняю...» и

---

<sup>9</sup> В. Грин – псевдоним Виктора Сорокина

предшествующая ей статья В. Грина, позиции которого полностью разделяет К. Б.).

К.Б. утверждает, что с исчезновением темы свободного рынка из советской экономической науки исчезла и сама наука. Этот тезис не нов, ибо ещё в 20-ых годах науку политэкономии пытались свести к проблематике товарного производства, а грядущее отмирание его отождествляли с отмиранием политэкономии как науки (вып.2 - «Чёрный рынок и экономическая наука» К.Б.)

Даётся лженаучная, тенденциозная интерпретация ряда теоретических положений политэкономии, которые противопоставляются трудовой теории стоимости К. Маркса с позиции давно раскритикованной теории «предельной полезности», взятой на вооружение вульгарной буржуазной политэкономией. Марксистская политэкономия неоднократно давала научно-обоснованную критику предельной полезности, представители которой пытались определить цену товара, исходя из потребительских оценок, из отношения субъекта и вещи.

К. Б. и В. Г., используя метод тенденциозной обработки фактов, опираются на мелкобуржуазные экономические теории. В. Грин соединяет потребительскую стоимость и меновую (по В. Г. – ценность), хотя, претендуя на знание марксистской политэкономии, не может не знать о качественном их различии. Однако К. Б. и В. Г. устраивают именно извращение азов учения К. Маркса, дабы дать нужное им толкование денег, цены, якобы определяющих развитие производства, преувеличивая роль обмена и т.д. Замена категории «стоимость» на «ценность» понадобилась для того, чтобы поставить в один ряд с создаваемыми общественным трудом благами такие «ценности», как насилие, нетворческий труд и т.д. К. Б. и В. Г. исходят из примата обмена, рынка в вульгарном его значении, утверждая таким образом второстепенную роль производства. С научных позиций «концепция» К. Б. и В. Г. не выдерживает критики. В то же время она содержит сознательное искажение сути производственных отношений социализма, попытку

теоретического оправдания спекуляции (спекулянт, якобы, тоже затрачивает труд – см. статью «Юридические основы экономического насилия в СССР», вып. №2). Доказывать, что спекулянты – паразиты на теле общества, присваивающие себе часть труда в виде спекулятивной добавки, значит ломиться в открытую дверь. Ещё абсурднее тезис К. Б. о том, что спекулянты участвуют в создании национального дохода – они его только потребляют.

К. Б. и В. Г. утверждают, что главная роль в экономике принадлежит рынку. Только свободная игра рыночных сил, возрождение элементов капиталистического хозяйства могут обеспечить прогрессивное развитие экономики. Эти лженаучные теоретические посылки составителей выпусков подводят читателя к антисоветским выводам. В условиях социализма планомерность и товарно-денежные отношения не выступают как антиподы по отношению друг к другу. Перед обществом не стоит проблема выбора: план или рынок. В социалистической экономике рыночные инструменты используются для планомерного и гармоничного сбалансированного развития производства в целях повышения жизненного уровня членов общества и утверждения социалистического образа жизни.

Советская экономическая наука в этих целях активно занимается изучением спроса. Для этого нет необходимости (как думают К. Б. и В. Г.) опрашивать каждого. Наукой установлена довольно чёткая зависимость изменения спроса от дохода, размера семьи, изменения ассортимента и т.д. Достижения экономической науки в этом вопросе значительны, что не снимает проблемы дальнейшего совершенствования методов изучения спроса. Существуют экономические проблемы возникновения спекуляции, в том числе, связанные с уровнем сбалансированности спроса и предложения. Социалистическое государство через планирование, хозяйственный механизм принимает меры по обеспечению последнего, экономическими мерами ведёт борьбу со спекуляцией.

К. Б. и В. Г. отождествляют спекулянта и мелкого товаропроизводителя, хотя первый занимается перераспределением созданного продукта, второй производит и реализует продукт своего труда. Если предположить, что у спекулянта есть возможность вложить заработанные деньги в производство, он превращается в мелкого товаропроизводителя, а далее путь развития истории хорошо знаком. Мелкое товарное производство «ежедневно и ежечасно» рождает капитализм. По К. Б. вывод один – социализм как экономическая система не может решать проблемы очереди, спекуляции. Они суть следствие «тоталитарной экономики». По их мнению, надо заменить эту систему свободной конкуренцией, рынком. Появление спекулянта рассматривается как начало новой эпохи.

Все эти «теоретические» посылки нашли отражение в статье К. Буржуадемова «Я обвиняю интеллигентов – служащих и потребителей в противостоянии экономическим свободам и прогрессу Родины». К. Б. считает, что человек только тогда не зависит экономически от государства, когда не связан с ним получением доходов и бесплатных благ и услуг бесплатного или «полубесплатного» характера. А не может организовать свою деятельность самостоятельно, значит, терпит «гнёт государства».

Что означает «организовать свою деятельность самостоятельно», «быть экономически независимым от общества»? Человек всегда связан с обществом, «до» и «после» появления государства. При капитализме экономически свободны те, кто обладает значительным капиталом для организации самостоятельной деятельности. Но эта экономическая свобода, заманчивая видимость для обывателя, есть ограниченная свобода для ограниченного круга людей, для класса капиталистов. Для всех остальных – зависимость в получении работы, самого существования, т.е. экономическое неравенство. Спекулянты и шабашники – это не «экономически свободные люди», а люди, паразитирующие на несовершенстве хозяйственного механизма социализма. Экономическая наука разрабатывает мероприятия, которые приведут к ликвидации

этих явлений. Устранение социальной неоднородности общества является программной задачей строительства нового общества. В условиях социализма она решается – в бесплатном удовлетворении части потребностей трудящихся, и, прежде всего, в части просвещения и здравоохранения.

Лозунг «экономических свобод» равнозначен лозунгу «обеспечения охраны частной собственности, возврата на рельсы капиталистического пути развития», ибо логика исторического прогресса известна – от мелкой частной собственности к крупной, от крупной к капиталистической монополии, к засилью финансовой олигархии.

Составители выпусков вопреки марксистскому пониманию собственности на средства производства, структуры капиталистической собственности, форм социалистической собственности предлагают и пропагандируют своё понимание, отождествляющее частную собственность и личное подсобное хозяйство колхозников, а в вып.8 прямо даётся антимарксистская классификация форм собственности. Считая «эпицентром насилия» неравноправную форму реальной собственности на «общественные ценности», составитель выделяет три надклассовых формы собственности (формирующие в соответствии с правом наследования) и общественную равноправную форму собственности (когда каждый член общества реально распоряжается своей долей собственности, т.е. может либо использовать её непосредственно, либо сдать в аренду, либо использовать в качестве акционерного капитала (см. «От составителя»). Из всех рассуждений составителей следует как вывод – отказ от социалистической собственности, которая по их представлениям превратилась в собственность то ли государственной монополии (вып. 8, с. 68), то ли в собственность «нового класса» - партийной бюрократии, опирающейся на безраздельное господство государства над всеми производственными средствами. «Остальная же часть населения, - пишет автор (вып. 8, с. 81), - бесправна, неимуща и эксплуатируема, находится в положении полукрепостных».

**О планировании.** Через все выпуски красной нитью проходит противопоставление плана и рынка, общества свободной конкуренции и планового хозяйства, даётся соответствующая подборка статей, выдержек из книг, опубликованных в 20-е годы, либо зарубежных буржуазных экономистов, порочащих планирование, рассматривающих его как мощный инструмент военной экономики, ведущей к разрушению экономики, ибо перестаёт действовать «закон экономической целесообразности», нарастает дезорганизация, катастрофа (вып. 5, с. 27).

Так, публикуются выдержки из книги Ясперса «Истоки истории и её цель» под названием «Тотальное планирование». На с. 33 сопоставляются рыночное и плановое хозяйства:

Рыночное хозяйство	Плановое хозяйство
Разум всех, реализующийся в игре свободной инициативы, в конкуренции	Разум нескольких специалистов в области техники, осуществляющих в тотальном планировании счастье для всех
Риск, связь с рынком, конкуренция	Управление бюрократии, распределяющей трудовые обязанности и прибыль
Успех и неудача	Односторонние права облечённых властью людей, приводящих в движение бюрократический аппарат – воздействие тотального планирования на всю человеческую жизнь вплоть до духовного творчества, которое гибнет при всяком запланированном руководстве

«Средством» планирования, утверждает автор, является господство чиновников, на основе правил и

предписаний... Бюрократический аппарат, который должен служить интересам населения, служит самому себе, он требует стабилизации и надёжности для себя, недосягаем для критики. Вывод К. Ясперса: «тотальное планирование несёт гибель» (вып. 5, с. 44). Автор цитируемой работы извращает суть социалистического планирования. В условиях общественной собственности на средства производства планирование выступает как средство реализации закона планомерного развития. Это означает, что планирование имеет научный характер. Оно основано на данных науки, на всестороннем познании экономических законов социализма (а не на господстве чиновников). В разработке планов принимают участие не только планирующие органы, но, прежде всего, коллективы предприятий, примером являются встречные планы. Составление плана начинается «снизу», с предприятия, производственного объединения.

Использования принципа демократического централизма обеспечивает **сочетание** централизованного планового руководства с инициативой и широким участием трудящихся масс.

**О характере труда при социализме и правах человека.** Одним из краеугольных камней концепции К. Б. и В. Г. является тезис о принудительном характере труда при социализме. Вопреки общеизвестным фактам, документам (в частности, все существовавшие у нас Конституции, в том числе и новая Конституция СССР), теории политэкономии авторы и составители выпусков утверждают, что в СССР якобы нет права на свободный труд. Правда, под этим, как ни странно, К. Б. понимает деятельность под началом частного предпринимателя. Однако ясно, что частное предпринимательство без юридических и финансовых ограничений приводит к

возникновению капиталистических форм хозяйства с отношениями эксплуатации и всеми присущими капитализму противоречиями (вып. 2). В вып. 8, в статье В. Кувакина «О праве на труд в СССР» приводятся доказательства нарушения в СССР прав человека на труд (ряд фамилий людей, якобы не имеющих работы по специальности) и многочисленные ссылки на международные конвенции, запрещающие принудительный и обязательный труд. Автор пишет: «Обязанность участия в общественно-полезном труде под угрозой возможного наказания представляет собой классический образец обязательного и принудительного труда (с. 70), а положения, прямо противоречащие международному законодательству, официально закреплены во внутреннем советском законодательстве (с. 71).

К.Б. и другие «экономически свободными» признают только спекулянтов, шабашников, частников, «приусадебников», т.е. как раз людей, уклоняющихся от участия в общественно-необходимом труде. На страницах выпусков содержатся призывы к расширению различных видов частной практики, как формы обретения экономической свободы и независимости, а, следовательно, по мысли авторов, и политической независимости от государства (читай: от общества).

В выпусках систематически ведётся раздел «Судебные преследования», где помещаются выдержки из Бюллетеня Верховного Суда СССР (из обзоров судебной практики), в котором обращается внимание, с одной стороны, на чрезмерную снисходительность судов к преступлениям, связанным с приписками, хищением, злоупотреблением служебным положением, а с другой стороны – притеснением частнопрактикующих, домовладельцев, спекулянтов и прочих «экономически свободных» деятелей. Такая подборка материалов свидетельствует о распространении клеветнических

материалов, порочащих государственный и общественный строй.

В вып. 8 В. Г. публикует свою статью «Юридические основы экономического насилия в СССР» (с. 60-65) с разбором ст. 162 УК РСФСР («Занятия запрещёнными промыслами») с позиции «свободной экономической деятельности»: складские операции с полученными товарами для последующей их перепродажи (государству можно, а мне нельзя?), перевозка пассажиров на автомобилях и мотоциклах, содержание постоянных дворов, организация каруселей и прочих объектов отдыха, занятия кустарными и ремесленными промыслами – таков перечень видов деятельности, к которым не допускается, по выражению В. Г., человек с высокими организационными и деловыми качествами, способный эффективно использовать капитал и давать высокую норму прибыли. Комментируя ст. 162 УК РСФСР, В. Грин – ведущий «теоретик» всей серии выпусков – рассматривает зарплату как форму прибыли, а саму прибыль сопоставляет с количеством и качеством труда, что означает доведение до читателей заведомо не соответствующих действительности сведений, дезинформация их.

Выводы составителей выпусков:

- Социалистическое тоталитарное государство запрещает практически все виды общественно полезной экономической деятельности за пределами государственно-монополистических предприятий.

- Глубинная цель законодателей: абсолютное закрепощение своих граждан для получения фантастической сверхприбыли, распоряжение которой всецело и монопольно принадлежит партийно-государственной элите. И не случайно самой секретной является информация о реальных доходах знати (с. 69).

- Существующий паспортный режим рассматривается, во-первых, как содержащий в себе остатки российского крепостного права, элементы сталинского режима, всеобщего административного надзора над населением страны, во-вторых, как режим, находящийся в вопиющем противоречии с

подписанными правительством СССР международными правовыми договорами (с. 47).

Социализм уничтожил эксплуатацию труда, обобществив средства производства, превратил труд во всеобщий, создал условия, при которых только личный труд каждого члена общества является источником его доходов, ликвидировав саму возможность эксплуатации человека человеком. Но социализм – это ещё не коммунизм, принципом которого станет «от каждого по способностям, каждому по потребностям». При известной ограниченности ресурсов социалистическое общество не только реально гарантирует всей социально-экономической системой право на труд, но и обязывает трудиться. Труд – единственный источник всех материальных и духовных благ. Социалистическое общество, обобществив средства производства, берёт на себя и функцию планомерного руководства развитием, в том числе и экономическим, а, следовательно, планомерно использовать все трудовые ресурсы в различных сферах хозяйства, чтобы обеспечить сбалансированность производства и потребления, о которой, кстати, так пекутся составители выпусков. Но эта сбалансированность производства и потребления достигается не свободной (читай: стихийной) игрой цен на рынке, а учётом потребностей общества, их удовлетворением за счёт планомерного роста производства при ограниченных ещё материальных, трудовых, финансовых ресурсах. Это обуславливает необходимость вовлечения всех трудоспособных граждан в общественное производство, направление имеющихся ресурсов, прежде всего на развитие жизненно необходимых отраслей и видов трудовой деятельности. Вместе с тем, социализм обеспечивает членам общества выбор разнообразных видов трудовой деятельности, соответственно способностям, наклонностям и вкусам их.

Составители сборников не могут не знать всех этих очевидных фактов. Поэтому их позиция о принудительном характере труда при социализме, стремление апеллировать к практике международных органов буржуазных государств,

выполняющих классовые функции и направленные в ряде случаев против социалистических стран, есть не иное, как стремление опорочить советский государственный и общественный строй, привлечь внимание антисоциалистических сил, ослабить значение и роль социализма на международной арене, вызвать недоверие к нему, посеять сомнение в правоте и преимуществах социализма.

**О личном подсобном хозяйстве.** Комментируя очерк советского журналиста Ю.Черниченко «Про картошку» о роли личного подсобного хозяйства в снабжении населения страны некоторыми сельхозпродуктами, в том числе и картофелем, К. Б. предлагает взять курс на расширение высокоэффективного частного хозяйства (вып. 2, с. 86), на свободное развитие частного сектора. Но личное подсобное хозяйство является разновидностью личной собственности при социализме, а не частным хозяйством, т.е. социально-экономическая природа его отлична от частного хозяйства.

К. Б. отождествляет практически частное и личное подсобное хозяйство, не различая их социально-экономической природы. Предлагаемый К. Б. курс на развитие сельского хозяйства (свободная покупка сельхозмашин и орудий, свобода частной торговли и т.д.) есть подрыв экономических основ социализма и неминуемо приведёт к возрождению капиталистических форм хозяйства. К проблеме личного подсобного хозяйства возвращаются составители и в 8-м выпуске, где публикуется Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 сентября 1977 г. «О личном подсобном хозяйстве» с комментариями: «В условиях полного раз渲ала экономики до них [наших властей], очевидно, дошло, что экономику страны, в частности, сельское хозяйство они завели в тупик, выход из которого, на наш взгляд, был бы возможен на путях веками испытанной частнопредпринимательской деятельности. Такого глобального выхода они, конечно, не видят, а если и видят, то не смеют в этом признаться, ибо это

означало бы отказ от «незыблемого и единственно правильного» марксистско-ленинского учения, открывающего дорогу всему человечеству к «светлому счастливому будущему» (с. 37).

Приведённый отрывок достаточно ясно иллюстрирует антисоветскую направленность составителей сборников, а равно и их клеветнический характер.

Составители сборников используют для доказательства своих идей известные научные авторитеты в экономической науке. Так, в третьем выпуске помещены две ранние работы крупного советского экономиста Новожилова с комментариями К. Б. и реферат К. Б. по книге Лапидуса.

Работы Новожилова «Пределы инфляции» и «Недостаток товаров» написаны в переходный период. В первой работе анализируются процессы инфляции в капиталистическом обществе. Поэтому интерпретация К. Б. статьи в качестве доказательства своей концепции лишена основания. Вторая статья посвящена причинам дефицита товаров в переходный период в условиях многоукладной экономики и НЭПа и мерам преодоления товарного голода. К. Б. ухватился за название, пытается и эту статью использовать для доказательства своей концепции «введения равновесных цен» и т.п., не принимая во внимание, что существующий сейчас дефицит ряда товаров имеет другие причины, т.к. само хозяйство находится принципиально на другом уровне развития, и требуются другие меры балансирования экономики.

Учебник политэкономии Лапидуса был издан в 1931г, когда ещё не был разработан вопрос об объективном характере экономических законов социализма о соотношениях между плановым хозяйством и рынком. Это был период раннего становления политэкономии социализма как науки, когда ещё существовало ошибочное представление об отсутствии политэкономии социализма как науки вне связи с товарно-денежными отношениями. Вместе с тем в этой книге даётся критика немарксистской концепции построения социализма. К. Б. эта работа понадобилась для того, чтобы ещё раз связать политэкономию как науку с товарным производством и на этом

«основании» отрицать научный характер политэкономии социализма. Вывод К. Б. – политэкономия социализма родилась в период НЭПа, в период перехода от рынка к государственному социализму, планированию – «изнасилованию» народного хозяйства, родилась в качестве необходимой научообразной дисциплины, оправдывающей и прикрывающей все эти насилия. При своём росте она затоптала в грязь настоящую экономическую науку. Такой, по существу воинствующей идеологической, антинаучной она остаётся и поныне, извращая предмет изучения политэкономии социализма. «Неоклассик» К. Б. отрицаёт её научный характер.

Для обоснования своих «теорий» не обходятся своим вниманием составители и христианское учение. В частности, в выпуске 6 помещены выдержки из книги Зейпеля «Хозяйственно-экономические взгляды отцов церкви», в которых приводятся аналогии между Римской империей периода её распада и возникновения христианства и нашей страной. К.Б. утверждает, что страницы книги, описывающие, как система привилегий разворачивает целый народ, подрывает его способность к самостоятельному труду и жизни и, в конечном счёте, губит, представляют большой интерес и для нашей страны, где также очень развита система государственных привилегий и для отдельных групп руководства (номенклатуры) и для целых классов (например, рабочих) или регионов (вроде жителей столиц). И так неоднократно по ходу всей работы.

«Мы видим также, что в необходимых аспектах можно найти большое сходство с нашим собственным положением, а именно: презрение к свободному, независимому от государства труду, всеобщая служба государству, система привилегий бесплатных и полубесплатных: выдача подданным жилищ и санаториев, больниц, школы, низкие цены на продукты и тому подобное (с.35).

В вып.6 помещена статья эмигранта А. Канцелейбогена «Разноцветные рынки», опубликованная в одном из западных журналов. В статье сделана попытка доказать, что существование планового нерыночного хозяйства – «это миф»,

что на деле всегда существует ряд рынков, в частности и главным образом, полу- и неофициальные. Даётся их квалификация по степени легальности. В качестве рынка рассматриваются: частная практика врачей, подготовка абитуриентов, взятки в государственных учреждениях, производственных и непроизводственных сферах (имеются в виду так называемые «толкачи», «выбивающие» различные фонды – оборудование, сырьё, материалы, финансовые средства), а также взятки в больницах - санитарам, врачам и т.д.). Понятно, что как автор, так и составитель выпуска К. Б., не располагают для обоснования какими-то своими конкретными материалами, а опираются на публикации советской печати, в которых подвергаются критике имеющиеся злоупотребления. Комментарий К. Б к статье ещё раз отражает его точку зрения о необходимости замены плана рынком, об объективной необходимости расширения в перспективе нелегальных и полулегальных рынков. Таким образом, использование в выпуске выдержек из публикаций различных авторов не зависит от времени публикаций, имеет ту же антисоветскую направленность и преследует ту же цель.

**О состоянии советской экономики и социалистическом образе жизни.** Отрицательные высказывания и характеристика состояния советской экономики и образа жизни «рассыпаны» по всем выпускам серии. В вып.1 этой проблеме в разделе «Экономические письма» посвящена рецензия К. Б. на книгу А. Кузнецова «Бедность народов». И псевдоним автора книги, и её название, и структура («Кисельные берега победившего социализма», «Как работать руками» - о работниках физического труда, особенное внимание удалено шабашникам, «Как работать головой», «Есть ли выход?»), и содержание – всё имеет ярко выраженную антисоветскую направленность. «Если состояние национальной экономики так плачевно, если все части государственного организма поражены столь тяжким

недугом, как вообще может существовать великая сверхдержава – Советский Союз?.. В исторических анналах можно найти много примеров весьма долговечных и устойчивых империй, сочетавших бедность и хозяйственную отсталость с известной политической прочностью и военной мощью. Как пример - Персидская держава. Если размеры государства и численность населения достаточно велики, то жёстко централизованная тотальная власть всегда сумеет извлечь из народа нужный ей избыток труда и использовать их для своих нужд (с. 228)». В качестве выхода из «тупика» анализируются предложения разных группировок среди диссидентского движения (неортодоксальные марксисты, либерально-демократическое направление – академик Сахаров и др., традиционно православное, представленное Солженицыным и др., славянофильское – самиздатский журнал «Вече» В. Осипова и др.). Всё это преподносится, как «политическая оппозиция в Советском Союзе, оформившаяся в середине 70-х годов.

В вып.2 (в целом проникнутом антисоветскими настроениями) публикуются отрывки из книги И. Земцова «Разворованная республика». Замысел составителя – доказать существование подпольного бизнеса в СССР на примере Азербайджана (причём для доказательства необходимости его приводится тезис, что «в России хорошо жить на зарплату невозможно» - с. 100), показать связь подпольного бизнеса с советским руководством республики и сделать вывод – не капиталистическое ли это перерождение, за которое ратует К. Б.? Если сам Земцов, рассматривает подпольный бизнес, как преступление, то К. Б. считает преступниками тех, кто делает его нелегальным (с. 106 - 107). В целом книга Земцова порочит наш советский строй, многие положения этой книги необходимо расценивать, как клеветнические (с. 89, 100, 104). Комментарии К. Б. к этой книге изобилуют антисоветскими высказываниями

вроде следующих: «Вот они паразиты на шее не только народа, но и подпольного бизнеса. Вот они, кто извращает частное предпринимательство и превращает его представителей в сборщиков федеральных платежей» (с. 107). «Наш симбиозный строй – смесь деспотической рабской формы и капиталистического продажного содержания, т.е. феодализм в чистом виде» (с. 108). К. Б. рассматривает коллектив как государственное крепостничество (с. 107), искаивает при этом и природу феодализма, и причины отмены крепостничества в 1861 году, и ряд других вопросов (в частности, природу НЭПа), о которых он пытается судить как профессионал. Выступая за признание «нынешнего левого бизнеса законным и моральным, за экономическую реформу типа НЭПа», К. Б. извращает суть НЭПа, сводя её лишь к широкому использованию товарно-денежных отношений, к свободе рыночного предпринимательства.

В вып. 4 в реферате на книгу Комарова подчёркивается мысль, что при социализме идёт варварское истребление природы, что гибнет уникальное озеро Байкал, что Азовское, Аральское моря уже погибли. Комментарий К. Б. сводится к тому, что главный виновник – социалистическое государство. При капитализме, отмечает К. Б., тоже загрязняют реки, моря и воздух, но уровень промышленного производства там много выше, чем у нас, а степень загрязнения ниже.

Тенденциозность в подборе доказательств, используемых К. Б., очевидна. Игнорируя многочисленные свидетельства даже буржуазной печати, не говоря уже о советской, о систематическом загрязнении окружающей среды в капиталистических странах, что связано с корыстным стремлением капиталистов к обогащению при использовании достижений современного научно-технического прогресса, К. Б. в своих выводах опирается, прежде всего, на приводимые в нашей печати факты бесхозяйственности и негативные моменты, связанные с развитием научно-технического прогресса.

В вып. 5 в помещённом отрывке из рецензии Г. Бельского «Будущее СССР» по книге французского историка Э. Тодда «Окончательный провал» (Париж, 1976 г.) фактически воспроизводится текст автора или даётся его пересказ, смысл которого сводится к доказательству того, что централизованное планирование лишает советскую экономику гибкости и блокирует всю систему» (с. 23). Это клеветническое положение автор подкрепляет данными о понижении темпов экономического роста за 1974 – 76 гг., утверждениями о зависимости от Запада в продуктах питания (последняя рассматривается как постоянное структурное явление нашей экономики). В этих приводимых фактах в кучу смешиваются совершенно различные вопросы с определённой подтасовкой их. Любопытно, что, во-первых, рецензент не приводит данных за 1972 – 1973 годы, а оперирует цифрами с 1974 года, ибо если взять все три указанных года, то картина будет иная, а именно: 1972 – 6, 5%, 1973 – 7,5%, 1974 – 8%. Таким образом, цифры говорят в данном случае о росте, а не о снижении. Однако авторы берут на вооружение их устраивающее соотношение. Во-вторых, не приводится следующий год – 1977, в котором темпы роста промышленной продукции выше, чем в 1976. В-третьих, игнорируется переход экономики на интенсивные факторы экономического роста, что связано с ориентацией на отдачу уже действующих предприятий, а также с активным освоением районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока, требующих более значительных капиталовложений, чем уже освоенные европейские районы страны. В-четвёртых, автор, рецензент, составитель (К. Б.) игнорируют в данном случае ускорение научно-технического прогресса, что также требует значительных капитальных вложений и, следовательно, меньшую «отдачу» их сегодня. В-пятых, игнорируется международное разделение труда, в частности, между социалистическими странами. Некоторое преобладание в вывозе из СССР топливно-сырьевых ресурсов преподносится как признак недоразвитой страны, хотя известно, что в рамках стран соцсодружества СССР самая богатая страна с точки зрения

топливно-энергетических и сырьевых ресурсов, и в соответствии с принципами социалистического сотрудничества и взаимопомощи СССР предоставляет их в другие страны, ввозя продукцию, производимую в этих странах, в частности, машины, продовольствие, товары народного потребления.

Автор книги, рецензии и К. Б. утверждают, что в СССР очень низка производительность труда, а общий уровень экономического развития растёт всё медленнее. Они могли бы при желании привести цифры, свидетельствующие о громадном экономическом потенциале страны, но они эти цифры не приводят. Только за один день в СССР производилось:

	1940	1970	1975	1978
Электроэнергия, млн. кВт·ч	133	2030	2845	3293
Уголь, тыс. т	453			1983
Чугун	41			303
Сталь	50	318	387	415
Комплекты обуви, тыс. шт.	580	1860	1917	2028
Автомобили, шт.	397	2510	5381	5893
Нефть тыс. т	85	967	1345	156
Газ, млн куб	8,8			1020

Но автор, рецензент и К. Б. изыскивают другое – спекуляцию самыми необходимыми товарами, рост взяточничества, разворовывание государственных средств. Кстати, в доказательство берутся факты, публикуемые в советской печати, выдаваемые за закономерные и наиболее характерные черты социалистической экономики. Они с удовольствием цитируют Тодда, рассматривающего советскую экономическую систему как загнивающую (с. 24), где чёрный рынок составляет половину советской экономической системы и органически ей присущ. Развитие его ведёт к инфляции, что заставляет увеличивать зарплату, а увеличение зарплаты

выдаётся, дескать, за неуклонное повышение уровня жизни. Тодд отмечает, что уровень жизни за последние 30 послевоенных лет возрос очень мало, если не остался на том же уровне. Но уж рецензент и К. Б. должны знать, что это не соответствует действительности. Вслед за Тоддом они вторят: «Советские граждане должны довольствоваться постоянными поисками пищи и жилья».

За три года 10-й пятилетки 31,6 млн. человек получили жилую площадь или построили себе собственные квартиры. За годы 9-й пятилетки – 56, 1 млн. человек. Реальные расходы на душу населения (в %) в 1976 г. к уровню 1940 г. увеличились в 5,5 раз. Более высокими темпами увеличиваются доходы в менее обеспеченных семьях. Если в 1965 г. только 4% населения имело доход свыше 100 руб. в месяц на одного члена семьи, то в 1978 – 45%, а к концу 1980 будет 50%. Обеспечивается сближение уровней реальных доходов колхозников и рабочих.

Но автор, рецензент и К.Б. видят:

- внешнему миру Советский Союз

представляется огромной неразвитой страной с уровнем жизни, напоминающим эпоху допромышленного мира конца XVIII столетия,

- спутники, ракеты, атом и водородные бомбы – фасад потёмкинских деревень (по Сахарову),
- низкая производительность труда – естественная форма классовой борьбы в тоталитарных странах,
- способы советского производства, как и азиатские, ведут к застою.

Причины этого по Тодду:

1. Прекращение сталинского террора, что привело к засыпанию чудовищной советской бюрократии.
2. Развитие пассивного сопротивления рабочих...

[Здесь опущены с. 24 –27 справки, посвященные статьям В. Грина «Как выжить», В. Владимира о книге Брежнева «Целина», В. Новодворской), помещённым в вып. 8].

**О стиле руководства.** В вып. 1, наряду с вопросами неэффективного социалистического производства, как рефрен данного и последующих выпусков звучит в подтексте ответ: стиль и принципы руководства. На конкретно поставленный вопрос: «Кто же воры и грабители?» (с. 162) даётся конкретный ответ: «Во-первых, тот миллион, а с семьями – 4,9, с родственниками 10 млн. партийно-советских чиновников, сидящих на кремлёвском пайке, который они получают либо бесплатно, либо по смехоторвно низким ценам. Во-вторых, работники сферы торговли, которые первыми (а зачастую только они) имеют возможность приобрести дефицит, т.е. товар сниженной (относительно рыночной) цены» и т.д.

В вып. 6 даётся статья К. Б. «Стиль руководства страной как он видится в книге Л.И. Брежнева «Целина». К. Б. полагает, что самая яркая черта пропагандируемого в книге стиля руководства – постоянное обращение к урокам военного времени, использование военных методов проведения операций, армейский стиль мышления (с. 56). Он утверждает, что у Л.И. Брежнева произошло смещение методов командования и хозяйствования (с. 58), что важной причиной для «воинского стиля управления» является настоятельная потребность залатать очередную дыру в хозяйстве и на этой основе укрепить свою власть (с. 59). «Вместе с тем, - отмечает К. Б. – воинский стиль руководства Л.И. Брежнева – это такой стиль, который требует не только подчинения, но и инициативы от исполнителей (с. 63), но при социализме всякая инициатива связана с нарушением инструкций, которые сдерживают наше развитие».

Общий вывод из книги Л.И.Брежнева по автору публикаций такой: «Автор «Целины» осознал порочность

административных военных методов в их наиболее грубом, карательном аспекте, но продолжает отстаивать их в «хорошем, культурном и даже терпимом» качестве. Однако и такой мягкий стиль централизованного руководства не может привести нашу экономику к освобождению людской инициативы и к успеху”...

**Дискуссия по статье К. Буржуадемова «Я обвиняю...».** Дискуссия была открыта по статье К. Б. в первом же выпуске. Чтобы «сегодня жить и работать... оптимальным способом, достичь самых высоких в мире стандартов» и накопить больше средств для будущего развития, необходимо, пишет К. Б., «сбалансировать производство и потребление». Это возможно не за счёт выполнения «научно рассчитанного социалистического плана», а путём «непрерывной балансировки обмена на самом древнейшем человеческом форуме – рынке... с помощью игры цен».

«Рынок, - пишет К. Б., - балансирует производство и потребление, отсекает неэффективных производителей, отсекает неэффективных потребителей». Таким образом, К. Б. за свободную игру цен на рынке, за стихийное действие законов товарного производства, против участия государства в регулировании производства, обмена, распределения. Установление государством низких цен (ниже стоимости – товары народного потребления, низкая плата за жильё, транспорт и т.д.) рассматривается К. Б. как подкуп государством трудящихся! С другой стороны, установление высоких цен на ряд товаров – как эксплуатация народа. Обвинение К. Б., направленное в адрес служащих и интеллигенции, состоит в том, что они экономической свободе «предпочитают покупать продукты у государства за полцены или совсем за бесценок, т.е. жить на дотации государства и быть его нахлебниками. В отличие от нашей страны, - продолжает К.Б., - люди на Западе, платя за всё сполна, по истинным рыночным ценам, являются экономически независимыми от государства и могут его критиковать».

«Инициативу в деле экономического освобождения берут низы, т.е. люди, занимающиеся спекуляцией..., выполняя этим регулирование» (с. 43). И далее – «общественно полезная деятельность этих людей – несомненна». «Интеллигенция, - заключает К. Б., - ценя свои потребительские привилегии, получая их от государства, выступает против спекулянтов, шабашников, «леваков», т.е. экономически свободных людей, и потому является одной из самых активных общественных сил, противящихся экономическому и нравственному прогрессу страны».

К. Б. пытается совместить спекуляцию, расхищение государственного имущества и мораль: «Логика жизни показывает, что во многих случаях эти люди правы и моральны в своём «воровстве» и т.п. Экономическую пользу от воровства у тоталитарного государства показывают и простые расчёты». Если в последнем случае К. Б. имеет в виду увеличение национального дохода за счёт спекуляции (а что ещё?), то такой абсурд очевиден. К. Б. исходит из того, что «нашим ближайшим идеалом станет свободное общество с рыночной экономикой, а предпринимательская этика будет оправдывать частное предпринимательство и торговлю (т.е. спекуляцию) и защищать их от государства». К. Б. не видит разницы между торговлей и спекуляцией, не замечает роста нашей экономики, квалифицируя её «как бег на месте в тоталитарной клетке».

В третьем выпуске даётся заключительный анализ «прошедшей дискуссии» и «покаяние К. Б.», где К. Б. пишет, что народ должен решать, чему быть: социализму или капитализму, забыв, что народ и решил это в 1917 году, а сейчас под народом К. Б. понимает спекулянтов, шабашников, подпольных капиталистов, диссидентов.

Рецензируемые выпуски сборника «В защиту экономических свобод» являются пропагандистскими материалами антисоветского содержания:

- теоретическое оправдание и «доказательство» целесообразности возврата к частной собственности на средства производства и отказу от

важнейших преимуществ социализма – планомерного ведения хозяйства, что, якобы, обеспечит «экономическую свободу» граждан социалистического общества, являющуюся, по мнению составителя сборника, залогом политической свободы;

- тенденциозный подбор и публикация материалов (помещённых на страницах советской и зарубежной печати, выдержки из монографий до- и послереволюционных лет, буржуазных авторов, эмигрантов, а также так называемые «письма» отдельных граждан), дающих весьма недвусмысленную оценку советскому государству и общественному строю, извращающих факты социалистической действительности;
- рекомендации к действиям, поощряющим практику частнопредпринимательской деятельности (спекуляции, шабашничества и пр.), а в некоторых случаях и к шантажу государственных деятелей и служащих;
- оправдание так называемого производственного воровства.

Данный сборник объективно является проводником взглядов, чуждых марксистско-ленинской идеологии, клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, направлен на дискредитацию советской власти, коммунистической партии и в целом идей социализма, как в СССР, так и на международной арене.

Указанное выше направление выпусков сборника, безусловно, определено составителями их и, прежде всего, К. Буржуадемовым. Взятое в вып.1 направление чётко выдерживалось в последующих выпусках. Из знакомства с отдельными выпусками может создаться впечатление, что К. Б. политэкономически неграмотный человек, дающий критику социализма с позиций мелкого буржуа и обывателя. Но в одной из первых же книжек говорится о том, что К. Маркс в

современной социально-экономической теории извращён и не понят и теоретические опусы, помещённые в сборнике, есть, стало быть, возврат к подлинно марксистским идеям ценности. Но К. Б. не акцентирует внимание читателя на связи с марксизмом, он идёт от практики, т.е. от поверхности явлений, которая является вдохновительницей многих мелкобуржуазных теорий. Но проповедь мелкобуржуазных теорий, сохранивших иллюзию преодоления капиталистических отношений и их противоречивости, была более или менее уместна в XIX веке. XX век совершенно чётко выявил закономерность перерастания любой мелкобуржуазной экономики в капиталистическую, а затем – в государственно-монополистическую, при которой не может быть и речи ни о какой экономической свободе. Ею не обладают даже крупные экономические объединения, ибо все экономические и политические вопросы решаются ведущими финансовыми группами, финансовой олигархией. Этого не может не знать К.Б. Следовательно, игнорирование этих фактов современной действительности необходимо К.Б. для преследуемых им целей, т.е. по существу речь идёт о пропаганде заведомо не соответствующих действительности сведений.

Что же касается целей К. Б., то ими не является забота о благосостоянии трудящихся, ибо расширение спекуляции и шабашничества ухудшает благосостояние граждан, есть прямой вычет из их доходов или косвенное уменьшение возможных доходов (высокая оплата труда шабашников есть одновременно вынужденное сдерживание роста доходов работников данного подразделения: колхоза, совхоза, предприятия).

Не радеет К. Б. и об интеллигенции. К интеллигенции у К. Б. большие претензии. Чьи же интересы отстаивает и реализует К. Б.? Спекулянтов, шабашников и пр.? Тогда бы рассуждения авторов строились вокруг системы экономических мер, предусматривающих решение данной проблемы. Но К.Б. и не думает решать эту проблему, ибо действительные его цели выходят за рамки экономики в область политической организации советского общества, о чём недвусмысленно

повествуется в материалах, посвящённых комментариям произведений Л.И. Брежнева.

### **П.2.1.2. Из Заключения Института философии АН СССР на самиздатский журнал “Поиски взаимопонимания” (№№ 1-3)<sup>10</sup>**

[Заключение подписано: директор – д.ф.н. Б.С. Украинцев; составители - д.ф.н. Е.Д. Морджинская и к.ф.н. П.Ф. Казин]

…Содержание обоих «альманахов» носит явно антисоветский характер. Это хорошо осознают и его авторы, что видно из «Приложения» (№ 3), свидетельствующего о практических шагах диссидентов. Они понимают, что с момента включения в самиздатскую деятельность по так называемой «защите прав» каждый из них становится правонарушителем.

…Это - политически беззастенчивые маньяки, со страниц «писаний» которых веет какими-то психическими заболеваниями и умственным расстройством. С этой точки зрения альманах представляет интерес и для специалистов по социальной психопатологии. Вместе с тем нездоровая и маниакальная теоретическая и практическая деятельность «правозащитников» преследует вполне осознанную политическую цель – изменить существующий в нашей стране правопорядок и реально существующий социализм.

Названные выше доводы подтверждаются текстуально как общетеоретическими («философскими») рассуждениями «правозащитников», так и различного рода клеветническими измышлениями, направленными в адрес социализма, советского права и суда, партии и партийной и советской жизни. В СМЖ-3 [СМЖ – «свободный московский журнал»] «Поиски», № 3 главным теоретиком выступает некий В. Абрамкин, с позиций

---

<sup>10</sup> <http://www.sokirko.info/Tom10/butyrka/a3-12.htm>

православия – Г.С. Померанц, а с позиции «демократизма» - П. Абовин-Егидес.

...Г.Померанц в своей статье «Сны о справедливом возмездии» восхваляет политически грязную и клеветническую деятельность Солженицына, лишь иногда позволяет себе «не согласиться с ним». С каждой страницы текста проглядывает или откровенно срывается нарочитое искажение марксизма-ленинизма о социализме, личности и её свободе, ложь и оскорбительные характеристики представителей коммунистического движения...

В. Сокирко в своей «Переписке с Парижем» пытается постичь, выяснить «идеалы» так называемого «демократического социализма», т.к. пока что он видит «от Югославии до Китая лишь рыночный либерализм или диктаторский социализм». С первого взгляда рассуждения Сокирко о возможных принципах построения «демократического социализма» не опираются на сколько-нибудь подготовленную философскую базу. Его рассуждения о «народничестве», «свободе», «равенстве» и т.п. строятся на основе доморощенной «философии личного убеждения». Однако в современных условиях исключительного обострения идеологической борьбы между социализмом и капитализмом эти рассуждения, бесспорно, представляются плохо замаскированной клеветой на В.И.Ленина, реальный социализм, историю КПСС.

Выдержки из второго письма Сокирко в Париж 19 мая 1976 г.: «Россия так и не осуществила народнические идеалы, а пришла к своему современному состоянию, которое многие из Ваших коллег называют госкапитализмом...»

«Ленин был заодно с либералами (они носили название «легальные марксисты»).

«Почему Вы считаете, что социализм выше свободы и благосостояния? На каком этапе истории буржуазный либерализм должен быть упразднен социализмом и почему?..»

Сокирко старается внушить своему парижскому корреспонденту, что для развивающихся стран, многие из

которых сделали социализм знаменем своей антиимпериалистической борьбы, больше подошёл бы либерализм, как «более прогрессивный».

Из третьего письма Сокирко в Париж 3 июля 1976 г.: «Вы, Роберт Павлович, стали защищать право на существование народнической идеологии рядом с «научным социализмом» («догматическим» по-Вашему), а я пытался у Вас узнать совсем другое, просил сравнения народничества именно с либерализмом, потому что последний в условиях развивающихся стран кажется мне более прогрессивным и полезным».

Сокирко из кожи лезет вон, чтобы отвратить своего парижского корреспондента от социализма. Из 4-го письма Сокирко 10 октября 1976 г.: «Мне остаётся только выяснить, что же Вас привлекает в социализме, что так прельщает? Нам, живущим в социалистическом обществе, это очень интересно».

Сокирко злобно клевещет на советских людей, якобы имеющих врождённую привычку к «повиновению - послушанию». Это явственно видно из контекста, хотя в своих общих рассуждениях о социализме он ссылается в качестве одного из примеров на Китай. Полуграмотность Сокирко не позволяет ему понять, что свободу и равенство невозможно противопоставлять друг другу. Но он это делает, чтобы опорочить социализм. См.: «Если в стране большинство людей традиционно имеет привычку к повиновению-послушанию и больше ценит равенство с другими, чем свободу, то для них лучше социализм (например, - Китай). Если же в стране люди изначально чувствовали себя разными, не равными, а за главное благо почитают личный комфорт и личную свободу, то для них более приемлем «либерализм» (Запад)».

В ответном письме французского социолога, профессора Католического университета в Париже говорится: «Я не понимаю, почему Вы говорите только о США и Китае... Мне кажется, что это карикатура (искажение) и либерализма, и социализма...»

В последнем, пятом письме в Париж 20.11.1976 г. Сокирко измышляет ложную альтернативу, чтобы социализм клеветнически назвать «диктаторским». Он пишет: «Жизнь показывает и раньше, и теперь – или рыночный либерализм, или диктаторский социализм».

Из всей переписки В. Сокирко с его знакомым из Парижа создаётся впечатление, что человека, интересующегося социализмом, Сокирко сбивает с толку; ни одного слова о подлинном социализме в СССР он не произносит, ни в одном из своих писем, более того, в ряде писем он клевещет на реальный социализм, имея в виду Советский Союз»... (Далее идёт отзыв на статью Прыжова «Третья сила»). <...>

### **П.2.1.3. Рецензия Института истории СССР АН СССР на “Поиски” № 4<sup>11</sup>**

[Подписана зав.сектором источниковедения истории советского общества д.и.н. Г.Л. Трукан]

Ознакомление со взглядами авторов журнала, анализ их рассуждений показывает, что они стоят на позициях буржуазной идеологии, на позициях антикоммунизма и антисоветизма. Авторы считают себя оригинальными мыслителями, а в действительности они жалкие плагиаторы, их воззрение представляет собой противоречивую эклектическую смесь различных школ и направлений буржуазной идеологии с добавлением право- и леворевизионистских концепций.

Две цели ставят перед собой создатели журнала. Цель первая: выдать капитализм за землю обетованную, где все живут, наслаждаясь радостью изобилия, и каждый делает всё, что он хочет. Вторая цель является оборотной стороной первой – изобразить социалистический мир как ту самую «темницу», которую фактически создал капитализм, как общество, лишённое перспектив на будущее.

---

<sup>11</sup> <http://www.sokirko.info/Tom10/butyrka/a3-13.htm>

С особым «усердием» стараются авторы очернить и развенчать социалистическое государство, «доказать», что оно недемократическое, является якобы государством бюрократической верхушки, а не самих масс, государством тоталитарным, мешающим развитию страны (см. с. 6, 14 и др.)

Если проанализировать идеиные истоки такого враждебного отношения к социалистическому государству у М. Байтальского и др. авторов, то придётся столкнуться с идеями современных буржуазных «советологов»: Крейтона, Бrintона («Анатомия революции», 1957 г.), Сиднея Хука («Марксизм и революция», 1955 г.), Д. Майзеля («Контрреволюция, как умирает революция») и др. Излюбленный ярлык, наклеиваемый ими на социалистическое государство – это «тоталитаризм».

К.Бrintон пишет: «Диктатура экстремистов воплощена в государственные формы как грубая и законченная централизация, это смесь духовной ярости, экзальтации, жестокости, безумия и возвышенного обмана». М. Байтальский вслед за ним пишет (а точнее, списывает): «Диктатура пролетариата, которую возвестил Маркс, является более авторитарным проявлением, чем даже абсолютная королевская власть» (с. 12).

Противники ленинизма пытаются представить тоталитаризм как прямой результат внутренних законов развития самой революции, как неизбежный процесс её перерождения. Упомянутый Д. Майзель утверждает, что революция начинается с борьбы против бюрократического засилья старой власти, но заканчивается установлением ещё более суровых форм тоталитаризма. А вот что пишет М. Байтальский: «Подобного всепроникающего и всеохватывающего государства на свете ещё не было. А в эпоху абсолютизма, царившего в России не так давно, ни рука самодержца не доставала до каждого человека, ни жизнь подданных неправлялась столь скрупулёзно»

Явные и скрытые противники коммунизма всегда начинали свои попытки, направленные на подрыв с социалистического строя, с отрицания руководящей роли

марксистко-ленинской партии. Не являются исключением и авторы журнала. Наличие в нашей стране одной правящей партии рассматривается ими лишь в связи с якобы существующим стремлением к усилению и расширению контроля над обществом, в самой партии они видят «инструмент» для осуществления «тоталитарной власти» (с. 40). Достойная отповедь такого рода домыслам была дана Л.И. Брежневым. «Коммунистическая партия, - напомнил он на 7-ой сессии Верховного Совета в 1977 г., - это авангард советского народа, его наиболее сознательная, передовая часть, неотделимая от народа в целом. Никаких других интересов, кроме интересов народа, у партии нет. Пытаться противопоставить партию и народ друг другу, рассуждать о «диктатуре партии» - это всё равно, что пытаться противопоставить сердце всему остальному человеческому организму».

Социальная задача буржуазных идеологов заключается в том, чтобы учёными разговорами о мнимом коммунистическом тоталитаризме отвлечь внимание от реакционных тоталитарных концепций современного империализма. Этой же цели служат рассуждения авторов свободного журнала.

То же самое следует сказать и о попытках на Западе создать и раздуть “проблему инакомыслящих в СССР”. Солженицын, Сахаров и К° фактически превратились в подголоски тех политических кругов, которые требуют изменения внутренних порядков в СССР в “обмен” на разрядку напряжённости, торговлю и т.д., а в случае несогласия советского государства на это, отказаться от разрядки, усилить давление на СССР и т.п. О лучшем союзнике наши враги не могли мечтать, а вот авторы журнала этих злобных антисоветчиков выдают за “выразителей чаяний русского народа”, “жертв социализма”, “борцов за права человека и т.д. (с. 1-5, 36-38).

Значительное место в журнале отводится искажённому освещению социалистической экономики. Авторы не скрывают, что они являются сторонниками тезиса о более высокой эффективности капиталистической экономики по сравнению с социалистической. “Темпы развития народного хозяйства продолжают снижаться”, “страна фактически перестала расти”, “растущая апатия и беспорядок будут увеличивать наше отставание от цивилизованного мира” – такими утверждениями заполнены страницы журнала. Но эти измышления тоже не оригинальны. Буржуазный советолог Исаак Дейчер в книге “Ирония истории” (1966 г.) писал: “Советский Союз до сих пор занимает позицию полной экономической ущербности по отношению к своему американскому антиподу”. Тенденциозно подобранный материал пятитомного сборника “Новые направления в советской экономике”, опубликованного в США, также “доказывает” преимущество капиталистической рыночной экономики над социалистической, что СССР никогда не победит развитые страны капитализма в экономическом соревновании.

Созданная в СССР плановая экономика – одно из коренных преимуществ социализма над капитализмом. Цель грубой фальсификации итогов экономического развития СССР состоит в том, чтобы отвергнуть эту бесспорную истину, доказать мнимую бесперспективность экономического соревнования с капитализмом для социализма. Эта цель, по убеждению буржуазных идеологов и их прислужников из «свободного» журнала, оправдывает любые средства, в том числе методы подлога и клеветы.

Напрасно искать в журнале хотя бы одно доброе слово о жизни советского народа и советской Родины, о героических подвигах в годы Великой отечественной войны и в мирном строительстве, об их мужественной борьбе за торжество общих идеалов социализма. Вместо этого читатель находит на каждой странице оценки и формулировки только негативного характера, представляющие историю социалистического строительства в СССР, современный период и будущее, как нечто мрачное и

тяжёлое. При этом используется один метод «доказательства» - ложь и злобная клевета. Клевещут авторы, когда пишут о красном терроре 1918 года, объявляя его началом концлагерей (с. 225), клевещут, когда объявляют коллективизацию возвратом к крепостнической барщине (с. 8), клевещут, когда утверждают, что договор о ненападении с Германией подписанный 23 августа 1939 г.(а не в сентябре 1940 г., как указано в журнале) сыграл роковую роль в Отечественной войне, клевещут, когда воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии, образование в Прибалтике трёх советских республики и добровольное их вхождение в состав СССР объявляется «актом тоталитаризма» (с. 11), клевещут, когда пишут об уничтожении общества, продолжавшегося до 1953 г., клевещут, когда пишут о «государственных преступлениях» - использовании психиатрических лечебниц в политических целях, кровавых подавлениях рабочих и национальных движений. Эти примеры можно было бы продолжать, но нужно ли?

Такой подход к изложению нашей истории воспринимается, как оскорблениe всех советских людей, которые прошли через суровые испытания, построив развитой социализм на нашей земле – высшее достижение современной цивилизации. Литературные власовцы из журнала, стараясь быть «католиками святее самого папы Римского», в своём злобном антисоветизме превзошли даже многих печально известных советологов и антикоммунистов.

#### **П.2.1.4. Отзыв Института всеобщей истории АН СССР на самиздатский журнал “Поиски” № 5<sup>12</sup>**

[Подписано: доктор исторических наук, зав.сектором Д. Ржешевский].

Содержание журнала выдержано в обычном духе злобствующих антисоветских взглядов и т.п. «диссидентской

---

<sup>12</sup> <http://www.sokirko.info/Tom10/butyrka/a3-14.htm>

литературы», использующей любой повод и вымысел, чтобы очернить советское социалистическое государство. Практически все статьи и другие материалы журнала, за исключением, может быть, некоторых стихотворений, опровергают утверждение редакции о том, что «журнал не ставит своей целью ни порочить советский общественный и государственный строй, ни возбуждать против него читателей».

В действительности журнал преследует именно эти цели. Достаточно ознакомиться со статьями В. Сокирко, М. Гефтера, В. Кувакина и др. авторов, клевещущих на советский образ жизни, начиная от организации научных исследований в СССР (с. 117) и кончая Олимпийскими играми. Особенно злостный и реакционный характер носят статьи В. Сокирко (Буржуадемова) и Павловского (Прыжкова), которые, по всей вероятности, придерживаются наиболее контрреволюционных взглядов, но и в значительной мере диктуют политический курс данной группы антисоветчиков, а возможно, и «дают» линию в более широком масштабе.

Содержание данного номера журнала также указывает, что так называемые «литературные разделы» служат либо прикрытием, либо дополнением его главной антисоветской политической направленности, которая и определяет основное содержание журнала.

Для журнала, оценки его авторами «диссидентского движения в СССР» характерны, во-первых, признание глубокого и безысходного кризиса «движения» («критической фазы»), его распада на ещё более мелкие группки, враждующие между собой. В этой связи статью В. Абовина-Егидеса и П. Подрабинека следует, видимо, рассматривать как программную, направленную на объединение противников социализма, которых авторы подразделяют на несколько групп, «связанных общей идеей». В статье говорится, что главной причиной кризиса «диссидентского движения» в СССР является отсутствие у него массовой базы и «позитивной платформы», на выработке которой настаивают зарубежные дирижёры этого движения. Судя по статьям журнала, определены следующие

направления, по которым руководство движения рассчитывает добиться его «консолидации». Во-первых, это выработка такой платформы, которая сможет объединить все течения, «сблизиться в главном». На какой основе? Об этом ясно не говорится, хотя из всего содержания сборника ясно, что на антисоветской, под лозунгом реставрации капитализма, поскольку, мол, власть в социалистическом государстве «неповиновением не преобразуется». Далее оказывается, что этот вопрос надлежит решить, «когда будут завоёваны основные гражданские права».

В организационном отношении «правозащитным центром», который объединит диссидентов, предлагается сделать «Хельсинскую группу». Во-вторых, делается ставка на религию. «Сегодня именно православие наиболее мощная идеяная сила в стране – вторая после официального марксизма и первая в оппозиционной среде», в-третьих, рекомендуется курс на международное объединение диссидентов (живущих в СССР, Польше, Чехословакии, антисоветчиков, бежавших или высланных из СССР) на основе предчувствия нужды в общем.

Одной из форм объединения предлагается «всемирная поддержка» «Хартии-77». Статьи сборника направлены на дискредитацию советского государственного и общественного строя, Конституции СССР, деятельности КПСС по различным направлениям. Выделяются попытки найти пути для подрыва дружбы народов как одной из важнейших основ советского государства путём разжигания национальных противоречий и пропаганда идеи выхода из СССР союзных республик, а также компрометация советских органов правопорядка, их законных действий по пресечению преступной деятельности антиобщественных и социально опасных элементов (статья «За неимением рейхстага»). Весьма характерны и некоторые заявления, заимствованные из лексикона Гитлера и его приближённых («колossal на глиняных ногах»), имеющих, как упомянутая статья, цель провести некую «параллель» между действиями СССР и фашистской Германии.

В этой связи представляется, на наш взгляд, особенно необходимым обратить внимание на тот факт, что контуры «новой программы» диссидентов заимствуются из документов американской администрации и маxово реакционных профашистских организаций, таких как НТС. В находящемся в архиве Трумена документе (датировка 10.04.1951 г., рассекречен в 1976 г.) «Психологическое наступление против СССР. Цель и задачи» говорилось: «При определении этих целей и задач предполагается указать советскому народу, что есть альтернатива существованию режима. В задачу США не входит указывать её конкретно. Следовательно, мы не будем выдвигать предложения по определённым вопросам (коллективизация, демократические выборы и т.д.) без получения на то особых политических указаний. Однако во всей нашей пропаганде должно подчёркиваться, что окончное решение лежит в восстановлении **прав человека** (подчёркнуто нами - Д. Р.), являющихся наследием русского народа, которых лишил граждан советский строй». Именно в этом ключе и действуют авторы журнала.

Идея «объединения диссидентов на основе взаимопонимания» - это по существу пресловутый «солидаризм» программы НТС, на основе которого в Уставе НТС сформулирована и цель этого Союза – «устранение коммунистической диктатуры» (цитируется по Н. Яковлеву «ЦРУ - против СССР», М., 1980 г.). Авторы журнала открыто такой цели в законченном виде не объявляют, однако нет сомнения, что речь идёт именно о ней. В одной из статей провозглашается необходимость «изучить опыт Югославии» (с. 212), возвратиться к НЭПу, затем к свободному предпринимательству (с. 208), а в другой – возвратиться к «православной монархии». [Подтасовка- рецензент выдает

цитату из постороннего автора за позицию автора рецензируемой статьи].

В журнале затрагиваются некоторые аспекты методологии исторической науки (с. 100–101), которые представляют собой внеклассовую трактовку исторического процесса, причудливое переплетение агностицизма, релятивизма и других, отвергнутых марксизмом реакционных философских учений.

Оценка в журнале «глубокого кризиса «диссидентского движения», попытки его главарей найти пути «возрождения» и «консолидации», поиски «позитивной программы», их организационная связь с установками ЦРУ, «ставка на поддержку из-за рубежа» требуют, на наш взгляд, более обстоятельного анализа и могут служить делу дальнейшего разоблачения и ликвидации остатков упомянутого «движения», ведущего подрывную работу против Советского государства и дискредитирующего СССР на международной арене.

Что касается содержащихся в журнале заявлений о том, что «подавляющее большинство советских людей сегодня довольно именно нашим общественным строем, его прочностью и устойчивостью» (с. 228), то такое заявление следует рассматривать как тактический маневр, хотя отражающий действительное существо дела, но используемый авторами журнала для придания некоторой объективности их взглядов и маскировки подлинной антисоветской сущности своего «самиздата». 3.06.1980

## П.2.1.5.Заключение Института международного рабочего движения АН СССР на свободный московский журнал “Поиски”, № 6, 1979 г.<sup>13</sup>

[Подписано: директор Института, член-корр. РАН  
Т.Т. Тимофеев]

1. Сборник представляет собой собрание материалов, разнородных по жанрам, тематике и «теоретическим» посылкам. Общим для всех материалов является неприятие марксизма-ленинизма в целом как «государственной идеологии». Большинство авторов сборника критикует марксизм-ленинизм, политику партии и советского государства с позиции так называемого буржуазного либерализма и буржуазной демократии, за исключением статьи Р. Лерт, в которой реальному социализму противопоставляется «другой» социализм. Этую позицию можно расценить как ревизионистскую.

Материалы различаются также и по профессиональному уровню исполнения. Так, статья Г. Померанца написана профессионально. Статья И.Н. Понырёва производит впечатление шизофренического графоманства. Статья Г. Павловского теоретически несостоитъяна. Автор исходит из неверного понимания «аутентичности марксизма», к которому он относит почему-то книги Э. Фишера, Ф. Марека и др. Он строго различает «аутентичный марксизм» буржуазных авторов и авторов-ренегатов типа Фишера, Марека и др.. Смешение в одну кучу различных идеальных течений нужно Павловскому для одной цели – смешав все течения, отбросить их, поскольку в

<sup>13</sup> <http://www.sokirko.info/Tom10/butyrka/a3-15.htm>

них, хоть с буржуазной или ревизионистской точки зрения, но всё-таки речь идёт о марксизме, который автор отвергает целиком, за что приветствует как Джиласа, так и М. Михайлова. Материалы Прыжкова (ответ Понырёву) по стилю малограмотны, но злобны.

2. Клевета на советский государственный строй содержится практически во всех материалах, за исключением материалов о Югославии, о которых речь пойдёт отдельно. Это особенно заметно в рецензии К. Буржуадемова на книгу Л.И. Брежнева «Целина». Она бесодержательна, над всем превалирует желание автора очернить книгу во что бы то ни стало, произвольно трактуя цитаты и факты, приводимые в ней.

Откровенно клеветнический характер носит публикация Р. Джеймса. Весьма тенденциозны в освещении ряда сторон советской действительности все материалы Г. Снегирёва и комментарии к ним. Клеветническими являются «заявления» редакции журнала «Поиски» (особенно заявление, обозначенное римской цифрой II).

Клеветнические измышления о решении национального вопроса в СССР содержатся в статьях Р. Лерта и Г. Померанца. Об использовании психиатрии в политических целях говорится в материалах Г. Снегирёва и комментариях к ним, а также в утверждении, что в политических целях используется медицина в целом.

Клевета на внутреннюю политику содержится в статьях Р. Лерта, Буржуадемова, Прыжкова, Г. Владимова, В. Войновича, П. Подрабинека. Материалы о Югославии помимо заявления о том, что якобы умышленно скрывается фактическое положение дел в Югославии, прямых выпадов против советского общественного и государственного строя содержат немного. Основная идея этих публикаций – дать некоторую альтернативу советской действительности.

3. Что касается клеветы на внешнюю политику партии, то она выражается преимущественно в огульном обвинении в проведении «имперской политики».

#### **П.2.1.6. Заключение Института международного рабочего движения АН СССР на журнал "Поиски", № 7<sup>14</sup>**

[Подписано: директор Института, член-корр. РАН Т.Т. Тимофеев]

Содержание журнала «Поиски» представляет собой подборку материалов, значительная часть которых имеет прямую или косвенную направленность. Платформа авторов публикаций (и членов редакции) ясна – отказ от существующего в СССР социалистического строя. В качестве идеала – установление капиталистического общественного порядка.

Учитывая глубину убеждений подавляющего числа советских людей, в том числе и тех, кто критикует многие стороны нашей действительности (В.Сокирко в «Размышлениях о социализме» (с. 24) пишет: «Насколько я знаю, большинство моих знакомых предпочитают счастливую бедность – богатому несчастью, т.е. привычный социализм – трудной свободе), авторы оправдывают стремление людей к социализму и коммунизму (В. Сокирко, извиняясь, говорит (с. 35-36, 43) о своём сочувствии капиталистическим идеалам), однако провозглашают это неосуществимой мечтой. Какова же альтернатива современному социализму? «В этом будущем, - пишет В. Сокирко, - сохранится и различие способностей, и вызванное ими различие положений, и, следовательно, жажда жизненного успеха, конкуренция, а вместе с ними стремление к

---

<sup>14</sup> <http://www.sokirko.info/Tom10/butyrka/a3-16.htm>

равенству и либеральное отстаивание свободы. Весьма либеральное и коммунистическое будущее общество можно назвать и тем, и другим именем, буржуазно-коммунистическим или ещё как-нибудь иначе».

П. Абовин-Егидес, полемизируя с В. Сокирко и утверждая, что поскольку современное социалистическое общество не является социализмом по сути своей, а, наоборот, является антиподом социализма по определению, предлагает построить «истинный социализм» следующим образом. «Ведь стоит нам с нашего современного общества снять колпак антидемократического режима и ввести демократию, отменив приёмный труд, но не вводя и наёмный, как мы получим общество свободного труда».

Несколько и двусмысленность концепции этих двух авторов раскрывается в их полемике друг с другом. Гибрид социализма и капитализма, построение социализма на основе замены советского строя «демократией Абовина-Егидеса» - это в сущности попытка скрыть под соусом фраз о социализме и коммунизме идею возврата к капитализму.

Идея значительного превосходства западного общественного строя над «восточными деспотическими» государствами Азии пронизывает всю статью В. Сокирко «Размышления о социализме». В неизбежной победе западного строя В. Сокирко видит проявление исторического закона («Ведь как известно, в начале мировой истории преобладал восточный тип государства, а затем, по мере роста знания и их материализации в технике преимущества стал достигать западный тип» (с. 24).

Более явной попыткой обосновать «естественность» буржуазного строя является статья В. Грина «Насилие». Здесь автор объявляет в качестве первой жизненной потребности человека - гарантию на некое жизненное пространство с абсолютным пожизненным правом на него. В качестве первого права человека, гарантирующего равноправие в распределении материальных благ, провозглашается некий «общественный аукцион» (с. 72), на котором – 1) любой товар будет с гарантией

продан, 2) будет продан по наивысшей цене, 3) продавец получит максимальный доход, 4) товар попадёт в руки тому покупателю, который ценит его наивысшим образом..., 5) каждому покупателю предоставляется возможность купить данный товар, 6) действительный покупатель назначает цену на товар, 7) все остальные покупатели добровольно согласны с назначенной им ценой...» Этот «общественный аукцион» становится основным законом общества. Если отбросить игру в наивность, утопизм и анархизм, то речь идёт о возврате к буржуазному рыночному хозяйству. Автор пытается скрыть это рассуждениями об аукционе на работы и должности, но это не меняет суть.

Но если, рисуя идеал своей альтернативы реальному социализму, авторы статей проявляют двусмысленность, то, характеризуя советское общество, они становятся более определёнными. На протяжении разных статей содержатся такие характеристики советского строя как «плохой», «недемократический социализм в нашей стране», «это не социализм, а совсем другой социально-экономический строй. Его можно называть олигархическим, элитаристским, в нём имеются черты госкапитализма, крепостничества, но он во всяком случае не является социалистическим (с. 63)».

В. Грин предлагает игнорировать «язык» советского общества, в котором общественные и индивидуальные ценности объявляются общественным злом, объявляет обычные для советских людей толкования советских реалий «языком фашизма». В качестве примеров разницы содержания понятий в «навязываемом» и «истинном» языке фашизма В. Грин приводит: «паспортная система», «закрытая граница», «профсоюзы», «органы госбезопасности», «Политбюро» и т.д.

Так как В. Грин прямо не пишет, что язык фашизма – это язык советского общества, следует дать некоторые уточнения. Слово «Политбюро» в таком звучании и сокращении применялось и применяется лишь в отношении высшего органа ЦК КПСС, ВКП(б), РКП(б). Ни в какой другой стране, включая, например, КНР, название «Политбюро» не использовалось, а

если применялось такое название, то лишь как «Политическое бюро». Таким образом, автор недвусмысленно имеет в виду Политбюро ЦК КПСС, а под языком фашизма имеет в виду язык современного советского общества.

В конце своей статьи автор объявил фашизм наиболее худшей формой общественного устройства. Не оставляет сомнений, что фашизм – это строй, который господствует в СССР. Перечисляя характерные черты фашизма, автор провозглашает: «помимо закрытых границ и тотальной цензуры признаками фашизма также являются все общественные организаций (ДОСААФ, профсоюзы, спортклубы). Как и в предыдущем примере лишь в СССР существует массовая общественная организация с таким названием, которую можно с известным основанием рассматривать как «звено правящей партии».

Наряду с игрой в социалистическую терминологию для авторов многих статей характерно заявление о своём стремлении к ненасилию. На деле и здесь призыва к ненасилию лишь... программы борьбы против советского строя. «Важнейшими средствами антифашистской борьбы изнутри, - пишет В. Грин, - на мой взгляд, являются ...”(далее - 11 пунктов).

Программа-минимум «борьбы за социализм» П. Абовина-Егидеса и П. Подрабинека включает требования изменений в Конституции СССР, Уголовном кодексе, «ликвидировать КГБ, как орган борьбы с оппозицией, роспуск колхозов» и т.д.

В «программе» содержатся клеветнические выпады на советский государственный и общественный строй (КГБ как орган борьбы с оппозицией, утверждение об отсутствии в СССР «равного права на качественное образование без сословной и национальной дискриминации», о наличии в СССР «детского труда», паспортная система и прописка названы «формой крепостничества», ст.ст.70 и 190-1 УК названы «позором России» (с.64-65).

В заключение статьи авторы пишут: « Прямым доказательством того, что у нас нет ни толики демократии, и, следовательно, ни грана социализма, является хотя бы то, что мы, сторонники социализма, не можем широко опубликовать «Принципы социализма» в «соцгосударстве».

Особое внимание авторы и редакторы «журнала» уделяют проблеме антисемитизма. Подробно цитируется новое «Обращение Р.О.Д. к русскому и украинскому народам», составленное в антисоветском и антисемитском духе. Хотя авторы высмеивают «Обращение», его обильное цитирование, без сомнения, служит провокационным целям раздувания пропаганды о наличии антисемитизма в СССР («Р.О.Д. пришёл к выводу, - цитируется в журнале, - что в Кремле действует сионистская группировка» и т.д. Комментируя «Обращение», В.Шагин пишет: «В заключение заметим, что документ хорошо демонстрирует нравственный и интеллектуальный уровень нашего руководства. Этим он, конечно, не разглашает великой тайны».

Тему антисемитизма в политике партии развивает и П. Прыжков (с. 78-85). Провокационный характер раздувания антисемитизма носит статья Р. Пименова (о Глазунове) и ответ Р. Пименову в статье Р. Лерта. В то же время статья Р. Пименова наводит на мысль о стремлении сионистов найти контакт с антисемитизмом на общей базе борьбы против советской власти.

Тема произвола, бесчеловечного обращения с людьми проходит через интервью Б. Черных, очерк Ю. Гrimma, заметки В. Репникова. Читателя потрясают «фактом»: известный очеркист содержится в психиатрической больнице по навету жены с ведома КГБ, «инакомыслящего» сажают на 15 суток по вымыщенному обвинению.

Антисоветизмом проникнуты и другие материалы «журнала», особенно Р.О Коннор «Рок за решёткой», «Открытое письмо в редакцию китайского независимого журнала».

В «Поисках» содержатся нападки на принципы и практику мирного сосуществования государств с различными общественными системами. Так, в «Принципах социализма» (П. Абовин-Егидес) говорится: «Основной вопрос современности состоит в том, кто кого одолеет: тоталитаризм демократию или демократия тоталитаризму. Ключом к решению основного вопроса современности является демократизация России: она самая мощная держава в тоталитаристском мире, и демократизация её могла бы привести к аналогичному процессу в других странах этого мира.

Препятствием к победе «демократии» является по мысли автора лишь близорукость Запада, идущего на контакты с Советским Союзом. «Из-за своей алчности и властолюбия бизнесмены готовы идти на сделку с кем угодно, хотя бы с тоталитаризмом».

Умелый подбор эмоционально-насыщенных антисоветских «документальных» материалов, сочетание их с внешне нейтральными (стихи, повести, переводы из Сент-Экзюпери), тщательное камуфлирование задач активной борьбы за свержение советского строя под прикрытием ненасильственного движения за демократический социализм – всё это наводит на мысль о наличии опытных профессионалов-пропагандистов за спиной авторов и редакторов «Поисков». Наличие иностранных авторов в журнале (интервью с Б. Черных, статья О Коннора) показывает, что редакция имеет связь с Западом. Особые сомнения в оригинальности и подозрение в импортном происхождении вызывают программная работа В. Грина, а также вся подборка «Социализм, проблемы, программы» (с. 19-66).

## **Приложение 2 к части 2.**

### **Документы следствия и суда и запись судебного процесса**

#### **П.2.2.1. «Диссидентские» статьи УК РСФСР**

**Уголовный кодекс РСФСР (принят 27 октября 1960 г.)<sup>15</sup>**

[Периоды действия каждой из нижеприводимых статей различны, но именно в таких формулировках все они были действующими в 1980 году]

#### **Статья 64. Измена Родине**

а) Измена Родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти -

---

<sup>15</sup> Официально отменен федеральным законом от 13.06.1996 № 64-ФЗ

наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества.

б) Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой.

### **Статья 70. Антисоветская агитация и пропаганда**

Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания – наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время – наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

### **Статья 190-1. Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй**

Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский

государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания -

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей.

### **Статья 181. Заведомо ложное показание**

Заведомо ложное показание свидетеля или заведомо ложное заключение эксперта, а также заведомо неправильный перевод, сделанный переводчиком в суде либо при производстве предварительного следствия или дознания, -

наказывается лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок. Те же действия, соединенные с обвинением в особо опасном государственном или ином тяжком преступлении либо с искусственным созданием доказательств обвинения, а равно совершенные с корыстной целью,-

наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет.

### **Статья 182. Отказ или уклонение свидетеля от дачи показаний или эксперта от дачи заключения**

Отказ или уклонение свидетеля от дачи показаний или эксперта от дачи заключения в судебном заседании либо при производстве предварительного следствия или дознания, а равно воспрепятствование явке свидетеля или даче им показаний

- наказывается исправительными работами на срок до шести месяцев, или штрафом до пятидесяти рублей, или общественным порицанием.

## **П.2.2.2. Обвинительное заключение по уголовному делу № 50611/33-80**

(утверждено Прокурором г. Москвы Государственным  
советником  
юстиции 2 класса М.Г.Мальковым)

по уголовному делу № 50611/33-80  
по обвинению СОКИРКО ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА  
по ст. 190-1 УК РСФСР

/1/ Прокуратурой города Москвы расследовалось  
уголовное дело № 46012/18-76 по факту изготовления и  
распространения нелегального сборника "Хроника текущих  
событий", содержащего материалы клеветнического характера.  
В ходе следственных действий, в частности, проведения  
обысков у гр-н СОКИРКО В.В., АБРАМКИНА В.Ф.,  
СОРОКИНА В.М. и других было установлено, что с мая 1978  
года в Москве издаётся нелегальный машинописный журнал  
"Поиски", так же как и "Хроника...", содержащий материалы  
клеветнического характера.

/2/ В связи с тем, что указанные нелегальные издания  
редактировали разные лица, материалы в отношении журнала  
"Поиски" были выделены 30 марта 1979 г. для дальнейшего  
расследования в отдельное уголовное дело № 50611/14-79.

/3/ В процессе расследования указанного уголовного  
дела было установлено, что одним из редакторов нелегального  
машинописного журнала "Поиски" являлся СОКИРКО Виктор  
Владимирович, судимый 16 мая 1973 года Мосгорсудом по ст.  
182 УК РСФСР и приговорённый к 6 месяцам исправительных  
работ по месту работы с удержанием 20% зарплаты ежемесячно.  
Не сделав для себя должных выводов и не встав на путь  
исправления, избрав как форму проведения преступной  
деятельности сбор клеветнических материалов, составление и  
редактирование нелегального машинописного журнала  
"Поиски", СОКИРКО в период с декабря 1978 года по декабрь

1979 года систематически занимался составлением, изготовлением, размножением и распространением в письменной и машинописной форме произведений, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, поместив их в 4-7 номерах названного журнала, которые были им совместно с другими лицами распространены на территории СССР и переданы за границу.

/4/ В журнале содержатся клеветнические измышления, порочащие органы государственной власти и управления, внутреннюю и внешнюю политику, политическую и экономическую систему и Конституцию СССР.

/5/ Несмотря на предупреждение о прекращении противоправной деятельности, продолжал проводить ее в указанный период, предоставив тем самым возможность печати и радио капиталистических стран, а также зарубежным антисоветским организациям использовать материалы журнала "Поиски" в целях обмана мировой общественности и формирования у нее искаженных представлений об СССР.

/6/ Кроме того, СОКИРКО, являясь автором, составителем и редактором нелегального машинописного сборника "В защиту экономических свобод", в период с января 1978 года примерно по июнь 1979 года систематически занимался сбором, составлением, размножением и распространением в письменной и машинописной форме произведений, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй, поместив их под своей фамилией и псевдонимом "К. Буржуадемов" в шести выпусках названного сборника, которые им были распространены на территории города Москвы.

/7/ В сборнике содержатся клеветнические измышления, порочащие политическую и экономическую систему СССР и внутреннюю политику СССР.

/8/ С целью всестороннего, объективного и наиболее полного расследования преступной деятельности СОКИРКО 22

августа 1980 года дело в отношении него выделено из уголовного дела № 50611/14-79.

/9/ Расследованием настоящего уголовного дела установлены следующие эпизоды преступной деятельности СОКИРКО, связанные с изготовлением им журнала “Поиски”.

/10/ 1. Изготовление в декабре 1978 г. и распространение № 4 журнала “Поиски”.

/11/ В декабре 1978 г. СОКИРКО изготовил и распространил 4 номер журнала “Поиски”, поместив в нем материалы: “Религия и государство” М. Байтальского, “Неполитические письма” П. Растина, “Бедность народов” А. Кузнецова, содержащие клеветнические измышления о том, что СССР, якобы, является тоталитарным государством, где полностью отсутствует демократия, народ отстранен от управления государством.

/12/ После размножения названный номер журнала был распространён на территории СССР и передан за границу, где использовался радиостанцией “Радио Свобода” 15.02. 80г., 26.08.79 г. и 27.08.79 года в целях нанесения ущерба международному престижу СССР.

/13/ Помимо показаний обвиняемого СОКИРКО об участии в редактировании и распространении 4 номера журнала /т. 1, л.д. 173-178, 183-185, 193-199, т. 3, л. д. 170-172/, вина его в совершении преступления подтверждается заключением специалистов по материалам 4 номера журнала /т. 2, л. д. 281-286/, изъятием указанного номера у ЯКОВЛЕВА М.Ю. и его показаниями о том, что журнал ему передал в Москве АБРАМКИН /т. 1, л.д. 46, 236-239/, осмотром журнала, изъятого у ЯКОВЛЕВА /т. 2, л.д. 235/; изъятием журнала в квартире СОРОКИНЫХ и его осмотром (т. 1, л.д 33-39, 92-96, т.2, л.д. 294/, показаниями СОРОКИНА В.М. /т. 1, л.д. 213-218/ и ПОМЕРАНЦА Г.С. /т. 1, л.д. 279-283/, о том, что они знакомились с названным номером журнала; осмотром пишущей машинки “Континенталь”, изъятой у СОКИРКО /т. 2, л.д. 1-3/, на которой по заключению криминалистической экспертизы /т. 2, л. д. 31-38/ размножен ряд материалов,

помещенных в 4 номере журнала; наличием фамилии СОКИРКО на титульном листе журнала в составе редколлегии; выпусками из передач зарубежных радиостанций /т. З, л.д. 38-161/ и другими доказательствами, собранными по делу.

/14/ 2. Изготовление в феврале 1979 года и распространение 5 номера журнала "Поиски".

/15/ В феврале 1979 года СОКИРКО изготовил и распространил 5 номер журнала "Поиски", поместив в нём материалы: "Некоторые актуальные проблемы демократического движения в нашей стране" П. Абовина-Егидеса и П. Подрабинека, "Заметки о пессимизме, о самодовольстве и завтрашнем дне инакомыслия" М. Гефтера, "Социальное обеспечение или запрограммированная необеспеченность!" В. Кувакина, "Хартия-77", "Вместо подписи" П. Прыжкова, "Бедность народов" А. Кузнецова, "Цена диалога" Г. Павловского, "За неимением рейхстага" П. Прыжкова, а также изготовленные им лично под своей фамилией "Ради России" и под псевдонимом К. Буржуадемов "Послесловие", в которых содержатся клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, Конституцию СССР, Коммунистическую партию Советского Союза, государственные органы власти и управления, внутреннюю политику нашего государства.

/16/ После размножения названный номер журнала был распространен на территории СССР и передан за границу, где использовался радиостанцией "Радио Свободы" 16.02.79 г., 01.06.79 г., 04.08.79 г., 12.12.79 г. в целях нанесения ущерба международному престижу СССР.

/17/ Помимо показаний СОКИРКО о том, что он редактировал 5 номер журнала и поместил в нем свои материалы по экономическим вопросам, а также размножал журнал с целью его распространения /т. 1, л.д. 173-178, 183-185, 193-199; т. 3, л.д. 170-172/, вина его в совершении преступления подтверждается заключением специалистов по материалам номера /т. 2, л.д. 280-292/, изъятием его у СМИРНОВА А.О. /т. 1, л.д. 48/ и ГЕРШУНИ В.Л. /т. 1, л.д. 65/, осмотром изъятого у

них журнала (т. 2., л.д. 236-237/, заявлениями ПЕТРОВОЙ Т.Н. /т. 1. л.д. 259-261/ и АВДЕЕВОЙ Г.В. /т. 1, л.д. 262-265/ и их показаниями /т. 1, л.д. 271-272, 274-276), о том, что они размножали материалы по просьбе СОКИРКО; добровольной выдачей ПЕТРОВОЙ изготовленных ею для СОКИРКО материалов /т. 1, л.д. 270/, изъятием у СОКИРКО материалов в момент его встречи с ПЕТРОВОЙ 29 мая 1979 года /т. 1, л.д. 267/, осмотром изъятых материалов /т. 1, л.д. 268-269/; изъятием у СОРОКИНА В.М. размноженных материалов 5 номера журнала /т. 1, л.д. 33-39, 92-96/ и показаниями СОРОКИНА о том, что журнал размножался в его квартире, и он знакомился с 5 номером /т. 1, л.д. 213-218/; показаниями ПОМЕРАНЦА Г. С. о том, что в 5 номере помещён изготовленный им материал, и он знакомился с этим номером /т. 1, л.д. 279-283/; изъятием у СОКИРКО пишущей машинки "Континенталь" /т. 1, л.д. 53-58/, ее осмотром /т. 2, л.д. 1-3/ и заключением криминалистической экспертизы о том, что часть материалов, помещенных в номере, отпечатана на указанной машинке /т. 2, л.д. 31-38/; наличием фамилии СОКИРКО на титульном листе журнала в составе редакции, выпусками из передач зарубежных радиостанций /т. 3, л.д. 38-161/ и другими доказательствами, собранными по делу.

/18/ 3. Изготовление в декабре 1979 года и распространение 6 номера журнала "Поиски".

/19/ В декабре 1979 года СОКИРКО изготовил и распространил 6 номер журнала "Поиски", поместив в нём следующие материалы: "Поздний опыт" Р. Лерт, "К читателю "Снов земли", "Сны земли" части 1-5 Г. Померанца, "Что у кого почва" И.Н. Понырева, "О классике и сапожной ваксе. Ответ Поныреву П. Прыжкова, "Жизнь империи" П. Абовина-Егидеса, "Джилас - Маркс - Михайлов" Г. Павловского, "Генерал и его армия" повесть Г. Владимова, "Персональное дело" В. Войновича, "РД-3" Г. Снегирева, "Интервью читателям "Поисков" В. Абрамкина и П. Абовина-Егидеса, "Из могилы" (о книгах В. Буковского и А. Сахарова) К. Джеймса, "Этот хитроумный Антон" П. Подрабинека, а также изготовленный им

лично под псевдонимом К.Буржуадемов “Стиль руководства страной”/по книге Л.И. Брежнева “Целина”, в которых содержатся клеветнические измышления об использовании, якобы в СССР психиатрии и медицины в целом в политических целях, порочащие внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии Советского Союза и весь советский государственный и общественный строй.

/20/После размножения названный номер журнала был распространён на территории СССР и передан за границу, где использовался радиостанцией «Радио Свобода» 28.09.79 г. в целях нанесения ущерба международному престижу СССР.

/21/ Помимо показаний обвиняемого СОКИРКО о том, что он редактировал 6 номер журнала /т. 1, л.д. 173-178, 183-185, 195-199, 206-213, т.3, л.д.170-172/, вина его в совершении преступления подтверждается заключением специалистов по материалам номера /т.2, л.д.294-296/, изъятием журнала у ТОМАЧИНСКОГО В.В. /т. 1, л.д.116/ и осмотром его /т.2, л.д.238/, показаниями ТОМАЧИНСКОГО о том, что он знакомился с номером журнала /т.1, л.д.252-254/, указанием на титульном листе журнала фамилии СОКИРКО в составе редколлегии журнала, выписками из передач зарубежных радиостанций /т.3, л.д.38-161) и другими доказательствами, собранными по делу.

/22/ Изготовление в декабре 1979 года и распространение 7 номера журнала “Поиски”.

/24/ В декабре 1979 года СОКИРКО изготовил и распространил 7 номер журнала 'Поиски", поместив в нём материалы: "Садовник в провинции" /интервью/ Б. Черных, "Принципы социализма" П. Абовина-Егидеса и П. Подрабинека, "Насилие" В. Грина, "О Глазунове, о жизни и ещё кое о чём" Р. Пименова, "Двоеперстие или двоемыслие" (ответ Пименову) Р. Лерт, "То ли еще будет... " Ю. Гrimma, "О не случайных декабристах" В. Репникова, "Открытое письмо в редакцию китайского независимого журнала "Искания", "Рок за решёткой (музыка в

подполье” Р. О’Коннора, “Уважаемые товарищи по крови” С. Шагина, а также изготовленные им лично “Размышления о социализме” и “Продолжим спор”, в которых содержатся клеветнические измышления, порочащие экономические основы социализма в СССР, политику Коммунистической партии Советского Союза и правительства СССР в национальном вопросе, и в которых заведомо ложно утверждается об отсутствии демократии, равного права всех граждан на образование.

/25/ После размножения названный номер журнала был распространён на территории СССР и передан за границу, где использовался радиостанцией “Радио Свобода” 25.01.80 года, в целях нанесения ущерба международному престижу СССР.

/26/ Помимо показаний обвиняемого СОКИРКО о редактировании 7 номера журнала /т. 1, л.д. 193-199, 201-204, 206-213; т.3, л.д.170-172/, вина его в совершении преступления подтверждается заключением специалистов по материалам номера (т. 2, л.д. 297-303), изъятием указанного номера у ГОДНЕВА В. В. (т. 1, л.д. 118), осмотром журнала /т.2, л.д.239/, изъятием у СОКИРКО материалов указанного номера (т. 1, л.д. 53-58, 112-114, 120-124), указанием на титульном листе фамилии СОКИРКО в составе редакторов журнала, изъятием у СОКИРКО пишущей машинки “Континенталь”, ее осмотром /т. 2, л.д. 1-3/, заключением криминалистической экспертизы о том, что часть материалов, помещённых в 7 номере журнала, размножена на указанной машинке /т. 2, л.д. 31-38/, выписками из передач зарубежных радиостанций /т. 3, л.д. 38-161/ и другими доказательствами, собранными по делу.

/27/ Эпизоды преступной деятельности СОКИРКО В.В., связанные с изготовлением и распространением им сборника “В защиту экономических свобод” в период 1978-1979 гг.

/28/ Изготовление в начале 1978 года и распространение 1 выпуска сборника “В защиту экономических свобод”.

/29/ В период с января и примерно по март 1978 года СОКИРКО изготовил и распространил 1 выпуск сборника “В

защиту экономических свобод”, поместив в нем материалы: “Плановое производство, дефицит, спекуляция” В. Грина, а также изготовленные им лично под псевдонимом К. Буржуадемов “Я обвиню интеллигентов -служащих и потребителей в противостоянии экономическим свободам и прогрессу Родины” и рецензия на книгу Адама Кузнецова “Бедность народов /там, где покончили с буржуем/”, содержащие клеветнические измышления о советской экономической науке, сущности производственных отношений; об СССР как тоталитарном государстве, находящемся, якобы, в экономическом тупике; после размножения названный выпуск сборника был распространен на территории города Москвы.

/30/ Помимо признания обвиняемого СОКИРКО в том, что он в январе 1978 года изготовил и распространил под псевдонимом материал “Я обвиняю интеллигентов...”, а затем систематически занимался сбором материалов примерно до марта 1978 года и изготовил первый выпуск сборника примерно в 10 экземплярах, который распространил среди своих знакомых и в “Самиздате” /т. 1, л.д. 193-199, 201-211, т. 3, л.д. 170-172/, вина его в совершении преступления подтверждается изъятием у него первого выпуска сборника /т. 1, л.д. 41-44/ и его осмотром /т. 2, л.д. 261/, изъятием этого же выпуска у СОРОКИНА В.М. /т. 1, л.д. 92-96/ и БЕЛНОВСКОГО С.А. /т. 1, л.д. 69/, осмотром /т. 2., л.д. 265/, изъятием у СОКИРКО рукописных материалов к выпуску /т. 1, л.д. 41-44, 120-121, 267/, их осмотром /т. 2, л.д. 61-63/; показаниями ПОМЕРАНЦА Г.С. /т. 1, л.д. 279-283/ о том, что он читал статью СОКИРКО по экономическим вопросам и что со слов СОКИРКО ему известен псевдоним последнего - “К. Буржуадемов”, заключением специалистов по материалам выпуска /т. 3, л.д. 2-34/ и другими доказательствами, собранными по делу.

/31/ 2. Изготовление и распространение в ноябре 1978 года 2 выпуска сборника “В защиту экономических свобод”.

/32/ В ноябре 1978 года СОКИРКО изготовил и распространил 2 выпуск сборника “В защиту экономических свобод”, поместив в нем материалы: “Юридические основы

экономического насилия в СССР” В. Грина, “Частное предпринимательство” В.Чалидзе, а также изготовленный им лично под псевдонимом “К. Буржуадемов” “Чёрный рынок и советская экономическая наука”, Л.И.Брежнев “Целина”/отрывок/, “Рецензия на книгу Ильи Земцова “Партия или мафия?”, содержащие клеветнические измышления, порочащие советский государственный строй, принципы коллективизации и право на труд в СССР; после размножения названный выпуск сборника распространил на территории города Москвы.

/33/ Помимо показаний обвиняемого СОКИРКО об изготовлении, размножении и распространении им названного выпуска /т. 1, л.д. 193-199, 201-211, т. 3, л.д. 170-172/ вина его в совершении преступления подтверждается изъятием у него 2 выпуска сборника /т. 1, л.д. 41-44/ и его осмотром /т. 2, л.д. 260-263/, изъятием у СОКИРКО рукописных материалов к выпуску /т. 1, л.д. 41-44,120-121/ и их осмотром /т. 2, л.д. 61-63/, заключением почерковедческой экспертизы /т. 2,л.д. 69-73/,заключением специалистов по материалам второго выпуска сборника /т. 3, л.д. 2-34/ и другими доказательствами, собранными по делу.

/34/ 3. Изготовление и распространение весной 1979 года 3 выпуска сборника “В защиту экономических свобод”.

/35/ Весной 1979 года СОКИРКО изготовил и распространил 3 выпуск сборника “В защиту экономических свобод”, поместив в нем изготовленные им под псевдонимом“К. Буржуадемов материалы: “ Из истории складывания политэкономии социализма” и “Заключительный анализ контробвинений в дискуссии и покаяние К. Буржуадемова”, содержащие клеветнические измышления о, якобы, антинаучном характере науки политической экономии социализма; после размножения названный выпуск сборника был распространен на территории города Москвы.

/36/ Помимо показаний обвиняемого СОКИРКО об изготовлении, размножении и распространении им названного выпуска /т. 1, л.д. 193-199, 201-211, т. 3, л.д. 170-172/ вина его в

совершении преступления подтверждается изъятием у него рукописных материалов к выпуску /т. 1, л.д. 41-44, 120-121/, их осмотром /т. 2, л.д. 61-63/, заключением почерковедческой экспертизы /т. 2, л.д. 61-63/, изъятием 3 выпуска у БЕЛНОВСКОГО С.А. /т. 1, л.д. 69/, у ВЕЛИКАНОВОЙ Т.М. /т. 1, л.д. 63/, у АБРАМКИНА В.Ф. /т. 3, л.д. 190/ и их осмотром /т. 2, л.д. 243, 251-252, 254/, заключением специалистов по материалам третьего выпуска /т. 3, л.д. 2-34/ и другими доказательствами, собранными по делу.

/37/ 4. Изготовление и распространение весной 1979 года 4 выпуска сборника “В защиту экономических свобод”.

/38/ В этот же период СОКИРКО изготовил и распространил 4 выпуск сборника “В защиту экономических свобод”, поместив в нем материалы: “Взяточничество” /глава из книги В. Чалидзе/ и изготовленную им самим под псевдонимом К. Буржуадемов - “Реферат-рецензию о книге Б. Комарова “Запасная страна”, содержащие клеветнические измышления о сущности производственных отношений социализма, о, якобы, хищническом уничтожении природы по вине социалистического государства; после размножения названного выпуска распространил его на территории города Москвы.

/39/ Помимо показаний обвиняемого СОКИРКО об изготовлении, размножении и распространении им названного выпуска /т. 1, л.д. 193-199, 201-211, т. 3, л.д. 170-172/ вина его в совершении преступления подтверждается изъятием у него рукописных материалов к выпуску /т. 1, л.д. 41-44, 120-121/, их осмотром /т. 2, л.д. 61-63/, заключением почерковедческой экспертизы /т. 2, л.д. 69-73/, изъятием 4 выпуска у БЕЛНОВСКОГО (т.1 , л.д. 9/ и ВЕЛИКАНОВОЙ /т.1 , л.д. 63/ и их осмотром /т. 2, л.д. 256, т. 3, л.д. 191/, заключением специалистов по материалам выпуска /т. 3, л.д. 2-34/ и другими доказательствами, собранными по делу.

/40/ 5. Изготовление и распространение весной 1979 года 5 выпуска сборника “В защиту экономических свобод”.

Также весной 1979 года СОКИРКО изготовил и распространил 5 выпуск сборника “В защиту экономических

свобод”, поместив в нем материалы: “Будущее Советского Союза” Г. Бельского и “О тотальном планировании” К. Ясперса, содержащие клеветнические измышления о сущности социалистического планирования; после размножения названного выпуска распространил его на территории города Москвы.

/41/ (*Аналогичен абзацу /39/, но касается 5-го выпуска*)

/42/ 6. Изготовление и распространение весной 1979 года 6 выпуска сборника “В защиту экономических свобод”.

/43/ Весной 1979 года СОКИРКО изготовил и распространил 6 выпуск сборника “В защиту экономических свобод”, поместив в нем материалы: “Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви” Зейпеля, “Разноцветные рынки в Советском Союзе” А. Канцелейбогена, а также изготовленные им лично под псевдонимом К. Буржуадемов - “Вместо послесловия к статье Канцелейбогена “Разноцветные рынки в СССР” и “Стиль руководства страной, как он видится в книге Л.И. Брежнева “Целина”, содержащие клеветнические измышления о стиле руководства страной, о сущности социалистического планирования; после размножения названного выпуска распространил его на территории города Москвы.

/44/ (*Аналогичен абзацу /36/, но касается 6 выпуска*).

/45/ Как видно из материалов, характеризующих обвиняемого СОКИРКО, он был судим 16 мая 1973 года Мосгорсудом по ст. 182 УК РСФСР и приговорён к 6 месяцам исправительных работ по месту работы с удержанием 20% из зарплаты /т. 1, л.д. 170-172/; на путь исправления не встал, в период работы во ВНИИНЕФТЕМАШе неоднократно высказывал политические взгляды, не соответствующие нормам социалистического образа жизни /т. 1, л.д. 147-149, 167/; по месту жительства также характеризуется отрицательно /т. 1, л. д. 162-164/.

/46/ На основании изложенного

СОКИРКО Виктор Владимирович, 1 января 1939 года рождения, уроженец города Харькова, украинец, б/п,

образование высшее, женат, имеет 4 несовершеннолетних детей, работающий во Всесоюзном научно-исследовательском институте "НЕФТЕМАШ" ведущим инженером, проживающий по адресу: г. Москва, ул. Гурьянова <...> судимый 16 мая 1973 года Мосгорсудом по ст. 182 УК РСФСР и приговорённый к 6 месяцам исправительных работ по месту работы с удержанием 20% из зарплаты ежемесячно,

/47/ обвиняется в том, что он, избрав как форму проведения преступной деятельности сбор клеветнических материалов, составление и редактирование нелегального машинописного журнала "Поиски" в период с декабря 1978 года по декабрь 1979 года систематически занимался составлением, изготовлением и распространением в письменной и машинописной форме произведений, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, поместив их в четырех номерах названного журнала, которые были им совместно с другими лицами распространены на территории СССР и переданы за границу,

- /48/ (аналогичен абзацу /4/),
- /49/ (аналогичен абзацу /5/),
- /50/ (аналогичен абзацу /11/),
- /51/ (аналогичен абзацу /12/),
- /52/ (аналогичен абзацу /15/),
- /53/ (аналогичен абзацу /16/),
- /54/ (аналогичен абзацу /19/),
- /55/ (аналогичен абзацу /20/),
- /56/ (аналогичен абзацу /24/),
- /57/ (аналогичен абзацу /25/),
- /58/ (аналогичен абзацу /6/),
- /59/ (аналогичен абзацу /7/),
- /60/ (аналогичен абзацу /29/),
- /61/ (аналогичен абзацу /32/),
- (63/аналогичен абзацу /35/),
- /64/ (аналогичен абзацу /38/),
- /65/ (аналогичен абзацу /40/),

/66/ (аналогичен абзацу/43/),  
т.е. в совершении преступления, предусмотренного ст.  
190-1 УК РСФСР.

Уголовное дело подлежит направлению Прокурору  
города Москвы для утверждения обвинительного заключения с  
последующим направлением в Мосгорсуд для рассмотрения по  
существу.

Старший следователь прокуратуры города Москвы  
младший советник юстиции Ю. А. Бурцев

“Согласен”

Заместитель начальника следственного управления  
города Москвы советник юстиции В. Ю. Смирнов

СПИСОК ЛИЦ, подлежащих вызову в судебное  
заседание:

1. Обвиняемый

СОКИРКО Виктор Владимирович - [дом. адрес] (т. 1,  
л.д.173-178, 183-185, 187, 193-199, 201-204, 205-213; т.3, л.д.162-  
163, 170-172)

2. Свидетели

1. ПЕТРОВА Т.Н. – [дом. адрес] (т. 1, л.д 259-261, 271-  
272)

2. АВДЕЕВА Г.В. – [дом. адрес] (т. 1, л.д. 262-265, 274-  
276)

3. ПОМЕРАНЦ Г.С. – [дом. адрес]

4. ПОЛИЩУК Е.С. – [дом. адрес] (т. 1, л.д. 277-278)

5. СОРОКИН В.М. – [дом. адрес] (т.1, л.д.92-96, 213-218)

6. ЯКОВЛЕВ М.Ю. – [дом. адрес] (т.1, л.д.46, 236-239)

7. ТОМАЧИНСКИЙ В.В. – [дом. адрес] (т. 1, л.д. 116,  
252-254)

8. ШМИДТ А.З. – [дом. адрес] (т. 1, л.д. 47-148)

9. КОНЬКОВ В.А. – [дом. адрес] (т. 1, л.д. 162-164)

Эксперт

ГОРЧАК Раиса Владимировна - ВНИИСЭ тел. 256-20-86  
Старший следователь Ю. А. Бурцев

## **СПРАВКА**

1. Преступление совершено в период с начала 1978 года по декабрь 1979.

2. Настоящее уголовное дело выделено 22 августа 1980 года из уголовного дела № 5О611/14-79.

3. Предъявлено обвинение СОКИРКО В. В. по ст. 190<sup>1</sup> УК РСФСР 30 января 1980 года; перепредъявлено по этой же статье 4 сентября 1980 года.<sup>16</sup>

4. Мера пресечения - содержание под стражей - избрана 23 января 1980 года, изменена на подписку о невыезде 4 сентября 1980 года.

5. Гражданский иск не заявлен.<sup>17</sup>

6. Вещественные доказательства: материалы, изъятые у СОКИРКО, находятся в деле; журнал "Поиски" с 1 по 7 номера и сборники "В защиту экономических свобод", выпуски с 1 по 6, приобщены в качестве приложений к уголовному делу; пишущие машинки "Олимпия" №124440 и "Континенталь" №496516 приобщены к делу.

7. Требования ст. ст. 201-204 УПК РСФСР выполнены в период с 4 по 8 сентября 1980 года.

---

<sup>16</sup> А. А.: «Что значит «предъявлено» и «перепредъявлено»?». Л. Т.: «Обвинение (на одном листочке) предъявляют в течение 10 дней после ареста с указанием статьи. Скорее всего Витя первоначально обвинялся только в участии в «Поисках». Я сделала такой вывод из строчки Валериного письма Кате: «Виктору уже и его сборники идут в вину» (Катя Абрамкина читает это письмо в диафильме «Наши пансионаты»). При закрытии дела Бурцев в какой-то форме сообщил, что изменил первоначальное обвинение (перепредъявил, не меняя статьи), поскольку к «Поискам» добавил ЗЭСы (6 выпусксов из 8).

Сборники «Жить не по лжи..» и «Советский читатель...» Бурцев тоже посыпал на заключение, но их в обвинительное заключение не включил.

<sup>17</sup> А. А.: «Что значит: «Гражданский иск не заявлен?». Л. Т.: «Это значит, наверное, что денежных претензий нет».

8. Обвинительное заключение составлено в городе Москве в период с 8 по 9 сентября 1980 года.

Старший следователь Ю.А.Бурцев

### **П.2.2.3. Свободная запись судебного процесса в Мосгорсуде по обвинению Сокирко В.В. по ст. 190- 1 УК РСФСР**

**Примечание.** Эта запись составлена на основе моей памяти и Витиных записей собственных и чужих выступлений, а также выписок из “Протокола судебного заседания”, с которым он познакомился через месяц, чтобы дать свои замечания. Протокол судебного заседания существенно сокращал содержательную сторону выступлений, особенно, Витиных, я привожу их полностью. Случай существенных разногласий, замеченных Витей в протоколе, отмечаются в примечаниях. К сожалению, выписки из протокола он делал украдкой и потому очень отрывочно. – Л. Т.

#### **Заседание 29.09.1980**

(Большая пустая аудитория на втором этаже, на столах микрофоны, мест для публики -18, в том числе три для нас – меня, Оли и Саши Оболонских (1).<sup>18</sup>

Появившиеся зрители, в основном, молодые люди. В коридоре - распорядители, в зале - комендант и связист).

---

<sup>18</sup> Здесь и далее, примечания (1-9) см. в конце «Свободной записи судебного процесса».

## **Объявляется дело,**

подтверждается личность подсудимого и объявляется состав суда: председательствующий - член Мосгорсуда БОЙКОВА Н.Г., народные заседатели - МАЛЫШЕВ П.И., БАРИНОВ И.А., прокурор - ПРАЗДНИКОВА Т.П., адвокат - ЛИВШИЦ В.И., секретарь суда --АРТЮКОВСКАЯ Л.В.

Свидетели явились все, кроме троих: двое в отъезде, одна больна. Председательствующий разъясняет подсудимому право отвода, его право на участие в судебном разбирательстве и спрашивает, нет ли ходатайств.

У Сокирко отводов суду и государственному обвинителю нет, но есть два ходатайства:

### **“Ходатайство 1.**

Как мне известно, по закону в делах, где обвинение поддерживает государственный обвинитель, обязательно и участие защитника. Тем не менее, я от услуг защитника отказываюсь согласно ст. 50 УПК РСФСР, в юридической помощи не нуждаюсь, свою защиту намерен вести сам.

### **Ходатайство 2.**

Ознакомившись с обвинительным заключением, я убедился, что обвинение доказывает наличие клеветы в тех самиздатских произведениях, распространение которых ставится мне в вину, почти исключительно на основе заключений специалистов. Однако эти заключения составлены крайне неудовлетворительно и бездоказательно. Поэтому для установления истины по делу я считаю необходимым участие в судебном следствии авторов этих заключений и потому ходатайствую о вызове в суд следующих специалистов:

1. Зав. сектором Института всеобщей истории АН СССР, доктора исторических наук РЖЕШЕВСКОГО,

2. Зав. сектором Института истории СССР АН СССР доктора исторических наук Г. Л. ТРУКАНА,

3. Директора Института международного рабочего движения АН СССР, член-корреспондента АН СССР ТИМОФЕЕВА Т.Т.

4. Директора Института экономики АН СССР, доктора экономических наук КАПУСТИНА Г.В. “

Судья предоставляет слово адвокату. Он отвечает и поддерживает первое ходатайство: “Это решение Сокирко не импульсивное, а глубоко продуманное. Мой подзащитный в здравом уме, памяти, здоров и вполне может себя защищать”.

Суд отпускает адвоката, который тихонько удаляется, со всеми попрощавшись и не удержавшись от выражения удивления подсудимому: “ А я и не знал, что зал радиофицирован”.

По поводу ходатайства 2 прокурор заявляет, что оно преждевременно. Суд, “посовещавшись на месте”, решает: “Ходатайство о вызове специалистов отклонить, поскольку оно преждевременно и необоснованно”.

## **2. Оглашается обвинительное заключение.**

На вопрос председ.: “Понятно ли обвинение?” подсудимый отвечает: “Текст понятен, однако... (хотел сказать, что не понятно отсутствие в обвинении обоснований заведомой ложности упоминаемых самиздатских работ), но... (2) Председ. перебивает вторым вопросом: “Хорошо, текст обвинения Вам понятен, а признаете ли себя виновным?”

Подсудимый: “Ответ на этот вопрос для меня сложен, он сформулирован в моём заявлении, которое я сейчас зачитаю.

### **ЗАЯВЛЕНИЕ В СУД И ДЛЯ ПЕЧАТИ**

*от гражданина СССР Сокирко Виктора  
Владимировича.*

*Как мне стало известно, в некоторых зарубежных  
западных средствах массовой информации появились  
сообщения обо мне как о “жертве советского режима”. В  
связи с этим я должен сообщить следующее.*

*Многие годы по глубокой заблужденности я  
занимался деятельностью, порочащей советский  
общественный и государственный строй. К сожалению,*

*мои отдельные статьи использовались западными противниками в ущерб нашей стране.*

*Осознав антиобщественный характер моей деятельности, я осуждаю её и готов искупить свою вину перед народом честным трудом на благо нашей Родины.*

*В связи с этим я категорически запрещаю использовать мои работы и имя во враждебных моей стране целях или для ведения против нее психологической войны.*

*Данное заявление с моего согласия может быть опубликовано в советской печати, АПН и на телевидении”*  
29. 09. 80г. Подпись

Председ.: Суд должен определить, признаете ли Вы свою вину полностью, частично или отрицаете.

Подсудимый: Я настаиваю, что мой ответ содержитя в зачитанном заявлении, и прошу его занести в протокол. Устно же я поясняю, что свою вину сознаю лишь в той части, что мои работы были использованы за рубежом во враждебных стране целях, но обвинения в клевете я не признаю, не понимаю (2).

Председ: Значит, Вы признаете свою вину частично, а текст Вашего заявления мы приобщим к протоколу.

### **3. Допрос подсудимого**

Допрос начинается предложением подсудимому рассказать все известное ему по поводу обвинения и обстоятельств по делу.

Ответ: Прежде всего, я должен подтвердить фактическую сторону обвинения и данные мною на следствии показания. Действительно, с декабря 1978 по декабрь 1979 года я входил в редакцию самиздатского московского журнала “Поиски”, принимал участие в редактировании его материалов, помещал в нем свои статьи и способствовал их распространению. Однако мое основное внимание было привлечено к обсуждению экономических проблем страны в

самиздатских сборниках “В защиту экономических свобод”, которые я составлял с марта 1978 по июнь 1979 года под псевдонимом К. Буржуадемов. Сразу поясню, что этот псевдоним - Коммунист Буржуадемов был выбран мною, чтобы в полемической форме подчеркнуть свои буржуазно-коммунистические или либеральные взгляды. Часть статей этого сборника помещалась затем в экономических и иных разделах журнала “Поиски”. Но обо всех этих обстоятельствах я уже давал подробные показания на следствии.

Сейчас, в дополнение, я считаю необходимым дать суду пояснения о самом главном - о мотивах и причинах моей самиздатской деятельности. Почему, собственно, благополучный, хорошо работающий человек (что подтверждается и характеристикой с работы), имеющий хорошую, крепкую семью, правда, когда-то осуждённый за отказ давать свидетельские показания, но твердо обещавший себе и другим не допускать нарушения закона, вдруг вновь привлечен к уголовной ответственности и по гораздо более тяжелому обвинению, на его квартире производят несколько обысков, потом арестовывают - и этим он приносит большие страдания своей семье, родным и знакомым, не говоря уже о себе самом?

Дело в том, что я совсем не считал тогда свою деятельность плохой и тем более - противозаконной, а напротив, считал ее выполнением своих гражданских обязанностей, исполнением долга перед страной и ее будущим в предвидении грозящих ей бед. Возможно, я заблуждался, возможно, виноват мой склад ума, с юности втягивавший меня в идеологические сомнения и выработку своих убеждений, идеалов, своей веры. Мне казалось постыдным ограничиваться только своей профессиональной работой и семьей и молчать о негативных процессах в стране, а главное, угнетала острая тревога за будущее, когда могут быть исчерпаны источники сегодняшнего относительного нашего благополучия.

Свои соображения я неоднократно высказывал в письмах, направленных как в высшие руководящие органы

страны, так и в советскую печать, но практически ни разу не получал ответов по существу. Поэтому мне невольно приходилось ограничиваться обсуждением этих тем в узком кругу знакомых, не всегда в этом заинтересованных. Но чем больше я углублялся в острые экономические и нравственные проблемы, тем больше ощущалась необходимость быть услышанным специалистами и другими живо заинтересованными людьми - отсюда стремление к расширению круга лиц для обсуждения этих тем, сначала с помощью экономических сборников, а затем вступление в дискуссионный журнал "Поиски".

Председ.: Вы в достаточной мере объяснили свои мотивы. Суду же важно знать, что Вы знаете об обстоятельствах дела, указанных в обвинении. Держитесь ближе к сути обвинения.

Ответ: Я подтвердил всю фактическую сторону обвинения, а сейчас хочу объяснить свое тогдашнее субъективное состояние, которое вело меня к нынешнему положению. Конечно, я давно слышал, что за самиздат иногда судят как за клевету, но вместе с другими инакомыслящими считал, что это - вид судебных ошибок и преследований за предвидения и критику, которые создавали своеобразный ореол вокруг осужденных, как мучеников за правду. Чем сильнее была моя тревога, тем постыднее казалось бояться личных опасностей. Созданию порочного круга содействовала и та, на мой взгляд, нехорошая традиция, что следственные органы и суды обычно уделяли очень мало внимания аргументированному доказательству самого наличия клеветы, т. е. заведомо ложных (с точки зрения и самих авторов) измышлений.

Также я должен отметить, что мое глубокое убеждение в отсутствии у меня клеветы и антисоветской пропаганды основывается на постоянном стремлении к спорам и дискуссиям, к оспориванию собственных взглядов. Я уверен, что клевета и дискуссии просто логически, а, следовательно, и

юридически несовместимы. А ведь спорам и столкновением разных точек зрения посвящены почти все мои самиздатские работы последних лет. И в редакцию журнала "Поиски" я вступил именно потому, что своей главной задачей журнал объявил диалог разных людей, поиски взаимопонимания. В самой редакции были люди разных, почти несовместимых точек зрения. Объединяло нас только убеждение, что все спорят искренне и что в споре мы должны находить взаимопонимание, а это никак не совместимо ни с клеветой, ни с пропагандой. Привлекало еще, что "Поиски" были открытым журналом, редакторы не скрывали своих фамилий. Никто не сомневался, что и "Поиски", и сборники "В защиту экономических свобод" легальные издания, т. к. никаких законов по самой форме своего существования они не нарушали. Ведь нет у нас закона или хотя бы положения, запрещающего подобные издания. Поэтому члены редакции долгое время не считались с угрозой уголовного преследования, поскольку собственная невиновность казалась очевидной. Мы требовали сначала доказательств допущенной в журнале клеветы. Поэтому я считаю, что обвинение неверно называет "Поиски" и экономические сборники нелегальными.(3)

Председ. вновь требует придерживаться текста обвинения. Прокурор ее поддерживает. Говорить следует по эпизодам обвинения.

Ответ: К составлению и редактированию номера 4 "Поисков" я имею отношение лишь номинальное, потому что вступил в редакцию, когда этот номер фактически уже был готов. Я согласился поставить свое имя и потому несу ответственность за него. Журнал не содержит клеветнических материалов. Хотя, конечно, с очень многими авторами я не согласен, но на то он и был дискуссионным журналом.

Прокурор: Расскажите подробно, кто и как изготавливал журнал, в каком количестве, как и кому он распространялся. В чем состояло Ваше участие, редактировали ли Вы сами?

Ответ: Ко времени моего вхождения в журнал техническая сторона была уже налажена, и я в нее не вдавался.

Печатался журнал в 10 экземплярах, кому он передавался, я не знаю.

Прокурор; Вы читали все материалы журнала № 4 и не нашли их клеветническими?

Ответ: Я увидел в них просто другое мнение, отличное от моего.

Другие ответы на вопросы прокурора:

- В журнале собирались люди разных взглядов.

- С № 1 журнала я знаком.

-Статью Байтальского я не помню.

-Статью А. Кузнецова (книгу) “Бедность народов“ я помню.

-Я впоследствии узнал, что журнал был передан за границу.

Ответ по 5 номеру “Поисков”: “Да, принимал участие в обсуждении плана этого номера, редактировал одну экономическую статью и поместил свою - “Ради России”, посвященную полемике с православными почвенниками, и Послесловие к книге Кузнецова “Бедность народов”. Обвинение считает клеветнической статью “Ради России” на основе отзыва специалиста Ржешевского, а тот приписал мне призыв восстановить православную монархию, что совершенно невозможно для меня, человека либеральных взглядов. Никакой клеветы в журнале я не вижу.

Прокурор: Как проходила работа редакции, с кем обсуждался план?..

Ответ: Редакция собиралась и обсуждала и план журнала, и статьи. Но после 25 января 1979 г., когда была проведена серия обысков, совещания редакции стали проходить очень редко, а работа над следующими номерами после восстановления 5 номера сильно замедлилась. Нормальной работы редакции уже не было. Кто печатал материалы, я не знаю. В технические подробности печати журнала я не входил. Единственный эпизод моего участия в размножении “Поисков” - попытка распечатать 5-й номер после его восстановления.

Я обратился к Полищуку с просьбой найти машинистку, чтобы печатать свои материалы туристского плана. Он дал её телефон. Затем она печатала мне статьи, которые входили в 5-й номер журнала в 10 экземплярах. При передаче мне отпечатанного материала на станции метро "Беляево" я был задержан и все изъято.

На вопрос председ.: Дома у меня изымались разрозненные материалы, относящиеся к 5-му номеру.

На вопросы прокурора:

- № 5 был изъят полностью. Мы решили его восстановить. В феврале 1979 года я сам принял решение ещё раз отпечатать журнал.

- Я спрашивал, хотел выяснить, сможет ли она печатать эти материалы. Я сказал, что материалы научного больше плана, машинистка согласилась.

- Псевдоним К. Буржуадемов я избрал в начале 70-х годов.

-Под псевдонимом я выступал резче и запальчивее, а под своей фамилией - более сдержанно. И потом вначале я опасался выступать под своей фамилией. В последние годы я старался больше выступать под своей фамилией.

- В статьях, помещенных в журнале, клеветы и измышления, порочащих наш строй, я не видел.

- Все факты, излагаемые в статьях, были достоверны.

- К связям с Западом я всегда относился настороженно, сторонился их, но считал их неизбежностью. Об идее печатания "Поисков" на Западе людьми, такими же, как и мы, ищущими взаимопонимания при обсуждении общественных проблем, я слышал и не возражал против нее. Я знал, что наш журнал передается за границу.

На вопрос председ.: Сорокин - сотрудник журнала. Я не знал, что 5-й номер размножался на квартире Сорокина.

Вопрос народного заседателя: Была ли касса? Получали ли деньги из-за границы? Как оплачивалась работа?

Ответ: Кассы не было, деньги из-за границы не получали, оплачивалась только работа машинисток и бумага,

остальное - личный труд. Я, например, собирался оплатить печать 5-го номера из своих средств, а затем возместить их деньгами читателей.

Ответ по 6-му и 7-му номерам журнала:

- 6-й номер готовился вместе с 7-м летом-осенью 1979 года. Мы знали, что ведется следствие по делу нашего журнала, всех редакторов вызывали на допросы в качестве свидетелей. Начавшееся уголовное преследование журнала меня глубоко тревожило, но я был уверен, что это лишь угроза, чтобы не выходили следующие номера, и что вины за нами нет. Я всегда считал себя не только законопослушным, но и лояльным, т.е. выполнявшим не только строго законные требования власти, но учитывавшим не формализованные интересы государства. Поскольку нормальной работы в условиях обысков и уголовного преследования не получалось, то с осени я стал отстаивать тезис о необходимости приостановки журнала или самороспуска редакции. Такое решение и было принято в конце 1979 года. Но поскольку мы были связаны обязательствами перед авторами, то были собраны и выпущены 6-й и 7-й номера журнала "Поиски". В них я тоже ничего клеветнического не нахожу. В них помещены мои статьи...

Ответы на вопросы председ.:

- Материалы 6-го и 7-го номеров я читал, возражений против их помещения у меня не было.

- Обыски у меня были, изымались материалы самиздата, претензий по обыскам у меня не было.

- При издании журнала эти материалы были помещены в 6-м и 7-м номерах. Я их не редактировал.

- Я не знаю, каким именно образом размножали 6-й и 7-й номера журнала.

- Свои работы я печатал на машинке "Олимпия", затем она была изъята. Редакция журнала предоставила временно мне машинку "Континенталь". Поскольку я получил эту машинку уже летом, после выхода 5-го номера журнала, то я не мог на ней печатать материалы "Поисков" № 4 и 5, как это ошибочно указывается в обвинении.

Ответы на вопросы прокурора:

- Журнал брошюровался, кто этим занимался, не знаю.  
Лично я не занимался.

- Мы считали издание “Поисков” законным.

-Журнал “Поиски”- самиздатский, мы сами его издавали, распространяли в довольно узком кругу людей, среди таких, как мы.

- Вначале я не давал показаний следователю, т. к. не считал свои статьи клеветническими и требовал доказательств. После предъявления заключений специалистов я стал давать показания.

- На деле, конечно, приходилось принимать меры, чтобы не попасть под уголовное преследование, хотя в душе я считал, что поступаю правильно и законно.

Ответы по сборникам “В защиту экономических свобод”:

-Я составил первый выпуск сборника “В защиту экономических свобод”(ЗЭС-1) в период с января по март 1978 г. как дискуссионный сборник по вопросам, которые казались мне очень важными - об отношении к развитию у нас экономической инициативы людей. Я не считал ни ЗЭС-1, ни последующие сборники криминальными, как не признаю криминальным сборник ЗЭС-7. Я начал заниматься выпуском этих самиздатских сборников, т. к. мои обращения в официальные органы оставались без ответов.

Нар. заседатель: Кому Вы писали письма?

Ответ: В Верховный Совет, в Конституционную комиссию, в советскую печать...

2-й нар. заседатель: И ни от кого не получали ответов?

Ответ: Ни от кого. Из газет получал только извещения, что письмо получено.

(Продолжает): “Сборники я сам собирал, составлял, печатал и распространял, т. е. давал тем, кто интересовался такими темами. Печатал сам около 10 машинописных экземпляров и 5 ксерокопий.

Прокурор: Кто и где делал ксерокопии? Ведь ксерокопии без официального разрешения не делают.

Ответ: Сейчас это стало обыкновенным - делать ксерокопии с художественной литературы, художественный самиздат распространен. Так что мои сборники были в ряду этих книг и вопросов не вызывали. Конкретно, кто делал, я и тогда не помнил, постарался забыть, а сейчас - тем более.

Прокурор: Значит, на этот вопрос Вы отказываетесь отвечать?

Ответ: Считайте, что отказываюсь.

Прокурор: Откуда Вы брали работы людей, перед которыми захлопнулись двери нашей страны? Например, Чалидзе?

Ответ: Книга Чалидзе ходила в самиздате, я ее прочитал и не нашел в ней ничего клеветнического, она написана очень сдержанно, даже академически...

(Продолжает показания): Основная статья 1-го выпуска ЗЭС - "Я обвиняю интеллигентов..." А дальше идет сборник откликов, спор с нею. Как можно видеть из этого спора, почти никто не поддержал моего положительного отношения к спекулянтам. Хотя спекуляция осуждается нашими законами, но я считал, что спекулянты играют положительную роль.

Прокурор: Значит, Вы выступали против закона? А закон есть волеизъявление народа.

Ответ: Я считаю, что законы надо реально выполнять. Но оспаривать их в идейной форме вполне возможно.

(Продолжает): 2-й выпуск ЗЭС был сделан в ноябре 1978 года. В нем шло продолжение дискуссии, но больше места заняли другие материалы. Он уже приобрел вид последующих выпусков.

Прокурор: Почему Вы в одном и том же журнале помещали статьи под псевдонимом и под своей фамилией? Чего боялись?

Ответ: Сначала я действительно боялся. Но дело не только в этом. Псевдоним был избран в начале 70-х годов, как попытка обозначить свои буржуазно-коммунистические

взгляды. Псевдонимом я подписывал остро полемичные статьи, в которых и сам был не уверен, а более спокойные и выдержаные - своей фамилией. Может, произошло как бы раздвоение авторской личности.

Прокурор: Кому давали читать сборники? Великановой давали?

Ответ: Великановой давал, а каким образом получили Белановский, Абрамкин, Померанц, не знаю. Возможно, что и от меня.

Прокурор: Обсуждали ли статьи сборников с кем-нибудь на работе?

Ответ: Нет.

Прокурор: Использовали ли Вы в своих частных работах производственные данные?

Ответ: Не использовал. Моя работа имеет узкую тематику и не представляет общего интереса.

(Продолжает): Во 2-м выпуске ЗЭС я поместил также отрывок из книги Брежнева "Целина", без всяких комментариев, где он пишет о рынках в Алма-Ате. Включение этого отрывка в клеветнические материалы является, очевидно, каким-то недоразумением в обвинении (4). (В зале смех. После перерыва молодого человека, который открыто смеялся, в зале уже не было). Странно и включение в разряд клеветнических отрывка из книги К. Ясперса "Тоталитарное планирование". Он был перепечатан из сборника ИНИОН. Признание этого материала клеветническим означает, что целый государственный институт выпускает клевету солидным тиражом, хоть и для служебного пользования.

Нельзя признать клеветой и рецензию на книгу Б. Комарова, посвящённую охране природы. Я прочел эту книгу, в ней было изложено много тревожных фактов, которые казались мне очень важными. Поэтому я прокомментировал ее и поместил в сборнике.

Председ.: Вы специалист по этому вопросу?

Ответ: Нет.

Пожилой заседатель: Кто консультировал Вас при написании статьи?

(Ответ повторяет сказанное раньше. Заседатель задаёт тот же вопрос. Так повторяется трижды. Заседатель возмущенно пожимает плечами).

Председ.: Считаете ли Вы себя специалистом по всем вопросам, по которым писали в различные органы?

Ответ: Нет.

Председ.: Что же будет, если все станут писать письма, получится бумажная карусель, а людям надо не письма писать, а работать.

Ответ: Я считал, что затрагиваемые мною вопросы важны для каждого, как гражданина.

(Продолжает): Что же касается рецензии на книгу “Целина”, которую [рецензию] обвинение считает клеветнической, то я с глубоким уважением отношусь и к книге, и к ее автору. Я даже знаю, что после чтения моей рецензии некоторые мои знакомые изменили свое негативное отношение к книге и ее автору. Так что эту работу также нельзя считать клеветнической и порочащей.

К весне 1979 года у меня осталось много материалов, и я оформил их в виде пяти выпусков ЗЭС, с 3-го по 7-й. Затем я сам прекратил выпуск этих сборников, т. к. усомнился в целесообразности этого в условиях начавшегося уголовного преследования “Поисков”.

Ответы на вопросы председ.:

- Рецензия на книгу А. Кузнецова “Бедность народов” написана лично мною.

- Я прочитал статью В. Грина и решил, что она близка по своему содержанию к материалам, помещённым в сборнике.

- К моменту обыска черновиков к 1-му выпуску ЗЭС у меня не было.

Ответы на вопросы прокурора:

- Сборники ЗЭС я стал издавать по собственной инициативе. В редакколлегию “Поисков” вошёл позже, мне

хотелось более широкого и аргументированного спора. В “Поиски” я вошел для расширения круга дискуссии по волнующим меня вопросам.

- Названные сборники я делал лично сам.
- Авторов я находил стихийно, перепечатывал самиздатские работы и свои более раннего периода.
- С Чалидзе я никогда не встречался.
- Всего я издал 7 сборников, но мне вменяется 6 номеров.
- По традиции, некоторые свои статьи я помещал под псевдонимом.

Ответы на вопросы председ.:

- Статьи, где выражались буржуазно-демократические взгляды, я помещал под псевдонимом.
- Рецензию на книгу И. Земцова писал лично я.
- Статьи Чалидзе и Грина я получил из самиздата.
- Все материалы печатал лично я.
- Сборники были изъяты у меня на обыске.
- Я давал эти сборники своим знакомым, читающим самиздат, и интересующимся экономикой. На работе не давал никому.
- Работаю во ВНИИНЕФТЕМАШе, до этого работал в ЦЭМИ АН СССР.

- Средства для оплаты ксерокопий изымались мною из семейного бюджета, потом я надеялся их вернуть от читателей. Я считал, что делаю важное дело.

Ответы на вопросы прокурора:

- В 3-м выпуске, заканчивая дискуссию, я каялся в том, что занимал несколько неправильную позицию по некоторым вопросам.

- Я считаю, что нельзя смешивать запретами расхитителей, спекулянтов, шабашников. Наряду с отрицательными чертами у спекулянтов есть положительные черты, т. е. я считаю, что они полезны в определенной мере.

- Почти все люди, читавшие мои статьи, не были согласны с моей позицией. На свою статью я получил много откликов, что позволило уточнить своё понимание. (5)

- Черновики и рукописные материалы к этим выпускам у меня были изъяты следователем.

- Я думал, что сборники будет читать более широкий круг читателей.

Прокурор: Сколько получаете Вы? Ваша жена? Сколько детей? Какова квартира?

Ответ: У меня 4 детей. Моя жена работает экспертом ВНИИГПЭ получает 300 руб., как кандидат технических наук. Я получаю 210 руб. С 1974 года живем в кооперативной квартире.

Председ.: Вы пишете об экономическом кризисе. Но сами зарабатываете достаточно, чтобы жить, и Вам ещё и на "это" хватало.

Ответ: Я признаю, что сейчас мы живем в условиях относительного благополучия, но в будущем я вижу иное. По складу ума я всегда склонен заниматься будущим, где вижу большие беды для всех, в том числе и для моих детей.

Показания по характеристикам:

- Непонятно, почему в обвинительном заключении я характеризуюсь по месту жительства отрицательно и только на основании допроса соседа, который видел, как к нам приходили гости, да иногда слышался стук машинки (6).

Также непонятно, почему на работе я, мол, вёл неоднократные разговоры, не соответствующие нормам социалистического образа жизни. Это заключение следствие сделало на основании лишь одного разговора, отражённого в характеристике. Написав письмо со своими предложениями в Конституционную комиссию в период обсуждения проекта Конституции, я на предложение начальника отдела, ведущего политсеминар по Конституции, ответил, что если пойду, то вынужден буду говорить о своих предложениях, и усомнился, сможет ли

он тогда удержать обсуждение в запланированном русле, не будет ли семинар дезорганизован. Лучше мне не выступать. А теперь из этого одного эпизода делаются совершенно неправильные выводы (7).

Ответы на вопросы прокурора:

- Под стражей я находился с 13 января по 4 сентября.
- Абрамкина я знаю давно. Мы были членами редакции "Поиски".
- Гримма я знаю с конца 1978 года.
- Павловского знаю с конца 1978 года.
- Смирнова, Томачинского, Годнева, Яковлева - не знаю.
- Белановского знаю давно.
- Абрамкин знал, что я выпускаю сборники ЭЭС.
- С некоторыми статьями, помещенными в журнале "Поиски", я не был согласен, но я не возражал против их печатания.
- Журнал продавался нами по 15 рублей за экземпляр и больше, чтобы возместить плату за машинопись.
- Распространением журнала занимались и я и другие члены редакции.

### **Допрос свидетелей**

Свидетель АВДЕЕВА Г.В. - сноха машинистки Петровой (печатавшей для Вити "Поиски" № 5) подсудимого не знает, но в апреле 1979 года по просьбе своей подруги Лены приняла от ее сослуживца Жени (Полищук) для перепечатки работу по йоге, а затем какие-то туристские дневники Виктора. Ей было некогда, и за печатание взялась сестра мужа - Петрова Т.Н., которая сидела дома с ребёнком и нуждалась в деньгах. Потом Петрова сама встречалась с Виктором, и он расплачивался с ней. В конце мая Петрова сообщила ей, что при встрече с Виктором в метро их задержала милиция и изъяла все напечатанное, как запрещенное. Сама Петрова говорила, что в содержание материала при перепечатке не вчтывалась, но это было что-то вроде туристских статей.

Председ.: Говорила ли Вам Петрова, что заподозрила в тексте, который она печатала для Виктора, антисоветское содержание и заявила в милицию?

Ответ: Нет, она не могла этого сделать. Она рассказывала, что Виктор спрашивал её: не смущает ли её текст, но она ответила, что при перепечатке не вдумывается в содержание и ей всё равно.

Председ.: В заявлении 10 мая 1979 г. она написала другое. Ну, хорошо, вопросов больше нет.

(Прокурор просит оставить свидетельницу в зале. Ей приносят стул)

Свидетель ПОЛИЩУК Е.С.

Председ.: Знаете ли Вы Сокирко и в каких отношениях находитесь?

Ответ: Знаю. Отношения дружеские.

Председ.: Расскажите, что Вам известно по существу дела.

Полищук рассказывает, что по просьбе Сокирко он дал ему адрес машинистки для перепечатки своих туристских дневников. А через некоторое время он узнал, что кроме дневников Сокирко давал машинистке еще какие-то материалы экономико-политического характера, а в конце мая при передаче отпечатанной работы их задержали в метро и всё отняли.

Председ.: Читали ли Вы журнал "Поиски" и что Вам известно про него?

Ответ: "Поисками" я не интересовался, хотя со слов Виктора знаю, что он является членом редакции этого журнала.

Прокурор: Знали ли Вы Авдееву, сможете ли ее опознать?

Ответ: Свидетельницу Авдееву видел 1-2 раза, когда передавал ей для печати свою работу по йоге. Опознать могу.

(Авдеева также опознаёт Полищука).

На вопрос прокурора Сокирко отвечает, что Полищук не интересовался такими темами, и он не говорил ему, что даёт печатать материалы для "Поисков".

Председ.: Вопросов больше нет. Свидетель может быть свободен.

(Прошу Полищука оставаться в зале судья "не услышала" и со значением повторила, что он "может идти").

Свидетель СОРОКИН В.М. (предупреждается об ответственности).

На вопросы председ. отвечает: Место работы назвать не могу [на момент этого суда у В. Сорокина не было постоянной работы], место жительства г. Пушкино. Могу ли я узнать суть дела?

Председ.: Суду вопросов не задают. Отвечайте, какие отношения у Вас с Сокирко?

Ответ: Хорошо, тогда я буду отвечать в соответствии с моим пониманием существа дела. С Сокирко отношения у меня нормальные. Я знаю его как честного, вдумчивого человека. Он никогда не позволит себе заведомо ложных суждений, он глубоко обеспокоен судьбами своей Родины. Он всегда откликался на большие и малые события...

Председ.: Суду личность Сокирко известна и Ваша характеристика ему не требуется. Отвечайте, что Вы знаете об участии Сокирко в "Поисках" и в сборниках "В защиту экономических свобод"?

Ответ: Сокирко - редактор "Поисков", а какие именно журналы он выпускал ещё, я не знаю. Знаю, что выходят сборники "ЗЭС". Сам я прочитал с 1 по 8 номера журнала "Поиски" в общественной библиотеке. Её название и адрес называть отказываюсь.

Другие ответы на вопросы председ.:

- Майкову знаю. Мне не известно, приносила ли она 4-й номер журнала ко мне. У меня этот журнал не изымался.

(Оглашается из дела т. 1, л.д. 214, - показания свидетеля Сорокина от 25.01.1979).

- Я не давал таких показаний, ведь на допрос меня не вызывали.

- Подпись в протоколе - моя. Но это была только беседа со следователем.

- В моей квартире журнал “Поиски” № 5 не печатался.  
(Оглашаются свидетельские показания Сорокина от 25.01.1979, т. 1, л. д. 214)

- Я не давал показаний о том, что в моей квартире печатался 5-й номер журнала.

- Фраза в протоколе “С моих слов записано верно” написана моей рукой, но это была лишь беседа со следователем о журнале “Поиски”, а не допрос.

- В редколлегию “Поисков” входили Абрамкин, Гримм, Лерт...

- Лично я от Сокирко никаких рукописей не получал.

- Перед беседой со следователем у меня на квартире был обыск

(Оглашается протокол изъятия у Сорокина В.М., т. 1, л.д. 39)

На вопросы прокурора:

- Такой факт имел место.

- Не помню, было ли у меня обращение “Хартия-77”.

- Изымалась машинка “Олимпия”.

- Я не помню, что изымалось у меня во время обыска.<sup>19</sup>

- Я не могу сказать, как ко мне в квартиру попал этот материал, мне неизвестно. Протокол обыска я подписывал.

- Этот материал ко мне попал не от Сокирко, а от кого, я не хочу говорить.

- Давать показания против себя я отказываюсь.

- Я бывал у Сокирко, никаких материалов от него я не получал.

---

<sup>19</sup> А. А.: «Наверное, Сорокин правильно делает, заявляя, что не помнит, что у него изымалось. Но, вообще-то, у него должен был иметься экземпляр протокола обыска». Л. Т.: «Следуя известной «Памятке для тех, кому предстоят допросы» А. Есенина-Вольпина, на допросах надо было отвечать: «Не помню».

- У меня были претензии по поводу обыска, но они остались без удовлетворения. Я просил, чтобы в протокол обыска были внесены работники милиции. Этую просьбу удовлетворили.

(Предъявляется протокол обыска у Сорокиных, т. 1, л.д. 39)

- В протоколе стоит моя подпись...

Председ.: Вопросов больше нет, можете идти (8).

Сорокин желает остаться в зале. Ему говорят, что нет стульев. Он указывает на освободившийся после ухода Авдеевой стул. Судья опять говорит, что свидетель может быть свободным. Сорокин говорит, что может и постоять. Тогда прокурор говорит: "Для Вас же будет лучше, если Вы уйдете". Сорокин: "Вот так, по крайней мере, честнее. Значит, суд над Сокирко не был открытым". (Уходит).

Свидетель ЯКОВЛЕВ М.Ю.

На вопросы председ. отвечает:

- Сокирко знал три года. Отношений никаких. Кажется, один раз пили вместе чай.

- 4-й номер журнала "Поиски" изъяли на обыске. Я не успел его прочесть.

- Протоколу обыска доверяю. Этот журнал я получил не от Сокирко. Больше журналов "Поиски" я не видел.

На вопросы прокурора отвечает:

- Я не говорил, что журнал дал мне Абрамкин, журнал не успел прочитать и потому не могу сказать, чем он меня интересовал.

- Я не хочу говорить, от кого я узнал о существовании журнала.

- Я видел фамилию Сокирко на титульном листе журнала, но не знал, что он автор статей.

На вопрос прокурора Сокирко отвечает: "Я не давал Яковлеву 4-й номер. Знал его поверхностно, даже не знал по фамилии. Возможно, он бывал у меня во время просмотров туристских диафильмов.

Объявляется перерыв до 30.09.1980.

## *Судебное заседание 30.09.1980*

(В зале нет лишних стульев. У нас забрали сумки и портфели и в соседней комнате обыскали их. Публика в зале в основном новая).

Допрос свидетельницы ПЕТРОВОЙ Т.Н. (машинистки)

На вопросы председ: Сокирко я знаю, отношений никаких. Моя родственница Авдеева дала мне работу для печати. Потом я встречалась с Виктором сама. Вначале я печатала заметки о памятниках архитектуры, Затем он предложил мне печатать статьи по 12 экземпляров.<sup>20</sup><sup>28</sup> 28 апреля я часть отпечатанного отдала и Сокирко сразу заплатил. А потом был звонок из милиции, ну, и все остальное... С Виктором встречалась еще 10 мая и 29 мая, когда все отобрали.

Председ.: Вам звонили? А вот у него в деле есть Ваше заявление от 10 мая, в котором Вы пишете, что сами увидели антисоветскую направленность этих текстов и потому обратились в милицию. Разве не так было дело?

Ответ: Конечно, так. К тому времени я сама стала понимать, что делаю что-то неверное. Это одновременно произошло - и звонок, и мое заявление.

Прокурор: Расскажите подробней. Вы сначала печатали какие-то обычные тексты?

Ответ: Да, о йоге и путевые заметки.

Прокурор: и там тоже были неправильные высказывания, например, о Сталине в заметках о Прибалтике, да?

Ответ: Да, были там всякие высказывания о Сталине.

Прокурор: Так значит, и раньше Вы печатали неподтвержденные высказывания, но они были редкими. Ну, а потом следующие тексты Вы нашли антисоветскими и

---

<sup>20</sup> А. А.: «Одна закладка на папиросной бумаге? Или две закладки по 6 экз.?». Л. Т.:» Одна закладка на папиросной бумаге».

сообщили об том в милицию? Да? Позвонили, пришли и там написали заявление? (ПЕТРОВА со всем соглашается). Вас в милиции попросили продолжать контакты с Виктором, чтобы разоблачить до конца его преступную деятельность? (ПЕТРОВА соглашается). Правильно! Так поступил бы каждый советский человек! Вы говорили на следствии, что когда в первый раз должны были встретиться с Виктором, он не подошел к Вам, потому что Вы были вдвоем с Авдеевой, а не одна.

Ответ: Он говорил, что не узнал меня.

Вопросы подсудимого: Татьяна Николаевна, сначала выясним детали нашей первой встречи, раз суд ими интересуется, наверное, как доказательством, что с самого начала я конспирировал. Помните, что когда я первый раз уставливался по телефону о нашей встрече на станции метро ВДНХ, Вы сказали, что будете в красном пальто и одна. Точного места не указали. ВДНХ многолюдная станция, женщин в красном пальто было много, а Вы пришли не одна, поэтому мы не узнали друг друга. Когда на следующий день мы встретились уже в точно обозначенном месте, я Вам объяснял это? Так это было? (Петрова соглашается, но удивляется, почему ей надо отвечать на вопросы подсудимого. Судья ей разъясняет). Теперь в отношении Вашего заявления в милицию. Татьяна Николаевна, когда я передавал Вам для печати публицистические статьи, спрашивал ли я Вас, не смущают ли Вас эти тексты, а Вы разве не отвечали, что содержание их Вас не интересует, так? (Петрова соглашается). Но если у Вас возникли сомнения, почему Вы не сказали об этом мне, а написали заявление в милицию?

Петрова начинает говорить: “Я не имела права Вам говорить, т.к. получила инструкции в милиции ...”, но судья вопрос снимает.

Подсудимый настаивает на продолжении ответа, потому что это важно для дела, для выяснения, навязывал ли он машинистке работу, обманывая ее. И потом ему лично очень важно знать истину: сама ли Петрова обманула его доверие, или она действовала под внешним давлением.

Председ.: Ваше отношение к Петровой суд не интересует. У Вас нет больше вопросов?

Подсудимый: Есть. Т.Н., Вы сказали, что был телефонный звонок из милиции, Вы туда пришли и там написали заявление. Это было 10 мая? А может раньше? Ведь часть этих статей Вы печатали в апреле и передали мне уже 28 апреля. В какое время дня был телефонный звонок?

Петрова: В середине дня.

Подсудимый: Но в этот же день 10 мая мы встречались с Вами около 5 часов вечера. Значит, в середине дня 10 мая был телефонный вызов в милицию, Вы туда пошли, там долго разговаривали, затем вернулись домой за материалами, чтобы предъявить их милиции, написали заявление, материалы рассмотрели, потом их Вам вернули, и дали инструкцию, как вести себя со мной. И вы еще успели на встречу со мной, и все это за два-три часа. А может все-таки телефонный звонок был раньше?

Председ. снимает этот вопрос как несущественный и отпускает Петрову (9).

Свидетель ТОМАЧИНСКИЙ В.В.

- О деле мне известно понапаслыше. С Сокирко я не знаком, но догадываюсь, что на скамье подсудимых сидит он. "Поиски" читал, это интересный журнал. Статьи Сокирко не запомнил, но среди экономических материалов были интересные и ответственные статьи.

На вопрос председ. "От кого получал "Поиски"? отвечает, что слишком уважает советский суд и не хотел бы думать, то тот занимается полицейским сыском.

Председ: настаивает, тогда Томачинский отвечает: "Не от Сокирко".

Прокурор: Бывали ли у Сокирко дома?

Томачинский: В его отсутствии? Я же говорил, что с ним не знаком.

Ответ Сокирко на вопрос прокурора: Томачинского не знаю, его статей тоже, в журнале их не комментировал.

(После допроса Томачинский собирается оставаться в зале, но судья не позволяет. Он уходит, громко заявив: "Тогда я могу всем свидетельствовать, что суд над Сокирко не был открытым").

Свидетель ШМИДТ А.З. - нач. отдела  
ВНИИНЕФТЕМАШа, в котором Сокирко работает.

- Сокирко - работник моего отдела. Знаю я его давно, ещё до того, как в 1978 году перешёл в тот отдел начальником. Отношения с ним нормальные. По сути дела мне известно очень мало. Слышал, что в 1979 году его задерживали несколько раз органы КГБ. А в январе 1980 г. его арестовали прямо на работе, даже не поставив меня в известность.

Ответ на вопрос прокурора: Сокирко хороший специалист высокой квалификации, по работе к нему никаких замечаний нет. Сокирко очень активно работал в совхозе и на субботниках. Поведение у него безупречно, опозданий и нарушений трудовой дисциплины не было. Общественной работы он не вел.

Прокурор: Высказывал ли Сокирко взгляды, не соответствующие нормам социалистического образа жизни?

Ответ: Нет, ничего такого не было. Сокирко вел в отделе очень замкнутый образ жизни. Был эпизод, о котором я рассказывал следствию. Когда обсуждался проект Конституции, до меня дошло, что Сокирко написал письмо Брежневу со своими предложениями. И я в личной беседе попросил его показать это письмо.

Прокурор: И что, в нем было что-то неположенное? Что именно?

Ответ: Да, я письмо не совсем понял, потому что и тогда не имел времени прочитать его внимательно. Кажется, он предлагал объединить партийные и государственные органы. Однако когда об этом письме я посоветовался в парткоме, мне объяснили, что в то время шло всенародное обсуждение Проекта Конституции, и каждый гражданин имел право писать письма со своими предложениями. Вот и все. Было ли что там о нормах социалистического образа жизни - не помню.

Прокурор: А больше ничего не было?

Ответ: Нет, иначе мы должны были бы принять меры.

Прокурор (хвалит Шмидта за интерес к письму Сокирко: так и должен поступать руководитель, тем более что писалось совсем не то, что надо было писать [не то, что хотели услышать]

Подсудимый: Вы рассказали содержание нашей личной беседы о моём конституционном письме. Характеристика института на меня составлена, видимо, при Вашем участии?

(Шмидт подтверждает). Подсудимый просит зачитать характеристику из института. (Шмидту приносят стул.) Оглашается **характеристика на Сокирко:**

*“.... За время работы проявил себя как квалифицированный специалист в области прогнозирования и расчетов потребности в нефтеперерабатывающем и нефтепромысловом оборудовании, способный самостоятельно решать поставленные задачи. Работал добросовестно, нарушений трудовой дисциплины не имел. Хорошо проявил себя при оказании шефской помощи совхозу “Озеры”, никогда не отказывался от работы на овощной базе и на стройке.*

*В общественной жизни отдела и института участие не принимал, вел замкнутый образ жизни, дружеских связей с сотрудниками, не имел.*

*В течение 1972-1979 гг. посещал семинарские занятия высшего звена сети политической учёбы, на занятиях активности не проявлял.*

*Политические взгляды В.В.Сокирко не соответствуют нормам социалистического образа жизни. Так, в период обсуждения проекта Конституции СССР он отказался участвовать в работе семинара политучёбы, мотивируя это тем, что не согласен с рядом статей проекта Конституции, в особенности трактующих роль партии в государстве.*

*После осуждения в 1973 г. по делу Якира и Красина Сокирко неоднократно заверял руководство и общественные организации, что осознал свою вину и впредь никогда не допустит противозаконных действий.*

*Подписи".*

Вопрос подсудимого: Согласны ли Вы, что вывод характеристики: "Политические взгляды Сокирко не соответствуют нормам социалистического образа жизни" сделан лишь на основе субъективной оценки моего конституционного письма? И согласны ли Вы, что мне ставится в вину частный разговор с Вами, когда я просил освободить меня от семинара, чтобы не усложнять Вашу работу и не дезорганизовать семинар? Наконец, согласны ли Вы с выводом обвинения из характеристики и Ваших показаний: "Во ВНИИНЕФТЕМАШе Сокирко неоднократно высказывал взгляды, не соответствующие социалистическому образу жизни"?

Ответ: Нет, не согласен с такими выводами. Мне неизвестно, высказывал ли Сокирко мнения, не соответствующие нормам социалистического образа жизни. Я таких показаний не давал.

Подсудимый: Ещё один вопрос. В характеристике сказано, что я не принимал участия в общественной жизни. Значит ли это, что не принимал активного участия или что вообще отсутствовал: не ходил на собрания, на мероприятия, отказывался от общественных поручений?

Ответ: Конечно, Сокирко на собраниях всегда бывал, в сети политпросвещения обучался. Это сказано в смысле отсутствия активной выборной должности.

Прокурор: Сокирко, неужели Вам не понятно, что участвовать в общественной жизни, значит иметь выборную общественную должность?

Подсудимый: Не согласен. Общественные должности и общественная жизнь - не одно и то же. Я же не бесплотный дух, чтобы не участвовать в жизни.

(Допрос Шмидта окончен. Он просит остаться в зале. Судья, поколебавшись, разрешает).

Председ. сообщает об окончании допроса явившихся свидетелей обвинения (свидетелей защиты не было). Также сообщает, что свидетель ПОМЕРАНЦ Г.С. отсутствует по неизвестным причинам, а свидетель КОНЬКОВ В.А. находится в загранкомандировке.

Прокурор просит огласить показания КОНЬКОВА В.А. на предварительном следствии, поскольку он отсутствует по уважительным причинам.

Из протокола допроса 28.01.1980. соседа по лестничной клетке КОНЬКОВА Виктора Александровича, 1948 г.р., члена КПСС, ассистента МАДИ [Московского автомобильно-дорожного института]

*“По существу дела могу сообщить следующее. По указанному адресу я проживаю со своей семьей с августа 1974 г. Примерно тогда же я познакомился с Сокирко, соседом по лестничной площадке. Насколько я знаю, материальное положение в семье Сокирко следующее: у них четверо детей - старшему сыну примерно 16 лет, дочери лет 11-12 и двойняшкам, мальчику и девочке, по 5 лет. Старшие дети учатся в школе, младшие посещают детский сад. Семья Сокирко очень часто ходила в походы, об этом я узнал из разговора со старшим сыном Сокирко. С самим Сокирко и его женой у нас дружеских контактов не было. В квартире Сокирко очень часто собираются гости, иногда мне приходилось видеть гостей Сокирко на площадке. Среди гостей Сокирко бывали и молодые, и пожилые, и мужчины, и женщины, и даже дети самого разного возраста. Больше всего молодых в возрасте от 20 до 35 лет. Обычно взрослые часто дружно выходили курить на лестничную площадку. Я обратил внимание, что среди гостей было довольно много бородатых мужчин. Из женщин я запомнил бывавшую у Сокирко пожилую женщину невысокого роста, судя по внешности, еврейку. Гости обычно приходили к Сокирко в будни, но*

*бывали и в выходные дни. По словам моей жены Ларисы Николаевны Коньковой, визиты к Сокирко особенно участились в последние 3-4 месяца, в частности, по четвергам и вторникам. По времени гости приходили примерно от 18 до 20 часов, уходили от них от 23 до 01 часа ночи. Последний визит к Сокирко был 26 января в субботу.*

*Хочу дополнить, что, выходя однажды со своей собакой, я случайно услышал, как один из гостей Сокирко, молодой человек называл пожилую женщину, о которой я упоминал выше, как о еврейке, мамой.*

*Из разговора с сыном Сокирко Артёмом я знаю, что сами Сокирко ранее ездили в отпуск на Урал, точнее на Северный Урал, в район Байкала, а в 1979 г. на Каспийское море, в район Махачкалы. Обычно супруги Сокирко ездят вдвоём, детей отправляют отдыхать к бабушке в Волгоград. По словам сына Сокирко Артёма, его отец снимает имеющейся у него кинокамерой фильмы и делает звуковое сопровождение...*

*По роду своей работы я иногда бываю в дневное время дома, поэтому могу сказать, что периодически слышал доносящиеся из квартиры Сокирко стук работающей пишущей машинки. Иногда этот стук был слышен и по вечерам. Бывая в квартире Сокирко я видел, что у них есть пишущая машинка типа "Континенталь", большая и старая, примерно 30-40-х годов. Какой шрифт, я не знаю...*

*Однажды вечером, примерно в ноябре-декабре 1979 года, находясь со своей собакой на прогулке за нашим домом, я посмотрел наверх и обратил внимание, что окно большой комнаты квартиры Сокирко затемнено, что в комнате работает кинопроектор. О числе гостей Сокирко я могу судить только по тем, которых я иногда*

*видел курящими на лестничной площадке. Их обычно бывает 8-10 человек. Во вторник 22 января 1980 г. примерно в 18-20 часов к Сокирко приходили гости, которые ушли в обычное время, которое я уже указал. 26 января 1980 г. среди гостей Сокирко я видел двух молодых женщин, которые вечером курили на площадке, а днем, позвонив в квартиру Сокирко, я через открывшуюся дверь видел у Сокирко в квартире мужчину лет 30-35.*

*Хочу уточнить, что стук работающей машинки прослушивался не через стенку, а с лестничной площадки, и чаще всего этот стук слышался по вечерам. Примерно в 1977 и в 1978 г. семья Сокирко выезжала в Среднюю Азию. Поездки эти приходились в основном на лето или на начало осени. Как-то сын Сокирко Артём говорил мне, что его отец ездит подрабатывать, но где и каким образом не пояснил”*

На вопрос председ. подсудимый отвечает: “ Я не отрицаю изложенных в показаниях Конькова фактов, но не понимаю, как могло обвинительное заключение, написать, что “**по месту жительства характеризуется отрицательно**”, основываясь на этих показаниях.

## **5. Ознакомление суда с вещественными материалами дела.**

Суд удостоверяет наличие каждого из номеров журнала “Поиски” и сборников ЗЭС, а в них наличие статей, перечисленных в обвинительном заключении как клеветнических. После каждого номера судья спрашивает Витю: “Имеете ли Вы что сказать?” Он недоумённо подтверждает: “Да, эти статьи содержатся в данном номере”. - “Имеете замечания и дополнения?” - “Нет”. Лишь после окончания суда Вите становится ясным, что именно в процессе этой процедуры суд, оглашая документы и обозревая статьи, помещённые в журнале “Поиски” №№ 4-7 и сборники ЗЭС №№ 1-6, официально устанавливали их клеветнический характер.

По просьбе прокурора оглашается вводная статья к 1-му номеру журнала “Поиски”.

Подсудимый: Я знаком с этой статьей, согласен с ней. Именно после прочтения её я понял, что этот журнал близок ко мне и решил стать его участником.

Оглашаются протоколы обысков. У подсудимого замечаний и возражений нет.

Оглашается справка о судимости в 1973 году.<sup>21</sup>

На вопросы прокурора подсудимый отвечает:

- После института, получив квалификацию инженера-механика, около 10 лет работал по профилю, на заводах.

- В бюро стандартизации работал начальником.

- Потом занимался экономическим планированием.

- Меня официально предупредили в КГБ

Октябрьского района Москвы в 1974 году о прекращении деятельности. Я расписался в предупреждении. Никаких обещаний я не давал.<sup>22</sup>

- Речь шла о недопущении незаконных действий с моей стороны. Мне казалось, что я имею право писать письма в различные органы власти и печати, считал, что закон я не нарушаю.

Оглашаются акты экспертизы пишущих машинок.

---

<sup>21</sup> См. ниже: раздел П.0.3.3.

<sup>22</sup> А. А.: «Насколько знаю, тогда существовала такая мера «профилактического» воздействия – официальное предостережение органов госбезопасности. Вероятно, это имеется в виду?». Л. Т.: «Да, предупреждение об уголовной ответственности в случае антиобщественного поведения, выражавшегося, в частности, в распространении самиздата и показе «тенденциозных диафильмов». А. А.: «Ну, этим предупреждением Виктор и Вы все эти годы упорно пренебрегали, особенно, что касается демонстрации на дому ваших туристских диафильмов». Л. Т.: «Да, хотя содержание большей части диафильмов лишь при очень большом желании можно было признать тенденциозным».

Затем суд постановляет судебное следствие оконченным и объявляет перерыв на обед.

## **Судебные прения**

Речь прокурора Праздниковой Т.П.

Граждане судьи! Перед Вами дело - редкое в нашей практика. Ибо в нашей стране нет социальной базы для возникновения буржуазных взглядов. Ведь наш народ много лет трудился и сражался, перенёс неимоверные трудности, чтобы избежать последствий капитализма, чтобы построить развитый социализм.

Наша важнейшая цель - усиление беспощадной борьбы с буржуазной идеологией, с клеветой на наши достижения. В нашей стране строго соблюдаются положения международных Пактов и Деклараций. Конституция СССР полностью охраняет права граждан, но, конечно, в целях социалистического общества.

Империалистическая пропаганда становится все более изощренной, стараясь отвлечь внимание трудящихся всего мира от успехов реального социализма. Так, можно сослаться на статью в газете "Правда" - "Диверсанты эфира". "Радио "Свобода" есть филиал ЦРУ, гнездо антисоветчиков, особенно активизировавшихся в последнее время.

Клевета может быть не только против одного человека, но и против всего общества, общественного строя. В этом случае закон требует наказания по ст.190<sup>1</sup> УК РСФСР - наказания до 3-х лет лишения свободы в лагерях общего режима.

Надо сказать, что в западных странах также есть строгие законы, наказывающие за клевету против их общественного строя и можно сослаться на соответствующие юридические нормы, но я не буду этого сейчас делать. В Декларации прав человека есть статья, где прямо сказано, что государство имеет право охранять свой государственный порядок и не допускать действий, ведущих к его подрыву.

Всё это свидетельствует, что хотя наши буржуазные противники кричат о своем гуманизме, однако на деле, тоже защищают принципы своего государственного устройства. А ведь они защищают буржуазное государство и частную собственность.

Наша страна освободила людей от эксплуатации, поэтому буржуазные страны не могут не клеветать на советский строй, потому что они не могут иначе защищать свою "демократию" и тогда погибнут. Поэтому они фальшиво кричат о преследовании отдельных лиц за взгляды и убеждения.

Однако наша судебная практика не знает преследований за убеждения. И поэтому не за убеждения, а за противоправные действия, выразившиеся в распространении клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй, находится в суде Сокирко.

Сокирко - человек зрелого возраста, учился в советской школе, кончил МВТУ им. Баумана, инженер. У него были все условия для работы, но он предпочёл общение с людьми, занимающимися антисоветской деятельностью, знакомился с их клеветническими произведениями, вроде книги Чалидзе, перед которым захлопнулись двери нашего государства, насыщался духом клеветнических измышлений и на них формировал свои убеждения - и как следствие совершил ряд деяний, за которые и сидит сейчас на скамье подсудимых.

С марта 1978 г. он собирал материалы, составлял, редактировал, размножал и распространял нелегальные сборники "В защиту экономических свобод", а потом и нелегальный журнал "Поиски", который распространял и передавал за границу. Он помещал в них свои собственные клеветнические произведения (зачитывает из Обвинительного заключения абз. 11, 12, 15, 16, 19, 20, 24, 25).

Кроме того, Сокирко составлял и редактировал сборники "В защиту экономических свобод", систематически их размножал и распространял на территории г. Москвы (зачитывает из Обвинительного заключения абз. 29, 32, 35, 38, 40, 43).

Все эти произведения содержат клеветнические измышления, что СССР является тоталитарным государством, где психиатрия используется в политических целях, клевета на советскую науку, о якобы хищническом уничтожении природы по вине социалистического государства, клевета на внешнюю и внутреннюю политику нашего государства.

Подсудимый Сокирко признал свою вину частично, обстоятельств дела не отрицал, в суде сделал важное заявление о том, что осознал антиобщественный характер своей деятельности, что её используют противники нашей страны во враждебных целях, осудил её и заявил о запрещении использования своего имени и работ во враждебных целях.

Сокирко показал, что его статьи были использованы нашими противниками, но раньше не принимал мер, чтобы его материал не появлялся на радио "Свобода". Он знал о нелегальности журнала "Поиски". Что касается сборников "В защиту экономических свобод", то в них он все делал сам. Он утверждает, что не думал, что его материалы носят клеветнический характер. Однако такой характер подтверждается осмотром журнала. Также и Петрова, печатая материалы "Поисков", пришла сама к выводу, что это антисоветский материал, и написала потому заявление в органы следствия.

Также вина Сокирко подтверждается наличием рукописных материалов клеветнического характера. Статьи Сокирко, Гефтера, Кувакина и др. - это клевета на советский строй и вымысел. Сокирко и Грин клевещут о принудительном характере труда при социализме.

Сокирко высказывал лозунг экономических свобод, что равнозначно охране частной собственности, отождествлял личную и частную собственность, противоречил марксистской классификации форм собственности.

Клеветал Сокирко и на Конституцию, в которой зафиксированы демократические права, роль массовой организации, в настоящее время расширяющаяся. Как писал

Л.И. Брежnev: “Надо обратить внимание на развитие деятельности Советов”.

Да, товарищи судьи! Знакомясь со статьями в указанном журнале, нельзя найти ни одного тёплого слова о борьбе советских людей в годы войны и годы мирного труда за счастливое общество. Все материалы здесь тенденциозны, негативны, полны мрачной клеветы и злобы, оскорбляют всех советских людей, перенесших тяжелые испытания. Клеветнический характер их и так очевиден и продолжать их характеризовать, видно, не нужно.

Вина Сокирко подтверждается и показаниями на суде. Сокирко не отрицал, что распространял “Поиски” и давал их всем интересующимся лицам, а факт передачи на Запад подтверждается выписками из радиопередач.

Таким образом, вина Сокирко в распространении клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй по ст.190-1 УК РСФСР доказана в полном объёме.

Говоря о субъективной стороне преступления, надо признать, что Сокирко знал, что “Поиски” идут на радиостанцию “Свобода”, и не предпринимал мер, чтобы помешать этому, что говорит о его умысле. По обращению редакции к читателям журнала “Поиски” видно, что Сокирко знал, что номер пятый конфискован. Более того, Сокирко скрывал от Петровой антисоветский характер материалов этого журнала. Знал он и о нелегальности своих действий. Его предупредили об ответственности, однако он заниматься этим не переставал.

Сокирко заслуживает максимальной меры наказания по ст.190-1 УК РСФСР - трёх лет лишения свободы в лагерях общего режима.

Однако хочется надеяться, что 7 месяцев, проведённые им в заключении, не были для него бесплодными. Он осознал свою вину и раскаялся, о чём свидетельствует сделанное им в суде заявление. Это важное, смягчающее вину обстоятельство, а также материальное положение и четверо несовершеннолетних

детей делают возможным применение в данном случае ст. 44 УК РСФСР.

Поэтому прошу осудить Сокирко к трём годам лагерей общего режима условно.

Журналы “Поиски” и “В защиту экономических свобод” приобщить к делу, а изъятые машинки конфисковать в доход государства.

### **Примечания Л. Т. к «Свободной записи судебного процесса»**

(1) Оля и Саша Оболонские прошли на Витин “открытый” суд по разрешению “коллеги следователя”. Мне было чрезвычайно важно знать, что не я одна вижу, как достойно ведёт себя и говорит Витя. Ниже текст их короткого отзыва:

*“Дорогая Лиля! Мы с Олей прочли твою запись суда над Витей. На наши взгляд, она верно отражает происходившее, хотя ряд деталей, увы, утрачены.*

*Впрочем, это неизбежные издержки любой протокольной записи. К тому же утраченные детали касаются не сути дела, а, как правило, психологических нюансов, необходимых в очерке, но излишних в протоколе.*

*В целом повторяю, твою запись в её нынешнем варианте, (учитывающем те замечания, которые мы сделали тебе по первоначальному тексту) можно считать абсолютно достоверной и достаточно полной.*

*Привет. Ваши Оля и А. Оболонские*

*P. S. Хорошо, что ты сделала для памяти такую запись. А то голова - штука ненадёжная. Со временем всё забывается, даже то, что, казалось, будешь помнить вечно”.*

(2) В протоколе суда: “На вопрос председ. подсудимый ответил: “Обвинение понятно, виновным

признаю себя частично". В своих замечаниях на протокол Витя восстановил свой истинный ответ.

(3) В протоколе суда: "Всю фактическую сторону обвинения я подтверждаю. Был членом редколлегии "Поисков". Меня интересовала экономическая сторона. Все эти годы я не считал свою деятельность противоправной и вредной для нашего общества. Мне казалось, что я выполняю свой гражданский долг. Я много лет писал письма и обращения в высшие органы власти, но ответов не получал. Я обсуждал волнующие меня вопросы в кругу людей, окружавших меня, а позже в самиздатском журнале "Поиски". Я считал, что приносил пользу нашему обществу. Некоторые свои статьи я подписывал псевдонимом К. Буржуадемов. Журнал наш был легальным, мы выступали открыто. Я стремился к тому, чтобы мои мнения оспаривались, поэтому я вступил в редакцию "Поисков". Я редактировал 4-7 номера. Я считал себя лояльным гражданином..."

(4) В протоколе суда: "Также я поместил отрывок из книги Л. И. Брежнева "Целина" без всяких комментариев".

(5) В протоколе суда: "И я сам понял, что неправильно освещал экономическую сторону деятельности нашего государства".

Таких искажений в протоколе немало. Витя написал, кажется, 7 страниц замечаний.

(6) В противовес обвинению, суд записал в приговоре, что по месту жительства Витя характеризуется положительно. То же и в отношении работы.

(7) В протоколе суда записано так: "Я действительно отказался выступить на семинаре по обсуждению проекта новой Конституции, т. к. понял, что моё выступление будет тем, что дезорганизует работу семинара".

(8) Во время ознакомления с протоколом Витя прочел и частное определение суда:

"Судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда определила возбудить уголовное дело в отношении СОРОКИНА Виктора Михайловича по ст. 181 УК РСФСР.

Копию направить прокурору г. Москвы для производства расследования".

В этом документе после перечисления данных Сорокина говорится:

"Коллегия установила :

В судебном заседании по указанному делу Сокирко был допрошен в качестве свидетеля Сорокин В.М. Будучи предупрежденным, Сорокин 29.09.80. показал, что журнала "Поиски" у него дома не было. Номера 4 и 5 у него не изымали, номер 5 в его квартире не размножали.

Допрошенный же на предварительном следствии 25.01.79 г. Сорокин показал, что журнал "Поиски" № 5 печатался на его квартире, а затем раскладывался отпечатанный текст этого журнала, что во время обыска в его квартире были изъяты 4 и 5 номера журнала. Оценивая эти показания свидетеля Сорокина В.М., судебная коллегия пришла к выводу о том, что в судебном заседании 29.09.80г, Сорокин давал заведомо ложные показания".

Витя в своих замечаниях на протокол записал, что Сорокин В.М. никаких ложных показаний не давал, а утверждал, что 25.01.79 у него был не допрос, а лишь беседа со следователем (тем оспаривал законность оформления этой беседы в качестве свидетельских показаний).

(9) В протоколе допроса Петровой записано так: "Сокирко я знаю, отношений никаких. Вначале я печатала заметки об архитектурных памятниках. В тексте были отдельные сведения о Сталине. Затем он предложил мне печатать статьи по 12 экз. 28.04.79 г. я часть отпечатала и отдала, и Сокирко сразу заплатил. Когда перепечатывала текст, я поняла, что материал печатала для какого-то самиздатского журнала: текст был разбит на рубрики. По содержанию статьи были несколько странными, поэтому я сообщила об этом в милицию.

- На следствии я говорила, что сама обращалась в милицию. Сейчас я это не отрицаю.

- В тексте было все направлено против нашего строя. Было очевидно, что это антисоветская агитация. Материалы я передала в милицию, затем мне их вернули и сказали, чтобы я шла на встречу с Сокирко. Во время передачи этих материалов я и он были задержаны. (Предъявляется т. 1, л.д. 259-261 - заявление Петровой).

- С заявлением я обратилась 10.05.79 г., а задержана была 29 мая. В этот день со мной разговаривал следователь. Первый материал вызвал у меня некоторые подозрения. Печатая материалы, я поняла, что это самиздатский журнал, название не упоминалось.

- Я считаю, что поступила правильно, заявив в милицию.

(Предъявляется протокол добровольной выдачи от 29.05.79 г.)

Ответы на вопросы Сокирко:

- Я говорила Сокирко, что буду в красном пальто. Позже он позвонил мне и сказал, что женщин в красном пальто много на этой станции.

- Я ничего не говорила Сокирко по поводу его туристских дневников.

- Я говорила Сокирко, что не вчитываюсь в текст.

- 10 мая я пришла на встречу с Сокирко из милиции. Звонок из милиции был 10 мая днем, меня попросили приехать. В милиции интересовались, почему я печатаю дома. Я объяснила ситуацию”.

#### **П.2.2.4. Речь В. Сокирко в качестве защитника на судебном процессе**

Выступая в свою защиту, я по закону обязан изложить суду все возможные аргументы, смягчающие мою вину в части, признанной вчерашим заявлением.

Я подразделяю все аргументы в свою защиту на две группы. Первая - формально-юридические, которые доказывают отсутствие заведомой ложности в материалах,

ставящихся мне в вину, и тем самым искренность моих побуждений. Важность этих аргументов разъяснена в Комментарии к Уголовному Кодексу РСФСР 1971 г. на с. 403, а именно: “распространение измышлений, ложность которых неизвестна распространяющему их лицу, а равно высказывание ошибочных оценок, суждений или предположений, а также изготовление и распространение произведений, хоть и выражают отрицательное отношение изготавливающего их лица к советской действительности, но не содержащих заведомо ложные измышления, не влечёт ответственности по ст. 190<sup>1</sup>” или, на мой взгляд, должно сильно смягчать эту ответственность.

Вторая группа аргументов касается обстоятельств той вины, которую я признаю за собой в части создания, по заблужденности, возможностей для использование моих работ за рубежом во враждебных нашей стране целях.

Начну с первой группы.

1. По факту распространения журнала “Поиски” № 4 обвинение признает клеветническими следующие произведения: “Религия и государство” М.Байтальского, “Неполитические письма” Растина, “Бедность народов” Кузнецова, а доказывает это наличием таких утверждений, что СССР есть тоталитарное государство, где полностью отсутствует демократия, народ отстранён от управления государством. Обвинение в этой части полностью ссылается на заключение специалиста Института истории СССР Трукана, в котором утверждается, что идейным источником взглядов Байтальского и других авторов этого номера являются герои современных буржуазных советологов, у которых излюбленный ярлык для социалистического государства - тоталитаризм. Таким образом, по заключению специалиста Трукана - “тоталитаризм” есть только лишь ярлык, т.е. название социалистического государства, и свидетельствует лишь о наличии буржуазных взглядов и идей, но ничего общего с заведомой ложью не имеет. С другой стороны сам специалист

Трукан много раз употребляет термин “клеветнический” по отношению к материалам № 4, но каждый раз без всяких доказательств, не выполняя прямые требований ст. 190-1. Поэтому я считаю, что у обвинения нет доказательств наличия заведомо ложных измышлений в этом номере.

2. По факту изготовления и распространения “Поисков” № 5 обвинение признает клеветническими следующие статьи: “Некоторые актуальные проблемы демократического движения в нашей стране” Абовина-Егидеса и Подрабинека, “Заметки о пессимизме” Гефтера, “Социальное обеспечение” Кувакина, “Хартия-77”, “Вместо подписи” Прыжкова, “Бедность народов” Кузнецова, “Цена диалога” Павловского, “За неимением рейхстага” Прыжкова, а также изготовленные мною лично статьи “Ради России” и под псевдонимом К. Буржуадемов “Послесловие”, причём обвинение ограничивается лишь общим утверждением о наличии в этих материалах клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, Конституцию СССР, КПСС, государственные органы власти и управления, внутреннюю политику нашего государства. Само же доказательство обвинение, видимо, возлагает на заключение специалиста Ржешевского из Института всеобщей истории (т. 2, с. 288-292). Однако изучение этого документа также приводит к выводу, что в нем есть или просто бездоказательные утверждения, например, такие: “Статьи Сокирко, Гефтера, Кувакина и др. клевещут на советский образ жизни” или “Сокирко и Павловский имеют наиболее контрреволюционные взгляды”. По мнению Ржешевского это почти одно и то же, но суду известно, что выражение любых взглядов и распространение клеветы юридически совершенно разные вещи, я уже не говорю о том, что в этом отзыве масса искажений. Например, чего стоит искажение моей полемики с православными почвенниками в статье “Ради России”! Ржешевский усмотрел в ней “призыв к восстановлению православной монархии в России”, что противоположно моим взглядам. Или обвинение в адрес Егидеса и Подрабинека в выполнении директив американского

президента Трумэна от 1951 г., программ НТС и ЦРУ? Эти утверждения содержат, на мой взгляд, очевидные и заведомо ложные измышления.

И никаких других доказательств заведомой ложности перечисленных материалов в № 5 “Поисков” в деле нет. Мое “Послесловие” в Заключении не упоминается, а “Хартия 77” вообще чешский документ и не может порочить наш строй. И это также судом должно быть учтено.

3. По факту распространения “Поисков” № 6 обвинение признает клеветническими следующее работы: “Поздний опыт” Лерт, “Сны земли” Померанца, “Что у кого почва” Понырёва, “0 классике...” Прыжова, “Жить империей” Егидеса, “Джилас-Маркс-Михаилов” Павловского, главу из повести Владимира, “Персональное дело” Войновича, “РД-3” Снегирёва, “Интервью” Абрамкина и Егидеса, “Из могилы” Джеймса, “Этот хитроумный Антон” П. Подрабинека, а также мою статью “Стиль руководства страной” (по книге Л.И. Брежнева “Целина”), в которых якобы содержатся клеветнические измышления “об использовании якобы в СССР психиатрии и медицины в целом в политических целях, порочащие внешнюю и внутреннюю политику КПСС и весь советский государственный и общественный строй”.

Однако об использовании медицины в политических целях могут упоминать лишь немногие из перечисленных произведений, например, “РД-3” Г. Снегирева. В чем именно заключается клевета остальных вещей, обвинение просто забыло указать, а литературные вещи Владимира и Войновича вообще не имеют отношения к порочению советского строя или заведомо ложным измышлениям, если, правда, не ставить авторам в вину придуманность литературных героев. Вещь покойного Снегирева просто нельзя называть клеветнической, ведь автор писал ее на пороге смерти.

В отношении ссылки обвинения на заключение специалиста Тимофеева - директора ИМРД (т. 2, л. д. 170-172), то статья Г. Снегирева и материалы в этом заключении названы лишь тенденциозными, что не подтверждает, а прямо

опровергает обвинение. Что же касается остальных материалов номера 6, то Тимофеев их все (за исключением материала о Югославии), с одной стороны, без всяких доказательств называет клеветническими, а с другой стороны - критикующими политику партии и советского государства с позиции буржуазного либерализма и ревизионизма. По мнению Тимофеева, это одно и то же, а по известной суду логике это нес совместимые вещи, ибо выражение либеральных или ревизионистских взглядов не есть клевета.

Я констатирую: и по этому пункту у обвинения нет никаких доказательств.

4. По факту распространения "Поисков" № 7 обвинение признаёт клеветническими следующие статьи: "Интервью" Б. Черных, "Принципы социализма" Егидеса и Подрабинека, "Насилие" Грина, "О Глазунове" Р. Пименова и ответ ему Р. Лерта, "То ли еще будет" Ю. Гримма, "О неслучайных декабристах" В. Репникова, "Открытое письмо в редакцию китайского независимого журнала "Искания", "Рок за решёткой" Р.О. Коннора, "Уважаемые товарищи по крови" С. Шагина, а также мои статьи "Размышления о социализме" и "Продолжим спор". Обвинение утверждает, что в них содержатся клеветы на экономические основы социализма в СССР, на политику КПСС в национальном вопросе и в области образования.

В подтверждение этого обвинение ссылается на заключение того же специалиста - члена-корреспондента Тимофеева (т. 2, л. д. 297-303). Однако это заключение посвящено разбору буржуазно-либеральных и ревизионистских взглядов некоторых из упомянутых авторов, что совершенно неоправданно приравнивается к антисоветизму (известно, что в советское время многие тысячи буржуазных "спецов" были прекрасными советскими работниками). Материалы журнала, посвящённые анализу антисемитизма, Тимофеев бездоказательно квалифицирует как "provokacionnoe раздувание пропаганды о наличии антисемитизма в СССР" и т.д. Определение "клеветнический" Тимофеев употребляет лишь

применительно к статье Егидеса и Подрабинека, но и то без всякого доказательства заведомой ложности авторских определений, которые Тимофееву кажутся клеветническими.

Председ. перебивает: Зачем Вы ссылаетесь на заключения специалистов, ведь суд их не рассматривал?

Ответ: Но ведь на эти заключения опирается обвинение.

(Продолжает): Таким образом, у обвинения нет никаких доказательств наличия клеветы в 7-м номере "Поисков".

5. По первому выпуску сборника "В защиту экономических свобод" обвинение считает клеветническими следующие работы: "Плановое производство..." " В. Грина, мою статью "Я обвиняю интеллигентов..." " и мою рецензию на книгу А. Кузнецова "Бедность народов", поскольку в них, мол, содержатся "измышления о советской экономической наук, сущности производственных отношений, об СССР как тоталитарном государстве, находящемся, якобы, в экономическом тупике". Обвинение доказывает это лишь ссылкой на заключение специалиста Капустина - директора Института экономики АН СССР. Сразу должен заметить, что обвинение в клевете на советскую экономическую науку не входит в состав ст. 190-1 и должно быть изъято хотя бы по этой причине. Обвинение в приравнивании тоталитаризма и советского государства уже рассматривалось мною раньше на примере статьи Байтальского, когда выяснялось, что это различие применяемых терминов есть различие взглядов, а не заведомая ложь.

6. В выпуске "ЗЭС" № 2 обвинение считает клеветнической статью В. Грина "Юридические основы экономического насилия в СССР", В. Чалидзе "Частное предпринимательство", мои рецензии - "Черный рынок и советская экономическая наука" и на книгу И. Земцова "Партия и мафия", а также отрывок из книги Л. И. Брежнева "Целина". Включение отрывка из книги Брежнева в число клеветнических материалов, думаю, является анекдотической ошибкой и безусловно должно быть исключено из обвинения, иначе Вам придется обвинять вместе со мной и Брежнева.

Председ. перебывает: “Подсудимый, не забывайтесь!”

Что касается остальных материалов, то обвинение бездоказательно приписывает всем им клевету на советский строй, принципы коллективизации, право на труд в СССР, что также неверно.

7. В выпуске “ЗЭС” № 3, по мнению обвинения, в двух моих работах: “Из истории политэкономии социализма” и “Покаяние К. Буржуадемова” содержится “клевета о, якобы, антинаучном характере науки политэкономии социализма”. Но суду известно, что клевета, если даже она есть, о характере науки политэкономии, не имеет отношения к ст. 190-1 УК РСФСР и уже потому этот пункт должен быть изъят из обвинения. Кроме того, на деле точку зрения о невозможности существования науки политэкономии социализма высказал, прежде всего, советский учебник политэкономии 1931 года, написанный Лапидусом и известным советским экономистом академиком К. Островитяновым. Я же в своей работе только поддержал эту точку зрения. Если я клевещу на политэкономию социализма, то еще раньше в этом следует обвинять Лапидуса и Островитянова. Что касается моего заключительного “Анализа и покаяния” в дискуссии, то обвинение не указывает, в чем именно заключается его клевета. И понятно, ибо сделать это очень трудно, т. к. в данной работе, подводя итоги дискуссии, я пытался частично пересмотреть свои взгляды и во многом критикуя самого себя или, если пользоваться ставшим сейчас привычным определением, “клевещу сам на себя”. Однако такая “клевета” к ст. 190<sup>1</sup> также не имеет никакого отношения.

8. В выпуске “ЗЭС” № 4 обвинение определяет клеветническими две вещи: “Взяточничество” В. Чалидзе (“клевета о сущности производственных отношений социализма”) и мой реферат книги Б. Комарова “Запасная

страна” (“клевета о, якобы, хищническом уничтожении природы по вине социалистического государства”).

Почему глава из юридической книги Чалидзе о практике судебных процессов по делам о взяточничестве есть “клевета на суть производственных отношениях социализма” - это не только не доказывается, а остается просто непонятным, как такое возможно.

Что касается моего реферата книги Комарова, то она написана, действительно с большой болью за страну, на огромном фактическом материале, с огромной заинтересованностью и не может оставить равнодушным любого из патриотов страны так же, как книги Солоухина, Распутина, Абрамова и др. Возможно, автор преувеличивает опасности, заостряет проблемы, но не от заведомой лжи, а совсем наоборот.

Никаких доказательств клеветы обвинение не приводит и здесь.

9. В выпуске “ЗЭС” № 5 обвинение признает клеветническими работы Бельского “Будущее Советской Союза” и К. Ясперса “О тотальном планировании” (отрывок из книги). Обвинение утверждает, что клевета этих работ касается сути социалистического планирования. Можно спорить, входят ли суть и методы планирования в “советский общественный и государственный строй”, но даже если и входят, данное обвинение опять ничем не доказывается. Кроме того, глава из книги К. Ясперса “О тотальном планировании” была перепечатана мною в ЗЭС-5 из книги, изданной советским Институтом общественно-научной информации, правда, для служебного пользования, но довольно большим тиражом. Если этот пункт оставить в обвинении, то наказанию придется подвергнуть и весь этот государственный институт.

10. В выпуске “ЗЭС” № 6 обвинение считает клеветническими мой реферат книги Зейпеля “Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви”, статью Канцелейбогена “Разноцветные рынки в Советском Союзе” и мое послесловие к ней, а также мою рецензию на книгу Л.И. Брежнева “Целина”.

Первая из упомянутых книг касается событий почти полуторатысячной давности и не имеет никакого отношения к советскому общественному и государственному строю. Она интересна особенно, как анализ христианской точки зрения на хозяйственную этику и, без всякого сомнения, должна быть исключена из обвинения. Статья известного советского экономиста Канцелейбогена носит сугубо научный, описательный характер различных типов реально существующих рынков у нас в стране и также не является клеветой. Никакой клеветы не могу я усмотреть и в своем Послесловии к этой научной работе. Что касается моей рецензии на книгу Л.И. Брежнева "Целина", то я уже пояснял суду, что взялся за ее анализ только изуважения к автору и к самой книге, из желания глубже понять по её содержанию стиль руководства страной. Возможно, мой анализ субъективен и в чем-то ошибочен, но нет в нем ни клеветы, ни стремления опорочить. Напротив, многие читатели, как я уже говорил, меняли свое отношение к автору книги на более положительное именно после чтения моей рецензии.

Итак, ни по одному из выпусков ЗЭС обвинение не привело ни одного доказательства наличия в них заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй. Обвинение основывает доказательство наличия клеветы в ЗЭСах лишь на заключении специалиста, директора Института экономики Капустина (т. 2, л.д. 2-34). Однако на деле это заключение посвящено лишь разбору и критике взглядов основных авторов этих выпусков и очень редко квалифицирует их положения как клеветнические, притом без доказательств, в чём легко убедиться, ознакомившись с этим заключением, как впрочем, и со всеми другими. В заключение первой группы аргументов, я хотел бы сделать общее замечание по поводу отзывов специалистов. Все они совершенно недоказательны в установлении наличия клеветы в исследуемых ими материалах. Кроме того, они написаны в крайне резком и грубом полемическом тоне, что свойственно скорее площадной браны-спору, чем спокойному разбору специалистов. Видимо, в

этом виновато и следствие, направившее наши работы на отзыв именно работникам идеологических институтов, воспитанных на уничтожительной полемике. Следует поручать такие заключения более нейтральным, спокойным специалистам - логикам, юристам, математикам и т. д. Это, конечно, мое мнение.

Что касается второй группы аргументов, то я снова должен напомнить суду, что сознаю свою большую вину перед государством в части того ущерба, которое нанесло ему использование моего имени и работ за рубежом во враждебных целях. В этой части мне придётся, поскольку я сам осуществляю свою защиту, самому и перечислить все смягчающие вину обстоятельства.

Я никогда не действовал по злому умыслу, а мог лишь искренне ошибаться, будучи уверенным, что выполняю свой гражданский долг, чтобы избавиться от чувства острой тревоги, мучимый ответственностью за будущее своей страны и своих детей.

1.     Всегда старался оставаться на патриотических позициях, поэтому всегда очень сдержанно относился к проникновению наших работ на Запад, как к неизбежности, хотя и стоял в принципе за свободный обмен информацией и идеями. Как подтверждает обвинение, экономические сборники, составленные мною, были распространены только в пределах г. Москвы. Попав в нынешнюю ситуацию, я сделал заявление, запрещающее использование моих работ и имени во враждебных стране целях.

2.     Я дал обязательство впредь не заниматься самиздатом и исключить повторение подобных ситуаций.

3.     Я всегда отличался неплохой работоспособностью, трудолюбием. Это подтверждают все характеристики с работы, в том числе и данная следствию.

И я прошу, чтобы мне дали возможность нормальным трудом восполнить причиненный ущерб.

4. У меня большая и очень хорошая семья, четверо детей на иждивении. Озабоченность их судьбой в очень большой степени диктовала всё это время мои решения и поступки.

Даже если Вы не найдете справедливыми все мои аргументы защиты, то я очень прошу суд вынести мне наказание, которое бы не отрывало меня от нормальной работы и от детей. Потому что в других случаях моя семья будет наказана больше, чем я сам.

\*\*\*

Прокурор отказывается от реплики. Председатель объявляет об окончании судебных прений. Председатель предоставляет подсудимому последнее слово. Витя сначала, ссылаясь на свое “Заявление”, отказывается, но после “удивления судьи” говорит

**Последнее слово:** “Я должен еще раз сказать, что основная оценка моих действий изложена во вчерашнем заявлении для суда и печати. Ещё раз прошу суд учесть, что я действовал из хороших побуждений и острой тревоги и ответственности за будущее. Прошу поверить, что я постараюсь исправить свою вину, не допускать впредь таких ошибок и прошу проявить милосердие к моей семье”.

Суд удаляется для вынесения приговора.

Мы выслушали Приговор, как положено, стоя, и запомнили хорошо лишь его итог: три года условно.

**Примечание.** В протоколе Витина речь записана так: “Слово для защиты предоставляется подсудимому СОКИРКО: ”Граждане судьи! Я понимаю, что приносил вред своей Родине, но я не осознавал заведомую ложь в редактированных мною документах. Я признаю, что

некоторые мои статьи были резко написаны. При вынесении приговора прошу учесть все обстоятельства дела, мое раскаяние и не лишать меня свободы”.

СОКИРКО: “Прошу не лишать меня свободы, я искуплю свою вину честным трудом”.

Витя написал в замечаниях на протокол, что запись его защитительной речи совершенно не соответствует тому, что он говорил, и не содержит ни одного довода защиты.

## **П.2. 2.5. Выписки из Приговора В. Сокирко**

*( Из семи одноинтервальных печатных страниц первые четыре полностью повторяли Обвинительное заключение в абзацах 11, 15, 19, 24, 29, 32, 35, 38, 40, 43, в которых перечисляются номера “Поисков” и ЗЭСов и статьи в них, признанные клеветническими, в том числе отрывок из “Целины” Брежнева – так и сохранилось! - а затем, в переформулированном виде, как результаты судебного следствия, абзацы обвинительного заключения 13, 17, 21, 26, 30, 33, 36, 39, 41 и 44 (отсутствуют лишь ссылки на отзывы специалистов). Последние же страницы Приговора приводятся ниже дословно).*

“...Судебная коллегия –(председатель, член Мосгорсуда Байкова Н.Г., народные заседатели Баринов И. А. и Мальцев П.И. )...

### **установила**

Допрошенный в судебном заседании подсудимый Сокирко виновным себя признал частично и показал, что был членом редколлегия журнала “Поиски”, в связи с чем принимал участие в сборе материалов для составления и изготовления этого журнала, участвовал в редактировании статей, помещенных в журнале, составлял, изготавливал, размножал и распространял журналы № 4 - 7, в которых помещены

указанные выше материалы, в том числе и написанные им лично.

Что же касается сборников “В защиту экономических свобод”, то, как пояснил Сокирко, он является инициатором этого сборника и его единственным редактором, в связи с чем лично подбирал для сборника материалы, редактировал их, изготавливая, размножал и распространял сборники, куда поместил указанные выше материалы, в том числе и статьи, написанные им лично. Всего он выпустил 6 выпусков этого сборника.

Судебная коллегия, проверив материалы дела, находит доказанной вину Сокирко в полном объеме предъявленного ему обвинения.

Вина Сокирко в сборе материалов, участии в редактировании “Поисков”... подтверждается как личными объяснениями подсудимого Сокирко об этих обстоятельствах, так и другими доказательствами, исследованными в судебном заседании.

Так... подсудимый Сокирко признал, что на пишущей машинке “Континенталь” он, действительно, печатал материалы в журнале “Поиски”, а затем размножал его на этой же машинке... Так Петрова и Авдеева заявили, а свидетели Яковлев и Томачинский на суде и на предварительном следствии, а свидетель Сорокин на предварительном следствии признали, что имели указанные выше журналы “Поиски”, читали их, а при обыске эти журналы у них были изъяты.

Свидетель Сорокин показывал также о том, что журнал “Поиски” № 5 размножался на его квартире. Его показаниям в суде, где он отрицал то, что у него изымались № 4 и № 5 этого журнала, судебная коллегия не доверяет, поскольку от прежних показаний Сорокин отказался безмотивно, на предварительном следствии протокол подписал и собственноручно указал, что протокол записан с его слов верно.

О распространении журнала “Поиски” за границу свидетельствует использование материалов из этих журналов зарубежной радиостанцией, которая, предавала их гласности в

целях нанесения ущерба международному престижу СССР, что подтверждается выписками из радиопередач (т. 3, л. д...)

Подсудимый Сокирко показал, что о передаче материалов за границу он знал и против этого не возражал. Материалы, помещенные в журналах "Поиски" № 4 - 7 и указанные в приговоре, судебная коллегия обозревала и пришла к убеждению, что в них содержатся клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, Конституцию СССР, КПСС, государственные органы власти и управления, внутреннюю политику нашего государства, экономические основы социализма в СССР, политику КПСС и правительства СССР в национальном вопросе, в которых заведомо должно утверждаться об отсутствии демократии и равного права всех граждан на образование, что СССР, якобы, является тоталитарным государством, где полностью отсутствует демократия, народ отстранен от управления государством, что психиатрия и медицина в СССР используется, якобы, для политических целей.

... Вина Сокирко в систематическом составлении и распространении шести сборников "В защиту экономических свобод" подтверждается как его личными объяснениями, так и другими обстоятельствами, исследованными в судебном заседании...

Судебная коллегия обозревала сборники "В защиту экономических свобод" и пришла к выводу, что содержащиеся в них и указанные в приговоре материалы, в том числе написанные самим Сокирко и помещённые в сборниках под своей фамилией и под псевдонимом К. Буржуадемов, содержат клеветнические измышления о советской экономической науке, о сущности производственных отношений; об СССР, как тоталитарном государстве, находящемся, якобы, в тупике; о, якобы, хищническом уничтожении природы о вине социалистического государства, о сущности социалистического планирования, о стиле руководства страной, которые порочат советский общественный и государственный строй. В этих

материалах содержатся также клеветнические измышления, которые порочат принципы коллективизации и право на труд в СССР.

… С заявлением Сокирко, что помещённые в журнале “Поиски” и сборниках “В защиту экономических свобод” и исследованные в судебном заседаний материалы заведомо клеветническими не являются, судебная коллегия не может согласиться по следующим причинам. Так, в судебном заседании, подсудимый Сокирко пояснил, что с содержанием некоторых материалов, помещённых в журнале “Поиски”, одним из редакторов которого он являлся, он не был согласен, хотя, и не возражал против их опубликования. Это объяснение Сокирко подтверждает его умысел на изготовление и распространение в печатной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.<sup>23</sup>

Это обстоятельство подтверждается также и показаниями Сокирко, данными им в суде по поводу написанного им в сборнике “В защиту экономических свобод” № 3 статьи “Заключительный анализ контрдоводов в дискуссии и покаяние К. Буржуадемова”, в которой он признает, что в написанных им ранее статьях имело место неправильное освещение некоторых сторон нашего государства вследствие того, что в вопросах, которые затрагивались в этих статьях, у него не было ясности. Вместе с тем Сокирко и после этого продолжал писать и публиковать статьи по экономическим вопросам клеветнического характера.

Помимо этого, подсудимый Сокирко показал, что отказался выступать на семинаре, где обсуждался проект новой Конституции СССР, сославшись на то, что его

---

<sup>23</sup> А. А.: ««…не был согласен, однако не возражал против опубликования…». Стало быть, допустил распространение ложных, С ЕГО ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, материалов. Какова казуистика!» Л. Т.: «Да, интересный поворот мысли, если вдуматься».

выступление дезорганизует работу семинара. Этот факт также свидетельствует о понимании Сокирко заведомо ложного характера написанного им, а также других материалов, которые помещались в журнале “Поиски” и сборниках “В защиту экономических свобод”.

Из обращения редколлегии, помещённого в журнале “Поиски” № 5<sup>24</sup>, усматривается, что члены ее, в том числе и Сокирко, сознавали, что занимаются противоправной деятельностью.

Все это дает основание для вывода о том, что Сокирко, как автор и редактор “Поисков” и сборников “В защиту экономических свобод”, помещал в них материалы, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Исходя из изложенного, действия Сокирко по ст. 190-1 УК РСФСР квалифицированы правильно.

При назначении Сокирко наказания судебная коллегия учитывает характер и степень общественной опасности совершенного им преступления, данные о его личности и все обстоятельства дела.

Подсудимый Сокирко подтвердил все фактические обстоятельства, совершенного им преступления, представил суду заявление, в котором указал, что осознал антиобщественный характер своей деятельности и осуждает ее.

По месту работы и месту жительства Сокирко характеризуется положительно, имеет 4-х несовершеннолетних детей.

При таком положении судебная коллегия находит возможным применение к Сокирко ст. 44 УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 301-303, 343-345 УПК РСФСР судебная коллегия

**приговорила**

---

<sup>24</sup> Здесь в Приговоре ошибка. В действительности, имеется в виду «Обращение к читателям» в № 8 «Поисков взаимопонимания».

СОКИРКО Виктора Владимировича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 190-1 УК РСФСР, и назначить ему по этой статье закона с применением ст. 44 УК РСФСР наказание в виде 3 (трёх) лет лишения свободы условно с испытательным сроком в течение 3 (трёх) лет.

Вещественные доказательства: материалы, изъятые у Сокирко, а также журналы "Поиски" и сборники "В защиту экономических свобод" оставить при деле; пишущие машинки "Олимпия" № 124440 и "Континенталь" № 496516 конфисковать в доход государства.

Меру пресечения Сокирко до вступления приговора в законную силу оставить прежней - подписку о невыезде.

Приговор может быть обжалован и опротестован в Верховный суд РСФСР в течение 7 суток со дня провозглашения.

Подписи Член Мосгорсуда Н. Байкова Секретарь

### **Постскриптум**

...После долгих проволочек 11 декабря Бурцев все же выдал часть изъятого у нас: сумку, папку, газетные вырезки, "Реквием" Ахматовой, Витину запись "Память о маме" и еще какие-то черновые бумажки – самую малость. До остального Бурцев не смог добраться в своих завалах, а две пишущие машинки он, оказывается, и не собирался выдавать, хотя раньше и обещал это... Как ни уговаривал его Витя отдать хотя бы одну, самую старую, еще от студенческих времен машинку – Бурцев был непреклонен: "Вы, Сокирко, настырны, это хорошо, но лучше бы Вы занимались другими делами".

Пообещав, что потом, в далеком будущем, когда дело (видно, по "Поискам") будет закончено, он разберется во всех материалах и ненужное всем вернет, он вдруг сообщил, что с Вити желает снять допрос, как свидетеля, следователь по делу Л.Терновского – Пономарев.

Допрос был коротким, поскольку Витя знал Терновского очень мало, т.е. фактически не знал и мог говорить об этом с

чистой совестью, не знал также и откуда у Леонарда появились дома два выпуска сборника "В защиту экономических свобод".

Что касается Бурцева, то хоть и жалко было старой машинки, но Витя был рад просто окончанию бурцевских обещаний. Послав Генеральному прокурору СССР жалобу на Бурцева, Витя посчитал, что отношения его с горпрокуратурой на этом закончились, как полтора месяца назад списанием протокола судебного заседаний закончились отношения его с Мосгорсудом.

Правда, в эти же дни Витя написал все же жалобу и на Мосгорсуд, узнав от В.М.Сорокина, что сделанные в октябре замечания на протокол судебного заседания так и не приложены к нему. Л. Т. Декабрь 1980.

## Приложение 3 к части 2. Прочитанное в тюрьме

### П.2.3.1. Обзор

Отдыхом я наелся уже на второй день пребывания в тюрьме и начал поглощать имеющееся в камере чтиво. Кипу старых газет я прочитал скрупулёзно, но из 4-х библиотечных книг только одна была мне интересна (хотя подростком я её уже читал) – **Ольга Форш "Радищев"**. Не спеша я окунулся в атмосферу Германии и России 18-го века и метаний тогдашнего диссиденты Радищева. От нечего делать прочитал толстую книжку про похождения красного венгра в гражданской войне 1917-19 годов в России. А потом какую-то брошюру **Богданова "Пробуждение чувств"** - молодёжи о любви. Ею зачитывался Шурик Синица. Четвёртую книжку я тоже читал, но совершенно забыл, о чём она. В общем, поначалу было скучненько.

Официально каждому заключённому полагается из тюремной библиотеки выписывать одну книгу на 10 дней. Однако если в камере пять человек, при удачном подборе книг получается одна на два дня, чего в принципе вполне достаточно даже для меня, книголюта. Конечно, библиотекарша заявлялась к нам реже, примерно раз в две недели, а среди выдаваемых книг попадались часто настолько известные и плохие, что их и перечитывать не было возможности. Но я всё же не был привередлив, из неизвестного читал всё подряд, а после установления хороших отношений с заведующей библиотекой давали мне лично гораздо больше одной книжки. Так и получилось, что за 7 с лишним месяцев заключения я прочитал 104 книжки, не считая юридических сборников, т.е. примерно

по книге за два дня. Книги стали главной, основной формой моего умственного здесь существования, особенно когда я стал записывать их краткое содержание.

Сначала у меня не было ни ручки, ни бумаги. Потом мне пожертвовали огрызок карандаша, а в обрывках бумаги, которую утром давали для туалета, можно было найти много приличных и ровных кусков-карточек. Когда же Лия прислала деньги, то первым делом в ларьке я купил ученических тетрадок, шариковую ручку, стержней, конвертов. Теперь мне можно было писать! Правда, подследственному заключённому разрешается писать только жалобы или выписки из своего дела, однако я игнорировал это правило, тем более что сформулировано оно несколько двусмысленно: "разрешается иметь при себе только материалы по делу". При шмонах камеры на мои записи обычно не обращали внимания и только два раза целевым образом изымали всё подчистую. В первый раз отобрали все записи личного плана, оставив всё же записи прочитанных книг. Во второй раз и их "замели", и как я ни просил Бурцева посодействовать в возвращении - ничего не получилось. Только записи последних двух месяцев (40 книг), которые я сам передавал Бурцеву на сохранение, лежат у меня сейчас дома в качестве вещественного доказательства продуманного и прочувствованного в тюрьме. Об остальном можно писать лишь по памяти.

Итак, я прочёл больше ста книг. По их содержанию можно судить о подборе книг в Бутырской библиотеке и догадываться о характере чтения и мыслей огромного количества заключенных (говорят, 5-7 тысяч). Конечно, мы выбирали лучшее из предлагаемых списков литературы в 30-40 наименований, но ведь списки были заданы и трафаретны. Да и заказывая одно, мы получали иной раз совсем другое. Надо ещё учесть, что из моей сотни около 30 - книги по философии и марксизму (специфика моих личных запросов), но в остальном, думаю, что структура прочитанных мною книг отражает бутырские запасы и структуру издаваемых ныне книг. Старые книги просто не держатся, даже не зачитываются до дыр, а

рвутся и уничтожаются ворьём. За всё время только один раз мне попалась книга довоенного издания и одна начала 60-х годов. Остальные (кроме 1979-80 гг.) или без страниц, или со склеенными страницами (в них часто вкладывают для просушки самодельно проклеенные карты - "стиры"), или с разодранными обложками - жалко и страшно смотреть. В Лефортово, говорят, книгам много легче, потому что ворья меньше.

И всё же попробую описать структуру охваченных мною в Бутырке книжных богатств. Прежде всего, около 40 - иностранных авторов. Правда, в число иностранных авторов вошло и 11 томов "Философского наследия", и 7 томов Маркса-Энгельса, а остальное - художественная классика (В. Скотт, Дж. Лондон, Э.Золя, итальянские новеллы), про спорт и путешествия, и сюда же я включил пять ярко национальных авторов: армянин, татарин, тат, словак, венгр.

Из остальных: 15 - русская классика и история, около 10 - наши известные "деревенщики" (Абрамов, Распутин, Астафьев, Можаев, Личутин, Белов и др.), 5 - про русскую природу и животных, зато оставшиеся 30, т.е. половина - подлинно "советские" книги: военные и чекистские детективы, славящие истории про Ленина и подвиги коммунистов и т.п. Однако и среди них около 10 книг мне были просто интересны своей точкой зрения и освещением неизвестных ранее сторон революции и войны, а около 5 - новое для меня явление, открывшееся только в Бутырке - добротный и умный официоз, постсталинизм.

Таким образом, только 10-15 книг оказались для меня откровенно плохими и совершенно неинтересными. Учитывая, что до того я читал больше всего самиздат и книги друзей по их вкусам, я сейчас имею возможность сделать неожиданно утешительный вывод: не так плохо обстоит дело в нашей литературе, как это выглядит в интеллигентских разговорах, наряду с макулатурой выходит много хороших книг, существует и развивается великая русская литература. И ещё: по книгам в Бутырке можно самообразовываться и познавать мир. Времени для этого много, вот только обстановка в камере не

благоприятна для сосредоточения, так что не раз я мечтал об одиночке. Но с другой стороны – без общения вовсе завоешь, да и книг тогда не хватит. Нет, "спец", наверное, лучше всего. Мне повезло.

Впрочем, были дни и недели, особенно вначале, когда книг у меня не было, но я всё равно не скучал. Голова была беспрерывно занята воспоминаниями, конечно, про дом, детей, но больше всего про наши с Лилей летние походы. Огромную роль здесь играла музыка: как только по радио звучала мелодия, которую мы использовали в том или ином диафильме, так я сразу отключался от любого занятия и безропотно погружался в воспоминания, не мог им сопротивляться и только по окончанию музыки волевым усилием заставлял себя вернуться к прерванной мысли. Само же "мышление" без бумаги и печатания шло медленно и плохо - не привык и, наверное, уже не привыкну. Главные мои усилия были направлены на философское самоосознание, или, как я тогда определял, на поиски веры. Такой веры, которая позволила бы мне увязать материалистическое моё мировоззрение и уверенность в духовном бессмертии в самую прочную основу для перенесения страданий и угроз. Теперь уже было очевидно, что время для таких испытаний может прийти очень скоро.

[ Описание прочитанных в Бутырке книг приведены дальше по разделам, причем Витины тюремные записи напечатаны курсивом. - Л. Т.]

#### **П.2.3.2. Книги советские**

В первые месяцы я много времени тратил на воспоминания, но ещё больше на чтение книг. Пока у меня не завязались хорошие отношения с заведующей библиотекой, приходилось читать книжный ширпотреб - советскую массовую литературу. Потом её доля в моём чтении упала, но не исчезла. А сейчас я даже доволен состоявшимся знакомством – когда б ещё выпало на это достаточно времени!

Было очень мало нравоучительной литературы вроде "Пробуждение чувств" Богданова или сборника "Именем закона", хотя, казалось бы, здесь ей самое место. Напротив, книги "про войну" или "про наших разведчиков" преобладали, даже "довлели". Как будто издательства боятся, что в стране вырастут непатриоты, изменники, и потому штампуют груды нехитрой патриотической халтуры, не обращая внимание на то, что чтение её как раз и способно породить скепсис и отвращение к этой теме. Некоторые из тех книг я уже забыл начисто, остальные помню смутно. Одна была, кажется, про славные боевые эпизоды на ленинградском фронте; другая – про всех Героев Советского Союза на Смоленщине; третья – про двух лётчиков–фронтовиков, хорошего и не очень хорошего, причём первый помогает и даже воспитывает второго, а после войны служит в Туркмении и сбивает в жестоком бою американского шпиона; четвёртая – аналогичный бред про танкистов; пятая – снова про лётчика, ставшего затем начальником разведки у Чуйкова; шестая - фотоальбом об истории славного ДОСААФ; седьмая – патриотические рассказы про оборону Севастополя; восьмая - биография политрука, панфиловца Клочкива – типичного ясноглазого большевика-сталинца, наследника прежних гренадёров, верных слуг царю и отечеству; девятая - о другом подмосковном герое – генерале Доваторе; десятая – ещё что-то о боях в Подмосковье; 11-я – детектив Егорова и Гордеевой "про наших славных разведчиков" в Тегеране; 12-я – **Тевелекян** "**Рекламное бюро господина Кочека**" – очередной сказочный сюжет про чекиста, легко сделавшего сногшибательную карьеру в Париже, очаровавшего весь буржуайский и нацистский мир, а после войны вернувшегося домой с чемоданом инвалюты в качестве

членских партийных взносов за прибыли, полученные у глупых французов. Так и хочется спросить: а не за счёт ли эксплуатации французского пролетариата?

Есть среди этой тьмы и известные имена: два романа **Олеся Гончара** "**Человек и оружие**" и "**Циклон**" с их надуманной патетикой и якобы глубиной; "**Русский лес**" **Леонова**, но о нём особо; **Ю.Бондарёв** "**Последние залпы**" – красавая, но, в общем, односторонняя романтика юных артиллерийских лейтенантов.

И ещё одно известное и благополучное имя – Ананьев написал романтико-героическую книгу про артиллеристов, уже послевоенных, "Вёрсты любви"... Много в этой книге ложной романтики, но есть и правда об оглушённости военного поколения и его неспособности к мирной жизни (командир героя просто спивается). Как была правда и в "**Жатве**" Николаевой при всей необходимой для сталинского времени общей неправде о счастливой жизни колхозников.

Пожалуй, отдельно стоящей, очень полезной книгой про Отечественную войну оказались "**Воспоминания**" **маршала А.М. Василевского** – почти бессменного в войну начальника Генштаба и представителя Ставки в основных стратегических сражениях. Василевский – способный ученик Шапошникова, царского полковника и главного военного стратега Красной Армии, как в гражданскую, так и в Отечественную войну. Жуков и Василевский были основными военными руководителями сражений, Сталин только умело маневрировал их соображениями, учитывая, конечно, и мнения фронтов, например, намётки одного превращал в указания для другого, не давая ни одному из них стать главным руководителем. Поэтому, хотя война с Японией была

проводена советскими войсками блестяще (руководил ими единолично Василевский), Сталин не выдал ему за победу даже обычной награды – Героя. Наверное, чтобы не зазнавался, хотя Василевский органически не мог зазнаваться. И, несмотря на понимание тяжелейших сталинских военных ошибок, ограниченных способностей и даже преступлений, Василевский в своей книге выразил полное уважение к Сталину. Для меня стало открытием, что главные военные руководители при Сталине – Шапошников и Василевский – были не только бывшими царскими офицерами, обладали не только большими военными способностями и огромным трудолюбием, но и необычайной скромностью и мягкостью. Василевский медленно и неохотно рос на командных постах в гражданскую войну, когда, казалось, мог взлететь до вершин. Наверное, его скромность и некарьерность импонировали Сталину, вызывали его доверие и назначения. В последние годы Сталина Василевский – министр обороны. Даже недостаток происхождения Василевского (попович) шёл ему на пользу в глазах Сталина. После долгого периода отречения от родителей (Василевский лишь редко и тайно узнавал о них – каким грузом это лежало на сердце трудолюбивого, верного службе и Родине и, в общем, хорошего человека!), Сталин настоял, чтобы Василевского приняли в партию особым решением ЦК, и велел ему снова "признать родителей". И как тут поступать Василевскому: славить Сталина за такую "человечность" или ругать за долгие годы деспотизма? Ведь не один Сталин виноват в послереволюционным терроре, который ему навязывался простым расчётом и обстановкой. И проявление человечности к талантливому и невластолюбивому Василевскому ему диктовал прямой расчёт. Тот же расчёт, с которым он властного и

талантливого Жукова то приближал, то бил по носу отставкой.

Василевский – ближайший военный помощник Сталина, верный ему и его памяти и, тем не менее, верный сын страны, попович и царский офицер, мягкий и гуманный человек, замечательный воспитатель. Вот вам и облик сталиниста! Оказывается, совсем не такой уж он однозначный, как мы привыкли думать (раз сталинист – значит у него психология бывшего начальника режимной части). Шапошников и Василевский мне нравятся больше Сталина и Жукова. Именно они – мои герои. Но и восхищение Сталиным и Жуковым я понимаю, ведь романтизация волевых радикальных людей, революционеров и монархистов так типична для нашей страны, и не только прошлой.

Книга Василевского много помогла мне в понимании причин популярности Сталина, в чём я убеждался и в тюремных спорах. Потому-то сталинизм и был такой живучей системой, что наряду с огромной жестокостью он допускал и целую гамму человеческих чувств и качеств. Сильно сужая и обедняя общественную жизнь, он всё же придавал ей свою цель и динамику.

Здесь мне довелось прочитать только одну книжку сталинского времени **О. Донченко "Повести"**, 1951 г. Ужасно розовая детская литература, так смешно читать.

Своеобразным открытием умного сталинизма, доказательством беспочвенности бытующей диссидентской идеи, что сталинизм как соединение революционной и национальных идей мёртв, стал для меня **"Арктический роман"** **В. Анчишкина**, а в нём один из центральных образов – начальник советского угольного рудника на норвежском Шпицбергене. Батурин – волевой, хитрый и жестокий руководитель, прямой выученик сталинской эпохи пятилеток и колхозизации, террора и жестокого карьеризма, настоящий волкодав и уродователь душ. Все события в романе эту оценку подтверждают: да,

такая власть преступна, бесчеловечна, недопустима, пусть она и вдохновляется вроде нужной целью. Я как раз жил в таких интриганских, жестоких, блатных взаимоотношениях и воспринимал их очень остро.

Однако в итоге Батурин, этот самодур, автором оправдывается, причём не искусственно, а убеждённо, как реальный (потому и не идеальный) отец-основатель социалистической, т.е. небывалой в мире и истинно великой Советской России. Только такими жертвами и жестокостями она строилась и должна строиться дальше, как главное в мире чудо. А все интриганские художества Батурина объясняются, главным образом, воспитательными целями: надо выработать у молодёжи жёсткий, бойцовский, мужской характер, необходимый великой России для дальнейших побед в хищническом мире. Такой конечный поворот талантливой книги меня просто потряс, как будто встретился с умным и убеждённым, даже нравственным сталинистом, живым, но духовно мёртвым. Его не смущишь и не переубедишь "Иваном Денисовичем" и даже "Архипелагом ГУЛАГ", как не смущишь любого военного патриота описанием военных смертей, раз это необходимо для Родины.

Наверное, автор не знает, что никогда сила и жестокость не позволяли стране выйти в число передовых и устойчиво сильных. "Диктатура развития" никогда ни одну нацию до добра не доводила, если только под её сенью не вырастал совсем иной, свободный и самодеятельный народ.

Упомяну ещё три книжки "производственного" разряда. Одна (не помню названия) про следователя московской прокуратуры. Любопытная деталь: очень положительный следователь после безуспешной попытки добиться показаний от подозреваемого во взяточничестве, спокойно пишет ордер на арест со словами: "Не хотите давать показания – придётся Вам подумать об этом в камере Таганской тюрьмы". Практика не изменилась.

Ещё один роман – **Колесников "Школа министров"** – сказка про рабочего, ставшего полноправным творцом и переустроителем всей окружающей жизни. Читая эту штуку, я прямо выл от раздражения: "Опять революционная романтика и иллюзии технического всемогущества, способного, мол, всё перевернуть. Опять господство одного творца. Нет, не избыть этого настроя ни нашей литературе, ни нашему народу..."

А последний роман (ни названия, ни автора не помню) посвящён разработчикам "мозга" зенитных ракет "земля – воздух". В целом роман был мне не интересен, кроме частной правды о психологии наших людей, не просто работающих "на войну", а с энтузиазмом. Здесь и чисто профессиональные интересы, и самолюбие инженеров, и профессионализм военных. Это психология советских атомщиков, в том числе и молодого Сахарова, которые спешили разработать атомную бомбу в противовес американской, а создали водородное чудище, которым Хрущёв потом страшал весь мир. Эти люди правы, что надо крепить оборону, но не правы, когда закрывают глаза на то, что созданная ими сила используется не только для обороны. Из них один Сахаров понял и решился на протест, за что поплатился работой. Но такой выход не может считаться приемлемым для большинства конструктивных и честных людей, желающих приносить пользу Родине, и именно Родине, а не своему начальству. Сейчас решения для них не видно, но его надо обязательно найти. Надо знать, что советовать своим друзьям и как жить самому после освобождения...

#### **П.2.3.3. Книги писателей-"деревенщиков"**

Как только я разобрался в бутырских книжных списках, то стал усиленно рекомендовать своим равнодушным сокамерникам читать попадающихся "деревенщиков" –

настоящую русскую национальную литературу. Однако придётся признаться, что особого успеха эти книги среди ворья не имели. Я утешал себя объяснениями, что этим людям и не могут быть интересны глубины жизни "трудяг", "волов", которых они привыкли грабить и обманывать, что на деле воры антинациональны и потому им не может нравиться ничего из стоящего.

Что же довелось прочитать мне в Бутырке?

С удовольствием перечитал книгу **Фёдора**

**Абрамова "Деревянные кони"** о трёх поколениях русских женщин: доколхозной ещё и почти святой Ниловне, грешнице и вечной труженице Пелагее и её непутёвой Альке, бросившей родную деревню, ушедшей в городские официантки и международные стюардессы.

Какие вихри ломают и размётывают традиционные устои деревенской жизни, оставляя пустое место! Перед арестом я посыпал Ф. Абрамову письмо, убеждая, что без коренных изменений отношений в деревне, без запрета вмешательства верховного начальства в дела деревенских жителей не приходится ждать от них ни самодеятельности, ни добра. А тут, читая повести и рассказы Ф. Абрамова, я убедился, что он прекрасно знает мои доводы и высказывать их начал 10 – 15 лет назад. Вот только некому их слушать, раз приходится снова и снова открывать их как истину всё новым и новым людям и рисковать, их высказывая...

В каком-то из сборников мне запомнились поэтическая повесть **В. Астафьева** о жизни "сёмушки" и рассказ **Валентина Распутина "Вверх и вниз по течению"**.

Прочёл рассказы и другого, менее знаменитого иркутянина **В. Лапина "Разноцветье, разнотравье"**, видимо, комсомольского журналиста, ставшего под влиянием В. Распутина писателем. Просто видно, как

борются в книжке комсомольско-романтические (иногда до лживости) ноты с жизненной правдой, доходящей до трагизма.

Настоящим открытием для меня стало чтение невзрачной, неизвестной мне дотоле книжки **М. Колосова** "Три куля чёрных сухарей" - воспоминания о детстве в Донбассе, в шахтёрском посёлке. Казалось бы, причём тут "деревенщики"? Ах нет, и здесь всё та же тоска по деревне, по дружному, чуть ли не общинному быту родственников.

Интересными и правдивыми мне показались некоторые рассказы из книги журналистки "Известий" Татьяны Тэсс "Весенняя метель".

Пожалуй, самым большим моим последним открытием стал **В. Личутин** через его книгу "Последний колдун".

Поиски в деревне нравственности, веры не только православной, но даже языческой в книгах "деревенщиков" всегда связаны с темами "Великого Перелома" жизни или, как Личутин точнее выразился, Разрухи.

Ещё две прочитанные в тюрьме книги были посвящены этому страшному времени специально: "**Мужики**" Б.Можаева и "**Кануны**" В. Белова. Причём в обеих книгах речь идёт о времени, непосредственно предшествующем коллективизации – перелому, описывается пока ещё богатая, благополучная, в общем, жизнь свободной частной и свободно-кооперированной деревни и только мрачными, но пока приглушёнными диссонансами показана деятельность будущих губителей этой счастливой жизни – всяческих Макаров Нагульных и Николаев Разруш. Обе книги кончаются фразой "продолжение следует". Наверное, продолжения о самом Переломе деревенского хребта уже

написаны, лежат в столах писателей и... ещё долго не увидят свет.

Почему к книгам "деревенщиков" я стал применять восторженное и веское определение – "национальная литература"? Потому что, читая здесь художественные не русские книги, я чувствовал в них всё ту же почвенность, то же внимание к своим исконным национальным корням, характерам, идеалам, сказкам родного народа. Таковы книги **Ч. Айтматова**. Такими же мне показались повести татарина **Гиязова** о военном детстве и более ранний **Хазгил Авшалуков** в его повести "**Возмездие**" – о татской дореволюционной, в основном, деревне (вот бы посоветовать её тату Алику Пейхасову в 252-й камере). Повесть слабая, какая-то детская, но я читал с интересом о быте горских евреев, как оказалось, обыкновенных в целом горцев, сходных с лезгинами.

Даже более ранние не русские вещи демонстрировали мне "деревенский", вернее почвеннический, национальный характер. Вот запись о главном романе основоположника современной армянской литературы **Хачатура Абовяна "Раны Армении"**:

*Это настоящая "поэма в прозе". Абовян - современник Гоголя, и у него юмор, пересыщенность пословицами, высокая патетика и романтика. Несомненен приитет к русским храбрецам – освободителям от иранского ига, ведь армянским националистам они казались по-европейски непобедимыми.*

*Интересно отношение Абовяна к церкви: от просветительской насмешки над попами до трепета перед святой верой – главной скрепой армянского народа (вместе с языком). Кстати, удивительно, главный герой Аvasi служит не только русским, но и туркам, которые обещают ему восстановить древнюю армянскую столицу Ани (кажется, она и сейчас лежит в развалинах на турецкой границе). Значит, до*

*России армянские патриоты склонялись за помощью в восстановлении своей государственности к Турции. Но помощь ни турок, ни русских не помогла. Как и Украина, Армения лежит между великими деспотиями, открытая всем завоевательным ветрам, и в этом корень её национальных бед. Потрясающие картины резни со стороны не турок, а персов (причём видно, что персидское начальство пытались вначале наладить мир с армянами при войне с русскими, но безуспешно). А к концу века и в начале следующего та же история повторилась уже в турецкой Армении. А вообще-то это очень давний восточный фанатизм и зверство – угнетать за веру и переселять население во время войн. В Европе такое было невозможно, а вот в Азии...*

Попала к нам в камеру книга основателя словацкой национальной литературы **Яна Калинчака** "Повести" – фактически сборник словацких исторических и очень сентиментальных легенд.

Чем дальше в лес, тем больше дров.  
Читая **"Айвенго"** Вальтера Скотта (до тюрьмы не читал В. Скотта), я и в нём находил дорогие мне качества "деревенщиков": неприязнь к пришельцам–завоевателям (норманнам), поиски национальных исконных основ и нравственности в мужиковатых саксах, особенно в свободных именах и дворянах. Та же почвенность!

Даже роман Э. Золя **"Мечта"** мне хотелось бы определить словом "почвенный" – с такой любовью в нём описаны добрые старые французские нравы маленького провинциального городка.

Да, чуть не забыл упомянуть ещё одну словацкую книжку, но она относится скорее к сталинской теме, хотя написана хорошим человеком - **Виктором Эгри** "Я расскажу всем", 1967 г.

На удивление мало мне попалось книг по русской истории. Только перечитал знаменитый **"Князь**

**Серебряный" А.К. Толстого** и просмотрел две книги **Валентина Иванова "Русь изначальная"** – совершенно почвеннические, апофеоз ещё вполне языческой, не варяжской и не православной России, но храброй и изначально общинной и справедливой. Понятно, что если почвенник начинает копать в такую глубину, которую невозможно увидеть через объективные исторические свидетельства, то он может найти там только самое лучшее, идеальное.

"Исторический пробел" мне удалось заполнить лишь книгой **Дмитрия Балашова "Младший сын"**, 1980 г. Роман рисует Русь в одну из ключевых, альтернативных эпох её развития, когда, казалось бы, она могла выбирать: с Западом против Орды-Востока или с Ордой против Запада. 13 лет назад в диафильме "Новгородские начала" я упрекал Александра Невского за то, что он повернул Русь именно ко второму пути. Сейчас мне кажется, что альтернативы всё же не было. На огромных евразийских просторах рано или поздно должна была утвердиться огромная империя, пользующаяся западной культурой и оружием. Долгое время такой была Византия, со временем преобразованная мусульманской революцией–завоеванием в Османскую империю. А северной Византией стала Россия. Неизбежно, в силу географического фактора, фигулярно говоря – почвы (на деле от необходимости иметь громадную военную силу, которая заодно подавляла и самодеятельность населения). Так что судьба наша действительно от земли, и в этом почвенники правы!

Только сейчас, когда действует ООН, система коллективной безопасности, и существует перспектива установления прочного мира, охраняемого всем миром, может, с уменьшением реальной военной опасности будет уменьшена и армия, и её роль в обществе. В том числе и в нашей великой

срединной сверхдержаве. И, может, тогда, с изменением народной психологии (сегодня ещё говорят: пусть будет что угодно, какие угодно расходы на оборону и безопасность, лишь бы не было войны) роль военной силы, а вместе с тем и насилия вообще, в стране уменьшится, будут созданы настоящие предпосылки для нашей общей демократической эманципации? Может, тогда изменится наша почва и всесильный географический фактор?

#### **П.2.3.4. Русская классика и революционная романтика**

Нельзя сказать, что здесь я много прочёл из русской классики, в основном потому, что не выписывал уже читанное, а классика на то и классика, чтобы быть заложенной с детства. И тем не менее, оказалось, что до Бутырки я не читал по-настоящему "**Детство, отрочество, юность**" **Л.Н.Толстого**, хотя многие годы книжка стоит на моей книжной полке. А сейчас сколько тепла получил от этой солнечной вещи!

Впервые и буквально с восторгом прочитал **несколько повестей и рассказов** **Н.С.Лескова** (тот из серии БВЛ). Раньше я судил о нём по "Левше" да "Леди Макбет Мценского уезда" - замечательным, но, думалось, единственным удачам второстепенного русского писателя. Вдруг открылся мне такой художник, совершенно необычный и глубокий знаток народной жизни, такой почвенник, каким больше и быть невозможно! Звания классика Лесков достоин, на мой взгляд, больше Салтыкова и Тургенева. И только одного мне не хватало – возможности, при необыкновенно сильной потребности, поделиться своим открытием с Лилей. Вот бы она радовалась, прочтя "**Запечатлённый**

**ангел",** о том, как пишут настоящую икону и как живёт благодаря ей высоконравственная старообрядческая строительная артель. Он так ярко и полно описал труд и быт этой сектантской, истово верующей и одновременно экономически независимой коммуны, что я ещё раз с радостью уверился: были-были и, наверное, есть западные ростки на русской почве. И показывает это сам почвеннейший Лесков.

Наверное, не случайно Лесков симпатизирует прежде всего англичанам, а Левша соревнуется с "аглицкими мастерами". Снова я радуюсь парадоксу: чем почвенней, тем буржуазней и западней!

Другая большая повесть Лескова **"Очарованный странник"** поразила описанием отношений русских с Великой Степью. А какая бездна русских характеров открылась в других вещах Лескова, что просто диву даёшься, как я мог не знать столь великого писателя! Сдержанное отношение к нему современного литературоведения понять можно - из-за очевидной нереволюционности Лескова, но ведь для меня это не минус, а плюс!

Событием (хоть и на ступень меньшим) стало знакомство с другими русскими писателями - **Маминым-Сибиряком** по его известному роману **"Приваловские миллионы"** и художественной биографией **В. Старикова** **"Время бросать камни"**, о содержании которой сохранилась запись:

*"Биография охватывает первую половину жизни, до 30 лет. Книжка средняя, много натяжек, вроде записи Мамина в пролетарские писатели только потому, что он первым описывал быт уральских рабочих, хотя на деле Мамин – разnochинец, последователь Писарева. Хорошо описание детства в лесном посёлке, у реки, в семье священника, замечательной по своим нравственным устремлениям. Именно отец-*

*священник с его трудолюбием, неприхотливостью, идеалами добра и морали сформировал сына - демократического писателя. А вот мир, особенно бурса-каторга (почти "малолетка" по нашим понятиям), старались стереть, сломать Дмитрия, как его старшего брата Николая, но не смогли. Как бы мне хотелось быть для своих детей таким же твёрдым постепеновцем и хорошим человеком - но где там! Особенно сейчас...*

Помню своё удивление положительным описанием настоящего горнозаводчика Бахтиёва и других в "Приваловских миллионах". Я ожидал, что автор будет "вскрывать их хищничество и грабительскую суть", но остриё сатиры направлено против дворянских приживал и накипи на горнозаводческих трудах и прибылях. Опять же интересна связь семьи Бахтиёвых с прочной, старообрядческой верой. И пока была тверда вера, крепки были хозяйством сибиряки. Рассказни, что Мамин-Сибиряк – певец уральского пролетариата, лишь современная легенда, а его волновали совсем иные проблемы. Привалов – один из последних лишних людей в русской литературе. Может, это даже главная тема не только литературы, но и русской жизни. В Бутырке она для меня началась **"Радищевым" Ольги Форш.**

Сергеев-Ценский считается советским писателем, хотя он даже после революции 1917 года продолжал свою дореволюционную крымскую тему. Я и воспринял его дореволюционным. Его "Севастопольскую страду" я читал ещё раньше (здесь довелось перечитать две последние части), а вот два крымских романа (1913 и 1918), потом вошедшие в серию **"Преображение России"**, читал впервые.

Ещё одно известное имя дореволюционной России – **В. Вересаев.** Раньше я знал лишь его "Записки врача". Сейчас же прочёл два тома из его пятитомника: рассказы и

повести (т. 2) и воспоминания (т. 5). Убедился: у этого автора тема близящейся революции звучит постоянно, недаром он по убеждению марксист, правда, меньшевик. Между прочим, воспоминания Вересаева кончаются историей его сотрудничества с журналом Н. Михайловского и В. Короленко "Русское богатство" и отхода к марксизму, причём, если Михайловский остро переживал уход от него талантливого автора, то Короленко только удивлялся: "Не может быть, чтобы марксисты завладели всей Вашей душой... Ну, какой же Вы марксист?!"

И всё же Вересаев – марксист, как и Горький. Для меня Вересаев стал промежуточным звеном между Короленко и Горьким. Как и Короленко, он вырос в разнонациональной польско-русской семье, в атмосфере высокой культуры и нравственности, но не имел короленковской цельности, ясности, оптимизма и, наверное, изначального демократизма и западного уважения законов. Ведь Короленко вырос на Правобережной Украине, почти Западе, и состояние барича ему чуждо. А может, дело в том, что отец Короленко был неподкупным судьёй и сына воспитал на непреложном уважении закона – не знаю, но думаю, что Владимир Галактионович не то что не дорос до марксизма в русском варианте, а напротив, сразу же перерос его. Вересаев же, следуя примеру Горького и дворянскому комплексу вины перед народом, живописует страдания "рабочих и крестьян", конечно, с художественным преувеличением, вполне уместным в литературе. Но на основе такого преувеличения он, как и Горький, приходит к революционной романтике, а там уж и к марксизму.

Короленко тоже волнуют темы революции: и каторжники Сахалина, и жуть Якутской ссылки, где он жил сам, да и многое другое. Он тоже допускает художественные усиления, но никогда не теряет ясного взгляда на вещи в целом. И потому не потерял головы ни в каком догматическом учении.

Здесь я прочитал заново **сборник** его (**Короленко**) лучших вещей и ещё раз порадовался, насколько он свой, близкий по духу человек, только несравненно лучше. Не закрывая глаза на страдания людей, он не ограничивается только пожеланием будущих идеальных преобразований, а напротив, включается в реальный протест, борьбу за реальные изменения. А как он вёл себя во время революции и гражданской войны! Единственно верная и достойная позиция: открытый и действенный в гуманизме нейтралитет. За то, что Горький дружил с Короленко даже после революции и не изменил ему, несмотря на уговоры Ленина, я уважаю Горького. Как жаль, что таких, как Короленко, в России слишком мало было, чтобы уменьшить размах разрухи, а в русской литературе и культуре было слишком много романтического и разрушительного.

Книги Горького я ни разу не включил в библиотечный заказ, а вот **1-й том Куприна** прочёл (по большей части перечёл) с удовольствием.

Интересным было знакомство с **Л.Н. Андреевым** **"Рассказы и повести"**, 1980 г.

Самый значительный рассказ – **"Жизнь Василия Фивейского"** – о священнике Иове, который вырабатывает новую веру, будущем пророке новой секты. Но не успел он стать вероучителем, сошёл с ума. Мистики здесь прорва, особенно в отношениях с сыном-дегенератом. Впечатляет образ серой ночи – метели, кидающейся волком на человеческое жильё **"Рассказ о семи повешенных"** - знаменитый психологический портрет людей перед смертью. Особенно интересны самые твёрдые - Муся и Вертер с их атеистическими убеждениями, что для них смерти нет (а вот страшасшийся Вася уже заживо мёртв). Они знают, что бессмертны и идут на физическую смерть с радостью и

*спокойствием, как Бруно... Эх, как завидно этому сознанию!  
Вот какой веры мне не хватает!*

*Последний рассказ из революционных "Иван Иванович" – о полицейском околоточном начальнике, попавшем в плен к красным дружинникам. Там он начинает им прислуживать, даже строит баррикаду и невольно распоряжается и командует (!!!), но когда приходит минута, возвращается в правительственные войска, расстреливающие дружинников. Всё это возможно и верно. Но что же делать? – Стрелять Ивана Ивановича? – Как на это отвечал сам Андреев, понять возможно, если прочесть все основные его работы, а до этого мне далеко.*

О нашей великой революции и гражданской войне, которую прорицала русская литература, я прочитал здесь немало книг. Среди них были, конечно, серые. Например, уже упомянутая книжка о похождениях красных мадьяр в 1917–18 гг. Потом была документальная книга "**Контрреволюция в Москве в 1918-1920 гг.**", интересная только деталями.

Но гораздо больше нового мне дало чтение художественной литературы и, прежде всего романа "**Люди и города**" К. Федина, кажется, первого его большого произведения, напечатанного в 1923 г. Со временем он стал мэтром соцреализма, кующим несгибаемых большевиков на фоне знакомых и более живых мятущихся интеллигентов. В 1923 г. соцреализма ещё не было, и К. Федин имел собственное и достаточно романтическое представление о революции и компартии. Я даже испытываю сейчас уважение к позднему Федину, что он перепечатал свою первую вещь без изменения (бывают случаи, когда постаревшие члены ССП корёжат свои первые и единственno стоящие произведения, как грехи молодости, так случилось с "**Первой девушкой**" Н. Богданова). Повесть Федина автобиографичная. Ведь

самого автора Первая мировая война застала в Германии, где он и был интернирован все военные годы. Наверное, взят из жизни и немецкий друг героя Курт, из ярого прусского патриота вдруг ставшего столь же ярым революционером, твёрдокаменным коммунистом. Революционеркой становится и возлюбленная героя – немецкая аристократка Мари прямо участвует в решающих событиях революции 1918 г. Только сам герой (неужели Федин?) остается мягким, гуманным и интеллигентно-нерешительным, даже когда прибывает в Россию, на родину революции. Из-за своей мягкотелости и порядочности он даже даёт уйти от революционной кары нелюбимому жениху Мари немецкому графу и вождю "восставшего мордовского народа" (было ли такое?), т.е. банды. Получается, что из-за абстрактного гуманизма герой предаёт и революцию, и свою возлюбленную. Вдобавок, его кто-то женит на себе. В результате Мари отворачивается от него с негодованием, а друг Курт сердобольно убивает запутавшегося героя и блестяще оправдывает свои действия на тайном заседании партийного комитета, который тут же переходит "к следующему вопросу повестки дня". Так заканчивается действие романа.

Пожалуй, в 1980 г. Главлит не разрешил бы перепечатку романа, открыто демонстрирующего террористические нравы компартии в гражданскую войну, в то время как приходится откращиваться от западных обвинений в родстве с такими организациями как "революционные марксисты" – "Красные бригады" в Италии или "Фракции Красной Армии" Баадера – Майнхоф в ФРГ. А ведь Курт – близнец любого члена "Красных бригад", А Мари - просто прообраз Ульрики Майнхоф. Свыше двух тысяч убийств и других диверсионных актов политического терроризма за несколько последних лет на 70-80% принадлежат левым организациям, считающим себя

красными, марксистскими, ленинскими, коммунистическими и т.д. и т.п. Европе есть на что жаловаться и чему ужасаться.

Но, конечно, я совсем не разделяю бредовых убеждений, что в левом политическом терроризме в западных странах виновата, мол, лишь "рука Москвы". Марксизм ведь в самой Европе родился, фашизм – тоже, корни сегодняшнего терроризма в Европе, несомненно, свои, отечественные. И читая в тюрьме "**Мартина Идена**" **Дж. Лондона**, мне было неприятно узнавать всё тот же романтизм и презрение к "буржуазности" – идеальные корни тоталитаризма и терроризма на западной почве.

Знаменитый роман Лондона мне напомнил сказку о Тарзане. Только Тарзан в одиночку научился читать и говорить, а Мартин почти в одиночку овладел человеческой культурой за пару лет – выше всех окружающих, выше всего мира. Против воли всего света, презирая все традиции как буржуазные, Мартин побеждает и покоряет буржуазный мир, завоёвывает популярность и деньги, чтобы потом умереть от пресыщения и презрения к человечеству, облагодетельствовав напоследок всех добрых и близких ему людей. Красиво, аж зло берёт!

Наверное, этот роман автобиографичен, и Лондон тоже пришлось пережить немало тягот, прежде чем завоевать мировую известность и положение. Обаяние романа от перемешивания правды и вымысла. Меня в нем задевает не то, что отличает анархический бунт Идена-Лондона от нашего восточного коммунизма, а то, что начинает с красивой и всесильной романтики, ведёт к бунтам новых левых и участию в них интеллектуалов (вроде Йенг Сари) и кончает всеобщей бойней в Освенциме или Камбодже. Начинается с утверждения власти в драке кулаком, потом интеллектуальным кулаком берётся верх над ненавистным миром, а когда не получается интеллектом, хватаются за терроризм, т.е. за вооружённый кулак, за ту же уголовщину. Я воочию видел, как красуются и

распускают хвост уголовники в идеином самооправдании. В красоте Мартина Идена я видел то же самое.

Кроме уголовной и революционной романтик, в чём-то сливающихся, конечно, существует и иная, какая-то чистая романтика. Ведь называют, например, романтиком литовского художника и музыканта М. Чюрлёниса. Поминаю о нём, как о противовесе Идену, потому что прочёл здесь **"Гимн солнцу" Феликса Робинера:**

*"Кажется очень средней книжкой, но мне нравится она искренней любовью к художнику – гению по воображению, крестьянину - по роду и трудолюбию. Интересно толкуются картины, с подчёркиванием, что отличие гения – упорное строительство своего мира (тоже крестьянская черта!). Он – творец, а не разрушитель, как Мартин Иден, всего лишь выдуманный творец (наверное, Лондон неверно истолковал себя). Чюрлёнис - действительно творец и потому, что как дилетант использовал новые средства, а учиться этому заранее нельзя было, и потому, что стремился к всеохватности, постоянно рисуя бесконечные глубины - космоса, человеческого духа, жизни, истории – всё от переживания много прочитанного. Отсюда формула: гений есть дилетант и сумасшедший. Интересно, что в дилетантизме Чюрлёниса упрекнул М. Волошин, который тоже был дилетантом, наверное, от хорошей зависти. А ответил на это Бенуа: "Бог тоже был дилетантом". Блестяще сказано!"*

*И ещё: отчаянная неприспособленность Чюрлёниса к жизни от огромной углублённости в своё. Гении – невольные эгоисты, хотя и не всегда, и хотя нельзя это оправдывать".*

И ещё темы, созвучные русским, мне слышались в толстом томе (630 стр.) **"Итальянская новелла XX века"**, М., 1969 г.

Италия сменила простой абсурд существования при фашизме на безумную сложность нынешнего мира, казалось бы, такого хрупкого и неустойчивого, но вот уже существующего скоро 40 лет. И хотя правая мафия и левый терроризм угрожают здесь больше, чем где-либо, есть надежда, что Италия останется демократической навсегда. А раз у нас с ними было так много схожего, то почему мне не быть историческим оптимистом?

Прочитал два романа **Леонида Леонова**, тоже революционного романтика - мэтра соцреализма, именно **"Дорога к океану"** и **"Русский лес"**. Дотошно вгрызается Леонов в подаваемый материал то о железнодорожном строительстве в России, то о лесоразработках и роли леса, то про историю описываемых мест и даёт мне, читателю, много интересного и нового. Лекции Вихрова в **"Русском лесе"** о лесе сейчас, в пору обострения экологических проблем и споров читаются с особым интересом. Трудолюбивый и внимательный Леонов опередил время, стал в один ряд с деревенщиками. Но это лишь одна его сторона. В **"Русском лесе"** он – очевидный сталинист (чего стоит образ профессора Грацианского, отъявленного и замаскированного вредителя и провокатора с дореволюционных ещё времён, и одновременно вредоносного оппонента светлых научных идей Вихрова и классового двурушника, и под конец даже иностранного шпиона!). Одну часть романа читаешь с наслаждением, другую с возмущением и стыдом, третью с насмешкой (например, о подвигах молодых комсомольцев).

Роман **"Дорога к океану"**, написанный в 20-х годах, цельнее и интереснее. Заслуга в этом, возможно не столько Леонова, сколько страшного и обаятельного духа того времени,

романтики ожидания мировой революции. Сколько в нем намешано жестокой правды и красивой лжи! Правды о революционной разрухе и лжи о стальном железнодорожном комиссаре и его антиподе инженере – белогвардейце. Но, может, ещё более интересна фантастическая часть романа, живописующая будущую мировую революцию и гражданскую войну. Фактически это художественное развёртывание известного тезиса Мао Цзе-дуна о желательности мировой войны, где пусть половина человечества погибнет, зато капитализм будет уничтожен, и выжившие будут осчастлиvлены коммунизмом. Читая роман Леонова, убеждаешься, что этот дикарский тезис был созвучен множеству русских романтиков 20-х годов.

Однако о революции возможны и совсем иные рассказы – не романтичные, а правдивые, и не обязательно только в эмигрантской литературе. Произведения Бабеля, Артёма Весёлого, Ивана Катаева, А. Неверова, А. Платонова, которые сейчас переиздаются и доступны для чтения, не оправдывают, а просто показывают то первобытное состояние бедствующих людей, хаоса, жестокостей, Россию во мгле. Описывают так, что не ужаснуться невозможно. В Бутырке мне, к сожалению, досталась только одна книга из этого ряда – сборник повестей и рассказов А. Платонова **"Потомки солнца"**. Большую часть этого сборника я читал раньше, но только сейчас познакомился с Платоновым – революционным фантастом. А ведь не стал соцреалистом! И фантастика Платонова иного плана, чем у Леонова или А.Н. Толстого. Она тяготеет не к живописанию будущих жестоких воин, а к утопиям создания будущего прекрасного мира, к глобальной технической перестройке земного шара и, значит, небывалого, может, коммунистического мира. Наверное, вначале он был увлечён "творческой силой революционных масс", но быстро пробудился от этих

иллюзий. В "Човенгуре" он сам расквитался с ними, так же как Е.Замятин – со своими большевистскими убеждениями в знаменитой антиутопии "Мы".

Читая фантастику Платонова, я думал о необычайной популярности у нас этого даже не литературного жанра, а скорее фантастического стиля мышления, утопического, когда будущим оправдываются сегодняшние жертвы и лишения. Потом, когда 20-е годы сменились сталинским социализмом, революционная фантастика преобразовалась в скучную "соцреалистическую". Одного из бездарных его представителей **В. Немцова**, написавшего толстенный том "**Альтайр**", я пробовал читать, но не смог даже здесь. Были и иные наследники знаменитой антиутопии Замятина: на Западе Хаксли, Дж.Оруэлл, у нас Булгаков ("Роковые яйца", "Собачье сердце"). На грани фантастики и мистики и его "Мастер и Маргарита". Мотивы антиутопий содержат вещи моего любимого С. Лема и братьев Стругацких. Они читаются как социальные прогнозы. Мне особенно близка одна из главных сквозных мыслей Стругацких о ненужности и вредности вмешательства извне в развитие цивилизации. Так надо поступать и на земле: не насиливать естественное развитие чужеродными образцами и тем более чужой силой.

### **П.2.3.5. Марксистские книги**

В тюрьме я прочитал 10 таких книг, из них две Ленина. Из 1-го тома, помню, законспектировал раннюю работу "Наши разногласия с народниками", чтобы убедиться, что начинал Ленин свою публицистику как легальный марксист, как демократ и союзник либералов против народнического социализма. В каком-то из отзывов на ЗЭСы или "Поиски"

специалисты из академического института обвинили меня в клевете на Ленина по этому пункту, а сейчас я с удовольствием убедился, что был прав: ленинское наследие неоднозначно, в нём есть не только тактика борьбы за абсолютную власть и призывы к красному террору, но и призывы к положительной либеральной работе, развитию капитализма в России, против азиатчины и за цивилизованность. Были у Ленина периоды – в конце века и в конце его жизни (периоды легального марксизма и НЭПа), когда его можно было называть, хотя бы отчасти, буржуазным коммунистом, буржуазным по ближайшим целям, коммунистическим по целям далёким. Но конечно, то был лишь один из многих Лениных, миру же больше виден Ленин как основатель нового, невиданного в мире абсолютизма "диктатуры пролетариата".

Ленинские "Философские тетради" я лишь проглядывал, когда Фетисов просил консультации по той или иной мысли. Фетисов же вгрызался в эту книгу, как во вражескую тайнопись. Так он, во всяком случае, объяснял сокамерникам: "врага надо знать". Я его "цели" воспринимал, как балабольство, но от разъяснений никогда не отказывался, получая удовольствие от языковой и логической тренировки. Думаю, что и Фетисов основные "азы" сегодняшней догматики узнавал и после нескольких проб и поправок он смог бы "блеснуть чем-либо" в разговоре при случае...

Видимо, так и действует знаменитый тюремный университет. Немудрено, что самообразование в тюрьме приводит к росту эрудиции и догматизма одновременно. Ведь только под углом увеличения своего интеллектуального оружия и принимается большинство заключённых за сложные книги.

Один из томов "Теории прибавочной стоимости" (4-ый том "Капитала") Маркса я не смог прочесть внимательно – уж очень нудны эти необработанные выписки из экономистов начала прошлого века с Марковыми ещё более нудными комментариями, среди которых лишь иногда попадались близкие к Буржуадемову мысли, к примеру: "Именно

капитализм осуществляют в распределении промышленного оборудования настоящий коммунизм"...

Читал этот том, как отчёт, и оценивал правильность Марковой самохарактеристики (редкой по своей скромности): "Я лишь машина по поглощению и переработке книг".

Остальные книги - 7 томов переписки Маркса и Энгельса от начала их революционной деятельности до середины 70-х годов, когда Энгельс переехал из Манчестера в Лондон, где жил Маркс, и надобность в подробной и чуть ли не ежедневной, почти дневниковой по откровенности и детальности переписке отпала. Впрочем, есть ещё 7 томов писем – до конца жизни обоих, но я их не успел прочесть в тюрьме и теперь не знаю, когда придёт время завершить столь увлекательное чтение действительных мыслей и жизни двух основателей величайшей для мира и для нашей страны, в особенности, идеологии.

Десятки миллионов людей изучают их книги, как непогрешимые истины на миллионах занятий, другое множество людей отвергает марксизм, мучаясь в самостоятельной критике и опровержениях. Кстати, судя по штемпелям на выдаваемых мне томах Маркса-Энгельса, они предназначались не для заключённых, а для работников изолятора, т.е. для политвоспитания наших надзирателей-комсомольцев. В камерах эти тома читались совсем для иных целей (если верить Фетисову). Однако, почему-то до сих пор и верующим в марксизм как в абсолютную истину, и его противникам не приходит в голову воспользоваться простодушным советом Ленина тщательно изучать переписку основоположников.

Конечно, нет гарантии, что во втором собрании сочинений Маркса-Энгельса приведены все известные на сегодня письма, но думаю, они даны точно и без особых пропусков – уж очень много неприглядного и неприятного для сегодняшних пропагандистов содержится в этих томах, чтобы подозревать составителей "Сочинений" в недобросовестности.

Ленин прав - "Переписка" Маркса и Энгельса - правдивейшая из возможных их биографий и отражение их учения.

Только 1-й том читать трудно, пока неизвестны основные обстоятельства и герои этой жизненной драмы. А потом, привыкнув к их языку, пропуская повторения сведений в письмах к разным людям и ненужные описания тогдашних биржевых ситуаций и т.п., читать можно быстро и с увлечением. Мне, например, 600-страничного тома хватало на полтора-два дня, и я бы, конечно, прочёл все 14 томов, если бы мне не выдавали их по одному через две недели (да и то, начиная с мая, когда наконец-то был разобран завал книг в библиотеке).

Нет, не нужно сочинять маркс-энгельсовые биографии, писать анализы и опровержения их трудов, надо просто читать их переписку. Меня подмывало проделать элементарную работу: подсчитать количество строчек с обдумыванием теории, описанием прочитанных книг, с жалобами на семейные и денежные неурядицы, с политическими интригами, со злословием насчёт глупых друзей и т.д. А потом всё это сопроводить наиболее характерными цитатами. Мог бы получиться яркий и полезный конспект.

Жаль, что не будет у меня на такой проект времени! Прикидочно, обсуждение прочитанных книг занимает не более 20% всей переписки двух гигантов, в том числе не более 5% - обсуждение новых для них вопросов. Остальные же 80% этой сокровищницы марксизма делятся примерно поровну между партийными склоками с руганью по поводу друзей-врагов и поисками денег с описанием житейских трудностей.

Вот некоторые записи впечатлений.

Том 28 (Письма 1852-1855гг.).

*В целом в эти годы главным для них было: борьба за деньги, за свои статьи, эмигрантская грызня и озлобленность к соперникам. Но не исчезает и вера, что именно их радикальная бойцовская партия победит в неизбежной революции. И, чёрт возьми, ведь они, эти хулиганы-бойцы, оказались правы в своей*

*самоуверенности! Соперники их звали "серной бандой", сами они свою партию величали "бандой ослов". Теперь я могу сравнивать и вижу, что уголовники придают такое же значение интригам и власти. Брань в адрес знакомых и одновременно дипломатическое заигрывание с влиятельными Фрейлигратом и Лассалем.*

*Что же касается теоретического содержания, то его очень мало, близко к нулю. И только в личном плане меня примирило с Марксом его любовное письмо к жене при отъезде её к родным – такое поразительное по силе чувства. Даже начинаешь оправдывать Карла и Фридриха как людей сильных страстей, в сравнении с "филистёрами". Хотя оба жили как буржуа и даже лучшие. Энгельс спокойно сообщает Марксу о своей очередной охоте на лисиц и что езда верхом очень полезна (эти аристократические удовольствия всегда были дороги). И при любви к Женни в то же время Карл жалуется, что ему тягостно ухаживать за большой женой, что политический деятель не должен обременять себя семьёй. А уж сколько жалоб на собственные болезни!!!*

Т. 30 (Письма 1860-1864гг.)

*Основная тема – пристраивание в печать 1-го тома "Капитала". Обсуждается только один раз теория ренты и вопрос о реновации машин. Энгельс без обиняков пишет Марксу о его полной беспомощности в математике. И, тем не менее, как быстро они писали, прямо пекли свои статьи и труды! Поневоле будешь читать следующие тома быстрее. Очевидна ненависть к русскому государству и эмигрантам. А рядом заигрывание и сотрудничество с фашистующим романтиком Уккратом, для которого идеалом общественного строя*

*является Османская империя! Главное, что Уккрам – русофоб и критикует европейских либералов.*

*Денежное положение Маркса за эти годы упрочивается за счёт небольших наследств от родственника и товарища Красного Вольфа. Он даже сообщает Энгельсу о своём желании попробовать играть на бирже, чтобы получить сразу много денег, но, наверное, Энгельс не одобрил этот шикарный проект и, думаю, не потому, что неудобно коммунисту становиться биржевым спекулянтом, а просто легко прогореть.*

*Сам Энгельс упрочивает в это время свои финансы и потому помогает Марксу деньгами много больше.*

*Зафиксирована, наверное, единственная серьёзная размолвка между Карлом и Фридрихом, когда умерла при странных обстоятельствах гражданская жена Энгельса – Мэри Бэрнс (у меня даже создалось впечатление, что это было самоубийство на почве ревности, потому что очень скоро Фридрих женился на её сестре Лиззи). На смерть Мэри Маркс откликнулся парой сочувственных фраз в длинном письме о своих мучениях от кредиторов и просьбе о деньгах. После этого эпизода мне стало ясно, что Фридрих был всё же лучшее и доб्रее Карла. Да и сообразительней во многом.*

*Идеи и догадки принадлежали, главным образом, Энгельсу, но зато Маркс был много скрупулёзнее, основательнее в догматических науках и много злее на критику, обладал большой силой представлять свои положения в качестве абсолютной и непререкаемой истины. Это тоже своеобразный талант, но какой несимпатичный!*

*Жил с семьёй он, конечно, не по средствам, но только один раз сообщил Энгельсу, что собирается пойти*

*"на службу", сообщил, как о величайшей трагедии и жертве. И как ни странно, Энгельс воспринял сообщение тоже как трагедию и вновь достал денег. Наверное, Энгельс был прав, так ценя свою дружбу с чёрствым и невыносимо самолюбивым Марксом, хотя сам, возможно, был умнее и способнее Маркса. Только через близость к деспотическому Марксу, к этой "силе" и Энгельс вошёл в "красные генералы", стал основоположником марксизма.*

Тт. 31 –33 (письма 1864 –1874 гг.)

*Основное содержание – основание Интернационала и создание "Капитала". Чуть большие обсуждения теоретических вопросов по "Капиталу", но ещё большие заботы о рекламе, о рецензиях в разных газетах (Энгельс пишет рецензии даже с буржуазных позиций). А в остальном – то же. Интриги с Лассалем и прочая ругань, ненависть к русским до смешного, зато безусловное одобрение ирландского терроризма.*

*Забавна оценка Марксом себя и своего "Капитала": "Ты понимаешь, дорогой мой, что в таком труде, как мой, неизбежны недостатки в деталях. Но композиция, внутренняя связь целого представляют собой триумф немецкой науки, который вполне может признать отдельный немец, т.к. это никоим образом не является его заслугой, а скорее заслуга всей нации. И это тем более отрадно, что в остальном это – глупейшая нация под солнцем" (с. 154).*

*Маркс инструктирует Энгельса, как писать на "Капитал" рецензию с точки зрения "буржуазного учёного отмечать высокие научные достоинства и их противоречия с некоторыми субъективными тенденциями автора" (с. 342). Маркс как бы сам предлагает ревизионистскую трактовку "Капитала", но субъективные свои тенденции он почитает за главное.*

*Интересно, как Маркс отчитывает своего будущего зятя Лафарга за беспечность, нетрудолюбие, материальную необеспеченность, самокритично ссылаясь на собственный опыт (разбил жизнь своей жены), заявляет, что у дочери такого не допустит.*

*А вот замечательные слова Маркса: "Я должен был поэту использовать каждый момент, когда бывал работоспособен, чтобы закончить сочинение, которому я принёс в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми "практичными" людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине непрактичным, если бы подох, не закончив полностью своей книги, хотя бы в рукописи" (с.454).*

*Это слова высокого романтизма, но ведь тут же описано, во что оборачивались они в реальной жизни Маркса!*

*Маркс - Кугельману: "Брошиора, которую ты мне прислал, относится к числу защитительных речей, посредством которых привилегированные сословия немецко-русско-балтийских провинций пытаются в настоящее время возбудить симпатию немцев. Эти канальи, отличающиеся издавна ревностной службой в русской дипломатии, армии и полиции, охотно продавшие при переходе этих провинций от Польши к России свою национальность в обмен на признание за ними узаконенного права на эксплуатацию крестьян, подняли такой крик, видя, что их привилегированное положение колеблется. Старые сословные привилегии, ортодоксальное лютеранство и высасывание соков из крестьян - вот что они называют немецкой культурой, во*

*имя которой должна подняться теперь вся немецкая Европа.*

*В письме к Женни Маркс с восторгом пишет об ирландском терроризме: "Здесь дела идут неплохо. Англичане бегут, боясь собственной тени... Непродолжительный страх перед физическими средствами сделал большие, чем столетия моральных осуждений". А Маркс в это время наставляет русского революционера Германа Лопатина: "Профессия переводчика отвратительна, профессия коммерсанта дала бы Вам куда более благоприятные возможности использовать свободное время для занятий и пропаганды". Ну, как это у них соединялось?!*

Конечно, моё отношение к Марксу-Энгельсу было предвзятым, не "комсомольским", и всё же от восхищения их силой даже я не мог уберечься. И от желания снова и снова опереться на их мысли и мнения. Желание изучать и цитировать классиков марксизма-ленинизма, наверное, уже у меня в крови.

### **П.2.3.6. Книги по философии**

Всего их было прочитано примерно полтора десятка – один том в две недели. Придя в тюрьму, я нуждался в укреплении мировоззренческих основ. Такая потребность возникла не раз в моей жизни, начиная со школы и конспектирования "Краткого курса ВКП (б)", как главной библии нашей жизни. Не раз я брался за формулирование своего главного "я", философских основ, всяческих "мировоззренческих набросков" (как оценили сотрудники Института философии АН СССР, рецензируя мою "Переписку с Парижем": "Сокирко стоит на позициях доморощенной философии личного дела"). Собственно, с таких "философских набросков" я и начал марать бутырскую бумагу прямо в первую ещё январскую неделю. В обысках записи сгинули. В памяти

остались только тогдашние оценки книг. Наверное, в них отразились и мои противоречия: тяга к полнокровной, нормальной материальной жизни, к выходу из тюрьмы и убеждённость в решающей реальности идей, в необходимости всеми силами отстаивать свои убеждения. Я называю себя материалистом. Реальность физического, материального для меня несомненна, первична, может, дана от рождения или воспитания, а реальность и значимость идеального давалась только самоубеждением, самоукреплением, поиском аргументов у мудрецов прошлого.

Первой философской книгой в тюрьме была **"Произведения разных лет" т.1** Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Второго тома я так и не дождался, сколько ни требовал. Через пару месяцев мне принесли **"Философию религии"**, тоже только т.1. На мои настойчивые требования вторых гегелевских томов библиотека ответила вторым томом **"Энциклопедии философских наук"** - **"Философия природы"**, а потом объяснили, что остальной Гегель "зачитан заключёнными" (понимай – испорчен ворьём и списан). Где-то в июле мне неожиданно принесли уже советскую книгу со статьей **"Гегель и философия в России"**, М., 1974 г., которой и заключилась моя тюремная гегельниада. Правда, в ней не было знаменитой и самой трудной гегельской **"Науки логики"**, которую требовал для чтения Валера Абрамкин (видно, в Бутырке она была зачитана ворьем раньше других), но, честно говоря, я и не хотел её читать. Мне было вполне достаточно ленинских отзывов о ней ("непонятно", "темно", "архитемно") и разъяснений марксистских учебников, что именно в **"Науке логике"** в идеалистическом виде изложена вся диаматовская догматика, т.е. неинтересные мне игры логических категорий, переливы очищенных от всякого содержания почти пустых абстракций.

Кстати, в первом из прочитанных гегелевских томов были работы такого "диалектического" рода (кажется, "Очерки иенской философии" или какие-то варианты "Феноменологии духа"), я их только внимательно проглядел. Чувствовал, что смогу разобраться в этой тарабарщине, потратив время и силы, но ничего не получу для себя из этих "спекуляций-умозаключений". Другое дело – работы Гегеля по позитивному христианству, особенно ранние. После их чтения так стало понятно, что Гегель вышел из протестантского сословия, только углубив и рационализировав его догматы, истолковав их в духе просветителей на основе кантовских философских достижений, категорий и языка. Самого Бога он понял как Бесконечный Разум, знаменитую Абсолютную Истину. Первоначальный заряд антицерковности заставлял его бесстрашно двигаться по пути рационализма и критики исторического христианства к поискам истины в первоначально позитивном учении Христа, и дальше – к позитивному истолкованию язычества, пантеизма, так близко подходящего к моей собственной вере. И как ни удивительно, но эти работы Гегеля написаны понятно и содержательно. Что же касается знаменитого гегелевского изложения Евангелия – "Жизнь Иисуса" ("Евангелие от Гегеля"), то по моему совету её читали даже несколько сокамерников. Я не помню сейчас их споров или оценок, видимо, их не было, только иногда вопросы и просьбы о пояснении. Хорошо, что "Жизнь Иисуса" не была принята ими как изучаемое оружие, а лишь как книга о неизвестной им, но интересной мудрости их родителей и дедов (даже Фетисов, повествуя о том, что можно грабить и церкви, и музеи с иконами и колоколами, живописал своё особое состояние – страх в церкви...)

Казалось, я многое мог бы почерпнуть из анализа и умолчаний знаменитого философа, однако, на деле, чем более "взрослого", более систематичного Гегеля я читал, тем меньше усваивал у него содержания, тем менее он был интересен. Казалось, что изощрённость и сложность языка увеличивается, а значимое для меня содержание – уменьшается. Этим я

объясняю, что вершина гегелевской системы – последний курс лекций "Философия религии" мне почти ничего не дала, лишь проскользнула по сознанию.

Отрицательный результат дало чтение знаменитой "Философии природы", которую так уважительно изучал и противопоставлял всяческим "вульгарным естественникам" - "философским недоучкам" великий Энгельс. Сейчас же читать эту книгу любому образованному человеку просто смешно или, чаще, скучно. И вопреки отзывам Энгельса нет в ней никаких особых "прозрений", а лишь произвольные обобщения и частые натяжки.

Гегель и марксизм вышли из Просвещения 18-го века, прежде всего французского. Из его представителей мне удалось прочитать только две книжки - **Фонтенеля** и **Ламетри**. От обоих остались у меня записи. Фонтенель был мне скучен, а

*Ламетри – на редкость симпатичный, вернее, близкий мне человек. Наверное, самый резкий и радикальный материалист 18-го века во Франции. Талантливый и глубокий врач-учёный. В философии он был самоучкой, абсолютно бесстрашным, даже с перехлестом в браваду и парадоксы, чем сильно себе вредил. Как понятен мне этот недостаток! И всё же его дурная слава, молва о безнравственности (а он был искренним и хорошим, и друзья его любили), и действительные недостатки – именно от бесстрашения и **недодуманности первооткрывателя** – естественника, учёного, материалиста, атеиста. Очень хорошо, что сейчас ему стали отдавать должное. Ламетри очень нужен мне, потому что его недостатки – мои, а философы в его понимании равнозначны диссидентам.*

Радостной была моя встреча с материалистом Ламетри, при всех его перегибах и недостатках. Пусть он односторонен даже - зато, сколько искренности и правды!

Такое же ощущение молодой, задиристой односторонности и убеждённости, правды, бесстрашения в

конечных выводах я ощущал и при чтении книги одного из главных представителей противоположных материализму школ **"Сочинения" Джоржа Беркли**. Тюремных выписок из этой важной для меня книги не сохранилось, но попробую передать свои ощущения от её чтения.

Во-первых, большое удовольствие, что настало время, и вот напечатаны в нашей стране главные произведения страшнейшего реакционера, настоящего пугала для многих поколений коммунистов. Ведь всех своих противников в философии Ленин "приводил" к Беркли, а дальше не считал нужным объясняться. Сходство в воззрениях с Беркли считалось духовной, партийной (может, и физической) смертью. С институтских времён мне помнилось стихотворение большого коммунистического поэта Турции и России Назыма Хикмета:

Беркли, слыши!

Философствующий поп позапрошлого века,  
своей "философией" ты кадишь,  
чтобы кругом пошла голова человека,  
чтобы он на коленях пополз, глотнув твой гашиш.  
Беркли, слыши!

...  
По сей день в деревушках Шотландии  
на твои шаги откликается детский плач.  
Слышиа поступь твою, лает кровавый пёс.  
С дрожью смотрит шотландский крестьянин  
на твою тень (в окне) по сей день.

...  
Беркли, слыши!  
Слыши ты, блудливый поп,  
засвегдатай трактирных попоек!  
Дочку трактирщика, вертевшуюся в твоих волосатых руках,  
как считать:  
вне тебя  
или "мыслию", спавшей с самою собою,  
то есть - с тобою?  
Возможно, как и Христос,

ты не имеешь прямого папаши,  
возможно, возник сам по себе...

Но вопрос:

хоть утроба, из коей ты выполз, была?

А?..

Совсем ты заврался, бедняга!

Но будь уверен,

нам наплевать, если даже ты и в своём бытии  
не уверен!

Беркли, слыши!

А впрочем, можешь нас и не слышать сейчас.

Пусть слушают наши!

Сила у нас...

Стихотворение датировано 1926 годом, Москвой и типично для коммунистических романтиков (Н. Хикмета я ценю до сих пор – в нём тоже есть односторонняя правда и искренность).

И вот сейчас я держу в руках книгу епископа Беркли. Из свободной продажи. Выдаётся даже заключённым для перевоспитания. На первой странице портрет – тонкие черты полного лица, изнеженные чуть руки... Где кровавость, волосатость, дрожь шотландских крестьян? А сколько было наврано о его учении? Как священник, он, конечно, был против атеизма и духовно боролся с ним, как либеральный консерватор, он был против революций и анархии. Нормально... А ещё он был "противником феодального произвола и тирании" и, как одобрительно отмечал Маркс, "проводил источником всех богатств труд" (в этом, на мой взгляд, он даже слишком перегнул в будущий марксизм!), заботился о процветании страны и вместе с тем был добрым и весёлым человеком. О последнем можно судить хотя бы по его произведению "Сейрис или цепь философских рассуждений и исследований, касающихся достоинств дегтярной настойки и разных других предметов". Вот его стих "весёлого прелата":

*"Пить или не пить? Вот в чём вопрос.*

*Учёные мужи пусть мерят "за" и "против".*

*А вы, британцы, пейте! Вас призываю, да!  
Пусть доктора клянут, в чём убеждаю я.*

.....

*Коль чувства нам гласят: настойка хороша!  
Желудку, как бальзам, свежа и голова.  
Коль пьёшь настойку сам, понятно без письма.  
Авторитеты – дым, ведь люди – доктора,  
а кто разок хлебнет, запросит вновь питья".*

Основные положения своей философии Беркли выдвинул ещё студентом университета, занимаясь не только богословием и философией, но и математикой и естествознанием. Окончив учёбу, он сразу публикует "Опыт новой теории зрения", в которой разбираются неистребимая субъективность зрительных ощущений, а через год – главное философское сочинение "Трактат о принципах человеческого знания", в котором свою "теорию зрения" распространяет уже на всё человеческое познание. Остальные произведения Беркли были только уточнениями и дополнениями этого главного, сказанного юношей.

Мне система Беркли несимпатична, но раз её нельзя опровергнуть, её нельзя и назвать заблуждением. Бесстрашных и последовательных мыслей, высказанных студентом-ирландцем, хватило для разработки и анализа не только ему самому на всю долгую жизнь, но и на века его последователям и противникам (в том числе и Ленину). Духовное бессмертие - вот награда Беркли за духовную смелость и последовательность.

Читать Беркли трудно, пишет он как учёный, а не как литератор – особенно в своих главных, первых работах. Но разбирать этот текст можно, и от разбора получаешь если не удовольствие, то хотя бы удовлетворение, потому что раскрывается действительная сложность и глубина проблемы и доказательств Беркли. Повторяю: я утратил тюремный конспект, и хотя книга лежит сейчас передо мною, я ограничусь лишь тем, что запомнил с того чтения. Главное моё открытие – Беркли, действительно, боролся с материализмом, но с позиции

реализма, несомненного опыта, а не "субъективного идеализма", как определили его позицию позже. Беркли обьявляет беспощадную войну не реальности (это клевета на него), а той надуманной абстракции, как общая, однообразная "материя", которая якобы лежит в основе всех разнообразных явлений нашего многоцветного мира... И правда, материю, как таковую, никто не видел, это - научная абстракция. Но в отличие от Беркли, мы считаем, что она реальна, что она свойственна объективному миру, выражает как раз свойство его объективного существования. Беркли и не думал отвергать реальность мира вне нас. Напротив, он желает признавать только этот реальный мир, данный нам в ощущениях, и воюет против всяческих вне опытных и ненужных абстракций.

Он стоит на позиции учёного, опытника, эмпирика, и к защите Бога его позиция не имеет никакого отношения. Мало того, при последовательном проведении она должна отвергать Бога, как не данного нам в ощущениях. И действительно, многие направления субъективного идеализма - в отличие от основателя Беркли - атеистичны. Беркли своё учение мог использовать против атеизма, потому что в его веке атеизм чаще всего отождествлял себя с материализмом. Когда-то учёные, освобождаясь от авторитета догматов церковного Бога, заменяли его безличным Богом, Природой-матерью, потом ещё более определённо - скрытой в глубине единой Материей, "Святой Материей", как язвили их религиозные противники. Беркли же не восстановил Бога, а только отменил и эту естественно-научную абстракцию "Материи". И правильно сделал, ибо только после Беркли материализм отделился от естественных учений и стал "философским".

Философский материализм восстановил понятие материи, но уже только как абстракцию реального существования мира вне нас и "данного нам лишь в ощущениях" (по Беркли и...по Ленину). Только теперь я понял, сколь недобросовестным был приём приведения всех субъективных идеалистов к "поповщине и реакционности" только на том основании, что эмпирик Беркли стал после своей учёбы

священником. И никакой Беркли не реакционер, совсем напротив, он стоит у истока в философии великой традиции научного скепсиса, трезвости, прогресса, кантианства, демократии. Именно так!

Кажется, сразу после прочтения трудов Беркли, я пытался сформулировать собственные "Философские воззрения". Вкратце о них: я называю свою философию материализмом, которая сводится к вере в реальность существующего вне нас физического, телесного и данного нам в ощущениях мира, т.е. я повторил формулу Ленина, которую выучил в институте. Но есть ещё иные философские направления. Я воспитан в разделении противников материализма на объективных идеалистов (например, Гегель) и субъективных идеалистов (Беркли). Но оказывается, они совсем не отрицают реальность мира вне нас, как это долбили нам в институтах, но понимают её совсем иначе, чем материалисты. Если почитать самих идеалистов, то оказывается, что они полемизировали лишь с материалистической доктриной о том, что не существует ничего, кроме никому не видных и одинаковых материальных частиц. И я думаю, что они правы в своей критике: нельзя сводить всё бесконечное разнообразие мира к совокупности одинаковых частиц. Однако когда идеалисты выдвигают свою модель мира и сводят её или к структуре, форме, чертежу, строению, идее мира (объективный идеализм религиозно настроенных людей), или к сумме ощущений, показаний приборов, опытов (субъективный материализм, а вернее скепсис учёных в исследованиях и поисках), то они тоже становятся односторонними, а их доктрины неверными, точнее, не полными. Я могу признать, что все три позиции равноправны, но я предпочитаю материализм, как нечто среднее между двумя видами идеализма и потому более жизненное.

Да, уверенность человека в том, что мир есть Разум, Идея, Бог, т.е. в главном он понятен и известен, придаёт человеку мораль и силу, активность. Именно в сектаторском, религиозном характере гегельянства-марксизма-ленинизма заключена главная причина его преобразовательной,

революционной и диктаторской активности. Объективный идеализм, религия нужны, полезны людям. Только плохо, если уверенность становится абсолютной, непререкаемой, неизменяемой, не поправляемой. Губительна одна вера без сомнений. Она отрицает науку, развитие.

Да, агностицизм, неуверенность в истинном виде "мира, данного нам в ощущениях" открывают широкое поле для поисков, исследований, науки, изменений. Но одни сомневающиеся учёные, колеблющиеся исследователи не могут обеспечить жизнь людей. Без твёрдой, целеустремлённой, убеждённой деятельности общество погибнет. И потому сам по себе агностицизм губителен, он должен дополняться верой или в Бога, или во что-то иное.

Как мне кажется, материализм занимает здесь промежуточную позицию. Он уверен, что реальный мир имеет под собой материальную, познаваемую основу и познаваемые законы, что может дать основу для уверенной работы. Но в то же время он уверен, что мир не может быть познан до конца, и дан нам лишь в ощущениях и практике, опыте, что даёт основу для научных сомнений и поиска. "Материя" - это выработанная долгими веками философского развития абстракция, которая, может удовлетворить и сомневающегося во всём учёного и активного деятеля, практика. На материи им легче всего и правильнее всего помириться, войти в компромисс. И потому я верю в будущее своей материалистической веры.

Философский материализм не исключает идей объективного и субъективного идеализма... Его первое и основное положение мне видится таким: мир есть движущаяся и структурированная (организованная, одушевлённая) и неопределенная в силу своей бесконечности материя. Материя, движение и информация (ощущения, идеи) бесконечны и первичны. Нельзя сказать, что материя первичней информации о своём разнообразии, потому что "простой материи" без

разнообразия и информации о нём не существует. Также, разумеется, нет и движения, и информации (идей) без самого материального субстрата. Материализм и объективный идеализм слиты так же, как нераздельны материя и её структура, и информация о ней. Но сюда обязательно подключается и правота субъективного идеализма. Мир бесконечен, и наши знания о нём всегда будут неполными, субъективно переданными и выраженными, относительными. Есть правда во всех великих философских направлениях, и всё же главной является материя, как то существующее, что движется организованно и бесконечно.

Я материалист, потому что подлежащим в основном философском предложении является материя, хотя, конечно, без своих сказуемых она лишается какого-либо смысла, превращается в полное ничто. Признавая правду за верой Гегеля-Маркса и скепсисом Беркли, сам я хочу держаться материалиста Ламетри. Но, конечно, как материализм без объективного и субъективного идеализма становится односторонним и ублюдочным, так нельзя материалисту не впитывать в себя правду верующих и учёных, не стремиться кполноте, многосторонности своего мировоззрения.

Как же трудно привыкнуть к полнокровному, всеобъемлющему, бесконечно-стороннему пониманию реальности, как тянет наш язык к упрощенчеству и односторонности!

И что делать, если невольно хочется назвать любой реальный объект просто материальным телом и явлением, материальным самим по себе и забыть о бесконечной совокупности всех его связей, как с микро, так и с макромиром. Как трудно, привычно манипулируя с различными житейскими предметами, не забывать и бесконечной глубины и сложности каждого из них, удивления и трепета перед ними как перед Вселеными, а ведь именно этого требует философский материализм. Как трудно не только обращаться к своему соседу конкретно и просто: "Иван Иванович!", но и видеть в нём "совокупность общественных отношений" (замечательна эта

формула Маркса). Или заботиться о собственном "неорганическом" теле (опять по выражению Маркса), т.е. об окружающих тебя предметах, людях, явлениях, результатах своей физической и умственной работы, творчества столь же бережно, как и о своём "органическом" теле.

Возлюби ближнего как самого себя. Именно так и считает философский материализм: не больше или меньше (этими прегрешениями и грешат объективный и субъективный идеализм), а в равновесии, **так же**, в равной степени. Относиться к своим связям со средой как к себе, но не растворяться в среде начисто, до полного самозабвения. А если эти требования противоречивы, то находить какое-то равновесие, жизненный оптимальный компромисс - вот как надо строить жизнь

И так же надо строить мне линию жизненного поведения здесь, в тюрьме. Да, за 40 лет у меня выросло большое "неорганическое тело", немалое богатство - друзей, детей, статей, работ, предметов.... Всё это – моё, и живёт оно сейчас самостоятельной жизнью на воле и будет некоторое время жить и без меня, даже если я и впрямь сдохну в лагере. Может, даже долго будет оно жить и действовать на мир, а в принципе, в безличной форме оно вообще не пропадёт, войдёт какой-то миллиардной частью в духовный и иной опыт человечества, обретёт в нём бессмертие. Таков реальный "загробный мир" в понятиях философского материализма. Загробный мир, в котором память потомков будет воздавать всем по заслугам: вместо рая - благодарность Пушкину, взамен ада – ненависть к Гитлеру, безличная благодарность к предкам – всем нам, обычным людям. Загробный мир, который создаётся, творится самим человеком уже сегодня, в тутойней жизни и только в ней.

И для меня также. Физически меня нет на воле, но для друзей Лилия показывает наши диафильмы и, может, даёт читать дневники и статьи – и для них я существую по-прежнему. Ведь и раньше, я в главном мог высказываться только через бумагу и магнитофон. Устные разговоры были лишь предварением

писем-статей и диафильмов. Уход в тюремное небытие не убил меня, уже осуществлённого в прошлом, овеществлённого ("определенного" по Марксу) в бумаге и плёнке. Может, он даже придал моему неорганическому телу больше популярности и активности из-за естественного сочувствия к посаженному в тюрьму. Очень ярко и с бесконечно большим обоснованием эту ситуацию выразил Солженицын: " После смерти своей я буду делать своё дело ещё лучше, чем при жизни".

Принципиально положение изменилось лишь в том, что после изъятия из большого мира моего физического тела моё неорганическое тело на волне перестало расти и развиваться. И если считаешь, что сделано очень мало, и если есть силы и желание работать, то обязательно надо стремиться вернуться к свободной жизни, к своему миру, надо стремиться к выходу из тюрьмы на свободу, на "химию" хотя бы или в ссылку, где не будут контролировать каждый твой шаг и совать нос в каждое твоё движение. Однако добиваться этого надо, ни в коем случае не забывая о противоречивых интересах большого мира, не нанося ущерба уже живущему неорганическому телу.... Или, если это невозможно, то чтобы ущерб был минимальным. Ведь отказался я от занятий самиздатом, а разве это не ущерб не только для меня, но и для мною уже сказанного и написанного? Однако принять такое обязательство будет необходимо – оно стоит 70-ой статьи, равносильной полусмерти.

Да, ради своего "органического я" можно поступаться в чём-то и интересами своей главной бессмертной, неорганической части. Но очень осторожно. В главном своими убеждениями, своими работами, своими друзьями поступаться нельзя, иначе замараешь себя на веки вечные, будешь гореть в огне осуждения, даже если забудут твоё имя за малость его. Такого допускать нельзя. Просто глупо выходить из тюрьмы ценой настоящего отречения от своего главного существа. Как глупо отказываться от тяжёлой операции (лагерь), если завтра грозит смерть бессмертной душе. Нет, мне это запрещает моя вера, прекрасная вера философского материализма.

Другим английским философом, труды которого читала камера 322, был **Френсис Бэкон**, как признано, родоначальник английского материализма и зачинатель новой экспериментальной науки, мыслитель, завершивший собой эпоху Возрождения (16-й век) и начавший новое время (17-й век).

Юрист и придворный по воспитанию, образованию и профессии, он был очень талантливым и разносторонним человеком с острым умом. Занятия экспериментальной наукой были для него хобби. И, тем не менее, именно здесь он совершил самое главное. В полемику всей средневековой науке со схоластикой и на логической базе - "Органоне" Аристотеля, он написал свой **"Новый Органон"**, где основой знания объявил только опыт, Природу, а вместо аристотелевой дедуктивной логики провозгласил истинным экспериментальный, индуктивный метод доказательств. Да и целью новой науки он считал не победы в схоластических спорах - диспутах об одних и тех же, якобы, "вечных истинах", а изобретение полезных для жизни усовершенствований. И умер-то он, простудившись при опытах замораживания мяса в целях сохранения. Наверное, потому что он был дерзким дилетантом в экспериментальной науке, у него хватило смелости так полно и ярко высказать о схоластике средневековья всю горькую правду, пусть с большими преувеличениями и перегибами.

Однако с большим увлечением я читал этические вещи Бэкона **"Опыты и наставления нравственные и политические"** в т. 2. Никакого внутреннего несогласия с мыслями Бэкона о нравственности у меня не возникало. И только одно тревожило: почему же он сам не смог выполнить свои наставления и был вынужден признаться публично в продажности, уйти с поста канцлера

английского королевства? Неужели поучения – одно, а собственная жизнь - другое?

Однако нельзя приписывать Бэкону безнравственность только на основе его приверженности к новой науке и материализму. Ничего подобного. Этика Бэкона традиционна, она строится на примате "общественного блага" и заветов Бога, а сам он – политический деятель, придворный карьерист, просто не мог во всём следовать своей же, искренне исповедуемой, морали. Само участие в государственной жизни делало его безнравственным. Ни наука, ни этика не были для него главным. Главным была придворная карьера, служба одному из самых деспотичных английских королей, виновнику скорой английской революции. А вот потомкам осталось именно научное и даже моралистическое наследие Бэкона в его книгах. Нет, Бэкон не был совершенен, он даже сам не понимал, что в нём главное и ценное. Иначе не стремился бы к высшим государственным должностям в продажную эпоху

А может, какая-то косвенная связь между естественно-научным материализмом Бэкона и его практической безнравственностью всё же есть? Наверное, Томас Мор, другой английский канцлер-философ, не был способен на безнравственность, потому что необычайно крепка была его вера в Божьи заповеди, вера коммуниста и католика. Но ведь Т. Мор и не мог бы начать собой новое время, он мог только пойти на героическую смерть, стать святым. А вот Бэкон мог бы не "продаваться", если бы больше занимался наукой и обосновывал свой материализм ещё и этически, чем гнаться за славой и положением. Нет, пример Ф. Бэкона не может положить пятно на материализм.

**Чтение 1-го тома "Сочинений" Николая Кузанского**, немецкого кардинала 15-го века, подтвердило это впечатление. Хотя Николай принадлежит уже переходной эпохе Возрождения, но он ещё стоит на границе со Средневековьем и в своих книгах показывает ошеломляющее разнообразие накопленных

схоластической культурой богатств. Он тоже критикует схоластику, предпочитает церковному Аристотелю более античного Платона, но сам он - сын средневековой учёности и не может отвергнуть её заслуг (хотя и пытается).

Кузанский был последним моим философом в Бутырке. Однако курс лекций для исторических и философских факультетов "**Философия эпохи Возрождения**" А.Х. Горфункеля, 1980 г. сильно расширил мои знания о начале современной Европы. Хотя, конечно, никакого удовлетворения от того, что я "многое узнал" нет. Напротив, я увидел, сколь многоного я не знаю. Сколько много упомянуто или лишь слегка описано славных имён, равноценных хотя бы Николаю Кузанскому!

Меня больше всего интриговала связь Возрождения с Италией и не только потому, что в папских владениях была своеобразная политическая столица той Европы или что там сама почва напоминала и звала вернуться к античности, а больше из-за существования множества независимых торговых, т.е. буржуазных республик-городов. Италия оказалась первой капиталистической нацией Европы и именно потому дала экономическую базу для Возрождения. Но капитализм её оказался особым, торговым, не имел под собой прочной научно-промышленной и религиозно-нравственной базы - и погиб. Только в других европейских странах Возрождение спровоцировало Реформацию и было вытеснено ею и Новым Капиталистическим Временем.

*"С. 7 – приведена интересная характеристика эпохи Возрождения Энгельсом: "Вслед за борьбой феодалов и горожан появились крестьяне и предпролетарии с красными знамёнаами в руках и коммунизмом на устах... вызвала искусство и воскресила греческую древность".*

Выходит, Возрождению предшествовали "коммунальные" (городские) революции в Италии, установление в них республик. Каким-то образом коммунизм предшествовал Возрождению и гуманизму. Хочется верить, что и у нас такое возможно...

*Начало Возрождения ведут от поэтов-предшественников Данте Алигьери и Петрарки. Данте стоял ещё на почве схоластики, а Петрарка уже разорвал с ней связи, демонстративно гордился своим "невежеством" в университете смысле, а силы свои отдал поиску и переводам древних текстов, их возрождению. Одновременно восстановлялся и авторитет восточной патристики, т.е. православных корней. Отсюда первоначальный уклон гуманистов Возрождения в неоплатонизм – Николай Кузанский, побывавший в Византии, византиец Георгий Плифон и др. Первая гуманистическая академия во Флоренции ("Мы государство простонародное, преданное одной торговле, но свободное") стала неоплатонической. Впоследствии, правда, перегиб был исправлен новым прочтением и истолкованием Аристотеля как древнегреческого философа, а не церковного авторитета.*

*Что же касается этики, то процветал эпикурейзм, иногда даже аналогия стремления к выгоде, этика пользы и личного интереса. Может, это одна из причин, почему итальянские республики не могли объединиться, стать силой и отстоять принципы своего существования. Отсюда общий упадок Италии, остановить который хотел Никколо Макиавелли, рекомендая объединение и укрепление власти любыми средствами ради блага нации (отсюда знаменитое "цель оправдывает средства"). Но его усилия и советы ничего не могли изменить, только навлекли негодование противников и обвинения в*

*безнравственности. Чего-то в Италии не хватало для национального объединения и укрепления капитализма"*

*Жалко! – "Просвещение отбросило диалектику Возрождения, но XX век её возрождает (Циолковский, Чижевский, Вернадский – пантеисты?) Поднимается роль провозглашённых Возрождением идеалов совершенного человека, единства философии и его жизненного пути, мысли и действия, слова и деяния". Дай-то Бог!*

#### **П.2.3.7. Книги античных авторов**

Поиски укрепления своей веры в философских книгах всё время подталкивали меня к самому началу европейской и всечеловеческой мудрости, к древним её истокам. Такой интерес существовал у меня очень давно, может, всегда, а сейчас даже вырос, и в своих требованиях я обязательно просил книги античной философии и истории. По истории так ничего и не дали, а философией Бутырская библиотека оказалась богатой. Углубление в античность, как в юность человечества, невольно сочеталось у меня с воспоминаниями о представлениях собственного детства. В детстве, как мне помнится, больше верится в реальность идей и сказок, и потому, наверное, дети цельнее и лучше. Надо только найти, обрести вновь детскую веру, а она даст правду и силу, как давала силу древним грекам их пантеистическая вера в олимпийских богов и природные стихии.

Первым греком оказался для меня **Аристотель** с его знаменитым **"Органоном"** – сводом 14 книг по логике и диалектике. До этой книги мне представлялось, что у греков наука и философия были много проще нынешних "высот и глубин", что Аристотель (я поверил Ленину) "свеж и наивен". А оказалось... Этот первый грек обрушил на мою бедную голову такую бездну тёмных для меня, но,

несомненно, значимых рассуждений, что пробирался я в книжке с большим напряжением. Все последующие философские книги, не исключая "архитёмного" Гегеля, казались легче. Разобравшись в одном, я быстро его забывал на следующей головоломке. В итоге можно сказать, что "Органон" я не изучил, только прочёл и почувствовал. Моё ошеломление сменилось восхищением. Очень помогли предисловие и примечание разъяснением главного и демонстрацией того, как экономно стали записываться сложнейшие аристотелевы умозаключения в логико-математических формулах. И оказалось, что прогресс в основах дедуктивных наук за прошедшие от Аристотеля тысячелетия больше выражается не в содержании, а в форме записи, что Аристотель успел открыть всё главное в способах логического и, следовательно, математического доказательства. При этом, не будучи математиком, и даже не очень интересуясь достижениями математики того времени. Вот какая это была величина! "Органон" стал основой всей средневековой науки. Новое время Аристотеля не отвергло, а лишь развило.

В школах и институтах мы учили, что Аристотель был изобретателем формальной логики и стихийного материализма, а современный философский материализм идёт много дальше – он заменяет, вернее, превосходит и преодолевает аристотелевую логику диалектикой, учением о противоречивости бытия. Но после знакомства с самим "Органоном" начинаешь понимать, что проблему соотношения диалектики и логики решал уже сам Аристотель и решал намного, нет, несравненно более глубоко, чем все нынешние "диалектики". Не диалектика заменит логику, а наоборот, из диалектики, обобщившей доказательства в спорах свободных граждан и софистические приёмы и парадоксы, Аристотель выделил и изобрёл гораздо более чёткое и твёрдое – логику, необходимую базу под науку, т.е. он родил науку.

Изучаемый нами хвалёный диамат даже не заикается, что Аристотель давно уже предусмотрел деление мира на бытие в возможности (потенциально сущее) и бытие в действительности (актуально сущее). Кстати, современная математика, заменив слово "бытие" бесконечностью, различает бесконечность актуальную и потенциальную.

В наш неизвестный и потому неопределённый, многосмысловой и потому диалектический или тонкий ("тоники") мир, Аристотель ввёл твёрдую почву ясного непротиворечивого, логического знания, отчертив законом исключённого третьего, как ударом меча, область необходимого, актуально сущего от неопределенного, потенциального. А наши учителя диалектики как бы стремятся уничтожить это открытие древним греком твёрдой земли, снова спихивают нас в море неопределенности без края или ещё хуже – в софистику, когда за истину почитается всё, что угодно, всё что выгодно начальству. Заменяют античный свет на новую тьму, Гармоничность и Закон на восточную неопределенность и Хаос - самое страшное зло для древних греков.

Другим древним греком, мыслями которого довелось насыщаться в тюрьме, был **Секст Эмпирик**  
**"Сочинения" в 2-х томах.** Секст Эмпирик – это не имя, а просто "шестой скептик" – условное прозвище, данное переписчиками древней энциклопедии античного скептицизма, ставшего по выражению автора предисловия, наряду с книгой Диогена Лаэрция основным источником сведений о взглядах античных мыслителей. По Сексту Эмпирику у меня сохранилась запись:

*У меня осталось впечатление от этих книг, как от полного собрания всех нападок скептиков на догматическую науку с эмпирической точки зрения, т.е. относительности любых знаний, и с точки зрения логических парадоксов, апорий, которые возникают при рассмотрении вещей, заключающих в себе бесконечность. Ссылки на апории и бесконечность идут постоянно.*

*Значит, затруднения от них – это главные затруднения в любой науке и философии от наших дней до самых далёких. Всё это уже было у греков и подходы к пределу тоже.*

Больше древнегреческих философов в Бутырке не оказалось. Но зато уже летом, как бы доскребая философские остатки, принесли мне две книги об античной философии, обе оказались интересными.

**В.Я. Комарова. "Становление философского материализма в Древней Греции"** (логико-гносеологические аспекты диалектики философского познания). - ЛГУ, 1975 г.

Эта книга помогла мне понять, как реально возникла философия из первоначального, цельного, может, даже детского взорения на мир через настойчивые вопросы о бесконечности и человеческом знании о нём. Ответы были возможны разные и совершенно непредсказуемые.

Ответами становились разные философские учения, всё утончающиеся и дальше отходящие от первоначальной, ещё мифологической целности. Каждое из развитых философских учений вместе с тем становится и односторонним. Отсюда и тяга к первоначальной детской вере, к прочной вере в живой мир, в родные мифы. Тяга, которая и меня гложет.

**А.Н Чанышев. "Итальянская философия".** - МГУ, 1975 г. *о пифагорейской школе и элеатах Ксенофоне, Пармениде, Зеноне, Мелиссе. Биографии, учения, ученики.*  
*Интересно отмечено влияние географического фактора. Если в Ионии, на границе с персидской деспотией, возникла впервые натурфилософия–материализм, то в "Великой Греции", Италии, - школы математики-идеализма. На дальнем Греческом Востоке (в Ионии) обобщениями защищаются от азиатской деспотии, злого хаоса, беспредельного апейрона, а на Греческом Западе (в Италии) возникла идея организации Космоса. Космос прекрасен, внутренне устойчив через число - основное средство торгового дела, гармонизации интересов*

всех людей. (Архит: "Открытие счёта способствовало прекращению распри и увеличению согласия, ибо после того, как это случилось, нет обсчитывающих и господствует равенство"). Это неутешительные для материализма, но, думаю, неокончательные выводы. А вот демократические корни идеализма здесь более убедительны: от торговли любовь к счёту, математике, а от последней очень естественен переход к идеалистическому обобщению мира.

Большая часть книги посвящена легендарному Пифагору, связавшему в себе достижения индусских брахманов, учения Зороастра, халдейских звездочётов, египетских жрецов и т.д. (по легендам), и истории пифагорейской секты, очень похожей на будущие христианские, монашеские общины (например, обет молчания, тайны, созерцания...). Конечно, интересны и биографии элеатов: гонимого за правду Ксенофона с его смелым обличением языческих богов и "смелостью быть нравственным в безнравственных ситуациях, когда людей толкают на безнравственные поступки, обвиняя их в трусости"; софиста-учителя Зенона, за стоминутный урок бравшего плату 43,6 кг серебра, геройски погибшего в месть тирану за родных; полководца Мелисса Самосского, учившего о беспредельности Бытия во времени и пространстве и впервые выдвинувшего закон сохранения материи и энергии: "из ничего никогда не может возникнуть нечто". Материя у него страдала и называлась Бог...

Ну и так далее. Интересно во всём разбираться, без конца...

И ещё одну книгу об античности, но не греческой, я вдруг здесь прочёл. Мне её дали невзначай, одной из последних. Г.М. Бонград-Левин "Древнеиндийская цивилизация (философия, наука, религия)". - М., 1980 г. Книг о китайской философии или истории в Бутырке

читать мне не пришлось, а от японской культуры мне достался замечательный памятник X века **Сей-Сенагон** "Записки у изголовья". - М., 1975 г.

*Записки фрейлины в Киото - удивительный памятник удивительной культуры. Оказывается, по-японски тогда писали большие женщины, т.к. мужчины предпочитали китайский язык (как в Европе – латынь). Но в Японии издревле существовала самобытная культура на перекрестьке китайской и буддистской культур под защитой бурного моря и ветра камикадзе. Выходит, у японского либерализма и демократии очень древние корни (как и в Англии), и книга обнажает, показывает их небольшую, но такую интимную часть.*

*"Записки" – не дневник, а зарисовки, раздумья-эссе, миниатюры о природе, людях, событиях, стихах (о природе похоже писал М. Пришвин). И какие культура и свобода женщины даже по самым высоким западным меркам! Правда, свободная любовь придворных дам больше забавна (хотя тоже показательна). Как интересно, что внешне обычаи и культура у двора китайские, а основа своя, свободная. А какой выразительный получился женский автопортрет! В каждом слове у неё восхищение, прежде всего, красотой: очаровательно, красиво, прелестно – везде, от цвета мужских штанов до гор и цветов. При этом – надменная гордость! Брождённое достоинство! Всеобщая любовь придворных к сочинению стихов! Внешне китайская литература играет ту же роль, что и французская при русском дворе в 18-м веке, но с обратным знаком, свободно и естественно накладываясь и впитываясь в японский характер... Замечательная книга!*

Книги про цивилизации древней Индии и Японии дали мне ощущение единства мира. Языческая культура Индии очень

похожа на античное цветение Греции, как будто Индия много веков вплоть до современности не выходила из античной фазы и, может, в этом и состоит её особое своеобразие. Нравы древней Японии похожи чем-то на нравы свободной Англии. И везде своя особая вера – индуистская, синтоистская, родовая. Оказывается, везде, даже на азиатском старом континенте, есть корни у европейской цивилизации, потому что они - главные истоки ещё догосударственной, свободной жизни, известной из сказок и легенд. Они в первоначальной, мифической вере, которая есть у каждого народа, и у каждого своя. Как у каждого человека есть своя детская вера, к которой надо обязательно пробиться, конечно, не отметая полученную культуру, а перестраивая её на своих основах.

Не знаю, не могу оценить, насколько я преуспел в Бутырке при поиске и укреплении своей веры. Наверное, на это нельзя ответить сразу, по жизни видно будет. Но чувствую, философскую жажду я там утолил и сейчас на мир смотрю увереннее.

# **Часть 3**

## **ПОИСКИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ**

### **3.1. Диссидентский суд**

#### **3.1.1. Диссидентский суд (авт. –В. Сокирко)**

*[Ниже последние страницы «Бутырского дневника», но при составлении книги Витя согласился перенести их в Часть 3 и соединить с оценками диссидентским (в основном) окружением его выхода из тюрьмы и последующих действий . — Л. Т.]*

...Мне осталось досказать немногое.

И Бурцев, и "коллега" пытались "по долгу службы" использовать моё освобождение. Первый привлекал меня как благонамеренного свидетеля на процесс Терновского<sup>25</sup>. Второй "продал" меня корреспонденту АПН, и они оба выпросили новое заявление для печати на основе моего первого варианта. Почему это случилось?<sup>26</sup>

Вначале я не мог толком объяснить даже Лиле свою непонятную уступчивость. Ведь я был уже освобождён официальным судом, мог послать к чёрту всех корреспондентов, не принося ни себе, ни, что важнее, Лиле всех последующих

---

<sup>25</sup> См. об этом на сайте «В. Сокирко и Л. Ткаченко»:  
<http://www.sokirko.info/ideology/vokrugpoiskov/3.22.htm>

<sup>26</sup> А. А.: «Да, этого следовало ожидать». Л. Т.: « Я такого не предполагала».

переживаний. Я даже пускал в ход объяснения природной мягкости, уступчивости, естественной благодарности. Так «естественно» для них было за то же самое отправить в лагерь, ведь отправили совсем ни за что рабочего Юру Гrimma. Однако думаю, что была более глубокая причина: я действовал из стремления к прояснению достигнутого в тюрьме первого, безо лжи, компромисса.

Ведь действительно, моё заявление на суде было чужим, ему невозможно было верить. И как глухо сообщил мне "коллега", ему никто и не поверил, ни на Западе, ни в диссидентской среде, отнеслись как к документу, полученному под давлением тюрьмой, лишь как к плате за выход. Это не устраивало ни меня, хотевшего не лжи, а компромисса властей с моим лояльным инакомыслием, ни низовых "коллег", которые знали, что заявление Сокирко – не просто ложь, что в начале оно было – искренним.

Однако, как ни странно, это положение устраивало наших антагонистов: "высшее начальство" считало, что Сокирко – обычный советский человек, правда, заблудший, но полностью раскаявшийся (иными могут быть только враги), а диссидентские максималисты могли обоснованно считать, что Сокирко только слищемерил, пошёл против своих убеждений прямо на суде ради физического освобождения (по их мнению, искренне думать можно только по-диссидентски, всё остальное – лицемерие, двоемыслие). Лживое

заявление на суде давало основание для обоих толкований и укрепляло их антагонизм: 1) Сокирко говорит очевидные советские штампы и, значит, он заблудший, но исправившийся человек, 2) Сокирко очевидно говорит от страха и под давлением, значит, про себя он думает как диссидент.

---

В принципе, на этом можно было бы подвести черту и тем перейти в молчашую интеллигенцию шаблонно-советскую с вида и яро-диссидентскую внутри. Тем более что условия моей "капитуляции" были небывало лёгкими и даже "почётными", плюс человек в личном плане "хороший", четверо детей и т.п.

---

При таком "естественном" исходе, при моём молчании, остались бы в неприкосновенности и вне сомнений антагонистические системы ценностей, отражённые в официальной прессе, с одной стороны, и публично выраженные эмигрантско-диссидентскими материалами и радиоголосами, с другой. Компромисса, которого я добивался в тюрьме, и на который вроде шли "коллеги", как бы и не существовало. Этого хотели "высшие", но не устраивало низовых участников соглашения. С двух сторон и по-разному мы жалели о том, что не был принят и осуществлён именно первый вариант моего заявления. Я жалел, потому что он хоть неточно, но выражал мои убеждения, а "коллеги" жалели, потому что этот вариант был убедительнее, тоньше, честнее, потому что он показывал, что в тюрьме воздействуют не только давлением, что Сокирко и впрямь противоречит господствующему ныне диссидентскому максимализму.

Вот почему я пошёл на возвращение к "тюремному компромиссу", вот почему согласился подписать второе заявление для АПН 24 октября, повторив в нём тюремный вариант в смягчённой форме. Правда, уже через два часа я от него отказался, потому что по Лилиной реакции понял, что на свободе я уже не имею право говорить чужим языком, уступать в выражениях и т.д. и поддаваться уговорам и упрашиваниям.

Зато благодаря этому "сбою" я получил моральное право написать действительно свой, окончательный вариант заявления своего компромисса, так называемый "проект интервью для западных читателей", который и послал в АПН официально как последнее и достоверное изложение своей позиции лояльного инакомыслия, отказа от оппозиции, базирующейся только на

западной поддержке. Этим заявлением я фактически зачеркнул ложь на суде и вернулся к нравственно чистому, первоначальному компромиссу.<sup>27</sup> "Высшее начальство" об этом, наверное, просто не знает, ну и пусть. Важно, что я нахожусь на свободе на своих компромиссных условиях.

Интересно, что для Софии Васильевны [Каллистратовой] написанное мною последнее и взаправду моё "интервью" [от 27.10.1980] оказалось хуже и неприемлемее, чем составленное под мягким нажимом и в казённых фразах заявление для АПН [от 24.10.1980]

Именно потому, что заявление для АПН можно толковать, как результат нажима. Когда такое толкование стало невозможным, а компромиссный характер моего поведения – очевиден, диссиденты-максималисты перестали меня жалеть. Может, самые дорогие мне люди из них выступили с публичным осуждением: сначала "Открытое письмо В.Сокирко (К. Буржуадемову) от С.В. Каллистратовой", а потом статья Г.С. Померанца "Цена отречения"<sup>28</sup> У меня нет права на публичность [обещал, что не будет больше выступать в самиздате, - Л.Т] и я ответил письмом, которое Лия отвезла С.В., а потом ответила сама, поместив в приложении как доказательство большую и наиболее важную часть записи моего суда и приговора, а также последнее моё «Заявление для западного читателя» [см. ниже]... Это было главным. Через мои ошибки и срывы, через публичную полемику, но моя настоящая компромиссная позиция была обнародована, и теперь её стало невозможно игнорировать, обойти вопрос: чем же был мой выход – лицемерным отступничеством и капитуляцией или попыткой осуществления реального компромисса, поисками формы существования легальной

---

<sup>27</sup> Текст этого «проекта интервью» см. ниже: раздел 3.2.3.

<sup>28</sup> См. ниже: раздел 3.3.10.

оппозиции. На статью Померанца я смог ответить только частным письмом, зафиксировав его собственное отречение от идеи диалога в пользу максимализма.<sup>29</sup>

Конечно, окончательную оценку моего выхода из тюрьмы даст только жизнь, точнее, насколько успешными будут мои поиски форм правильного существования.

Форма журнала "Поиски", откровенно ориентированного на западную печать и на противостояние властям, для меня сейчас является непригодной, как и весь подобный самиздат, предназначенный лишь для того, чтобы стать тамиздатом. Такой самиздат почти автоматически попадает во власть максималистских настроений и начинает играть нелояльную по отношению к существующему государству политическую, а главное внешнеполитическую роль. Первое – понятно, второе следует исключать.

Что должно быть взамен? Пока не знаю.

У меня самого есть сферы работы, пусть ограниченные только узким кругом знакомых, а именно – диафильмы и дневники для друзей.<sup>30</sup>

Право на такое творчество и локальное самовыражение у меня никто не отнимал и даже не оспаривал. А работы и здесь столько, что с головой хватит на долгие годы. Не говоря уж о неоконченных поисках своего лица в основной, профессиональной работе, исконного сочетания хорошей, общественно-полезной работы с активной гражданственной позицией и ответственностью, в постоянных обоснованиях и

---

<sup>29</sup> Размышлений по поводу Витиного выхода из тюрьмы было много, часть из них помещены ниже

<sup>30</sup> А. А.: «Дневники-письма для ограниченного круга друзей, если они более, чем в одном экземпляре, в ту пору тоже трактовались как «распространение». Это я могу засвидетельствовать из собственного опыта». Л. Т.:» Да. Но, привычный к более широким формам самиздатской деятельности, Витя тогда об этом не задумывался».

требованиях необходимых общественных, прежде всего экономических реформ.

Что же касается главных «поисков взаимопонимания», то тут сама жизнь покажет...

Март-апрель 1981 г.

### **3.1.2. События ноября 1980г (авт. – Л.Ткаченко)**

...В ноябре у Вити было две тяжелых диссидентских беседы. Одна в моем присутствии с очень дорогими нам людьми.[Померанцами, 12 ноября] Честное слово, я не ожидала такой глубины осуждения и не за повторное заявление 24 октября, а за то, сделанное еще в тюрьме и прочитанное на суде (о повторном они еще не знали).

По их мнению заявление в суде оказалось на деле не способом выхода из тюрьмы и разумным компромиссом с властью, а простой капитуляцией и отречением от взглядов, причем, если отречение от научных идей (как Галилей) возможно, то отречение от нравственных идей недопустимо. Неверно основное Витино положение, что он осуждает использование его имени и работ во враждебных стране целях: и потому что за "использование" никто не отвечает ("Правду" тоже используют), и потому что никто на Западе к стране не относится враждебно, а только помогают, на поддержке мирового общественного мнения вся сегодняшняя оппозиция держится. Впрочем, у Вити и до тюрьмы отмечалась безответственность в некоторых идеях, стремление подлаживаться к господствующим массам. Пример: глубоко огорчительная Витина статья о необходимости союза между сталинистами и диссидентами, написанная им еще в ноябре 1979 года, до ареста. Нельзя идти с большинством, если оно не право или угнетает меньшинство, нельзя ради действия жертвовать нравственностью – лучше молчать и не участвовать, если нет сил протестовать. Не изменять Богу – нравственности и правде. Если бы у Вити его заявление было простой слабостью,

желанием откупиться от тюрьмы, это было бы понятным и простительным грехом, но то, что Витя ищет в этом позицию, пытается оправдаться, мириться с ГБ – это уже фарисейство и двоемыслие. Нельзя вести диалог с ГБ – это бесполезно и опасно (для души), потому что эта организация только и создана для подавления. И как вывод: Витя оказался недостойным общественной деятельности и потому ему ни в коем случае нельзя больше ею заниматься. Надо молчать и думать, что произошло.

Витя в этом разговоре возражал очень неубедительно. Он только подтвердил, что искал компромисс сознательно, что только это соответствовало его убеждениям, иначе он сидел бы в тюрьме и сейчас - "не так уж это трудно".

Другая беседа была у Вити ночью 16 ноября, когда в 11 часов ночи к нам в гости приехало трое диссидентов (двоих Витя раньше не знал) и уехали в третьем часу. Я тогда была нездорова и спала, поэтому Витя принимал на кухне гостей один. Они сообщили, что уже слышали передачу "Би-би-си", где упоминалась особая позиция члена редакции Сокирко в духе заявления от 24 октября, что уже подготовлено "Открытое письмо" К. Буржуадемову (Сокирко)", но прежде, чем его публиковать, решили известить Витю. Самого текста "Открытого письма" не оставили, но Витя говорит, что там просили его еще раз объясниться по ряду конкретных пунктов. Например: "Вы говорите, что никого не просили на Западе о помощи, но разве заключенные из тюрьмы имеют возможность просить о помощи?" Витя отвечал, что он дал обязательство не выступать в самиздате, но в частном письме, конечно, ответит на все вопросы, как может.

Витя говорит, что в этой беседе он чувствовал себя еще более беспомощным. Собеседники его беспрерывно и логично припирали к стенке:

- Не думаете ли Вы, Витя, что зачеркнули все, что сделали раньше? Что принесли вреда больше своим отречением, чем пользы всеми предшествующими своими делами?

- Что Ваше отречение теперь будут показывать заключенным как средство давления?

- Что Вы оклеветали "Русскую мысль", назвав ее органом НТС?

- Что они, "с Лубянки" – действительно, палачи?

- Что либералам на деле всегда было свойственно радикально, с "пеной на губах" выступать против мерзостей режима, вроде смертной казни?

- Что западные правительства делают доброе дело, заступаясь за политзаключенных, помогая осуществлению Фонда помощи и т.д.?

- Как Вы, Витя, жить думаете дальше?"

Витя чувствовал себя как в трибунале. И снова его возражения выглядели очень слабыми, путанными, неубедительными. Твердо он только кончил разговор, заявив, что считает свой выход из тюрьмы правильным и о поступках своих в основном не сожалеет.

Рассказывая же мне об этой беседе, он говорил, что вся сложность его положения – в промежуточности и нелогичности самого существования человека открытой и лояльной оппозиции в наши дни, когда везде царит логика противостояния и "кто не с нами, тот против нас". Раньше диссиденты говорили, что они не будут заниматься политикой, это было принципом лояльного самоограничения слабой оппозиции. Сегодня диссиденты не стали сильнее, но на деле занимаются не только политикой, а внешней политикой, играют существенную внешнеполитическую роль и, конечно, не столько по своей вине, сколько по вине самого давящего государства. Но при таких условиях нормальная лояльная оппозиция существовать не может, и потому свой отказ от помощи Запада Витя считает правильным шагом, необходимым и конструктивным самоограничением.

Для власти любая оппозиция сегодня – преступна, не лояльна. Для диссидентов любая лояльность есть безнравственная смычка с преступной властью. И все же Витя упрямо не сходит со своего положения "между двумя стульями".

В этом и заключается его верность своим принципам и убеждениям.

Он отказывается считать преступной и нашу власть, и наших диссидентов и собирается оставаться именно в лояльной оппозиции, не допуская противостояния и тюремы, но и не забывая о необходимости добиваться реформ и развития. Конечно, он только человек и не может выдержать свою линию без ошибок и уклонений. В прошлом году не смог своевременно выйти из противостояния прокуратуре и поплатился за это компромиссами с "коллегами" и верноподданными заявлениями этого года. И все же это только ошибки и частности на его непростом пути, в основном Витя остался верен себе и не думает меняться. Мне он говорил, что не желает скрывать от диссидентов своего верноподданничества советской власти, а от власти не желает скрывать своих оппозиционных, буржуазно-коммунистических взглядов, инакомыслия.

Я знаю, что и дальше наша жизнь не будет спокойной, что и дальше Витя будет искать свои пути, но очень надеюсь, что от этого она не станет несчастной (не дай Бог ему ни тюрьмы, ни эмиграции) или пустой и бессодержательной (это возможно, только если он духовно сломается или станет равнодушным).

Наш сын Тема уже понимает положение отца, когда говорит ему: "Твое положение безнадежно, ты как будто стоишь на промежуточной полосе, по которой стреляют обе стороны". А на Витин вопрос, где же он видит себя в будущем, отвечает: "Над обеими сторонами, сверху". Витя считает это иллюзией, но я рада и ей: пусть Тема занимается наукой и в ней будет счастлив.

Очень мне трудно было понять отношение Вити к Западу. Ведь он – западник, сам псевдоним его говорит об этом, ведь знает он, что Запад желает России только добра и спокойного развития и никогда не начнет сам войны с нами, что только благодаря его поддержке держится сейчас открытая оппозиция, оказывается возможным свобода слова в самиздате. Ведь сам он радовался, когда узнал, что его книга

"Антигэлбрейт" напечатана на Западе и благодарен за помощь, которую оказывали нам во время его ареста... Так почему же он осуждает эту поддержку Запада, которой сам пользовался? Почему настаивает на том, что фразы с осуждением "использования моего имени и работ во враждебных стране целях и для ведения психологической войны" – не просто вынужденная плата за выход из тюрьмы, а его реальные убеждения?

Сейчас я понимаю, что и в отношении к Западу Витя сознательно встал на позицию советского верноподданного: хотя он любит Запад, благодарен ему, во многом единомысленен с ним, но живет он именно в Советской России и будет с ней всегда, даже когда она будет неправа. Да, он тоже надеется, что войны с Западом (или с Китаем и Западом) никогда не будет, но если она все же случится, то он будет все же на родной, даже неправой стороне. Это трагический выбор между Родиной и правдой. И надо сделать все сейчас, чтобы избежать такого выбора в будущем. Может, потому и решился он на свое письмо Брежневу против ввода войск в Афганистан. И потому никак не хочет мириться с положением диссidenta, существующего за счет поддержки Запада, а точнее, западных правительств.

Витя не отрицает, что не может в своих отношениях к Западу свести концы с концами (это было видно еще по диафильтру "Ленинград"), что допустил много нехорошего в своих заявлениях – и неправду (например, что на Западе уже использовались его работы во враждебных целях), и ошибки (вроде определения газеты "Русская мысль", как органа НТС, на котором так настаивал корреспондент АПН и он ему в конце концов поверил), но убежден, что в основном он не изменил ни Западу, ни России, ни оппозиции, ни власти – отказываясь от одностороннего выбора и стремясь к миру и взаимопониманию между ними, именно так и прежде всего – к миру и взаимопониманию. Декабрь 1980.

## **3.2. Заявления В. Сокирко для печати после освобождения из Бутырки**

### **3.2.1. 24.10.1980 (заявление для АПН)<sup>31</sup>**

Как мне стало известно, в некоторых зарубежных средствах массовой информации появились сообщения обо мне, как о «жертве советского режима». Известно мне также, что эти же средства массовой информации расценили сделанное мною в суде заявление лишь как результат давления и угроз, оказанных на меня во время следствия и в тюрьме. Это - неправда!

Сейчас я нахожусь на свободе, никто мне не может угрожать и я вновь подтверждаю то, что было сказано мною на суде, а осознано задолго до него. ,

В связи с этим я хотел бы сообщить следующее.

С 1978 г. под псевдонимом К. Буржуадемов и под своей фамилией я выпускал для узкого круга лиц машинописные сборники «В защиту экономических свобод», принимал участие в редактировании журнала «Поиски взаимопонимания», публиковал в них материалы, чуждые взглядам советского народа. Тогда я искренне считал эту деятельность исполнением своего гражданского долга и потому игнорировал неоднократные предупреждения властей.

В январе 1980 г. я был арестован по обвинению в распространении клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй в вышеупомянутых изданиях. Во время следствия у меня было достаточно времени для анализа своих поступков и

---

<sup>31</sup> См.: <http://www.sokirko.info/Tom10/butyrka/a4-3.htm>

осознания причин произошедшего. Я понял, что мой арест был закономерен, потому что я противопоставил себя государству, народу. Я понял, что нельзя жить в стране и помимо формальных законов не учитывать ещё и мнение абсолютного большинства своих сограждан, по которому я, например, заслуживал бы очень строгого наказания. Кроме того, я узнал, как моя деятельность использовалась противниками нашего государства в ущерб интересам народа . Поэтому ещё до суда я был готов принять любой приговор советского суда как приговор народа. Ведь лучше отбыть наказание на Родине, чем жить на чужбине. Так, ещё до суда, и я это подтверждаю, я самостоятельно принял решение не заниматься впредь подобной деятельностью. 29-30 сентября состоялся суд, который приговорил меня к трём годам лишения свободы условно. Суд учёл моё осознание своей политической вины перед народом и государством, моё семейное положение и проявил ко мне снисхождение

Приговор, вынесенный мне, был много легче, чем я мог ожидать. Я благодарен советскому правосудию, что мне дана возможность остаться на свободе, работать по своей специальности, растить детей. Я понимаю этот приговор, как веру в то, что я буду полезным членом советского общества и работой искуплю свою вину.

Высказываемые на Западе мнения, как о «мученике» и «жертве» я отвергаю. Так, в первых числах апреля нынешнего года орган НТС газета «Русская мысль» опубликовала статью о моём аресте, где допустила возмутительные выпады в адрес советского государства.<sup>32</sup>

---

<sup>32</sup> А. А.: «Так была такая статья или нет? Или же это - деза от «коллеги» и корреспондента АПН?» Л. Т.: «На первом своём допросе (начало июня) «коллега» развернул «Русскую мысль» (газета могла

Примерно в это же время в «защиту» меня выступили радиостанции «Радио Свобода», «Голос Америки» и другие. Я никогда и никого за рубежом не просил о своей защите и сейчас не нуждаюсь в ней. А подобное использование случившегося со мной просто осуждаю. Вновь повторяю, что осуждаю также любое использование моих работ и имени во враждебных моей стране целях, для ведения против неё психологической войны, этого пролога войны горячей.

Именно по патриотическим побуждениям и без особых надежд на снисхождение я самостоятельно ещё летом этого года составил заявление для печати, аналогичное этому по содержанию. Из этих же побуждений я повторяю его сейчас.

В заключение хочу сказать, что с чувством большой благодарности я принял приговор суда и постараюсь впредь быть полезным членом советского общества.

Подпись 24.10.1980

### **3.2.2. Письмо в АПН от 15.11.1980**

24.10.1980 г. работник АПН, журналист Строков Анатолий Леонидович (как он мне представился) уговорил меня составить заявление для печати по поводу обстоятельств и оценки обвинения и осуждения меня за участие в самиздатском журнале "Поиски" и сборниках "В защиту экономических свобод". Поддавшись на уговоры, я подписал требуемое заявление, но уже в тот же день пожалел о сделанном поспешном шаге.

Дело в том, что, дав обязательства молчать и не участвовать в привычных для меня самиздатских изданиях, наиболее правильным было бы не участвовать и в официальной

---

быть апрельской) и показал Вите большой его потрет (в руки газету не дал)».

печати, по крайней мере, пока не изменятся мои взгляды (ведь невозможно в официальной печати мне говорить совершенно свободно и полно). В противном случае неизбежно создастся впечатление неискренности и вынужденности таких выступлений. Думаю, что сделанное мною заявление от 24.10.1980 принесет гораздо больше вреда, чем пользы и мне самому, и авторитету АПН, а следовательно - и государству. Поэтому я официально отказываюсь от него.

За прошедшее время я пытался связаться с А.Л. Строковым, но безуспешно. Мне только гарантировали, что А.Л. Строков извещен о моем желании и что он обещал сам связаться со мной по телефону. Однако его звонка я жду до сих пор. Поэтому и решил выразить свое желание письменно. Если же мое заявление уже опубликовано за рубежом (против публикации в советской печати я возражал и возражаю категорически!), то я вижу только один способ исправить вред – организовать мне встречу с каким-либо нейтральным западным корреспондентом, которому бы я изложил совершенно свободно и полно и своими словами обстоятельства "своего дела", чтобы "вопрос обо мне был закрыт навсегда". Приблизительный текст этого интервью, если вы организуете такую встречу, прилагается ниже. Прошу мне ответить. 15 ноября 1980 г.

[Ответа не последовало]

### **3.2.3. 27.10.1980 (проект интервью для иностранного корреспондента)**

*[Подготовлено для возможной прессконференции с западным корреспондентом и переслано 15.11.1980 корреспонденту АПН Строкову А.Л. вместе с письмом, дезавуирующими написаное под его влиянием]*

От гражданина СССР Сокирко Виктора Владимировича, бывшего члена редакции журнала «Поиски взаимопонимания» и составителя самиздатских сборников «В защиту экономических свобод» (под псевдонимом К. Буржуадемов), арестованного 23.01.1980., освобождённого «под подписку» 04.09.1980. и осуждённого Мосгорсудом к трём годам лишения свободы условно.

Главная цель моего сообщения: подтвердить перед зарубежными читателями, что мои заявления (в суде 29.09.80 г. и недавнее – 24.10.80 г.), переданные на Запад через АПН, сделаны мною вполне осознанно.

К сожалению, специфика давних традиций однопартийности советской печати вынуждает пользоваться не своими словами и оборотами, прибегать к умалчиванию и недоговоркам в передаваемых через АПН заявлениях, что может привести и приводит западного читателя (особенно, если он знаком с моими самиздатскими работами) к мысли о том, что эти заявления составлены лишь под давлением. Такое мнение уже сложилось относительно первого заявления[в суде]. Второе [от 24.10.1980] должно было исправить этот эффект, но думаю, что получилось обратное.

Я совсем не намерен винить корреспондента АПН, который помогал мне составлять заявление от 24.10.80г. Он действовал очень мягко и буквально очаровал меня, но

мой нулевой опыт общения с печатью и инерция тюремных воспоминаний привели к тому, что второе заявление не похоже на свободную речь. Поэтому я надеюсь, что это заявление, передаваемое читателям уже через западного корреспондента, окончательно прояснит и закроет для них «вопрос о Сокирко».

Дело в том, что я действительно не считаю себя «жертвой советского режима», а напротив, благодарен нашим властям за своё освобождение. В суде я утверждал, что не виновен в клевете на советский строй, но при этом просил не оправдания, а лишь снисхождения, потому что знал, что хотя по действующему законодательству распространение любых взглядов не наказуемо, но, по мнению очень многих моих соотечественников (уверен, что их подавляющее большинство), за многолетнее обсуждение своих буржуазно-коммунистических взглядов я достоин даже большего наказания, чем предусмотрел закон по предъявленной мне статье УК РСФСР. (Фразу «стрелять таких надо!» я слышал много раз от многих людей). В народном сознании понятия «Родина», «советская власть» или «советское государство» слиты воедино. В самой жизни я вижу, как верен старый гегелевский тезис «каждый народ достоин того правительства, которое им управляет». Думаю, что в этом – основная трагедия части советских диссидентов.

Так случилось и со мной. Как видно из моих самиздатских работ, охваченный острой тревогой за будущее страны, за низкую эффективность экономики, за падение трудовой активности при росте потребительства, за растрату природных богатств и бесхозяйственность, за топтание перед назревшими реформами, за опасное стремление к излишнему внешнему влиянию и т.д. и т.п., я искренне считал свою самиздатскую деятельность исполнением гражданского долга и потому в запальчивости игнорировал предупреждения следственных органов. А вот в тюрьме, куда меня посадили именем народа, я с горечью согласился, что мои взгляды и

действия противоречат взглядам и желаниям нынешнего народа, а моя деятельность именно в этом смысле может быть названа антинародной или антиобщественной. В различии этих оценок нет неправды, а лишь противоречие между будущим и настоящим. До ареста отказ от «Хроники текущих событий» и самиздата звучал для меня предательством будущей Родины (об этом я писал в письме «К аресту Т.М.Великановой»), а после ареста мне пришлось думать о том, как остаться в мире с сегодняшней Родиной. До ареста я мог думать, что народ и государство всё же пойдут на прямой диалог, всё же будут учитывать мои советы. После ареста стало ясно, что в их глазах я только предатель и преступник. Поэтому я и заявлял, что приму любой приговор советского суда с пониманием, как приговор народа.

Я не отказался от своих убеждений (суд этого и не требовал, да никто и не может изменять свои убеждения по требованию), не отказался ни от своей тревоги за будущее, ни от стремления сделать для него всё, что в моих силах. Но теперь самиздатская деятельность для меня закрыта – сам я это понял и решил ещё до суда, ибо её возобновление почти автоматически повлечёт за собой новую тюрьму или эмиграцию, т.е. исчезновение. Ни того, ни другого я не хочу. Мне остаётся теперь только жить обычно работающим советским человеком и вспоминать, что часть жизни я отдал будущему, отдал безбоязненному обдумыванию и обсуждению судеб страны в самиздате, зная, что написанное мною в эти годы, если имеет смысл и значение, уже живёт независимой от меня жизнью. Надеюсь, что будущее выдвинет новые, более приемлемые для советских людей (и властей) формы свободной идеальной жизни и разовьёт всё ценное, что создано нами.

Я убеждён, что такое возвращение из тюрьмы к обычной жизни лучше исчезновения. Хотя, конечно, это лишь моё мнение.

Моим товарищам по журналу «Поиски» В. Абрамкину и Ю. Гримму выпал путь в лагерь. Я разделяю восхищение их твёрдостью и высокими нравственными качествами, сочувствуя

горю их родных и им самим в нелёгкой участи, но вместе с тем и сожалею, что они не искали взаимопонимания со следственными и судебными властями и не вышли из тюрьмы. А ведь в конце 1979 г. они, как мне кажется, начинали поиски выхода из противостояния с властями, соглашаясь с другими членами редакции журнала о необходимости его приостановки (фактически о самороспуске редакции). Аресты помешали этому поиску. На собственном примере знаю, что в тюрьме такой выход находить многое труднее, что он сопряжён там с прямыми нравственными потерями, компромиссами с совестью. Но и отказываться от таких поисков, идти на максимально суровый приговор, на рост горя и ожесточения – тоже плохо, а для меня лично было бы изменой своим либеральным принципам. Убеждён: выйдя из тюрьмы и никому не навредив, я поступил честно и последовательно в основном – в поисках взаимопонимания и сосуществования диссидентов и властей.

Наконец, я должен объяснить и самое трудное. Хотя я и сторонник свободного распространения информации и идей и был благодарен за публикацию на Западе моей первой книжки и статей, а потом – за проявление сочувствия и помошь семье во время моего заключения, но к своему невольному участию в усиливающейся на Западе пропагандистской кампании против «советского тоталитаризма», т.е. в идеологической войне, я отношусь отрицательно.

В своих предыдущих заявлениях<sup>33</sup> я протестовал против использования моего имени и работ во враждебных стране и советскому государству целях и приводил пример: в апреле этого года парижская газета «Русская мысль» в статье о моём аресте соединила мою биографию с такими выражениями, как «палачи с Лубянки», «многолетний террор большевиков», т.е. типичными антисоветскими штампами, пригодными лишь для посева ненависти. У человека либеральных взглядов это вызывает возмущение, тем более у меня. Теперь, побывав в

---

<sup>33</sup> Имеются в виду разные варианты заявления для АПН, предшествовавшие настоящему тексту

советской тюрьме, я это знаю определённо: даже в самых трудных условиях – среди уголовников, или в карцерном сыром подвале, или на 15-м дне голодовки я испытывал к следователям и надзирателям, приведшим меня к этому, самые разные чувства, включая и возмущение, и озлобление, но никогда не терял при этом понимания необходимости их работы сейчас, ни даже человеческих симпатий ко многим из них.

Но дело не только в антисоветских штампах. Я люблю западную цивилизацию. Убеждён, что и к осуществлению коммунистических идеалов моя страна может реально подниматься только через самостоятельно выбранный западный путь развития. А осознавать, что это развитие может быть прервано разрушительной войной (причём, против нас будут, видимо, Китай в союзе с Западом), и что сам можешь оказаться причастным к её идеологическим истокам – просто непереносимо. Я боюсь втягивания западных государств во внутриполитическую борьбу в нашей стране, боюсь перерастания внутренних конфликтов между диссидентами и властями в международную напряжённость.

Поэтому я всегда крайне насторожённо относился к западной помощи. Поэтому на суде признал свою политическую вину за возможное использование моего имени и работ противниками нашей страны за рубежом. Поэтому и сейчас с Вашей помощью обращаюсь к средствам массовой информации: забудьте обо мне, избавьте меня от комплекса вины за рост неприязни между советскими и западными народами и государствами. Я не нуждаюсь ни в чьей помощи, особенно сейчас, после освобождения. Пусть лучше ваши силы будут направлены на поиски взаимопонимания между нашими странами.

В заключение хочу поблагодарить Вас за предоставленную возможность полностью высказаться и подтвердить, что данное интервью для меня первое и последнее, что оно вызвано не совсем удачными здесь, конечно, заявлениями, переданными через АПН, что больше моих

выступлений в печати не будет, потому что я твёрдо собираюсь выполнять принятые на себя обязательства.  
27.10.1980

### **3.3. Обсуждение выхода В. Сокирко из Бутыркии последующих событий: осуждение и защита**

#### **3.3.1. С.В. Каллистратова. Открытое письмо Виктору Сокирко**

24 октября 1980 г. Вы передали Агентству печати «Новости» Ваше заявление для печати по поводу состоявшегося над Вами суда.

Мне неизвестно, как распорядилось АПН Вашим заявлением. В советской печати до сих пор оно не появилось, но Вами оно подписано и передано.

Я не хочу вступать с Вами в какой-либо спор, не хочу оправдывать или тем более упрекать Вас. Но, зная Вас как человека, способного логически мыслить, хочу поставить перед Вами несколько вопросов, возникающих при чтении Вашего заявления для печати:

1. Если Вы в течение почти двух лет считали своё участие в редактировании журнала «Поиски» и публикацию в нем своих статей «исполнением своего гражданского долга», то почему только во время шестимесячного пребывания в тюрьме Вы нашли «достаточно времени для анализа своих поступков и осознания причин произшедшего»?

2. Если заключение в тюрьму (дома осталось четверо детей), где, как теперь стало известно, Вы

некоторое время находились в подвальном карцере и 15 дней держали голодовку, - Вы не считаете давлением на Вас, то что Вы тогда называете «давлением»?

3. На основании каких данных Вы утверждаете, что, по мнению «абсолютного большинства» Ваших сограждан, материалы, публикуемые в журнале «Поиски», приносят ущерб советскому народу, если ни один из этих материалов не был опубликован в советской печати, а, следовательно, народ не мог не только выразить, но и составить своё мнение по этим вопросам?

4. Вы считаете, что Ваш арест «был закономерен». Считаете Вы также закономерным арест и осуждение соредакторов журнала «Поиски» Валерия Абрамкина и Юрия Гrimма?

5. Суд вынес приговор, которым Вы признаны виновным по ст.190<sup>1</sup> УК РСФСР, т.е. в составлении и распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Иными словами вы осуждены за клевету. За этот приговор Вы благодарите советское правосудие. Означает ли это, что Вы признаёте себя, а также и других соредакторов журнала «Поиски» и авторов этого журнала клеветниками?

6. Вы заявляете, что осознали свою политическую вину перед народом и государством. Признаёте ли Вы свою юридическую вину, т.е. состав уголовного преступления в Ваших действиях? Считаете ли Вы себя политическим или уголовным преступником? Как Вы относитесь к официальным заявлениям ряда ответственных советских руководителей о том, что у нас нет политических преступников и политических заключённых?

7. Вы заявляете, что никогда и никого не просили за рубежом о своей защите. Считаете ли Вы, что кто-либо из находящихся в советской тюрьме (в частности, Вы, или Абрамкин, или Гримм), имеют практическую реальную возможность обратиться с какой-либо просьбой к любому лицу или организации за рубежом?

И последний второстепенный вопрос: Читали ли Вы когда-нибудь издающуюся в Париже газету «Русская мысль», и какой информацией Вы пользуетесь, именуя эту газету «органом НТС»?

Если это моё открытое письмо не будет опубликовано в советской печати (что вполне вероятно), и если Вы будете лишены возможности ответить мне через газету (что тоже вероятно), то буду рада получить ответ по моему домашнему адресу: Москва 121069, ул. Воровского, дом 18, кв.17. С. Каллистратова 12.11.1980. [направлено по нашему адресу 7.12.1980..- Л.Т.]

### **3.3.2. В. Сокирко. Личный ответ С.В. Каллистратовой**

Уважаемая Софья Васильевна! Отвечаю на Ваше письмо от 7.12.1980 (12.11.1980) сразу по пунктам:

1. Известно, что в тюрьме, действительно, много времени «для анализа своих поступков». Однако таким анализом я занимался и до ареста. У К. Буржуадемова всегда была своя независимая точка зрения, совмещающая членство в редакколегии «Поисков» с принципиальной лояльностью к советской власти. В этом легко убедиться по моим прежним статьям.

2. Без сомнения, заключение в тюрьму является давлением, и я этого никогда не отрицал. В заявлении 24.10. 1980г. я возражал лишь против того, что занятая мною позиция и заявление в суде были вызваны только давлением и угрозами.

Признание своей политической вины за возможное использование моей ситуации противниками советской власти сделано мною по убеждению.

3. Я никогда и нигде не говорил, что материалы журнала «Поиски» приносят ущерб советскому народу. Но по опыту личного общения со многими советскими людьми, обсуждая с ними свои убеждения, знаю, что мои статьи (говорю лишь о них) они сочли бы преступлением (по принципу: «стрелять за такую писанину надо»). От понимания этого положения взгляды измениться не могут, но и иллюзии о народной поддержке я питать не могу.

4. В тюрьме я пришёл к выводу, что «мой арест был закономерен», в смысле «неизбежным», а совсем не в том смысле, что он был юридически законным.

5. Я никогда не признавал ни себя, ни других редакторов и авторов журнала «Поиски» клеветниками, что подтверждается записью суда в приговоре: «С заявлением Сокирко, что помещенные в журнале «Поиски» и сборниках «В защиту экономических свобод» и исследованные в судебном заседании материалы заведомо ложными не являются, судебная коллегия не может согласиться ...» Благодарил же я следственные и судебные власти не за приговор, признавший меня преступником, а за фактическое освобождение от наказания.

Да, я отрицал состав уголовного преступления в своих действиях, но, понимая практическую неизбежность своего осуждения в виду резко отрицательного отношения к моим действиям властей и большинства советских людей, просил у суда не оправдания, а лишь снисхождения и мягкого наказания.

В глубине души я не считаю себя ни политическим, ни уголовным преступником, но суд признал меня виновным в клевете на советский строй, что по УК РСФСР считается уголовным преступлением. К официальным заявлениям советских руководителей, что у нас нет политических преступников и политзаключённых, я никак не отношусь, потому что не читал таких заявлений. Если такие и вправду делались, то это лишь чисто формальная точка зрения, ибо по

закону даже такая чисто политическая статья, как «антисоветская пропаганда» (ст.70) входит именно в Уголовный кодекс.

Общеизвестно, что лица, находящиеся в следственном изоляторе на предварительном заключении имеют право сношений с внешним миром лишь через следователя, поэтому, конечно, обращаться с жалобами за рубеж они практически не могут – только неофициальным путём, что очень трудно. Что касается меня, то своё сдержанное отношение к помощи из-за рубежа я высказывал ещё до ареста. Конечно, я благодарен за помощь и поддержку, оказываемую моей семье во время моего заключения, но не хочу, чтобы моя ситуация тем или иным образом использовалась против наших властей, обостряла внешнеполитические отношения.

Наконец, я сожалею, что в заявлении 24 октября назвал парижскую газету «Русская мысль» органом НТС – по настоюнию и убеждению корреспондента АПН. Наверное, с его стороны это была недобросовестность, а с моей просто огорчительная доверчивость.

Ответив на Ваши вопросы, я хотел бы разрешить и свои недоумения. Софья Васильевна, мы знакомы много лет, я многократно обязан Вам за помощь и советы, Вы были и остаётесь для меня глубокоуважаемым человеком, которому я не могу не доверять, даже если Ваше отношение ко мне сильно изменилось.

Так вот, я не понимаю, почему и зачем Ваше письмо – открытое и стало таким фактически с 12.11.1980г., не дожидаясь опубликованного АПН моего заявления.

Ведь именно от Лили Вы получили копию этого заявления и оставили её у себя лишь для того, чтобы сравнить напечатанный текст с действительно мной подписанным. Тогда же я говорил Вам, что считаю факт этого заявления большой ошибкой потому, что хотя там выражены в основном мои мысли, но не полностью, не своими словами, не свободно. Говорил, что буду отказываться от него и готов даже пойти на риск свободного выступления по этому поводу. 11 ноября [здесь

ошибка. Правильно - 15 ноября] я письменно уведомил АПН о своём отказе от заявления 24.10.80. выслал им взамен действительно собственное изложение своей ситуации и предлагал, чтобы оно было передано в виде интервью для западных читателей, если так уж необходимо там выяснить мой вопрос. Это Вы тоже знали.

Я очень надеялся, что АПН само откажется от этой затеи, и моя ошибка будет исправлена сама собой. До сих пор так и получалось. Правда, появился туманный слух, что какое-то радио говорило, что у Сокирко какая-то особая позиция, отличная от других соредакторов «Поисков» и вроде бы со ссылкой на заявление после суда, но слух этот так и не подтвердился до сих пор.

Ваше Открытое письмо сильно изменило положение. Получается, что именно Вы пустили в чтение моё злополучное заявление вопреки моему желанию. 12 ноября [16 –ошибка-ЛТ] меня известили о Вашем Открытом письме (к нему было приложено моё заявление), уверяя, что последнее уже стало известно из АПН. К огорчению от этого известия прибавилось огорчение от открытости Вашего письма, на которое я не имею права откликаться также открыто. Вы прекрасно это знаете и сами призывали к осторожности, особенно на первом году условного срока. Текст Вашего письма мне не оставили, получилось, что почти месяц я ждал в надежде, что, может, и АПН, и Вы откажетесь от этих «публикаций». А в это время Ваше письмо и моё заявление уже читалось людьми [в самиздате] и у людей составлялось очень худое и неверное обо мне представление.

Так 1.12.1980 С.Я. Гримм [жена Ю. Гримма] написала мне письмо, в котором утверждает: «На суде Вы признали, что в Ваших статьях имеются элементы клеветнических измышлений на советский государственный и общественный строй. Ставлю Вас в известность, что на процессе Ю.Гримма были упомянуты Ваши статьи, распространение которых ставилось в вину Ю. Гримму... В отличие от Вас я не вижу вины моего мужа.... Позвольте мне потребовать от Вас объяснений... Приведите

факты заведомой лжи, которую Вы использовали в Ваших статьях..."

По содержанию видно, что С.Я. Гримм пишет после прочтения Вашего Открытого письма. Теперь те, кто прочтут письмо самой С.Я.Гримм, будут совершенно убеждены, что большего подлеца, чем В.Сокирко, нет на свете. Что это? Кому так надо? И как сработала эта обвинительная цепочка опорочивающей неправды?

И дальше. Почему обращённые ко мне требования некоторых диссидентов сознаться, покаяться в своей слабости, перестать искать свою позицию, перестать заниматься общественной деятельностью, которой, мол, я не достоин, так похожи на требования следователей «сознаться в клевете», «перестать сидеть между двумя стульями», «отказаться от самиздатской деятельности»? Откуда такое сходство?

Избави меня Бог сомневаться в Вас, Софья Васильевна, или думать, что Вы это сделали нарочно, чтобы унизить К. Буржуадемова, взгляды и поиски которого Вам неприятны. Но упрекнуть Вас в опубликовании моего заявления от 24.10.1980 против моей воли и обвинительного по духу Открытого письма против человека, который не может отвечать открыто, я должен.

Я был бы благодарен, если бы Вы изъяли из чтения мое заявление и Ваше письмо, или взяли бы на себя труд открыто и отвечать на него в мою защиту [встать на мою защиту-Л.Т.], ведь Вы много обо мне знаете, а после получения этого частного письма знаете ещё больше. С уважением, В. Сокирко  
13.12.1980

### **3.3.3 Г. Павловский. Открытое письмо С.В. Каллистратовой**

Уважаемая Софья Васильевна!

Я прочёл Ваше "письмо Виктору Сокирко". Как политический документ оно выгодно отличается от сокиркинской цидульки для АПН. Вопросы поставлены

лаконично, они обобщены и правомочны. Прямо скажу, в нелёгкое положение они ставят Виктора, и – поделом!

Делая такие ответственные заявления, к тому же для АПН, надо быть осмотрительнее и выражения выбирать. А Сокирко, между нами говоря, никогда не был стилист: я могу сообщить об этом как его коллега по “Поискам” и как редактор иных его статей. Приведись мне контактировать с АПН в таких странных обстоятельствах, я бы ляпов не допустил. Возможно, это профессиональное. Но свидетельствует ли оно в мою пользу?

Позвольте и мне – вопрос: нужно ли уметь капитулировать?

С точки зрения движения, рассчитывающего на конечное торжество, на победу –нет! Солдат, поднявший руки, да будет расстрелян – он подрывает окопное братство и боевую мораль:

Нет крепостей, которых не смогли бы взять большевики!  
Мушкетёры короля не сдаются!

Победоносные армии легко прощают ренегатов-бедолаг, поставивших не на ту лошадку. Но разбитые стратеги расстреливают каждого десятого, иначе разбегутся все.

Виктор Сокирко, сами понимаете, не годится в герои Дюма. В нём нет этакой лихой удачи, незамысловатости и группового лакейства. И он, как все, тоже, бывало, бубнил что-то о “тоталитаризме”, а когда понадобилось повторить это с пафосом, привстав, да поглядев соколом - на тебе, отказался! Персональное дело комсомольца Сокирко, начатое 20 лет назад исключением из ВЛКСМ за неверие в коммунизм-1980, завершилось Бутыркой-1980, судом и изгнанием К.Буржуадемова из приличного диссидентского общества.

А сколько теперь из-за него хлопот – Вы себе не представите! И в ежегодный отчёт комиссии Конгресса [США] лишняя фамилия, и ещё в скольких общественных синодиках проколы:

“Читайте свободный московский журнал “ПОИСКИ”!

...Три члена редколлегии Валерий Абрамкин, Юрий Гримм и Виктор Сокирко находятся в ЛЕФОРТОВСКОЙ ТЮРЬМЕ в ожидании суда.

Но “ПОИСКИ” ПРОДОЛЖАЮТ ВЫХОДИТЬ!..<sup>34</sup>

Чеки и почтовые переводы выписывайте на...(“Континент” №24)

Выписывать ли теперь чеки? Призадумаешься...

Вам, я полагаю, всё ясно, что стало с Вашим адресатом, да и с “Поисками” тож. Вы, Софья Васильевна, своё мнение составили, а что не хотите его оглашать полным текстом, то это одна Ваша любезность к злополучному Сокирко, Ваш такт.

Меня, если хотите знать, поражает полная безотносительность и неотнесённость Ваших вопросов – стало быть, и Вашего мнения – к человеку, ставшему их полемической добычей. Год Витиной нравственной лихорадки обращён в

---

<sup>34</sup> Откликаясь на повторный вопрос А. А., что же все-таки известно о редакторах журнала «Поиски и размышления», позиционировавшего себя как продолжение «Поисков взаимопонимания», я нашла соедующую информацию в описи «Архива по истории диссидентов «Международного Мемориала» (<http://www.memo.ru/history/diss/arxiv.htm> ):»37. Журнал “Поиски и размышления” ф. 159; 7 дел; 1980-1981

Московский самиздатский журнал “Поиски и размышления” возник на месте журнала “Поиски”, разгромленного госбезопасностью в 1979-1980 гг. Новый журнал, как и “Поиски”, назвал себя “свободным московским журналом” и принял двойную нумерацию — его первый выпуск имел номер 9(1). В 1980-1981 гг. вышли 8 выпусков этого журнала. В отличие от “Поисков” журнал выпускался анонимно, не публиковал художественных текстов и по объему был меньше своего предшественника.

Выпуски журнала 9(1), 10(2), 12(4), 13(5), 14(6), 15(7), 16(8) были переданы в “Мемориал” участником этого издания С. Ларьковым в 1993 г.»

предлог для демонстрации нерушимости Ваших нравственных принципов, равно и идеалов Вами выражаемого направления.

Ваши принципы всем известны и достойны уважения. Но что Вы можете сказать о Викторе Сокирко, кроме того, что он “человек, способный логически мыслить”? Он способен произвести на свет четверых детей, да, - отголодать в камере 15 суток, - сидеть в подвальном карцере за межкамерную связь, и при этом, увы, он способен воздержаться от сомнения и блуждания мыслью, - всё это Вы знаете. Вас удивляют его умствования: тюрьма ли место для пересмотров?!

Увы, и к чему лукавить? М е с т о ! и чуть ли не единственное в том общественном направлении, которое блестяще представляете Вы, как, впрочем, и сам Виктор Сокирко (К. Буржуадемов).

Здесь необходимо приостановиться, чтобы понять, как получилось, что первым произведением К. Буржуадемова, задевшим и больно задевшим за живое многих из нас, стало его заявление для АПН.

Дело не только в том, что, столько говоря, мы не верим в слова, которые говорим, - ещё меньше мы верим людям, которые с нами говорят. Слова диссидентских полемик сегодня так же неконвертируемы, как рубли. Рубли размениваются в странах СЭВа, а наши слова – в самиздате. Человек, который говорит свои слова мучительно всерьёз, десять лет всерьёз, и притом одни и те же слова. Десять лет подряд – это потеха на весь самиздат!

Виктор Сокирко, под псевдонимом и без, десять лет кряду твердил нам о **компромиссе**, о негодности Противостояния в качестве политического инструмента для решения общих национальных задач, о необходимости искать предпосылки такого компромисса и понятия такого языка, которым граждане могли бы разговаривать друг с другом...

Физически ощущая глухоту, надвигающуюся с двух сторон, особенно ту, что ближе – диссидентскую, самиздатскую глухоту, он... лихорадочно писал последние статьи перед арестом, что составили хребет восьмого номера “Поисков” -

статьи о компромиссе, о диалоге со сталинистами, о солидарном предотвращении политической и экономической разрухи...

Да кому они были нужны, те статьи? Кому время есть слушать какие-то вообще человеческие слова и обращения, когда и своим-то не веришь, а транзистор тут как тут (до 20 августа, как Вы помните, не глушили)?!

Потом чудак оказался где надо – в Бутырках... Это же было в порядке вещей, это никак не мешало никому из нас сохранять идейное и моральное равновесие... Но чудак вдруг взбунтовался, вдруг научил слишком, слишком даже для К. Буржуадемова. Такого мы ему не спустим, да и статей писать полемических больше не надо, довольно перейти в обращении с “ты” на “Вы”, чтоб разом провести линию между мыслями камерника и идеалами правозащитного движения.

Идеалы этого движения известны: от противоправного строя - к правовой свободе.

Стиль эволюционировал: от гражданского личного неповиновения к расчётом на geopolитический патронаж Запада.

Итоги, по-моему, не секрет – лучшие из лучших, цвет молодёжи, соль соли с абсурдным автоматизмом перемещаются из городов в лагеря, часто без резонов, достаточных, чтобы с их помощью скоротить срок в зоне.

Неужели нам дела нет ни до чего, кроме их фамилий, номеров следовательских дел и перечня изъятого при обысках? Неужели у Вас, Софья Васильевна, для всех усомнившихся, или того хуже – сдавших идеал – только и разговору, что полная обойма в упор: семь Ваших вопросов? Но тогда не обессудьте, если до самого ареста, выполняя “свой гражданский долг”, мы так и не найдём “достаточно времени для анализа собственных поступков и осознания причин прошедшего!”

Следовательно, многим ещё предстоит делать первое в их жизни обдуманное политическое заявление – “в подвалном карцере”: а Вы уже видели, как это отражается на стиле.

Стиль же, Софья Васильевна, это вопрос тонкий. Стиль – это человек. Вот, например, как Вы то и дело осаживаете

Сокирко: “... Вы осуждены за клевету. За этот приговор Вы благодарите советское правосудие”. И верно – разве возразишь? Экий неприятный тип этот Сокирко!

Человек изворачивается, теряет гладкость в риторике, проигрывая в жесте. Человек пытается выйти из игры – чужой игры, в которую невольно вступил, чтобы делать дело всей своей жизни. Оказывается, выйти из игры почти невозможно. Крайне маловероятно – оказывается, мы играем в игры, из которых своей волей, в особенности *самим собой* – не выходят. При этом ни для кого эти игры не свои.

Следователю надо представить тебя уголовником, нарушителем закона – а тебе приходится срочно врастать в маску гражданина, осуществляющего своё право и свой долг. И он и ты заняты лажей. Ложей, которая равно исключает – и почву для политического спора, и условия для политического компромисса.

Спасибо новой концепции охраны прав и свобод с помощью давления извне – мы исподволь влезли в самое geopolитическое пекло, причастившись к блату сверхдержав (высшего не бывает!). Однако, увы – кодекс обращения сверхдержав с мелкими клиентами не разработан, чему пример судьба курдов, Тайваня, диссидентов. Отнюдь не потерпев истинного поражения, одним лишь переменчивым махом мировой конъюнктуры ты попал под следствие – и превращаешься из аргумента в сырое мясо мистификаций. Не политики, замешанные в потусторонние нам комбинации сверхдержав – на что мы вправе претендовать?

Камера – плохое место для самооглушающих теорий. Маски, что так хороши на свободе, здесь отсыревают. Можно, говорят, лечь на шконку лицом к стене, и так угрюмо пролежать срок – непримиримой куколкой собственных идей. Или заняться выживанием. Или найти, наконец, время пробиться к истине прежних слов, до которых не дошёл на свободе.

Последний путь тоже весьма рискован – истина может оказаться по ту сторону дела, за которое тебя посадили. Реакция на это открытие человека тоже бывает разной. А обратный ход

связан с отказом не только от **прежних** слов, но и, обычно, от **собственных** тоже. Так возникает пугающая амальгама человеческого смятения с казённым интересом: Виктор Сокирко открывает рот, а говорит за него АПН...

И, тем не менее – Виктор Сокирко платит не за выход на волю. Он платит цену своих сомнений. Сегодня этой ценой оказывается капитуляция. Это высокая цена за право на неуверенность. Но завтра, быть может, она не покажется столь высокой. Сомнения Сокирко могут пережить иные блестящие идеалы.

Позвольте мне считать безумие Сокирко нравственно равнозначенным аристократизму Абрамкина. Оба эти достойные человека с равной самоотдачей свидетельствуют о судьбе движения, о пределах его значения, о его начале и его конце. Поступкам этих людей можно верить на слово – каждому на его собственное, своё. Выгоднее для диссидентства, чтобы о нём судили по Виктору Сокирко, чем по его манифестам и организационным предприятиям. А московские пересуды о сдавшихся – срамотища, вид морального слабоумия (в мышлении многих с 20 августа стали наблюдавшиеся перебои).<sup>35</sup>

Впрочем, Софья Васильевна, на всё можно взглянуть иначе. В чём сегодня нуждаемся мы больше всего – в безудерже моральных сомнений или в бессловесной отдаче последнего долга движению пятнадцати лет?

При конце люди платят сразу по всем старым счётам, такое их еврейское счастье. За политические просчёты, за лидерские амбиции, за полемическую пустоту, за штукарей, набивающих “моральным капиталом” свои чемоданы в ожидании визы – за всё придётся платить нам и нашим современникам.

Но и по более опасным счётам тоже надо платить.

---

<sup>35</sup> А. А.: «Непонятно, что имеется в виду». Л. Т.: « Может , 20.08.1968 года»...

Я понимаю Вас: дай только волю языкам, и развязется пустой спор побеждённых – кто виноват? – и я первый прошу: увольте!

Увольте нас от половодья помоев, или “дискуссии среди диссидентов”. В жертве, пускай даже бессмысленной и невольной, человек всё же чище, чем в гнусной склоке, где всякий норовит урвать.

Но Вы уверены, Софья Васильевна, что самую тяжёлую цену заплатим мы, теперешние – и не более, как сроком в лагерях? Нет ли угроз другим Вашим идеалам – и не угроза ли в них самих? Не об этом ли пытался нам сказать Виктор Сокирко, у которого, как на грех, такой безобразный псевдоним и стиль?

Стиль – это человек, который говорит, как гибнет – безыскусно.

12.12.80

P.S. И последний, второстепенный вопрос: стоит ли перед человеком, осуждённым на условный срок по статье 190-1, ставить вопросы, ответы на которые образуют состав преступления по той же статье?

### **3.3.4. Л. Ткаченко. Ответ на Открытое письмо С.В. Каллистратовой**

Дорогая Софья Васильевна!

Вам известно, что мой муж, Виктор Сокирко, дал обязательство властям не выступать в самиздате. Выступив в его адрес с обвинением в форме вопросов, Вы поставили его перед выбором: открыто защитить себя и сесть в тюрьму или молчанием как бы согласиться с Вашим обвинением и опозоренным “уйти в частную жизнь”.

Он согласен уйти в частную жизнь, но не согласен терять добре имя. Семь тюремных месяцев ему долбили: “Признайте себя клеветником и вернётесь к семье, а нет – написанного Вами на три 70-е статьи хватит”. В конце концов, власти пошли на компромисс: согласились обойтись без

показаний на других и без признания деятельности его и его товарищей по “Поискам” клеветнической, а Витя согласился на заявление, в котором были чужие и неправильные слова. Сейчас над Витей совершаются повторный, уже диссидентский суд, суд без особых юридических формальностей и “прений сторон”; суд, где Вы выступили прокурором и, может, впервые отказались стать адвокатом, суд, где молчание подсудимого обеспечено угрозой тюрьмы, а общественный приговор, конечно же, повторит Открытое письмо прокурора, переводя его вопросы в казнящие утверждения (что уже и началось – мы получили письмо со словами: “Я требую от Вас ответа…“).

Простите, Софья Васильевна, горечь этих слов, но ведь так получилось. Что не сделала с Витей горпрокуратура и горсуд, то успешно завершаете сейчас Вы, намекая, что он клеветник.

Выдержать это он не в состоянии, и Вы понимаете, почему за открытую защиту мужа берусь я, моля судьбу, чтобы власти не посадили Витю за мой ответ. Если посадят, я буду винить в своём семейном несчастье и Вас, если оставят дома – буду им благодарна  
за понимание тех причин, которые вынудили жену Сокирко выступить в самиздате.

Прежде чем касаться самих ответов на Ваше письмо, напомню историю наших последних встреч.

1. Накануне суда 28.09.80 г. Витя приезжал к Вам советоваться. Вы говорили тогда, что надо перестать сидеть между двумя стульями, что невозможно не признать на суде себя клеветником и надеяться на свободу. И даже советовали не рисковать, а попросту признать себя виновным, а потом “заняться шахматами”, например. Витя с Вами не согласился, но Ваши советы я восприняла как тревогу за него. Помните ли Вы этот разговор?

В октябре я показала Вам свою запись Витиного суда. Вы прочли её без оценок, но, судя по “Открытыму письму” постарались её прочно забыть. Сейчас я делаю часть этой записи открытой и тем лишаю Вас возможности её

игнорировать. Я привожу всё существенное, что Витя говорил на суде, не исключая и плохие, запрограммированные моменты.

Прочитайте ещё раз и скажите, опозорил ли Витя “Поиски” и сборники “В защиту экономических свобод” своей откровенной и лояльной защитой? Согласился ли он признать их клеветническими? Предал ли он главную идею “Поисков” – идею взаимопонимания - или он отстаивал её на суде, как и на воле, всеми силами? Предал ли он своих товарищей – В. Абрамкина и Ю. Гримма или вместе с ними защищал главную идею “Поисков”?

2. Теперь я напомню Вам, что про обстоятельства, связанные со злополучным Витиным заявлением для АПН (только для заграницы), Вы узнали от нас на другой день после его подписывания. Узнали, что Витя считает его своей самой крупной ошибкой,

уже отказался от него по телефону [в телефонном разговоре с «коллегой»] и в отчаянии готов встретиться с иностранным корреспондентом, чтобы свободно и полностью объяснить западным читателям свою позицию. Отказавшись помочь встрече – и за себя, и за своих друзей – Вы успокаивали меня, уверяя, что АПН-ское заявление, конечно, неприятно, но в рамках допустимого, что никто, кроме очевидных экстремистов Витю осуждать не будет, а риск тюрьмы за это интервью чрезвычайно велик. Вы вернули мне текст предполагаемого интервью [написанный-таки текст интервью от 27.10.1980 я привозила через три дня – Л. Т], АПН-ское заявление Вы попросили оставить для того, чтобы сравнить с официальной публикацией, если АПН на неё решится.

Сожалея об отказе (оказалось, что действительное понимание Витей своей ситуации не нужно было ни АПН, ни Вам), мы не могли не быть благодарны Вам за обережение.<sup>36</sup>

---

<sup>36</sup> А. А.: «Что значит «обережение» в данном случае?» Л. Т.: «С.В. предупреждала об опасности санкций за нарушение Витей

15 ноября Витя послал в АПН письменный отказ от заявления с приложением взамен текста несостоявшегося интервью. Об этом Вам стало известно через пару дней, и потому о Витиной позиции Вы обязаны были судить по этому документу. Тем не менее, Вы его игнорировали, объяснив: “Оно ещё хуже!”, что привело Витю просто в ужас: выходит, что для Вас заявление, написанное под “обаятельным нажимом” АПН-овца лучше, чем свободное изложение своей позиции?!

Сейчас я своей волей открываю Витино “Заявление для западных читателей”, чтобы больше никто не имел возможности игнорировать его, изображая из Сокирко клеветника и отступника [см.3.2.3].

Правильно ли я излагаю все обстоятельства? Достаточно ли полно, как это и положено на суде, выясняю обоснованность предъявленного Вами общественному суду единственного доказательства Витиной вины – АПН-ского заявления? И не очевидно ли, что это доказательство – недействительно?

Мне горько это говорить, но считаю, что Вы осмелились пустить его в самиздат, пренебрегая моим доверием, потому что оно оказалось самым **выгодным** документом для осуждения Витиного выхода из тюрьмы, из противостояния.

3.16 ноября к нам домой пришли трое Ваших друзей. Они пришли ночью, когда я спала, и ночью же ушли. Они, как потом мне рассказывал сын, были очень похожи на трибунал, когда на кухне за чаем припирали растерянного отца вопросами. Они сообщили, что содержание АПН-ского заявления уже передано по западному радио , а затем показали Вите Ваше Открытое письмо, попросив выразить своё отношение. Конечно, они не говорили о возможности предотвращения отправления в самиздат Вашего письма [т.е. о возможности не отправлять его в самиздат] и не спрашивали разрешения на распечатку Витиного заявления. Письмо с подколотым заявлением было свершившимся фактом.

---

обещания воздерживаться от самодеятельных публичных выступлений».

Впрочем, Витя говорил, что чувствовал, как от него ждут раскаяния и просьбы о помиловании. Он не сделал ни того, ни другого, заявив, что о своём выходе из тюрьмы он не жалеет. Об исполнении приговора ему не объявили, но, видимо, уже на следующий день Ваше письмо пошло в ход.

По юридическим правилам осуждённому полагается выдавать копию приговора. Однако Ваши друзья копию Вашего письма не оставили, пообещав прислать вскорости. Это обещание они не выполнили, информация о передаче западным радио АПН-ского заявления не подтвердилась, а результат ночного приговора был представлен Вам, по Вашему утверждению, как согласие Вити на обнародование АПН-ского заявления и Вашего письма. Поверить этому было так же просто, как поверить в добровольное согласие человека на повешение, - но Вы поверили.

Наша надежда на то, что ложность слуха о публикации АПН-ского заявления и Витино объяснение, что отвечать он может только частным письмом (а лежачего не бьют), Вас остановят – оказалась напрасной и даже смешной: ведь беззащитность подсудимого и безответственность обвинения лишь увеличивают воспитательные шансы неправого суда.

И разве это не похоже на осуждаемую Вами отечественную судейскую практику?

4. В начале декабря мы узнали, что блок из Вашего письма и Витиного заявления ходит по рукам. 10 декабря мы получили, наконец, Ваше письмо (после моего напоминания по телефону). 15 декабря я отвезла Вам Витин ответ. Я волновалась при встрече предельно, т.к. ждала чуда, вроде – “не Вами это сделано”. А получила тягостный, как Вы сказали, разговор. Вы сразу начали напористо отвергать пункты Витиного ответа. Похоже, Вам очень хотелось вернуть это [его] письмо забыть его; нашей просьбе сделать публичные разъяснения по хорошо известным Вам обстоятельствам и Витинным ответам Вы отказали.

И потому я решаюсь сделать открытой часть Витиного письма – вместе с Вашими вопросами<sup>37</sup>, конечно, чтобы лишить Вас возможности делать вид, что ответы на них “логически” невозможны.

Изложив свои показания, я считаю законченной публичную защиту Вити. Бряд ли мне, доморощенному адвокату, удастся повлиять на приговор диссидентского суда. Это не удаётся в наших процессах даже профессионалам.

Ни Витя, ни я выступать в Самиздате больше не будем. Обоюдное желание следователей и диссидентов, чтобы Сокирко перестал заниматься “общественной деятельностью”, чтобы К. Буржуадемов не писал больше своих спорных статей, будет осуществлено.

Отныне, кто и как бы ни судили бы о Вите в Самиздате, о какой бы измене и капитуляции ни толковали – ни я, ни Витя возражать не будем. Зачем? Честные и вдумчивые люди всегда смогут докопаться теперь до истины в Витином деле, а с фактом публичного диссидентского осуждения придётся, наверное, смириться, как с неизбежностью. Так что считайте, Софья Васильевна, что Вы выиграли свой первый обвинительный процесс. Вите остаётся лишь уверенность в своём конечном оправдании, а мне – так даже лучше, что, переболев, он отойдёт от диссидентства.

Но сейчас я хочу понять Вас, Софья Васильевна.

Мы с Витей знаем Вас много лет, в наших душах Вы занимали прочное тёплое место. Вы никогда не придерживались крайних взглядов, не позволяли себе осуждать кого-либо. Сегодня от вашей человечной тактичности осталась только вежливая форма: заявляя в начале письма, что не намерены “ни упрекать, ни оправдывать”, Вы на деле стали главным обвинителем.

Софья Васильевна, почему Вы изменились? Я пытаюсь понять и думаю, что Вы стали такой от огромной боли за посаженных в лагеря и изгнанных из страны друзей, от

---

<sup>37</sup> См. выше: разделы 3.3.1 и 3.3.2.

благородного негодования за нарушение международно-признанных правовых норм в нашей стране.

Я тоже разделяю эти чувства – Вы это знаете. Возможно, Ваша боль больше, а долг перед посаженными требует противостояния давлению властей. Это благородно, но правы ли Вы? И поддержат ли Вас заключённые, например, в Витином “персональном деле”?

Конечно, у них отношение к Вите трудно узнать, однако судить косвенно можно. Так Вы знаете, что когда Т. Великановой рассказали (и думаю, очень пристрастно) о Витиной ситуации, она сказала лишь: “Хорошо бы послушать его самого...” – не поторопилась с осуждением.

А когда Витя в бутырском карцере рассказал А.Лавуту и Л. Терновскому о занятой позиции (не может признать себя клеветником и давать показания на других, а в остальном свободен в надежде «выйти на химию»), он встретил понимание и лишь одно “предупреждение”: “Смотри, тебя могут обмануть”. Когда Витя признался, что если его освободят, то он будет “им” благодарен, это тоже не вызвало возражений, в отличие от Вас. В свою очередь, обсуждая положение Саши и Леонарда (каждому, так или иначе, грозили переквалификацией на ст.70), Витя просил их быть благоразумными, не упорствовать по мелочам в противостоянии (например, не давать никаких показаний), чтобы хотя бы уйти на суд по лёгкой ст.190-1. С ним, в общем, соглашались... А Вы бы советовали им иное? Только молчать и держаться? Не обращая внимание на сроки 3 или 7+5, лишь бы соблюсти принцип: не участвовать в незаконном суде?

Я надеюсь, что здесь Вы сделали бы исключение в принципах и не стали бы осуждать политзаключённых за такие компромиссы. Но тогда почему Вы осуждаете Витю за его компромисс, конечно, гораздо более глубокий, но совершённый в согласии со своими убеждениями в главном?

Наконец, я напомню письмо из тюрьмы Валерия Абрамкина, написанное уже после суда, в той части, которая обращена к Вите:

*“Особо мне хотелось бы сказать о Викторе Сокирко. Я знаю, какому давлению подвергся он здесь, в тюрьме, в следовательских кабинетах. Знаю, чем ему грозили. В июне Виктор изложил мне свою позицию, я поддержал его и в основном одобрил. Не думаю, что те маленькие уступки, которые он вынужден был сделать под прессом следствия и суда, могут быть поставлены в вину этому мужественному и честному человеку”.*

*Виктор, очень рад за тебя, за Лилю. Прошу, очень прошу не терзать свою совесть из-за ложного понимания чувства солидарности. Поверь, мне было бы вдвое не тяжелее, если бы найденный нами совместно выход из той июльской ситуации был бы не реализован...”.*

Вы знали это письмо и всё же решились судить Витю за решение, ответственность за которое взял и Валера (не буду обсуждать реальную степень этой ответственности). Значит, Вы осуждаете и В.Абрамкина?

Подведу итоги: так думают те немногие политзаключённые, которые знают Витю и его взгляды. Они думают не так, как Вы. Они не осуждают людей, которые могут найти выход из тюрьмы ценой компромисса. Возможно, что многие из нынешних тоже могли бы найти такой выход и вернуться домой, но боятся Вашего осуждения и предпочитают отсиживать свой срок. Так хорошо ли это: в принципиальной борьбе против лагерных сроков инакомыслящим осуждать реальные пути сокращения этих сроков? И чего бы Вы хотели больше: продолжения противостояния или возвращения из заключения своих друзей?

Я констатирую: в своей твёрдости противостояния Вы начинаете осуждать тех, кто из него выходит, как вышел Витя своим отказом поддержки западной радиопропаганды и выражением лояльности к нашим властям. И дело не в том, что Вы не разделяете его взглядов. Я тоже не всё разделяю, но в отличие от Вас считаю, что он имеет на них право. Дело в том, что в этом осуждении Вы дозволяете неприятные средства, даже

по отношению к своим знакомым, с которыми хотите сохранить хорошие личные отношения.

Не так давно Г.С. Померанц ввёл в самиздат старую мудрость: зло в этом мире начинается с пеня рвения на губах у добродетели. Для меня Ваш “процесс” против Вити стал подтверждением этой мудрости.

Не в моих силах убедить Вас, и всё же хочу кончить пожеланием. Дорогая Софья Васильевна, не поддавайтесь разрушительной власти негодования, остановите своё движение к ненависти, простите мне это письмо и вернитесь к самой себе, прежней!

Ваша Л.Ткаченко 22.12.1980.

### **3.3.5. Изложение истории с заявлениями В. Сокирко «Хроникой текущих событий» [Хроника текущих событий, № 60, раздел “Письма и заявления”, с. 88-96]**

#### **ПОСЛЕ СУДА НАД СОКИРКО**

В середине октября “куратор” В. СОКИРКО (суд-Хр.58) попросил его встретиться с корреспондентом АПН. 24 октября эта встреча состоялась. В конце её СОКИРКО подписал “Заявление для печати”, однако уже на следующий день начал сожалеть об этом и по телефону отказался от него (поэтому Хроника не публикует его).

12 ноября С.В. КАЛЛИСТРАТОВА написала “Открытое письмо Сокирко В.В. (К. Буржуадемову)”, в котором она ставит перед Сокирко в связи с его “Заявлением для печати” 8 вопросов.

15 ноября СОКИРКО отправил в АПН письменный отказ от “Заявления для печати” и взамен него “Заявление для западных читателей”.

16 ноября И. КОВАЛЁВ и ещё два человека<sup>38</sup> пришли к Сокирко и показали ему “Открытое письмо” КАЛЛИСТРАТОВОЙ. КОВАЛЁВ сказал СОКИРКО, что, по словам одного из его знакомых, в одной из западных радиопередач излагалась позиция СОКИРКО, похожая на его “Заявление для печати”, и что КАЛЛИСТРАТОВА хотела бы узнать отношение СОКИРКО к своему “Открытым письму”, после чего она решит, публиковать ли его в Самиздате. СОКИРКО ответил, что он может ответить только частным письмом. (В одной из самиздатских публикаций КОВАЛЁВ выразил сожаление “по поводу того, что он хоть и объяснил СОКИРКО цель своего визита, но, уходя, не переспросил его снова, поняв отсутствие возражений со стороны СОКИРКО относительно публикации письма КАЛЛИСТРАТОВОЙ как его молчаливое согласие на такую публикацию”). СОКИРКО также сказал гостям, что он выслал в АПН отказ от “Заявления для печати” и “Заявление для западных читателей”, но не может передать последнее в самиздат.

7 декабря КАЛЛИСТРАТОВА отправила своё “Открытое письмо” в АПН. В самиздате были напечатаны “Заявление для печати” СОКИРКО и “Открытое письмо” КАЛЛИСТРАТОВОЙ.

12 декабря Г.ПАВЛОВСКИЙ написал “Открытое письмо С.В. Калистратовой”. Автор ставит и обсуждает вопрос “Нужно ли уметь капитулировать?”

13 декабря СОКИРКО написал КАЛЛИСТРАТОВОЙ частное письмо, являющееся ответом на её “Открытое письмо”.

22 декабря Л.ТКАЧЕНКО, жена СОКИРКО, написала “Открытый ответ на Открытое письмо С.В.Калистратовой”. В приложениях она поместила “Заявление для западных читателей” Сокирко, “Открытое письмо” Калистратовой и ту часть ответного письма СОКИРКО, в котором он отвечает на

---

<sup>38</sup> А. А.: «Нельзя ли указать, кто именно?» Л. Т. :Иван Ковалев - сын С. А. Ковалева, кроме того Ася Великанова (сестра Т. Великановой), кто третий – не знаю.

вопросы КАЛЛИСТРАТОВОЙ (поэтому «Хроника» считает возможным опубликовать их.

Прочитав письмо ТКАЧЕНКО, КАЛЛИСТРАТОВА в частной беседе заявила, что не желает больше принимать участие в этой бесплодной дискуссии, и сожалеет, что “ввязалась в эту историю”.

[Далее следует полный текст “Заявления для западных читателей” [от 27.10.1980]

с одним примечанием после слов: “Моим коллегам по журналу “Поиски” В. Абрамкину и Ю. Гrimmu выпало иное: путь в лагерь. Я разделяю восхищение их твёрдостью и высокими нравственными качествами, но вместе с тем и сожалею, что они не искали взаимопонимания со следственными и судебными властями” - (*ср. следующее место из письма АБРАМКИНА, опубликованного в Хр.58:* “Заключение специалистов, с которым я ознакомился при закрытии дела, давало повод к робкой надежде на диалог, пусть с крайне урезанными правами для нас и по навязанными ими бесчестным правилам, но всё же диалог... Я честно подавал ходатайство за ходатайством. Я соглашался ждать философов и историков в качестве ли специалистов, экспертов, в каком угодно, ждать хоть месяц, хоть год, сидя под стражей без суда... я использовал все возможности добиться диалога. И не моя вина в том, что он не состоялся, и мы не вышли из тюрьмы...”

[Далее следует “Открытое письмо” С.В. Каллистратовой].

[Далее – отрывок из “Открытого письма Г. Павловского к С.В. Каллистратовой” : «...как получилось, что первым произведением К. Буржуадемова, задевшим и больно задевшим за живое многих из нас, стало его заявление в АПН?

...Виктор Сокирко, под псевдонимом и без, десять лет к ряду твердил нам о компромиссе, о негодности Противостояния в качестве политического инструмента для решения общих национальных задач, о необходимости искать предпосылки такого компромисса и понятия такого языка, которым граждане могли бы разговаривать друг с другом...

Физически ощущая глухоту, надвигающуюся с двух сторон, особенно ту, что ближе – диссидентскую, самиздатскую глухоту, он... лихорадочно писал последние статьи перед арестом, что составили хребет восьмого номера “Поисков” – статьи о компромиссе, о диалоге со сталинистами, о солидарном предотвращении политической и экономической разрухи...

И, тем не менее – Виктор Сокирко платит не за выход на волю. Он платит цену своих сомнений. Сегодня этой ценой оказывается капитуляция. Это высокая цена за право на неуверенность. Но завтра, быть может, она не покажется столь высокой...”]

[Далее следует первая часть Витиного ответа С.В. Каллистратовой.

И в конце помещены отрывки из моего “Открытого ответа...”

“Дорогая Софья Васильевна!

Вам известно, что мой муж, Виктор Сокирко, дал обязательство властям не выступать в самиздате. Выступив в его адрес с обвинением в форме вопросов, Вы поставили его перед выбором: открыто защитить себя и сесть в тюрьму или молчанием как бы согласиться с Вашим обвинением и опозоренным “уйти в частную жизнь”.

Он согласен уйти в частную жизнь, но не согласен терять доброе имя. Семь тюремных месяцев ему долбили: “Признайте себя клеветником и вернётесь к семье, а нет – написанного Вами на три 70-е статьи хватит”. В конце концов, власти пошли на компромисс: согласились обойтись без показаний на других и без признания деятельности его и его товарищей по “Поискам” клеветнической, а Витя согласился на заявление, в котором были чужие и неправильные слова.

...Прежде чем касаться самих ответов на Ваше письмо, напомню историю наших последних встреч.

1. Накануне суда 28.09.80г. Витя приезжал к Вам советоваться. Вы говорили тогда, что надо перестать сидеть между двумя стульями, что невозможно не признать на суде себя клеветником и надеяться на свободу. И даже советовали не рисковать, а попросту признать себя виновным, а потом “заняться шахматами”, например. Витя с Вами не согласился, но Ваши советы я восприняла как тревогу за него. Помните ли Вы этот разговор?

В октябре я показала Вам свою запись Витиного суда. Вы прочли её без оценок, но, судя по “Открытыму письму” постарались еёочно забыть. Сейчас я делаю часть этой записи открытой и тем лишаю Вас возможности её игнорировать (см. Приложение 1). Я привожу всё существенное, что Витя говорил на суде, не исключая и плохие, запрограммированные моменты.

Прочтайте ещё раз и скажите, опозорил ли Витя “Поиски” и сборники “В защиту экономических свобод” своей откровенной и лояльной защитой? Согласился ли он признать их клеветническими? Предал ли он главную идею “Поисков” – идею взаимопонимания - или он отстаивал её на суде, как и на воле, всеми силами? Предал ли он своих товарищей – В.Абрамкина и Ю.Гrimma или вместе с ними защищал главную идею “Поисков”?

2. Теперь я напомню Вам, что про обстоятельства, связанные со злополучным Витиным заявлением для АПН (только для заграницы) Вы узнали от нас на другой день после подписания. Узнали, что Витя считает его самой крупной ошибкой, уже отказался от него по телефону и в отчаянии готов встретиться с иностранным корреспондентом, чтобы свободно и полностью объяснить западным читателям свою позицию. Отказавшись помочь встрече – и за себя, и за своих друзей – Вы успокаивали меня, уверяя, что АПН-ское заявление, конечно, неприятно, но в рамках допустимого, что никто, кроме очевидных экстремистов Витю осуждать не будет, а риск тюрьмы за это интервью чрезвычайно велик. Вы вернули мне

текст предполагаемого интервью, а АПН-ское заявление попросили оставить для того, чтобы сравнить с официальной публикацией, если АПН на неё решится.

Сожалея об отказе (оказалось, что действительное понимание Витей своей ситуации не нужно было ни АПН, ни Вам), мы не могли не быть благодарны Вам за обережение. 15 ноября Витя послал в АПН письменный отказ от заявления с приложением взамен текста несостоявшегося интервью. Об этом Вам стало известно через пару дней, и потому о Витиной позиции Вы обязаны были судить по этому документу. Тем не менее, Вы его игнорировали, объяснив: “Оно ещё хуже!”, что привело Витю просто в ужас: выходит, что для Вас заявление, написанное под “обаятельный нажимом” АПН-овца лучше, чем свободное изложение своей позиции!?

Сейчас я своей волей открываю Витино “Интервью для западных читателей” .., чтобы больше никто не имел возможности игнорировать его, изображая из Сокирко клеветника и отступника.

...3. 16 ноября к нам домой пришли трое Ваших друзей, Они пришли ночью, когда я спала, и ночью же ушли. Они, как потом мне рассказывал сын, были очень похожи на трибунал, когда на кухне за чаем припирали растерянного отца вопросами. Они официально сообщили, что содержание АПН-ского заявления уже передано по западному радио, а затем показали Вите Ваше Открытое письмо, попросив выразить своё отношение. Конечно, они не говорили о возможности предотвращения Вашего письма и не спрашивали разрешения на распечатку Витиного заявления. Письмо с подколотым заявлением было свершившимся фактом.

Впрочем, Витя говорил, что чувствовал, как от него ждут раскаяния и просьбы о помиловании. Он не сделал ни того, ни другого, заявив, что о своём выходе из тюрьмы не жалеет.

...Ваши друзья копию Вашего письма не оставили, пообещав прислать вскорости. Это обещание они не выполнили, информация о передаче западным радио АПН-ского заявления не подтвердилась, а результат ночного приговора был

представлен Вам (по Вашему утверждению) как согласие Вити на обнародование АПН-ского заявления и Вашего письма.

...4. В начале декабря мы узнали, что блок из Вашего письма и Витиного заявления ходит по рукам. 10 декабря мы получили, наконец, Ваше письмо (после моего напоминания по телефону). 15 декабря я отвезла Вам Витин ответ. Я волновалась при встрече предельно, т.к. ждала чуда, вроде – “не Вами это сделано”. А получила тягостный, как Вы сказали, разговор. Вы сразу начали напористо отвергать пункты Витиного ответа. Похоже, Вам очень хотелось вернуть это письмо, забыть его; нашей просьбе сделать публичные разъяснения по хорошо известным Вам обстоятельствам и Витинным ответам Вы отказали.

И потому я решаюсь сделать открытой часть Витиного письма вместе с Вашими вопросами, конечно, чтобы лишить Вас возможности делать вид, что ответы на них “логически” невозможны...»<sup>39</sup>.

### **3.3.6. Н. Шеремет<sup>40</sup>. Письмо Виктору Сокирко**

Витя! Я рада, что тебе удалось выйти сейчас, а не отбывать весь срок, превратившись тем самым в настоящего мученика, хотя и приобретя при этом множество сочувствующих.

Выход стал возможен благодаря некоторым уступкам властям, что для меня не было неожиданностью. Ибо я прекрасно помню твое нежелание попадаться впредь властям

---

<sup>39</sup> См. выше полные тексты, из которых здесь приводятся цитаты

<sup>40</sup> Наташа Шеремет – химик по образованию, научный сотрудник до 90-х годов, школьный учитель до 2014 г. В 90-е была сорудником нашей правозащитной организации (Общество ЗОХиЭС). В частной жизни – театралка, путешественница, книголюб. «Стаж дружбы» с нами –больше 40 лет.

после процесса 73 года, уйти с опасного пути и не приносить в жертву общественной деятельности все остальное, что составляет полноту твоей жизни.

Как я воспринимаю эти уступки? Они формальные (кроме отказа от участия в самиздате), не изменившие на самом деле твоего мировоззрения и отношения к главной твоей боли – экономическому будущему страны и ни в коей мере не зачеркивающие того, что сделано было тобой до ареста (когда не было прямого давления и когда был выбор). Более того, тебе удалось довести до властей свое отношение к происходящему в стране с целью совместных поисков выхода из сложившейся ситуации.

Тюрьма и лагерь, как мне кажется, не могут не привести к психологическим изменениям, к озлоблению, чего я очень боюсь в людях и что присуще людям инакомыслящим (к сожалению) и почти всем эмигрантам. На мой взгляд, Витя, именно отсутствие озлобленности собирает вокруг тебя столько людей, что очень важно, т.к. в воспитании людей, а не власти, я вижу задачу. И не в лагере, а здесь.

Теперь о противоречии. На арест Т. Великановой ты заявил: "Мы не можем отказаться от самиздата..." Но отказ от самиздата оказался ценой свободы. Как к этому относиться?

Хотя я очень далека сама от этой ситуации, я все-таки пробую поставить себя на твое место и понимаю, что самым важным для меня было бы выйти из этого дела так, чтобы не навредить своим знакомым людям, давая показания. Этого я бы боялась больше всего. Было бы голословно с моей стороны заявлять: "Нельзя было отказываться от самиздата" или наоборот. Да – я и не считаю, что вправе судить об этом. Я не знаю, насколько ты связан со своими подельниками и насколько обязан перед ними.

Скорее же всего в данном случае каждый решает за себя. Ты решил так. А лично мне лучше, когда ты на свободе (по уже высказанным выше причинам и по другим, связанным с моим отношением ко всей вашей семье, но это отдельная тема).

Последним и таким изматывающим моментом в деле оказались эти письма – отказ от поддержки Запада и использование "там" твоего имени. Я почти не уловила, чем отличаются все эти девять вариантов, но почувствовала, что так их много из-за неопределенности твоего отношения к западным связям.

С одной стороны, гласность необходима, чтобы осознать и искоренять свои пороки. Да, наверное, поддержка Запада необходима правозащитному движению в стране. Но почему-то не хочется выносить "сор из избы", вряд ли "там" люди болеют той же болью, что и мы. Вроде есть что-то нечистоплотное в этих связях. А для большинства советских людей связи с западными радиостанциями и печатью равнозначны измене. Подтверждением этого мнения способствует эмиграция диссидентов. Больно или невольно они оказываются за границей, а расхлебывать заваренную ими кашу приходится другим людям. Но и замыкаться в себе, в своих проблемах тоже нельзя. Нет у меня однозначного отношения к этой проблеме.

Витя, из всего написанного с такой откровенностью об этом процессе, видно, как в экстремальных условиях проявились и противоречия, и слабости твоей натуры. Дело каждого принимать или нет человека во всей его сложности. Ты поступил так, как мог и как считал нужным.

Что же просить прощения за то, что ты такой, какой ты есть? И у кого? Здесь я согласна с Лилей. Не у кого и не за что. Наташа. [Конец 1980г. – Л. Т.]

### **3.3.7. П.М. Абовин-Егидес. Феномен Виктора Сокирко<sup>41</sup>**

[Парижская газета “Русская мысль” от 21.05.1981]

Я согласился с просьбой «Русской мысли» высказаться публично по полученным ею материалам в связи с заявлением Сокирко, хотя есть весьма дорогие мне люди, которые предлагали не начинать этот разговор и пройти мимо. Поэтому я с этим разговором не торопился – тем более что ополчаться **отсюда** на слабость куда легче, чем не проявлять её **там**, в логове тоталитаризма. Но всё же есть и серьёзные контраргументы: во-первых, умолчание о какой-либо болезни лишь загоняет её внутрь, во-вторых, шила в мешке не утаишь, и если об этом начнут писать люди, меньше меня знающие историю «Поисков», то могут наговорить лишних оскорбительных слов в адрес как самого Сокирко, так и тех, кто открыто выступает в его защиту.

Феномен Сокирко не только сложен, но и совершенно специфичен: с одной стороны, он открыто выступал не только против экономической политики кремлёвской олигархии, но и против её внешней политики, осудив в письме к Брежневу империалистическую акцию в Афганистане (на что мало кто в стране отважился), с другой же стороны, вот читаем его заявление в АПН…

И на суде его позиция была далеко не однозначной: он не только никого лично не предал (как это было у Петра Якира и Виктора Красина), но не предал и сам журнал

---

<sup>41</sup> Статья Егидеса была опубликована в «Русской мысли» вместе с Витиным заявлением от 24.10.1980 и Открытым письмом С. Каллистровой.

«Поиски», членом редколлегии которого был с № 4: он очень логично доказывал, что в «Поисках» нет ни грана клеветы, и даже удачно высмеивал потуги суда и «экспертов». Он не признал себя виновным (как Дудко и Регельсон) по статье 190-1, но при этом он признал себя частично виновным в том, что его работы использовались на Западе в идеологической борьбе с нашей страной, к тому же не отказываясь от своих взглядов, не каясь, он дал обещание больше не заниматься самиздатом, а уйти в частную жизнь советского бюргера. Имеет ли Сокирко на это моральное право? Безусловно. Можно понять тех, кто жалеют его – отца 4-х детей – и находят хорошие слова о нём. Но нельзя принять ни то, что он признаёт себя частично виновным, ни его отказа от самого себя в будущем, ни – что самое главное – стремление Сокирко не просто сохранить красивую мину, но показать к тому же, что так и должно быть (это он делает уже после суда), стремление тянуть за собой в омут слабости, - нельзя, ибо это не только неверно само по себе, но уже означает серьёзную опасность для демократического движения, которое сейчас и без того переживает тяжёлые времена.

Когда Сокирко в заявлении «для западных читателей», переданном в АПН, пишет: «Я, действительно, не считаю себя жертвой советского режима, а, напротив, благодарен нашим властям за своё освобождение» (он получил условный срок), то хоть читать это просто стыдно, но и это, как говорится, всё же его дело. Но когда он пишет дальше, что просил от суда не оправдания, а лишь снисхождения, ибо, хоть и не виновен перед законом, но виновен перед мнением подавляющего большинства соотечественников, т.е. повторяет тезис о том, что народ интегрирован с режимом, в непонимании-де чего заключается «основная трагедия части советских диссидентов», то это уже дело не только его, это уже и наше дело. С подобной логико-этической фальшью уже не может быть примирения. «В

тюрьме, - продолжает Сокирко, куда меня посадили именем народа, я с горечью согласился, что мои взгляды и действия противоречат взглядам и желаниям нашего народа, и моя деятельность именно в этом смысле может быть названа антинародной или антиобщественной... Поэтому я и заявлял, что приму любой приговор советского суда... как приговор народа». М-да... Остаётся только развести руками.

Но гораздо хуже другое – стремление Сокирко склонить и других к отказу от самих себя под благовидным названием «компромисс»: «Я убеждён, что такое возвращение из тюрьмы к обычной жизни лучше исчезновения (словно подобное «возвращение» не равносильно духовному исчезновению, - П. А.-Е.)... Моим коллегам по журналу «Поиски» выпало (?) иное: путь в лагерь. Я разделяю восхищение их твёрдостью, но вместе с тем сожалею, что они не искали взаимопонимания со следственными и судебными властями (виртуозно – ничего не скажешь: «Поиски» действительно провозгласили своим девизом взаимопонимание, но с кем? - П.А.-Е.) и не вышли из тюрьмы».<sup>42</sup>

Поиски выхода из противостояния с властями ведь, попросту говоря, означают поиски прекращения правозащитной деятельности, примирение с рабством, с отсутствием элементарных человеческих прав, поиски возврата к состоянию «премудрого пескаря», забившегося в свою филистёрскую нору, т.е. поиски отказа от самого смысла «Поисков», которые как раз и были задуманы, как поиски противостояния тоталитарным

---

<sup>42</sup> А. А.: «Но ведь это цитата из заявления от 27 октября! Так какое же из них – от 24 или 27 октября – комментирует П. Абовин-Егидес? И которое из них было опубликовано в «Русской мысли»? Получается, что С. Каллистратова задает вопросы по поводу первого варианта, а П. Абовин-Егидес «рецензирует» второй?!». Л. Т.: «Да, в «Русской мысли» было опубликовано заявление для АПН от 24.10.1980, а Егидес е комментирует нигде не напечатанный «проект интервью» для иностранных корреспондентов от 27.10.1980».

мерзостям, как поиски выхода из того тупика, в которое наше общество завели нынешние власти. И хотя сейчас – после ряда погромов журнала «Поиски» и серии арестов - старая редакция прекратила своё существование, но дело «Поисков», тем не менее, продолжается новыми людьми.

Нет нужды доказывать, что описанная выше позиция Сокирко вовсе не вытекает из сахаровского принципа ненасилия, а, наоборот, противоположна ему: последний предполагает именно твёрдое, неуклонное, постоянное, решительное сопротивление, противостояние, неповиновение злу – методами бескровной борьбы в рамках конституционности.

Вот почему можно понять Софью Васильевну Каллистратову, которую смущило и возмутило заявление Сокирко. Хочу снова подчеркнуть свою мысль: каждый человек имеет моральное право на частичный и даже полный отказ от себя, но если это превращается в целую «философию» самопредательства, которую публично проповедуют другим, если слабость выдаётся за мудрость, если при этом пытаются рекламировать её как принцип всеобщего поведения, то это уже без ответа оставить невозможно: подобная «философия» грозит диссидентскому движению, чревата разжижением сознания и воли.

Пользуясь моральным правом на нечто, человек не вправе обижаться на тех, кто хочет воспользоваться своим моральным правом показать несостоятельность этого нечто, тем более, если последнее пытаются обставить лжекрасивостями при помощи виртуозных извивов мысли, способных ввести неискушённых в заблуждение.

### **3.3.8. Л.Ткаченко. Комментарий к статье П.М. Абовина-Егидеса**

Очевидно, что Пётр Маркович был знаком с приложением к моему ответу на письмо Софии Васильевны, потому что обсуждает он не напечатанный «Русской мыслью»

незаконный текст заявления от 24.10.1980г, а Заявление для западных читателей, обсуждает здраво, по делу, хотя, конечно, со своей позиции, и Витя с ним совершенно не согласен. П.М. можно упрекнуть лишь в том, как он допустил, что редакция могла использовать его комментарий на то, что она не публиковала. Но, возможно, он невольно обманулся, и винить за это нужно лишь редакцию газеты. Неожиданно для меня отрицательное отношение Вити к «Русской мысли» получило здесь подтверждение.

Что касается статьи П.М. Егидеса, то Витя был удручен как обилием антисоветских резкостей и штампов при передаче его взглядов (это особенно неправомерно!), так и неверной интерпретацией смысла «Поисков». Витя считает, что они никак не могли задумываться как «поиски противостояния», что всегда стремление к диалогу со всеми людьми без исключения (в том числе и с властями) было определяющей целью «Поисков».

Даже на своём суде В. Абрамкин попытался в последний раз пробиться к диалогу с властями. Никто никогда в редакции не говорил о «поисках противостояния».

Напротив, в конце 1979 г. перед и сразу после ареста В. Абрамкина очень бурно обсуждались «поиски выхода из противостояния журнала следственным властям» - с участием самого П.М. Егидеса и при его же согласии (хотя и не без внутреннего сопротивления) редакцией было принято компромиссное решение о приостановке журнала, т.е. о «выходе из противостояния властям», в которое она была загнана прокуратурой.

Но я думаю, что эта статья принесёт больше пользы, чем вреда. Пусть косвенно, но она излагает Витину позицию, сложность его линии поведения, цитирует его последнее заявление «для западных читателей». Жаль только, что П.М. не объясняет, что Витин «феномен» вызван главным образом его взглядами, что суть этих взглядов была давно известна и обсуждалась многими, что не мешало сотрудничеству в

редакции. Тогда стало бы понятно, что причиной этого «феномена» является не столько слабость в тюрьме, сколько его верность собственным (хоть и неприятным П.М.) убеждениям, т.е. не «философия самопредательства», а совсем обратное. Л. Ткаченко [Июнь 1981]

### 3.3.9. В. Вольфсон. Мнение о «Феномене В. Сокирко»<sup>43</sup>

Итак, «феномен В. Сокирко» с позиции ревнителей «круговой поруки добра» - это предательство. Надо полагать, что уж, коль встал однажды в этот «поручный круг», ты – его принадлежность, и не только в плане исповедуемых ценностей, но, увы, и в том, **как** эти ценности исповедовать, реализовать, **как** искать собственный личный подход и отношение. Но личного места в этом «поручном круге» ... нет. Этому, оказывается, нет места. Нет права на пробу, на риск, наконец, на личную **свою** ошибку. Порука во всём: ноздря в ноздрю, в едином дыхании, в едином строю... Знакомые контуры проступают за всем этим. Слишком знакомые. Личность, личное – и эта самая «кругпорука».

«Феномен В.Сокирко», на мой взгляд, интересен именно как попытка найти своё личное в этой самой «поруке». Найти в

---

<sup>43</sup> Под этим текстом стояла буква «Х.», скрывая автора – Владимира Вольфсона, эколога. Я хорошо помню, как читала его (написанную под псевдонимом Б. Комаров) машинописную книгу с прекрасными фото «Запасная страна» - о хищническом уничтожении нашим государством нашей природы. Он с женой Илоной и малышом уехал в Израиль в мае 1981-го. Там (теперь уже Зеев Вольфсон) свою книгу издал. Ещё он рассказывал о своем самодельном альбоме, на фото которого были руины православных храмов. Этот альбом был издан «Посевом» в 80-м. Самиздатский и печатный экземпляры альбома показывал Вите следователь на допросе 17.10.1981, состоявшемся по поводу восьми альбомов с московскими церковными зданиями и сведениями о них и их служителях, составленных нашим хорошим знакомым М.Л. Богояденским (см. об этом: <http://www.sokirko.info/ideology/sam/s7.htm> ).

критической ситуации. Это рискованно в обоих направлениях. Потерять «доброе имя», потерять «место» в «круговой поруке добра» - это риск, боль и несчастье не меньшее, чем потеря места работы и даже свободы. Думаю, что Сокирко выбрал не из двух зол меньшее, а совершенно сознательно утверждал своё право как личности на личное отношение, на личный поступок, на личные градации, не удовлетворяясь правом быть лишь винтиком в пресловутой поруке добра. **Право - быть личностью в круговой поруке.**

Сложилась определённая этика в правозащитном диссидентстве, которая обретает косность штампа: отношение к властьимущим (пожалуй, всех рангов), как к беспощадным врагам, готовящим унижения и издевательства, бескомпромиссным в своей злобе, подлости и т.д. – впрочем, тому, надо думать, достаточно оснований...

И вытекающее отсюда бескомпромиссное противостояние – героизм. Погибаю, но не сдаюсь! Никаких соглашений с врагом. Никаких переговоров. Никаких компромиссов. То есть, выбора нет – либо тебя ломают (ты ломаешься), либо противостояние до последнего.

Значит, хочешь быть правозащитником – будь героем. Не можешь – не суйся. Такие постулаты исходно занижают рамки и тем самым возможности движения, делают эти вопросы достоянием своего рода элиты – круга героев. О том, чтобы реальное практическое участие всё большего числа людей в подлинной общественной жизни произошло, при такой постановке вопроса и мечтать не приходится.

Чтобы расширить «рамки», надо смягчить «жёсткость требований» к участникам «круговой поруки добра», дать реальные образцы такого нового, смягчённого поведения.

Позиция В. Сокирко скорее человеческая, чем героическая. Он желает оставаться человеком во всех перипетиях жизни, даже в имеющих потенциальный выход в «геройство». Есть героический ход в жизненных ситуациях, и есть – человеческий. Какой из них лучший, покажет результат. Ведь «партия» только начинается. И вести её лишь одними

эффектными ходами едва ли возможно. Нужны и скромные ходы, преимущественно поисковые, рискованные, пусть даже ошибочные – поскольку безошибочных ходов не бывает: не шахматы, чай, а жизнь...

«Феномен В.Сокирко», возможно, подводит черту под «героическим периодом» правозащитства. А может, пора? – Не всё же играть увертюру, пусть даже прекрасную. (Кстати, чтобы избежать недопонимания, сразу же оговорюсь: перед героями и героизмом (и геройством тоже) преклоняюсь и В. Сокирко считаю человеком, вполне способным на героический шаг).

Вопрос ведь не в том, чтобы отвечать героическим стандартам правозащитства, а в поиске возможностей жить правозащитной (оппозиционной) жизнью и даже выживать (а почему бы и нет?), сохраняя себя в основном. В возможности реально действовать в реальной ситуации, сегодняшней стране, сегодняшней жизни. Чем такой компромисс «порочнее» бескомпромиссного выезда, бескомпромиссной изоляции?

Правда, все эти вещи более зыбкие и менее однозначные, чем хотелось бы блюстителям поруки добра... Добро всепроникающее, как и зло. И никакая «круговая порука» не гарантирует, что добро не живёт и вне её, а внутри её не бухнут маленькие семечки зла, желая взойти буйной порослью.

«Человеческий подход» (возможно, в противоположность «героическому») предполагает, что кроме «машины» и «винтиков» существует и «организм» (общественный организм) и люди. При всей «запутанности», «вовлечённости» и прочая существует в них эта же человеческая данность. И к ней-то надо адресовать себя, к ней-то и пробиваться – к ней, «одурманенной», «не ведающей, что творит», «стоящей на страже», «блудящей свою корысть», «не желающей видеть и слышать», а всё-таки чуть-чуть ещё и человечной. И как блюститель этики круга добра может легко оказаться лишь рабом этой этики, тем более и ГБ-шник – раб иной, ещё более бескомпромиссно-принципиальной этики (ГБ-шник – не слишком удачное обозначение «супротивной стороны», поэтому, читая, замените, пожалуйста, его чем-

нибудь более адекватным; меня пугает, что получается какая-то уж не в меру сусальная картинка – хотя в принципе я считаю, что надо пробиваться к человеческому в каждом).

И будут два этих раба - раб белый и раб чёрный, хлестать друг друга по мордам своими объёмистыми, увесистыми принципами: на войне, как на войне. Оно и понятно.

Однако есть и другое: есть ещё человеческое снисхождение к положению другого. ГБ-шник не может быть неГБ-шником, но остаётся при этом человеком. То же - и «противная сторона». Взаимоснисхождение друг к другу в понимании относительности возможностей (реальных возможностей в реальной этой ситуации) каждой из противостоящих сторон. Если бы такое взаимопонимание – сколько бы ненужной тупой, чёрной жестокости удалось бы избежать. Скольким бы людям - по ту и другую сторону барьера позволено было бы оставаться человечными в отпущенной им возможности. Можно ли смотреть вот так? Допустимо ли видеть людей как по «сю», так и по «ту сторону»? Или там только «винтики»?

«Феномен В. Сокирко» - этический феномен. Это не акция отказа от героизма в пользу трусости. А акция (жертва?) героическим в пользу человеческого. Героическому поведению (героической этике) противопоставлено поведение вполне человеческое и вполне человеческая этика. (И не стоит – пожалуйста, не надо – к «человеческому» сразу клеить «обывательское», все «люди-человеки» и прочая...). Не знаю, насколько уж «человек – звучит гордо», но уж и не подло. Скорей всего – «просто». И простой человеческой этики, простых человеческих ценностей, простых человеческих поступков, простых человеческих возможностей – не этого ли больше всего не хватает? Не этому ли следует проторить дорогу? Не этому? Так чему? – Героизму? – А может быть человечности? Встречной человечности по «сю» и по «ту» сторону. Крошечными, неуклюжими поначалу шажочками приближаются герои друг к другу и осознают друг в друге:

человеческую запутанность, человеческую ограниченность, человеческие возможности (не огромные, героические, а малые, но вполне реальные).

Поступок В.Сокирко или «одноимённый феномен» - вполне этический, вполне на месте во времени и пространстве. А «круговая порука добра», надеюсь, со временем разглядит, что этика есть нечто живое, вполне человеческое, а не героическая абстракция лишь, и не принципы, удобные для идейного мордобоя, а трепетное, дышащее даже, пытающееся вполне приспособиться к жизни. И желающее выжить – да, выжить. Жить, а не умереть. Х. Январь 1982г.

### **3.3.10. Г.С. Померанц. Цена отречения (отрывок)<sup>44</sup>**

*[Глава 3. Вместе со страной, вместе со всем народом]*

...Есть ещё один фиговый листок фарисейства: я вместе со страной, с народом. Я не хочу быть отщепенцем. Пятой колонной. Помилуйте, - спросишь его, - какой колонной? На какой войне? Кто Вас, Тит Титыч, обидит? Вы сами кого угодно обидите... Но фарисею уже неважно, кто нападёт. Ни при каких условиях он не хочет быть отщепенцем. Он хочет быть только со страной, с народом. И с палачами? Да, и с ними. Если я сознаю, что без страха перед палачами страна развалится, то глупо не подавать руку палачу. Надо и с палачом найти общий язык. У палача есть свои искренние убеждения, и с ними надо считаться...

---

<sup>44</sup> Рассуждения, задевшие Витю, есть в разных главах статьи, но она большая, и я решаюсь только на третью главу. Не знаю, где опубликовалась эта статья, на нашем сайте опубликована:  
<http://www.sokirko.info/Tom10/butyrka/a4-7.htm> . - Л. Т.

В этом есть своя логика. Чувство фальши отбито не у одного-двух человек. Это массовый синдром. Своего рода привычный вывих народной совести. И жить по совести в наш век, - значит, жить отщепенцем.

Борис Хазанов писал в эссе «Идущий по воде»: «Замечательная особенность наших земляков состоит в том, что они всегда действуют в соответствии с обстоятельствами. Обстановка – вот что целиком определяет поведение, а затем и образ мыслей. Поскольку эта жизненная установка отвечает теории, первый пункт которой гласит, что бытие определяет сознание, наш земляк не будет оскорблён, если вы это ему объясните. Бытие, в самом деле, в прямом и буквальном смысле, определяет его сознание. Когда в автобусе свободно, он человек. Когда тесно, он звереет. Ему вообще ничего не стоит перейти от приторной вежливости к волчьему рыку, он, как Протей, меняется на наших глазах, превращаясь из скромного труженика в гунна, а потом, при случае, так же свободно принимает человеческий облик. Словом, это человек-толпа, род организма, у которого температура тела всегда равна температуре окружающей среды.

Нигде эта особенность не проявляется так отчётливо, как в лагере. Лагпункт, как нетрудно заметить, являет собой миниатюрный макет общества. Однако человеческий материал, с которым там имели дело, был неоднороден. И всегда легко было отличить земляка от инородца. Последние могли быть культурными горожанами, как большинство прибалтийцев, или неграмотными крестьянами, как западные украинцы или белорусы, но всегда резкая грань отличала их от «наших», словно они были людьми другой цивилизации. Их отличала мораль, усвоенная в детстве. Эта мораль подобно грузилу, придавала им устойчивость в абсурдном мире и, хотя колебалась, они сохраняли свойственное людям вертикальное положение. Тогда как жизненная философия большинства «наших» исчерпывалась формулой: «с волками жить - по-волчьи выть».

Я вспомнил другую поговорку - современную: «на том месте, где была совесть, вырос хрен». А хрен, как известно, не очень большой моралист... Никакая естественная сила не может вложить душу в ком плоти, управляемый одними условными рефлексами. Даже если какие-нибудь марсиане уберут нынешнюю администрацию, хрен, выросший на месте совести, не превратится в нравственное начало...

Но может быть, надо мысленно отделить от плоти народа его бессмертную душу? Иначе народа просто нет. Я уже говорил и писал, что народа нет; мне возражали, что интеллигенции тоже нет. Доводы были убедительны, и всё-таки, я мимо всех аргументов непосредственно чувствовал реальность интеллигенции. Что это за реальность? Не знаю. Просто чувствую, что она трепыхается. Также, видимо, обстоит дело и с народом. В народной массе что-то трепыхается – и вылезает наружу в подписях об открытии церкви, в сектантских общинах...

Хрен твёрдо знает свою правду: не мочиться против ветра. Но душа, эта сомнительная, не подтверждённая наукой реальность, где-то бьётся, и кто-то начинает верить в неё и вести себя нелепо, сбиваться в кучки (сектантов, диссидентов), лезть на рожон. Так что идти с душой народа – значит идти против народной массы. И наоборот: идти с народной массой – значит топтать народную душу.

Если внутренний голос очень крепок, человек это раньше или позже почувствует. Может быть, не сразу. Может быть, только к 30, 40 годам, на горьком опыте. Но непременно почувствует, что отказ от роли отщепенца значит, в известных условиях, согласие с ролью подлеца. Кто это понял – не забудет (хотя в каких словах он выразит свой опыт, не знаю, слова могут быть разные). И если будет оглядываться на других, то только на людей с совестью. Он не испугается жизни отщепенца, разрыва с массой. Конфуций говорил: когда царит добродетель, стыдно быть далеко от двора. Когда царит порок, стыдно быть близким ко двору. Я думаю, слово «двор» можно заменить словом «народ». Смысл не изменится. Небо может

отвернуться от народа так же, как от государя и двора, и тогда быть отщепенцем совсем не стыдно. Просто трудно.

Особенно трудно жить полуотщепенцем – значит сидеть на двух стульях. Это иногда можно (когда стулья сближаются). Это иногда нельзя (когда стулья расходятся и зад проваливается в пустоту). В таком случае надо твёрдо решить, куда сядешь. Есть времена жить и времена умирать, времена компромиссов и времена отказов от компромиссов. Либо ты готов стать отщепенцем, разрешаешь себе эту позицию, когда масса звереет. Либо придёшь, как щедринский либерал, от соглашений «по возможности» к соглашениям «хоть что-нибудь» и кончишь – «применительно к подлости».

Нынешний либерал живёт, оглядываясь на людей. Заповедей у него нет, категорический императив сдан как идеалистический выверт, но есть стыд и совесть. Этого достаточно. Пока не оторвали от друзей и не втянули в принудительное общение с хреном. Либерал ёжится, топорщится, а уйти в себя, замкнуться не может, нет у него глубины, на которой можно отмолчаться. Хочется поговорить, найти понимание – и ему предлагают понимание: признай только правду хрена. Пойми и то, что у хрена есть свои искренние убеждения, свои резоны. И человек понимает, привыкает к диалогу с хреном, а чем кончается такой диалог – известно. И потом уже трудно вернуться к прежнему.

Мы живём в обществе, где нельзя застраховать себя от насилия. И ко всем нам относится пример, разобранный Августином. Я уже приводил его в «Письмах о нравственном выборе», но приведу ещё раз. Он здесь к месту.

Когда варвары взяли Гиппон, многих девственниц изнасиловали. Августин считает виновными тех, кто испытал – если говорить в терминах статьи – согласие с хреном, испытал минутное удовлетворение от своей податливости. Кто же ничего не пережил, кроме ужаса, боли и отвращения, на тех греха нет.

Я думаю, что модель Августина можно отнести к жертвам любого насилия. Савонарола под пыткой отрекался; а когда пытки приостанавливались, снова повторял то, во что

верил. Насилие владело его плотью, но не овладело душой. Такая душа осталась чистой.

Власть насилия может быть и более долгой, - не на минуты, не на часы, а на недели и месяцы. По-моему, и это простительно, если обморок души прекратится вместе с обстановкой совершенной беспомощности, одиночества, отчаяния. Нельзя строго судить человека, попавшего в условия, для него непосильные. Даже если другие люди могли это вынести. Нельзя судить одного человека по меркам, годным только для другого. Пусть он сам себя судит, а мы в него не бросим камня.

Но вот прошёл месяц, два месяца свободы. Обморок души кончился. Если душа осталась жива, она опомнится. А если не опомнилась? Если человек и на воле продолжает бубнить то, что затвердил со страху?

Я приводил в пример Галилея, Уриэля Акосту. Но Галилей не писал в АПН с протестом против антикатолической кампании зарубежной прессы. Уриэль Акоста не стал подручным Бен Акобы и не помогал ему уламывать очередного еретика...

Как назвать человека, которому пришлась по душе его податливость в диалоге с хреном? И который по добной воле продолжает то, что было под замком? У этого человека душа была готова к новой роли. Насилие здесь сыграло роль повивальной бабки, помогло родиться истинному пониманию своей природы. И наше сострадание, испытанное к жертве, исчезает. Мы не станем называть податливость к хрену новым видом мученичества.

Может быть, мои слова покажутся слишком резкими. Я не настаиваю на них и готов закончить мягче – словами поэта:

А вам, в безвременьи летающим,  
Под хлыст войны за власть немногих –  
Хотя бы честь млекопитающих,  
Хотя бы совесть ластоногих!  
И тем печальнее, тем горше нам,  
Что люди-птицы хуже зверя

И что стервятникам и коршунам  
Мы поневоле больше верим...  
(Из стихотворения О.Э. Мандельштама «Опять войны разноголосица», 1923 г.).

### **3.3.11. В. Сокирко. Письмо Г.С. Померанцу**

Григорий Соломонович!

Всем очевидно, что часть Вашей статьи «Цена отречения» обвиняет и осуждает именно Виктора Сокирко. Вы это сделали мастерски, больно, в изощрённой интеллигентно-матерной форме. Если кто-то из Вашего окружения был заинтересован в нанесении мне наибольших оскорблений, то заказ этот Вы выполнили с лихвой. Отнести к этому спокойно и беспристрастно я не могу, и хотя бы потому мне следовало промолчать, проигнорировать. Уважение к Вам мешает игнорированию, но и объясняться по этому поводу бесполезно. Мои попытки объясниться на личных встречах привели к противоположному: Вы ничего не поняли, потому что не хотели понимать. Отвечать на брань я публично не могу, выходит, надо просто смолчать и вытереться. Так я и сделаю. Годы споров с властями и с диссидентами шкуру мне выдубили хорошо. Но дело не во мне. Статья Ваша гораздо шире, она демонстрирует коренное изменение Вашей собственной позиции. Ваше личное отречение от очень дорогое мне и раньше Вам принципа диалога, и потому в этом, к сожалению, частном письме (хотя я не намерен скрывать его от своих друзей), я хотел бы спросить Вас о гораздо более важном: «Какой будет цена Вашего отречения?»

До сих пор Вы были активным поборником поисков взаимопонимания, диалога разных людей – и между собой, и с властью. Об этом можно судить хотя бы по Вашим публикациям в журнале «Поиски». Однако в статье «Цена отречения» вы употребляете эти понятия уже только в крайне отрицательном и чуть ли не в матерном смысле: «найти взаимопонимание с

«хреном», «диалог с инквизицией», «общий язык с палачами», известно, чем кончается диалог с «хреном» и т.п. Мне очевидно: Вы совершили поворот. Непонятно только почему? Неужели из-за нарушения именно мною «диссидентского этикета» и выхода из тюрьмы на определённых условиях?

Но Вы прекрасно знаете, что в основном я не изменял себе ни в тюрьме, ни на воле, что убеждениями своими не торговал, что если и допустил ложь в заявлении на суде ради освобождения, то тут же на суде и исправил её фактически, что все последующие мои заявления, вынужденные или добровольные (как последнее «интервью», за которое я был готов рисковать снова тюрьмой) были публичным уточнением своей позиции. Кроме этих, уже исправленных мною (уточнённых) мест, мои заявления неизменно состоят из 1) принятого вынуждено, но сугубо личного обязательства не заниматься впредь самиздатом, 2) моих собственных убеждений, что оппозиции следует быть лояльной к народу и власти, что она должна ограничивать себя и не допускать, чтобы её могли использовать во враждебных стране целях. Сейчас мне гораздо легче было бы поддаться диссидентскому ветру и признать всё сказанное в тюрьме лишь вынужденной ложью и клеветой, но я не могу признать ложь там, где её не было, отречься от резонов «хрина» (власти) и «безнравственной звереющей массы», т.е. своих недиссидентских знакомых и родственников, как бы Вы меня ни поливали. Никаким «отречением» или «бубнить со страху» тут и не пахнет. Я говорил Вам это и в нашу последнюю встречу, но Вы предпочитаете думать, что лучше меня знаете, как на деле я думаю. Вы прекрасно знаете, что я всегда «разговаривал» со следователями и властями (впрочем, как и Вы), ещё до тюрьмы отчаянно боролся за выход из тюремно-опасной ситуации... Вы знаете, но публично изобразили это лишь как тюремный страх и отречение. И кстати, какое Вы имеете право снова впихивать мне в зубы «дохлую крысу» - заявление в АПН, которого на деле не было, как это публично уже объяснила Лиля (Л.

Ткаченко)? И что это за новая бабская сплетня про «помощь в уламывании очередного еретика»?

Но Бог Вам судья, если Вы изменились лишь ко мне лично. Ещё в марте 1980 г. Вы писали («Мой собеседник Виктор Сокирко»):

«Я убеждён, что чуткий человек не может не слышать одновременно несколько нравственных призывов, сталкивающихся друг с другом, и именно это чувство постоянного конфликта нравственных законов мешает ему стать фанатом одного долга, ангелом с пеной на губах, самым страшным из исчадий добра, становящегося злом. Я знаю героев, захваченных своим гражданским долгом так, что всё остальное в них приглушено, знаю учёных, жертвующих гражданской совестью ради науки. Знаю отцов и матерей молчащих, когда камни вопиют – ради детей. Ни в кого из них не брошу камня. До какой-то меры, до какого-то порога они могут найти серьёзные оправдания. Но центр тяжести нравственной борьбы всё больше перемещается в сторону борьбы добра с добром. Без одновременной чуткости к разным призывам герой становится тираном, мучеником, избравший царствие небесное, – инквизитором, а талантливый учёный и любящий отец – обывателем».

Тогда Вы прямо солидаризировались со мной в превозношении людей, соединяющих в своей жизни и тягу к любимой науке, и требования гражданской совести, с одобрением цитировали мои слова:

«Только такая осторожная и мучительная позиция, когда ты и начальству неугоден и самому себе кажешься трусом, только она и позволяет сохранить и развить науку, труд и саму жизнь».

Неявно здесь выражен призыв: к диссидентам – не порывать с нормальной жизнью, и к ныне молчащим труженикам – исполнять требования своей гражданской совести. Вы соглашались с этим неоднократно и публично.

Что же Вы говорите сейчас?

Статью Вы начинаете делением истин на два сорта: научные и нравственные. Потом выясняется, что под вторым понимаются религиозные или иные идеологические, недоказуемые доктрины («кои не могут быть доказаны или опровергнуты, а только подкреплены стойкостью своих исповедников или ослаблены их слабостью»... «и если честно говорить, не всегда строго истинны, но должны быть приняты за истинные»). Как раз с этой путаницы, с этой подмены, когда веру, убеждения диссидентов называют нравственной, т.е. общеобязательной, единственно приемлемой для порядочного человека **истиной**, начинается Ваше грехопадение, отречение от диалога.

Вы считаете, что научные истины, как гелиоцентрическая система мира, могут безболезненно выдержать отречение, и потому мир простил Галилею слабость, а не отрекшийся от гипотезы вращения Земли Бруно лишь на один дирхем (10%) выше Галилея... Что же касается второго рода «истин», то Вы говорите иное:

«Отречение – ничто для научной теории, но великий урон для нравственной истины... Почему Спиноза выдержал угрозы, отлучения, проклятия? Почему он не отрёкся? Может быть, потому что не разрывался между двумя страстями: к истине и к женщине. А может быть, узнал цену отречения ещё до того, как от него потребовали отречься, и понял, что эту цену заплатить он не может. Отречение – это не маневр, не тактическое отступление на войне. Это нравственная смерть».

Тут у Вас уже и речи нет о чуткости к разным нравственным призывам, к выполнению не одной, а всех моральных заповедей. Речь идёт только о верности своим взглядам, все остальные нравственные призывы оцениваются лишь как человеческие слабости, как зло. Всё страшно сужено до единственного завета: отречение от веры нехорошо!

Если в человеке борются несколько нравственных призывов (так чаще всего и бывает) и он, как в Вашем примере Акоста, отказывается от выражения своих взглядов ради счастья любимой девушки, он нарушает этим мораль не больше, чем

Спиноза, отказавшийся от любви ради свободы философствования. И Акоста, и Спиноза поступили по-разному, но оба - и нравственно и безнравственно одновременно, потому что совершенно нравственным решением было бы соединение в своей жизни обеих заповедей: свободы убеждения и любви к ближнему. Стремиться следует не к выбору одного и отречению от всего остального, как к слабости, а к нравственно полноценной жизни, гражданской, трудовой и семейной одновременно.

Сейчас Вы стали прославлять Спинозу в осуждение Акосте, но это и есть Ваше отречение от себя прежнего в пользу «фанатизма одного долга», «ангела с пеной на губах», «самого страшного исчадия добра». Это становится совершенно очевидно, когда родоначальника новой науки Галилея Вы ставите рядом и даже ниже фанатичных монахов (оставим в стороне, что Дж. Бруно был гораздо сложнее Вашего описания, больше подходящего к Т.Кампанелле). Что и говорить, твёрдость и мужество в мученичестве всегда импонируют людям. Только надо видеть, что именно отстаивают монахи и куда они зовут своим примером.

Вы говорите, что Бруно «истину отстаивал по-средневековому: всем собой». Он был монах, мистик. И его стойкость трудно понять без привычки к дисциплине, созерцанию и молитве, без твёрдого канона поведения, оставленного мучениками. У монахов на каждом шагу - чин, этикет. Послушание паче молитвы. Обет. Клятва. Присяга. В трудных случаях это очень поддерживает человека, уравновешивает его слабость, как дисциплина на войне. Первые солдаты, получавшие своё сальдо за ратный труд, никакой родины не имели и не любили, но жизнь отдавали - за что? За несколько денежек? - Скорее по привычке к дисциплине. И потому, что к этой смерти в бою себя настроили и не боялись. Такая смерть была условием их профессии, их чести. Как для врача готовность к холере, дворянина - к дуэли, диссidenta - к аресту, следствию и суду. Солдат мог и любить родину, диссидент - свободу (или ту же Родину), но крепко держаться

ему помогает твёрдая установка, закон чести, присяга: с ними не разговаривать! Что заставило расколоться офицеров, стоявших насмерть под Бородиным? - Отсутствие выработанной установки. Отсутствие правил поведения на следствии. Попытка найти общий язык с Николаем».

Да, именно так, цитирую без изъятий. Ваша мысль движется логично. От предпочтения Галилею средневековых фанатиков вроде Кампанеллы, воюющих за новую всеобъемлющую веру на базе «новой науки» и средневековых коммунистических утопий, перерабатывая их сначала в идеиную базу для захвата власти и переделки жизни, а затем в источник современного казарменного коммунизма, - к общему прославлению этикета (монашеских орденов, кодекса чести профессиональных наёмников – солдат, дворян-дуэлянтов...) И завершается этот прославляемый Вами ряд профессиональных фанатиков и военных – как ни страшно, профессиональными диссидентами с отныне введённой присягой: «С ними не разговаривать!»

Да, Вы забыли прославить ещё одну известную корпорацию – «организацию профессиональных революционеров» с их кодексом чести и правилами конспирации, ту организацию, с которой Ленин грозился перевернуть Россию и осуществил своё обещание. Этот пример в Вашем ряду гораздо уместнее, чем допустим, готовность врачей к опасностям холеры.

К сожалению, Ваша статья может стать популярной, стать тактическим наставлением для каких-либо «переворачивателей». Так же как логика и планы Ленина для партии революционеров. Но неужели Вас не страшат конечные результаты проповеди фанатизма и профессионализма в диссидентской среде? И не станет ли ценой Вашего отречения от диалога и поисков взаимопонимания всех живущих в стране без изъятия – катастрофа для всех нас, страны и будущего?

Вопрос сейчас идёт не обо мне, а о бесконечно более важном: каким будет правозащитное движение в будущем?

Или таким, каким оно было до сих пор, движением самых разных людей нашей страны, ощащающих свою гражданскую ответственность и не отказывающихся вместе с тем от ценностей нормальной жизни, и потому в перспективе способным стать широким, действительно, всенародным движением, настаивающем, что гражданами - правозащитниками должны и могут стать не единицы, а все люди, весь народ. Но тогда никаких моральных упрёков нельзя предъявить ни тем, кто делает нравственный выбор в пользу отстаивания своего права на свободу слова, ни тем, кто не может отказаться от семьи или научной работы. Предпочтение следует отдавать лишь, когда удаётся избежать этого выбора и реально совместить все эти ценности. Только когда таких полноценно нравственных людей станет большинство, наш народ можно будет назвать гражданским, ответственным народом.

Или диссиденты станут тайным, ужасным орденом героев-монахов, партией профессиональных революционеров, корпорацией наёмных солдат (кстати, последним сравнением Вы, видно, невольно провоцируете чрезвычайно популярное среди обывателей обвинение диссидентов как «пятой колонны», как «продавшихся американцам, которые готовятся к войне с нами – за популярность, за материальную помощь, за сладкую жизнь в эмиграции...»), с диссидентским кодексом и этикетом, присягой и дисциплиной (добавим ещё для логичности – с судами чести для отступников и революционными трибуналами), окружённых страхом и восхищением.

К сожалению, очень многим импонирует такой средневековый путь развития оппозиционного движения в стране. Некоторым из нас тюрьма и лагерь кажутся единственным моральным положением, приемлемой ценой за общественное признание в качестве единствено-нравственных людей в стране, героев, мучеников. Жизнь одного противостояния неизбежно приводит к групповой морали. Противостояние чекистам-следователям вынуждает перенимать их замкнутость и дисциплину, а общение в тюрьмах с

воровскими ассоциациями невольно навязывает их лагерный опыт. Тот же самый мат, который Вы теперь так усиленно рекомендуете. (В тюрьме мне стоило немалых трудов удерживаться от мата, но и подумать я не мог, что косвенно и за это я буду осуждён, и именно Вами). Дух фанатизма и тоталитарного сектантства в наше время веет над каждым, набраться его можно откуда угодно. Сразу же оговорюсь: сектантство хорошо, когда сект много и они обучаются существованию и взаимоуважению друг к другу, но когда их ожесточенная борьба ведёт к победе «единственно верной» и потому тоталитарной секты - это плохо. И ещё: я не отрицаю прославления героизма, но не закрываю глаз на его односторонность, если не дополнять терпимостью и диалогом.

Ореол необычайного мученичества и недостижимого мужества вокруг профессиональных диссидентов очень импонирует молчащей, «сочувствующей» публике. Он необходим этим людям для оправдания собственной пассивности и трусости: мол, открытая оппозиция столь трудна и опасна, что доступна только особым героям, сверхчеловекам, а не нам, слабым людям. И чем больше страха и разговоров о «пытках», чем больший ореол мученичества над обычновенной гражданской позицией, тем больше оправдания у остальных для молчания и гражданской безответственности.

Удобная получается иерархия. Наверху профессиональные герои «нравственной истины». Около них – тайно сочувствующие героям, тоже нравственные, только характером или судьбой слабее. Далее идёт «безликая» и «безнравственная» народная масса, с которой лучше не общаться, за исключением случаев, когда есть надежда перетянуть кого-то на свою сторону. А дальше идут чужие по вере (идеологии) группы, в том числе и поддерживающие власть, - они, наверное, считаются даже антиравственными.

Таково это популярное представление о нашем мире. Раньше мораль и совесть измерялись приближённостью к революционной партии, к коммунизму. Теперь нравственность измеряется приближённостью к диссидентству. Вы тоже

разделяете эту точку зрения. Но скажите, есть ли на свете что-то более опасное для народа, чем отнятие у него критериев нравственного? Чем подмена его собственных нравственных заповедей идеологическими «истинами» - коммунизма или диссидентства? Чем шельмование его как сплошь (за исключением диссидентски трепыхающейся малой части) безнравственного народа, да ещё в сравнении с нравственными прибалтами и западноукраинцами? Никакой пророк и моралист, громя соплеменников за развращённость, не делал это по национальному признаку. Разве можно жить без национального самоуважения?

Понятно, что в такой иерархии сторонники диалога и взаимоуважения оказываются самыми вредными людьми – путниками, ренегатами, отступниками, ревизионистами, подлецами-либералами, меньшевиками-ликвидаторами и т.д. и т.п. Логика тоталитарных сект как раз и ведёт к тому, что против «отступников и отрекшихся» обращается наибольшее негодование, полемика для нравственного уничтожения, борьба, потому что своим существованием они подрывают у профессионалов и их молчаливого окружения ореол святости и исключительности в сравнении с «безнравственностью» всех остальных.

Нет, согласиться с таким профессионализмом невозможно, если не согласиться заранее на будущий революционный развал. Говоря Вашими словами, я буду именно полуотщепенцем, сидеть даже в пустоте, между двумя стульями, как бы их не растаскивали максималисты обеих сторон. Потому что на деле общественному диалогу нет альтернативы, потому что только в ходе его могут вырасти граждане. Единый, граждански ответственный, свободно работающий и верующий народ. Диалог, не только и не столько как словопрения, а как поиски и изменения в словах, делах, жизни.

Вы теперь считаете по-иному. Конечно, это Ваше право. И всё же я не могу отделаться от недоумения. Трудно мне предположить, что такой поворот в воззрениях от одного негодования и непонимания. Мне кажется, что Ваше отречение

произошло под убеждающим давлением окружения, которое часто бывает намного сильнее любой тюрьмы. И мне «бесконечно жаль» Вас. Однако при всём моём неизменном уважении, благодарной памяти за защиту в прошлом я не могу не спросить Вас: «Что Вы делаете? Ведь нас, сторонников широкого, без условий, диалога и поисков взаимопонимания, - так мало! Если даже Вы, талантливый и авторитетный человек, не смогли удержаться от нетерпимости и прославления средневековых доблестей, то что же ожидать от остальных? Неужели мы так безнадёжны? Неужели мы вольны только выбирать партию-орден в надвигающейся человеческой грызне? Ваше отречение от диалога способно вселить отчаяние даже под мою толстую от ударов шкуру...

Но нет, даже против Вас, логике и шансу успеха вопреки, я буду держаться моей и Вашей прежней убеждённости, ибо диалогу нет альтернативы. В. С. 17.03.1981

[Григорий Соломонович прислал ответ в конце апреля. Витя откликнулся сразу, осознавая фактический разрыв личных отношений, как ни горько с этим было примириться. - Л. Т.]

Глубокоуважаемый Виктор Владимирович!

Вряд ли у нас осталась общая почва для спора. Но я благодарен за замечания, которые позволили мне уточнить 2-3 фразы, не меняя сути. Западные белорусы воспринимались в 50-ые годы как инородцы; но совершенно очевидно, что они не составляют особой нации. Различия между западными белорусами и украинцами стадиальные (ещё не проводились). Со стилистическими замечаниями об избытке хренов согласен и на последних страницах заменяю «хрен» на «антисовесть». То, что Вы приняли за сплетню, вообще не про Вас, а про Льва Регельсона. Я рисую типы и могу брать черты у каждого, но, учитывая Ваше болезненное восприятие, эту фразу смягчил. Об остальном не стоит говорить. Пропасть между нами вырыл...

разговор 12 ноября 1980 г.<sup>45</sup> Я склонен сейчас строже провести границы диалога (в этом Ваша заслуга), но в принципе от него не отказываюсь. Думаю, однако, что отношение Лукреции и Тарквиния – не диалог, а насилие. И так на него советую и Вам взглянуть.

Будьте здоровы! Г. П.

### *Ответ Вити*

Григорий Соломонович!

Письмо Ваше получил, спасибо за советы и разъяснения. Был рад узнать, что Вы не отказываетесь от диалога. Что касается его границ, то по мне, они не существуют. Диалог без насилия в наших условиях нереален, и потому есть правда не только у протеста против насилия, но и у готовности вести (начинать) диалог в любых условиях.

И ёщё. Хорошо, что западные белорусы и украинцы – не особо нравственная нация, а лишь иная стадия развития нации, но я остаюсь при своём убеждении, что у восточных белорусов, украинцев, русских и т.п., находящихся на иной стадии, – тоже есть нравственность. Пусть не совпадающая с западной, но с есть. И потому Вы не правы.<sup>46</sup>

Жаль, конечно, что, по Вашему мнению, у нас не осталось касается причин нашего разрыва, то личной обиды у меня ни на кого нет. Ещё в сентябре 80-го знал, на что шёл.

С уважением - В. Сокирко (Конец апреля 1981)

---

<sup>45</sup> См. выше: раздел 3.1.2.

<sup>46</sup> Витя не соглашается с мнением Г. Померанца, что западные люди имеют мораль, а «наши» нет, о чём тот сказал в абзаце, начинающемся со слов «нигде эта особенность...»

### **3.3.12. М.Я Гефтер. Отрывок письма от 26.02.1981**

...Мы пережили здесь – и еще недопережили – трудное время. Трудное с самой важной точки зрения – отношения друг к другу. Я целую неделю читал составленный Лилей отчет о бедствиях, страданиях и исканиях Вити Сокирко, отчет в документах – всех без малейшего исключения. Признаюсь, что такая степень открытости, искренности для меня была бы недоступной. Читать все это было и тяжело, и необходимо. Обсуждать с банальной позиции (хорошо ли он себя вел или плохо, правильно или неправильно?) – бессмысленно. Чересчур непроста вся эта история – и не только в индивидуальном, Витином "разрезе". Капитуляция? – нет. Капитуляцией было бы признание "Поисков" клеветой, а он не только не признал этого, но и твердо отстаивал противоположное на суде (тем самым – по сути – доказывая незаконность преследований и суда). Но если не капитуляция, то что?

Поражение. Его поражение – и, смею утверждать, наше поражение. Мы потерпели его не в качестве инакомыслящих, какими остались: и он, и другие. Мы потерпели его как люди, которые надеялись добиться перемен, сдвинуть с места, если не большинство, то многих. Остаться наедине с собой – и есть поражение. Для меня (возраст, образ жизни!) это тяжело. Для таких, как Витя Сокирко – невыносимо. Они не могут и не хотят жить кандидатами на выезд. Они не хотят и не могут просто уйти в "обыкновенную" – частную жизнь, а другой – для недиссиденты – нет, что бы там он про себя ни думал. Какой же выход? Сокирко искал его в компромиссе, компромиссе между диссидентом (!) и властью. Отвергая "клевету" он оставался (и остался!!) диссидентом. Другая "сторона" вынуждена была признать его таковым – в обмен на покаяние и отказ от прежней деятельности. Не слишком ли тяжелая цена? Может быть, и слишком. Не мне судить отца четверых детей. Но испытание, которое он поставил – не на другом человеке, а на самом себе – смею думать, не останется безрезультатным для всех способных

думать, к каким бы выводам они при этом ни пришли... Сторонники и поборники диалога в наших условиях (мы не Польша, катастрофа у нас может быть началом конца для всех на этом шарике!), если, конечно, они не собираются оставаться в сфере "чистой мысли" и нравственных проповедей, вынуждены – и обязаны! – делать тот или иной шаг (шаги) от диалога к компромиссу. Открытый вопрос – какой компромисс и с кем. Но именно: открытый.

Витя Сокирко открыл его не в идеальных условиях и не в самой лучшей форме (это он и сам признает). Но стоит ли "закрывать" его, этот открытый вопрос, с помощью высокомерных назиданий и не идущих к делу сравнений? Заранее знаю, что кто-то скажет: вот они, русские, всегда такие (и до Федора Михайловича Достоевского, и после него). Отвечаю: я сам такой русский. Живу сомнением, недовольный собою и пуще всего на свете отвергающий, презирающий самодовольство (любое!)...

### **3.3.13. М.Я Гефтер. Глебу Павловскому от 10.12.81<sup>47</sup>**

Глеб! Надо объясниться. Твоё письмо В. С. [Виктору Сокирко]<sup>48</sup> – сплошная истерика (в этом же ты винишь В.С.), едва прикрытая изысками стиля (хотя некоторые куски превосходны, не в них суть).

«Не важно, что думают «диссиденты», Катя, Петя, Абрамкин, Померанц...» То есть, как это неважно? Для кого? С каких пор? (Оставляю в стороне нарочитую или, вернее, большую ухмылку: «Катя, Петя...»)

Если даже разошлись пути. Если даже на пороге полного разрыва – важно. Важнее нет. Иначе всё то же треклятое, только перенесённое на иной край: незаменимых нет. В пределах

---

<sup>47</sup> <http://www.sokirko.info/Tom10/butyrka/a4-93.htm> (два клика)

<sup>48</sup> См.: <http://www.sokirko.info/Tom10/butyrka/a4-92.htm> (два клика)

человеческой жизни – есть. Есть незаменимые – те, в кого всматриваешься, вживаешься в поисках самого себя. Те «Поиски» кончились, а эти нет. Разве не так?

В.С., кидающийся в самые разные диалоги именно с этой целью, может казаться смешным, может быть назойливым – себе в убыток. Но его безумная страсть к открытости – знак «свыше». Я в нём вижу своё: кончающуюся Историю, отторжение человеком той самой избирательной гибели, от какой все прогрессистские чудеса, завоевания и утраты... Ты или кто другой можете не видеть, либо не признавать этого знака. Согласен. Но как не замечать необычности его (В.С.), находящейся не за пределами человеческой связи, а в ней – в ней всеми потрохами, всеми неловкостями и ошибками, всеми наивностями, из которых то и дело проглядывает что-то страшно важное из не дающегося всем нам?! Впрочем, не ты ли писал С.В. К.:[С.В. Каллистратовой] «... откройте глаза, да В.С. всегда был такой, и до Бутырок». Отчего же теперь ты так настойчиво отсчитываешь его от «мазни, подписанной 3-го сентября прошлого года»? Не для того ли, чтобы соорудить из В. С. героя размежевания, мужа ухода? Беда в том, однако, что он не такой. И за его счёт не размежуешься и не уйдёшь (и куда??).

«Поражение не только учит человека, но иногда и строит его». Прекрасно сказано. Но строит поражение, а не « капитуляция», «отречение», «отступничество» и т.д. И если сказано не для красного словца, то как не продолжить, не разъяснить: в чём же то самое поражение, какое в данном случае строит человека?! В том ли, что В. С. принял на себя «ответственность» за совершённое им безответственное действие? Так, во-первых, В. С. его (это действие) за безответственность не считает и из-за этого весь сыр-бор. А во-вторых, и это посущественней, неужто так занимала бы нас (и тебя, и меня) бутырская и постбутырская одиссея В. С., если бы не стояло за ней нечто более общее, относящееся и к нам, и к другим, а не исключено, что и ко всем на свете?

«В моих глазах мерой того, чем ты рискнул, определится выбор того, на что ты обязался». То есть, следя за логикой твоего текста – мерой ответственности за безответственное, мерой отступления от совести, диктуемого совестью же, определится и высота той деятельности, той жизни (чего же ещё?), какую решился («обязался») вести условно осуждённый В. С.

Наконец, мы подошли к существу. К деятельности. К делу. К характеру этого дела. Стоящее ли? Такое ли, что ради него стоило отступить и даже “отречься”? Такое ли, что согласуется с другой, со “второй” совестью, которая, видно, должна быть, по крайней мере, в глазах рискувшего чем-то выше первой).

Не поставив эти вопросы – ясно, без околичностей, не стоило и писать. Твои иносказания красноречивы, слов нет; в полемике с Померанцем они были бы, вероятно, весьма уместны, соответствующа взятому им стилю и тону, но тут они запинаются, не будучи в состоянии переступить некий порог. Конкретности, определённости? Да, но ещё и откровенности, но ещё и мужества в признании собственного поражения. Общего с “Поисками”. Общего с В. С. Общего со многими другими, известными и бывшими людьми в разных географических и духовных точках. В том самом, который, разрешая (и поощряя) жёсткость, должен бы удержать тебя от той распекающей и наставляющей манеры, какой бы и места не было, если бы... Если бы не внутренний спор - с собой, который ты хоронишь от друзей, от близких вчера и сегодня, расплачиваясь за это недооткровенностью наедине. Позволь мне это предположить, ведь я тебя как будто недурно знаю...

“Нравственный выбор вышиб у тебя старую почву из-под ног, (называешь эту почву диссидентством, можно и так)...”

Вышиблась ли старая почва у В. С., да ещё без остатка, это ещё надо обсудить. Но будь, по крайней мере, последователен. Если вышиблась, то откуда у В. С. две совести и к чему призыв: “Благородную осанку и моральное

достоинство тебе всё равно не сберечь, но храни в себе две совести и следуй той из них, которой трудно следовать”.

Нет, Глеб, это ты к себе обращаешься, себя убеждаешь, о себе пишешь. И ничего зазорного не было бы, если бы прямо - к себе и о себе. И прямо, а не в скобках, не пренебрежительным мимоходом: “Ты называешь эту почву диссидентством, можно и так”. Нет, так нельзя. Ибо – не только не мелочь, не словесная условность имя этой старой “почвы”, а то кровное, твоё и не твое, из какого выходить, уходить можно лишь, вытирая себя и оставляя “там” клочья мяса.

…У В. С. исходное: везде и в каждом ищи человека. Он (В. С.) экстремист понимания, и даже юродивый. Внушал себе – в Бутырке, в карцере: следователь не ниже меня. У кого-то, особенно не знающего его, это мышkinство наверняка вызовет отвращение. Мы же знаем (и ты знал раньше других!), что неотделимо оно, не врозь от его «буржуазно-коммунистических» устремлений, от проектов всероссийской шабашки, введённой в русло подлинного обобществления (минус всякая монополия!), в русло действенной оптимизации, невыполнимой без узаконенных демократических процедур и ограничений исполнительной власти в пользу умственной и трудовой самодеятельности… Экстремист, юродивый, проектёр, он вместе с тем влечётся к **мере**, готов за неё не только постоять, но и посидеть. В постоянном опробовании собою: до каких границ допустимо дойти, постулируя в “следователе” человека? (И не просто – Гомо, а платоновского: не истязающего **себя и других**…). Сомнительная штука? Весьма. Тем паче, что, не уходя из диссидентства, В. С. постоянно оспаривает его, упрямо долбя: надо превозмочь Противостояние; если диалог всерьёз и **во главу угла**, то, стало быть, наперёд запограммирован компромисс – и предпосылкою, и следствием – Согласие…

Однако согласны ли “следователи”? В. С., похоже, пренебрегает этим, по крайней мере, как необходимым условием своих экспериментов. Похоже, что его категорический императив: **легализовать Согласие вопреки любому запрету**

**на Согласие.** (И это не “вторая” его совесть, а первая и единственная!)

Ты теперь упрекаешь его, что он не смел в отстаивании возможности и необходимости “гражданского согласия с властью”. (“И выходит, что обличаем мы твёрдо, а соглашаемся какой-то бормотливой бесчестной скороговоркой… Это исключает доверие, но подстрекает безответственных чиновников переиграть нас в безответственности.”) Я не пишу памфлета, не то мог бы обратить твои бранные слова насчёт скороговорки (мало, что бормотливая, но ещё и “бесчестная”) в некий бумеранг. Оговорился ли ты местоимением “мы” Но оставим в покое стилистику. Попробуем вернуться к содержанию. С чего ты взял, что “гражданским соглашением с властью” очерчивается - и ограничивается – антропология и прагматика В. С.? Это ведь тоже надо ещё доказать. И хотя сам В. С., вероятно, принял бы Генриха IV за образец и не стал бы отклонять параллели между тогдашним французским протестантизмом и нашим нынешним диссидентством, однако я не уверен, что вы так бы просто и легко сошлись с ним в определении **обедни**. И не потому, что он исключает какое-либо согласие с данной властью, какова она есть, скорее оттого, что это согласие для него лишь **частный случай** более широкого, всеобщего согласия, вводимого в жизнь (и сверху, и снизу) **и становящегося жизнью**. Из трёх герценовских вариантов соединения “людей мысли” с властью он, вероятно, потому и сосредоточился бы на третьем, что им предусматривается случай, когда власть врачует раны и даёт своей стране вздохнуть. Тут уж, в этом случае не до игры с чиновниками в ответственность и безответственность, и вообще не до игры избранных с избранными или с претендующими на избранность…

Не скрою: он (В. С.) меня и восхищает, и пугает. Я пытаюсь мысленно проверить его веру и его выкладки критерием “русского национального вопроса” и прихожу то к утешительным заключениям, то, напротив, к усугублённому отчаянию. Ибо не убеждён, что его “буржуазно-

коммунистическая” модель достаточно нова для нашего – искомого – не катастрофического начала, а его человеколюбивое “почвенничество” достаточно крепко, чтобы противостоять вздыбленному и соблазнённому инстинкту. А ежели недостаточны они (и та, и то), то приемлем ли, допустим ли его отказ от Противостояния и от особой – диссидентской скрепы и связи?..

Знаю только, что ответ не в прописях. И не колеблясь, утверждаю: “феномен В. С.” не сводим ни к расхожему отступничеству, ни к индивидуальной аномалии; его нельзя, поэтому и “уокоротить” праздным морализированием или снисходительным и руководящим покровительством...

## Эпилог

Летом 2003 года Витю и меня позвали на празднование 25-илетия рождения журнала «Поиски взаимопонимания». Собралось довольно много народа, искренне радовавшегося предоставленной возможности встретиться после многолетних «невстреч». Среди собравшихся было много наших пятничных гостей – зрителей наших диафильмов, и я не раз пересаживалась от столика к столику. А бедный Витя готовился к своему непраздничному выступлению – оценке того, как журнал, его редакторы и авторы реализовали правозглашённую идею – поиски взаимопонимания. Горестные Витины выводы, возможно, мало кто услышал – шумные застольные радости давно не видевшихся людей захватывали их целиком или почти целиком. Здесь же, в конце этой книги, они вполне уместны, и я приведу его выступление в сокращении.

«1. Я благодарен организаторам этой юбилейной встречи за приглашение, за возможность увидеть давних друзей, помянуть добром ушедших. Спасибо.

Но прежде чем отаться радости общения, считаю необходимым поговорить сегодня о главном, об итогах “Поисков”...Конечно, говорить я буду лишь о своих выводах, и если они покажутся неуместными, то прошу меня прервать, я ограничусь тогда раздачей желающим письменного текста.

К идее чествования “Поисков”, как общественно значимой попытки пробиться к освободительным реформам в стране, я отношусь отрицательно и склонен сегодня поддержать мнение, что мы не имеем права на такие юбилеи. Задумка “Поисков” оказалась нежизнеспособной. Она не работает даже сейчас и потому нам просто нечего праздновать и нечем гордиться. С точки зрения заявленных целей мы потерпели поражение, и нам следует просто честно признать это.

2. Конечно, речь идет не о личных неудачах или перенесенных тяготах. По тем временам репрессии к “поисковцам” не были слишком жестокими, да и те реально

коснулись лишь В.Абрамкина, В.Гершуни, Ю.Гримма. Но думаю, никто из них ни разу не пожалел о своём решении войти в редакцию самиздатского журнала. Никогда, даже в тяжелые дни поиска компромисса в Бутырке, не жалел о том и я. Для всех нас участие в “Поисках” было и остается одной из почетных страниц биографии.

И еще. Несмотря на нашу инаковость, “поисковцы” не опустились до дрязг и взаимообвинений, сохранив уважительные отношения друг к другу при любых жизненных поворотах, и это тоже немало. Но повторяю, я веду речь о главном: о коренной неудаче самого журнала с точки зрения объявленной им цели.

3. Цель, как известно, состояла в расширенном названии журнала - “Поиски взаимопонимания”, о чем и было сказано в “Приглашении”, написанном для № 1 “Поисков” М.Я. Гефтером, духовным лидером всего проекта Напомню его некоторые положения:

“К участию в “Поисках” приглашаем всех, кто за взаимопонимание,... к которому не пробиться иначе, как совместной работой мысли, не ограничивающейся одной-единственной позицией. ...Мы пережили с 1953 года целую полосу надежд и крушений, избытия старых и новых иллюзий... Глядя на собственные наши туники... кто рискнет сказать с полной уверенностью в правоте: я знаю лечение, я вижу выход?!.. Идет время и все ощутимей... беспомощность тех, кто желает перемен, не ведая с какого бока за них приниматься, не накликав беды, хуже нынешней. Туники наши оттого и мысленные и нравственные - разрывы между поколениями и внутри поколений, которые, похоже, не только не сглаживаются, но делаются все глубже и раздражимей... И вряд ли оттого, что яснее стали ныне ответы, предлагаемые отдельными течениями и людьми... Мы оказались неспособны пробиться вглубь, к “причине причин”, дойти до корней

трагедии, образовавшей эпоху, и до природы тупиков, составляющих русскую злободневность, уклад жизни и быт... ”<sup>49</sup>

Эти слова о поиске общенациональной идеи спасения были поддержаны 4-мя первыми редакторами “Поисков” в самое глухое брежневское время, за 12 лет до упразднения КПСС. Но, оказывается, уже тогда в советской оппозиционной среде существовали разные идеиные течения, столкновения мнений и вместе с тем - неспособность духовной элиты доспорить и додумать общую концепцию необходимых стране реформ, что собственно и длило бессильное скольжение страны по пути распада вплоть до отчаянной смелости шагов Горбачева и бесшабашных решений Ельцина. Они были такими “безумными” именно потому, что нация и ее элита не успели подойти к поискам взаимопонимания.

Но скажите, разве слова М.Я. и сейчас не звучат той же самой неразрешимой задачей? Разве нация стала ближе к осознанию образцов достойной и правильной жизни? - Нет, конечно. Противоречия стали только острее. Уважительность полемики западника Сахарова и почвенника Солженицына в 70-е годы трудно даже сопоставить с накатами “демократов” 90-х годов на “коммунистов” или нынешних радетелей империи на “предателей-либералов”.

4. Попытка “Поисков” была безнадежной, потому что даже члены редакции понимали призыв к взаимопониманию совершенно по-разному. Так, в процессе следствия и судов я совершенно искренне считал заведомой ложью обвинения, что призыв к диалогу и взаимопониманию мы обращали лишь к оппозиционным течениям с целью организации “единого фронта антисоветских сил”. Однако впоследствии я с удивлением прочитал в статье уехавшего на запад Егидеса, что он лично именно такой и считал цель “Поисков” - как объединение всех антитоталитарных (т.е. антисоветских по официальной терминологии) сил, что заведомо исключало из

---

<sup>49</sup> Полный текст «Приглашения к поискам и взаимопониманию» М.Я. Гефтера см. раздел 1.1.2

возможного диалога не только власти, но и лояльное им большинство. Понятно, что инстинкт самосохранения советской власти, подсказывал ей, что подобный “диалог” равносителен её скорой гибели. Андропов, лично переживший опыт восставшей Венгрии 1956 года, когда три месяца свободной работы писательского дискуссионного клуба Петефи завершились оружием на площадях и самосудами над коммунистами и ГБ-стами, не мог не относиться к такой опасности вполне серьезно.

Наступательная трактовка цели “Поисков” по Егидесу, а не по Гефтеру делала репрессии и разгром журнала неизбежными. Почти сразу после открытого обращения Ю. Гrimma по “Немецкой волне” и согласия с ним остальных последовали обыски, а поиски взаимопонимания с властями стали просто невозможными.

5. Но есть еще более печальное обстоятельство. Даже внутри небольшой группы “Поисков” мы оказались неспособны к вдумчивому диалогу, к вслушиванию в доводы друг друга.

Приведу пример. За год до начала “Поисков” в стране было объявлено всенародное обсуждение новой, четвертой по счету советской Конституции. От прежних она отличалась еще большим соединением несоединимого, вроде сталинских традиций и правовых положений Хельсинских соглашений. Диссиденты тоже приняли активное участие в процессе, открыто предлагая свои варианты коренных поправок. Возможно, “Поиски” тоже задумывались, как трибуна для таких обсуждений. Основная статья первого номера, написанная П. Прыжовым, т.е. Глебом Павловским, “Третья сила” была посвящена анализу проекта новой Конституции. Перед этим были еще самиздатские сборники диссидентских предложений, составленные П.Г. Григоренко и редактируемые Р.Б. Лерт, с которой у меня состоялась публичная размолвка, когда она позволила себе изменить без согласования один из важнейших пунктов моего проекта на прямо противоположный тезис. Я предлагал узаконить КПСС в виде верхней палаты советского парламента, что открывало бы путь к безкризисному реформированию системы, к варианту “китайского пути

развития”, а Р.Б. позволила себе заменить это предложение более понятным диссидентам упразднением в Конституции “руководящей роли партии”. Никаких извинений и исправлений я, конечно, не дождался, и ни на какие контакты она со мною не шла, даже в пору моего пребывания в “Поисках”.

Случай, конечно, печальный, ибо и тогда я признавал многие превосходные качества Раисы Борисовны, а рассказываю я об этом лишь для демонстрации того, что даже личная прикосновенность меня и Р.Б. к обсуждению проекта Конституции 1977 г. не подвигла нас к продолжению спора о Конституции на страницах журнала, к обсуждению такого значимого документа, как “Третья сила”. И никто другой не ввязался в спор с Глебом.

Получается, что даже в “Поисках” мы торопились говорить свое и не слышали других. Вместо “поисков взаимопонимания” мы на деле проявили лишь большую степень терпимости к разным точкам зрения, что, впрочем, было немалым достижением. И пусть сегодня мы стали в важнейших вопросах идейными противниками, если не политическими врагами, как у меня с Глебом и Валерием по чеченскому вопросу,

прежнего взаимоуважения и личной приязни это не отменяет. Это есть тоже небольшой реальный шаг от России экстремистской и тоталитарной к России терпимой и цивилизованной.

6. Наконец, последнее, что мне хочется отметить: наличие коренного разнотечения между целью М.Я. Гефтера, сформулированной в “Приглашении”, и неявной целевой установкой его лучшего, а может и единственного ученика - Глеба Павловского, изложенной им в «Третьей силе». Хотя считается, что “Поиски” образовались от объединения усилий “стариков-социалистов” П. Егидеса и Р. Лерт с силами КСП-ного журнала В. Абрамкина “Воскресение”, но на деле решающую роль в редакции играл скромно держащийся Глеб, как в силу собственных

талантов, так и потому, что считался правой рукой Гефтера. Его “Третьей силой” начались “Поиски” и он же завершил их, единолично выпустив последние 4 номера журнала.<sup>50</sup> Неоднократно я возвращался к чтению “Третьей силы”, завороженный её перепевом слов Маркса: “Какой-то призрак бродит по России. Призрак “третьей силы”...”

Уже в 1977 году Глеб видел ужасы тогдашнего настоящего, возможно, и предстоящего еще большего ужаса: беспредела беззастенчивых в обманах олигархов, властвующих бандитов, купленных на корню органов и иных чиновников, во что превратилась “первая сила” - бывшая советская власть. Клеймил он и представителей тогдашней оппозиции... Зримого выхода для общества просто не было. В этом неверии, на мой взгляд, и состоит незамеченная нами тогда главная ошибка, неправда этой статьи...

Похоже «Эффективная политика», президентом фонда которой Глеб ныне является, стала его главным ответом в поисках пути национального спасения. Да, время доказало уникальные политтехнологические таланты Глеба, но с точки зрения целей, объявленных М.Я.Гефтером, он, конечно, вместе с нами, потерпел поражение. Уже тогда, в 1977 году. В свете глебовских предсказаний из “Третьей силы” мы все исторически оказались на стороне защитников определенных частей проклинаемой Глебом теневой “третьей силы”.

Я всегда старался брать под защиту экономических теневиков, ища в них точки самодеятельности и развития, опираясь на совесть присяжных в различении их от преступников. Однако в работе последних лет по “защитите осужденных хозяйственников” я так и не смог найти способы защиты предпринимателей от наездов властей, и в этом состоит мое главное поражение. А поскольку я пенсионер, это поражение уже окончательное.

---

<sup>50</sup> Глеб и Сорокины распечатали и переплели №№ 6-8 и Приложение к № 8.

Пробыв в лагерях 6 тяжелых лет, Валерий Абрамкин стал едва ли не самым ярким защитником прав заключенных, включая уголовников, без различия их вины, исследователем уголовной культуры и искателем в этой среде зерен личностного достоинства и самосознания. Мне кажется, что он вместе с коллегами во многом преуспел на ниве улучшения положения заключенных, но в главных романтических целях очеловечивания уголовного мира, скорее тоже терпит неудачу. Но впрочем, об этом лучше судить самому Валерию.

И все же мне кажется, что наиболее тяжелое поражение потерпел Глеб при всей фантастической успешности своей политтехнологической карьеры. Последние годы мы не раз слышали от него упреки диссидентам, которые не воспользовались историческим шансом и “позорно проиграли битву за власть”. Лично он эту битву выиграл, но вот с точки зрения “Поисков” и Гефтера оказался в плену стереотипов - беспринципной власти.

От всей нашей попытки 1978 года осталось только само “Приглашение” к поиску взаимопонимания и терпимости, т.е. идея, которой (скажу за себя) я лично остаюсь верен, хотя и не всегда знаю, как её реализовывать в конкретных случаях...

10.06.2003»

### **Постскриптум**

**Ныне - конец 2014 года. В.Абрамкина уже нет на земле, а Г. Павловского судьба, помотав, вынесла в спокойные воды, и мы ещё можем ожидать, что выкристаллизовавшаяся в его голове ясность спасительного для нашей страны пути будет помогать определяться современникам.**

# **Приложение 1 к книге в целом: Сценарии документальных фильмов**

## **П. 0.1.1 «Мангышлак - 1979»<sup>51</sup>**

1. «Мангышлак - 1979»

### **2.«Шабашка и дети»**

**3. (1-я вводная. «Витя»).** Сегодня Мангышлак - не только казахская пустыня на берегу Каспийского моря, но и прогрессивная промышленная область с рудниками и нефтепромыслами, комбинатами и шоссейными дорогами, городами и курортными зонами на пустынных пляжах.

4. В такой зоне отдыха и строили мои знакомые профилакторий для нефтяников - почти дворец из ракушечника. Я приехал уже в последний месяц, и вот с какой примерно речью обратился

5. ко мне наш шабашный бригадир: «*Витя за Петю*». «Отдыхать здесь невозможно, работа с утра до вечера. Порядки у нас тут обычные, шабашные. Выходных нет, что делать, сам смотри. Времени осталось мало, несделанного - много. Гляди...

6. В прошлом году мы здесь фундамент поставили и вывели стены первого этажа наполовину, за этот месяц залезли на второй этаж, перекрытия почти уложили. А надо еще второй этаж сделать, крышу накрыть, парапет

---

<sup>51</sup> Смотрите и слушайте диафильм «Мангышлак» (1979) на youtube:  
<http://www.youtube.com/watch?v=MtwHxYeU4Rk&feature=youtu.be> или  
на нашем сайте <http://www.sokirko.info/Part1/Mangischlak/index.html>  
Текст написан В. Сокирко, музыку подбирали вдвоём, а читали  
поочерёдно (см. обозначения : «*Витя*», «*Лиля*»).

выложить, вокруг знания поставить 70 метров ветровых стен... А еще внутренние стенки делать нужно. Не успеем, сам понимаешь, заработка бригады наスマрку. В общем, работы взахлеб.

7. Сэр, Вас мы поставим на бетономешалку, раствор готовить вместо Леши, ведь он уезжает. Работа известная, песок бросай, цементом на воде замешивай, да так, чтобы мы на кладке не стояли, но чтоб и раствор не переставался. Три бадьи подашь, и трактором камень подвозить будешь, а если еще выкроишь время, приходи помогать нам на стенах. Давай, Витя, начинай!

8. А если без шуток, мало нас остается. Сам видишь, вот и Лешу провожаем. Ишь, каким пижоном вырядился, плавки на галстук сменил. А скоро и Саша, главный наш каменщик, уедет, совсем трудно станет управляться с аккордом.

9. А не справиться нельзя, 40% аккордных лишимся, всех ребят подведем. Так что хватит прощаться, отъезжай, Леша, раствор стынет».

10. «*Витя за Костю*»: «Синьор, от имени трехнедельных аборигенов рад приветствовать Вас на каспийских просторах. Надеюсь, наш дорогой Петья тебя не слишком запугал. Не забывай: мы здесь на отдыхе от служебной мурлы. Главное: трудотерапия - сбросить лишний все, укрепить мускулы, забыть бабские истерики, вздохнуть в здоровом коллективе. Ну и деньги, конечно, без них не интересно ...Дядя Витя, да брось ты о лопате думать, присядь, покури, а еще лучше - оглянись на море, пойдем, искупаемся.

11. Видишь, какой здесь курорт. Сейчас, правда, пусто, но в субботу и воскресенье нефтяников приезжает туча. А в остальные дни - хоть голышом гуляй... Представляешь? Приличия? - Здоровье важней!

12. Слушай, давай, зафиксируй нас со Славой, в порыве трудового энтузиазма. Еще поваляемся на песочке чуток, и побежим на родной объект, к мастерку и лопате. А то неудобно перед ребятами.

13. «*Витя за Славу*»: не спеши, Костя, никто нас не осудит. А тебя особенно. Силищи в тебе, слоне, невпроворот, да и опыт инженера-строителя.

14. А вообще, Витя, я считаю, мы все тут очень хорошо работаем. Такая грамотная и культурная рабочая сила из доцентов и научных работников здешнему начальству и не снилась. Сами разбираемся во всех чертежах и технологиях, сами ведем съемку и расчеты, сами работаем почти на всех механизмах, делаем все качественно, рационально и в срок. Во всем находим систему. Ну, чего ты смеешься? Я не хвастаюсь, я правду говорю. Местные ведь на это неспособны. И успех наш определяется совсем не спешкой какой-то шабашной, а от правильной работы механизмов. Ты этого не понимаешь. Вот Костя или Эдуард подумают и предложат такое, что сразу облегчит работу в несколько раз. Вот что ценить надо.

15. Ну и что с того, что я, доцент, работаю подсобником у Саши, каменщика? Это - временно, а так мы все тут высшей квалификации: одновременно и мастера-каменщики, и механизаторы, и рационализаторы. А чтобы убыстрить работу, как говорит Петя, надо не спешить, а делать все обдуманно.

16. И с хорошим настроением. И вообще я считаю, что главное - не деньги, а хорошая кампания. Ради ее мы и собираемся здесь на лето.

17. «*Витя за Эдуарда Иванова*»: Слушать Петю надо, но не очень. Имей ввиду, Эдуард Иванов халтуры никогда не делал и делать не будет. А спешка нужна только при ловле блох. Иванов не как некоторые, - за ним ничего

переделывать не надо, все сделает как надо и в срок, фирма гарантирует, лишь бы деньги платили, чтобы семье и на водку хватило. Ну, говори, что надо сделать, покумекаем и все сможем не хуже профессионалов!»

18. Эдуард, Слава, Костя - мои давние компаньоны по шабашкам и оппоненты в спорах о том, как надо работать, и что главное в шабашке. Но при этом, мы одинаково убеждены, что шабашная работа очень полезна для нас и для страны. И гордимся своей работой, силой, изобретательностью, сноровкой.

19. Зато иные мои знакомые, там, за морем, в России, сомневаются в полезности и даже нравственности самой шабашки в целом.

20. «А правильно ли хорошо работать на государственных, иногда не нужных, а может, и вредных объектах - например, строить тюрьму, или коровник, который потом будет заброшен, или, как мы сейчас - профилакторий для рабочих, который на деле станет особняком для нефтяного начальства? Не куем ли мы сами себе цепи за шабашные деньги, как резвые, но недалекие рабы?

21. А правильно ли нарушать законы о труде, или ради бесперебойной работы обеспечивать стройку материалами и механизмами с помощью, мягко говоря, неофициальных и не совсем бескорыстных связей, и вообще входить в конфликты с существующими законами и инструкциями? Не подрывается ли тем самым дух законопослушности, в отсутствии которого диссиденты видят главную беду нашего народа?

22. Не подрывает ли шабашка главные принципы и идеалы нашего общества, на котором все держится? А для некоторых, наоборот: не спасают ли шабашники, как самые резвые слуги, нашу неэффективную систему от окончательного провала?»

23. Сразу скажу: я не знаю убедительных на это опровержений, но ищу. А сейчас мне остается только вера, что от хорошей и свободной работы в любом, даже тюремном случае, стране и людям будет не вред, а польза.

24. (2-я вводная. «*Витя*»). Мне давно хотелось соединить шабашную работу с отдыхом семьи, поэтому эта каспийская стройка стала желанной. Зимой мы обещали море своим детям, и сейчас ужасно горды, что смогли его выполнить. Ведь все оказалось совсем непросто. Сначала в Москве я очень боялся, что пропадет отпуск из-за вызовов в прокуратуру по самиздатским делам, а потом, уже здесь, бригадир Петя настойчиво не советовал, почти запрещал мне вызывать Лилю с детьми.

25. Мои же планы он просто высмеял: «*Витя за Петю*»: «Сэр, ты говоришь просто чушь. На палатку разрешение нужно, о вагончиках не думай. Жить здесь негде, магазинов нет, столовая плохая и работает приемлемо три дня в неделю. Море ледяное, а из пустыни поддает горячим песком, постель в песке, а кругом ядовитые всякие твари, фаланги, змеи.

26. Варанчика вот этого Эдуард поймал, в таз посадил, а если

27. змею ребенок встретит? - Врачей тут нет. Ты берешь на себя ответственность? О чем ты думаешь? А как выезжать отсюда? Авиабилетов нет.

28. А главное - работе нашей это мешать будет, и местное строительное начальство коситься будет, что мы тут семейный санаторий устраиваем. Так что определенно говорю - не советую».

29. Однако я имел дерзость ослушаться. Да и правда: ведь отдохивают здесь семьи нефтяников. И почему мои дети не могут плескаться в этом море? Змеи и фаланги - ерунда. Нет жилья - у нас палатка, а разрешения и спрашивать не

будем, тут не приграничье. Нет еды - из Москвы возьмут, а местное начальство - пусть косится - и пошли они все к черту, что мы, рабы им, что ли? И какое им дело до наших детей и частной жизни?

30. И вот я встречаю своих в столичном граде Шевченко. Этот город - необычайная диковинка среди здешних унылых полупустынь, но для моих детей он диковенен именно своей серостью и

30а. безводной унылостью. Им, прилетевшим из Москвы, интересны не дома, а море в уличных просветах.

31. Ночь мы провели в палатке на морском берегу, а утром мне не надо было тащиться на бригадную кухню, я был уже семейным человеком.

32. Очаг, дрова, посапывание еще не проснувшихся Гали-Ани, молочная каша для меня, чтобы не опоздать на стройку. Внимательные и благожелательные псы рядом, плеск моря и шуршание песка.

33. Мне хорошо. Достигнута гармония: 40 лет, есть и силы, и здоровье, есть дети и море. Соединились красота и польза.

34. Шабашная и семейная стороны жизни теперь для меня слились в одну полнозвучную жизнь. Пожалуй, так живут лишь крестьяне - в единении с природой, детьми, со своим полем и соседями.

35. В палатке мы прожили всего два дня, за которые дети познакомились и подружились с бригадой и с прорабом Ией Давыдовной, что

36. сидит на крыльце своего вагончика.

И тогда вся бригада переехала в один вагончик, а нам выделили второй, тоже из двух комнат и прихожей.

Столовая оказалась вполне приличной, устроился порядок и с утренней и вечерней едой, и со стиркой. Все оказалось не так страшно, как поначалу.

37. А первые дни в палатке нам запомнились, как самые интересные и романтичные. Дни самостоятельной туристкой жизни в песках стали основой нашего хорошего самочувствия, вызвали уважение бригады. Мы подружились с местными собаками: вот с тем черным королем Рафом и его ближним - провокатором Кардиналом.

38. Дети видели нас и нашу работу своими, все вбирающими глазами.

39. Огромные машины-чудовища, которых погоняют сильные и мудрые дяди.

40. На этих машинах из каменных блоков-кубиков они складывают замечательный дом-крепость, как сказочный замок с отвесными стенами,

41. таинственными подвалами, залами-комнатами и закоулками.

42. А вокруг расстилается сверкающий мир моря и пустыни, наполненный неизвестностью и чудесами.

43. Этот детский мир - пока радостный и добрый, радостный, потому что дает огромное поле для игры и собственных открытий, а добрый от труда и заботы взрослых.

44. И как страшно обмануть эти доверчивые существа, как нехорошо будет, если построенный нами мир окажется злым и даже непригодным для их жизни.

45-47. В присутствии детей стыднее всего делать халтуру, поддаваться лени и слабости. Труднее всего делать это и не мучиться им. А потому работай лучше, старайся больше. И не за деньги только, а за совесть и качество, чтоб стоял дом крепостью на века - а простоит ли? - чтоб выросли в пустыне сады, а море осталось все таким же чистым и прекрасным.

48. Но разве все так просто, и дело только в качественной работе? Разве не важно, что строить и как? Разве мы не знаем, что строим на деле не «для людей, а для начальства»? Не только для нынешнего, но и для будущего начальства, которое будет командовать уже не нами, а нашими детьми,

49. и чваниться роскошью и комфортом своих резиденций?

50. А наши отношения с Давыдовной, а через нее - и с остальным начальством и сверху, и сбоку? При всей формальной невинности - ибо эту стройку проверяли многие комиссии и безрезультатно - разве они заслуживают подражания, разве они не усугубляют климат вседозволенности и не готовят катастрофу - не сейчас, а потом, для детей?

51. Разве мы со своей свободной хорошей шабашкой противостоим общему росту беспорядка даже в таких новейших районах страны, как Мангышлак?

52. Разве мы не знаем, что совсем недавно эта пустыня была открыта для широкого освоения, и что здесь можно было учесть печальный опыт прежних освоений, и что же?

53. Многотысячный город Узень выстроен не на море, как собирались, а в гнилой душной пустыне, где могут оседло жить только заключенные или отчаявшиеся люди.

Нефтяные месторождения сперва были загублены скоростной эксплуатацией, а потом заражены неосторожной закачкой морской воды. Вместо поднятия давления бактерии теперь просто съедают нефть под землей, и потому объем добычи падает. Но и этот провальный опыт не учит. Новое месторождение Бузачи опять вводится в спешке, бесхозяйственно, и, наверное, тоже будет загублено.

54. Многоэтажный город Шевченко, пляжи с домами отдыха, пустыня, исчирканная дорогами и

трубопроводами, изрытая шахтами и скважинами, уставленная промышленными корпусами - все эти преобразования выполнены руками подневольных зэков и свободных рабочих - шабашников, нашими руками.

55. И потому детям мы оставляем не только материальные богатства и опустошенные недра, но и кучу нерешенных экономических, социальных, национальных проблем Под страхом гибели Алеше и его сверстникам придется их решать за своих неразумных отцов... И что же делать, чтобы помочь детям, чтобы заслужить их будущую благодарность?

56. В море купается Анатолий Андреевич, наш покровитель от нефтяного заказчика. А Петя просит меня услужить ему. Анатолию Андреевичу надо было поставить галочку в плане политмероприятий, обеспечить сообщение об Июльском постановлении ЦК про планы совершенствования и исцеления наших экономических бед. И что же,

57. с непродуманными мыслями, без доказательств и конструктивных предложений, опутанный обязанностью не подвести Анатолия Андреевича, я смог только немного разобрать смысл этого постановления и скептически оценить его полезность, закончив выводом: «поживем-увидим!»... Но даже этот беззубый скепсис показался моим слушателям неслыханной дерзостью и они уже опосля удивлялись тому, что в зале «запахло антисоветчиной», и удивлялись, откуда «выкопали такого смелого лектора».

58. Можно голову сломать от этих вопросов, утонуть в море доводов «за» и «против». А вынырнуть на поверхность этой стихии можно только при оглядке на берег, только сохранив веру и смелость.

59. Веру в значимость своего труда и гражданскую смелость при требовании общественных и экономических реформ.

60. (**3-я вводная. «Витя»**). В 4 км от нашей стройки за пустыней - глинистым сором, фонтанирует обычная глубинная скважина, но вместо нефти она извергает горячую радоновую воду.

61. Сюда ездят лечиться и возбуждаться вся округа.

62. Ездили туда и мы один раз вместо банного дня.

63. Даровой, хлещущий по спинам нестерпимо горячий и целебный душ, заодно отстирывает и нашу грязную одежду прямо на теле. Здесь только скважина, наверное, такие же, как мы, нефтяные шабашники вскрыли защитный слой земли, и недра стали расточать, целебное богатство. Люди сами, по личной инициативе, ухватывают себе крохи здоровья. И только тем оправдываются эти безнравственные тряты природы и капитала. А кто-то даже приволок две городские обычные ванны для детей и женщин, и им от нас особая благодарность. И не столько за ванны, но и за пример, который они нам, мужикам, подают. Надо делать так, чтобы лучше было женщинам и детям.

64. А это озерко - сбросы от источника, свалка богатств перед тем, как они уйдут в подпитку глинисто-гибкого сора, в болото, в котором вязнут машины и мы сами.

65. Вообще этот источник отражает и моделирует всю нашу экономику. Растекаются природные богатства нашей земли и исчезают мелкими ручьями в гнилом болоте-сore. Кто не теряется, тот ухватывает от них брызги. И лишь редкие работящие и нравственные люди способны учесть свой и общий интерес и притащить сюда ванны.

66. А вокруг лежит огромная, еще почти нетронутая пустыня - залог и обещание, что есть у нас еще время и резервы для такой безумно расточительной жизни.
67. А рядом, неподалеку стоят юрта и хозяйственныестройки Казах-аула.
68. Когда-то казахи были здесь истинными хозяевами иоружием защищали сохранность здешних земель. Теперь они хозяева лишь по названию, все позволяют и ничего не решают.
69. А было б иначе - разве допустили бы такую расточительность?
- 69а. Подняли бы цену на нефть и воду. Устроили бы платный курорт.
- А если не нашлось бы потребителей, то просто закрыли бы задвижку на скважине, чтобы сохранить свои богатства для будущих детей и внуков.
70. Сейчас казахи, как и мы, рабочие-служащие, - апатичные и даже чуть приниженные внизу, и надменные, как бай, наверху.
71. Даже тракторист Женя, умный, скромный и трудолюбивый, отец двух детей и студент-заочник, на своей земле получает меньше почти наполовину, чем прилетевший из Европы, из Дагестана, Магомет, хотя тот и трудится гораздо меньше.
72. Объяснение есть - разные организации, но когда хозяева получают меньше приезжающих и принижены, то совершенно ясно, что нет у Мангышлака настоящих хозяев, и потому невеселы его перспективы.
- 73 (*«Лиля»*). Я подняла детей, как условились, едва рассвело, и стала видна дорога к источнику, они встали на удивление быстро и молча. Взяли с собой немного еды и воды и отправились в путешествие.

74. Нас было шестеро, шестым был Раф, собачий король. Он бежал впереди, как бы показывая путь.

75. Утреннее нежаркое солнце пустыни не угнетало, а подбадривало. Ведь идти по сору страшно - под твердой коркой таится вязкий солевой раствор, в котором тонут машины, а в иных случаях попадают и животные.

76. Но, ощущив мой страх, Алешик сказал: «Не бойся, мама, ведь я с тобой!» - «Спасибо, сынок, мне и впрямь стало спокойней».

77. Разбегаются на удивление пышные кусты пустынной сирени, присосавшиеся к сливу источника, и мы подходим к горячему фонтану, свободному от посетителей в этот ранний час.

78. Витя сразу лезет под душ, а мы осваиваемся с ваннами не сразу - уж очень горяча вода! - но все же привыкаем, получая удовольствие то от расслабляющего жара струи, то от утренней прохлады.

79. Потом приходится детей прямо-таки вытаскивать. Витя уже убежал на стройку, а мы продолжаем свой мини-поход.

80. Нашим детям представилось познакомиться с верблюдом и баранами,

81. испытать гостеприимство казахов,

82. и наудивляться ковровому убранству юрты.

83. А я радовалась, что они увидели пустыню не унылой и серой,

84. - а вот такой - богатой и интересной. Стремительным бегом Рафа, горьким запахом песчаных трав, горячим душем недр и древней приветливостью пустынных жителей.

85. Пусть западает им в память пустыня-радость, а не пустыня - техническая уродина.

Домой мы возвращались сначала сором, потом морским берегом.

86. Возвращались довольные и немного усталые. Пусть же всегда им будет мир сладок, пусть никогда пустыня не будет войной, тюрьмой, каторгой.

87. (4-я вводная. «*Лиля*»). Как утверждают шевченковские стюардессы, здешние пляжи не уступают черноморским. И мы с ними согласны: море и песок - это замечательно.

Наипростейшее, а на деле - бесконечно живое и изменчивое.

88. Мы уже порастеряли способность к удивлению, совершенно необходимую для восприятия этого внешне невзрачного и однообразного мира. Мы способны теперь отмечать лишь самое эффектное и яркое: краски солнечного заката, громадные волны, больших чаек на взлете,

89. куликов в пене или мелькающих вдалеке тюленей.

90. Но не обычную божью коровку...

91. Нас волнует температура воды для купания и ловля бычков,

92. а ракушки интересны как возможный материал для бус и поделок.

93. И это - тоже хорошо.

94. Но дети способны, наверное, на большее. Иначе, почему они так радостны и возбуждены на этих берегах. Конечно, они не могут связно рассказать нам о своих открытиях, и можно лишь гадать по их блестящим глазкам и песням: «Морье красивое, морье душистое...»

95. Каждая перемена морского ветра-настроения, как смена костюма красавицы, и каждый раз море выбрасывает бутылки, деревяшки и прочие свои сбережения, заставляя куликов и детей

96. суетиться и менять свои планы и занятия,

97. и снова возвращаться к морю.
98. Еще интереснее жизнь песка, песчаных дюн, на которых мы живем. Ведь здесь, в зоне пустынных ветров, песок не знает иной формы существования. Правда, наши барханы сильно сглажены и растоптаны
99. людьми и техникой, потеряли свою благородную форму, но суть песка разве изменишь, разве растопчешь?
100. На очень небольшой глубине залегает пресная вода, способная поить людей, собак - через колодцы,
101. а через длинные корни - кустарник, травы и весь разнообразный и незаметный пустынный мир.
- 102-104.
105. Но не надо жадничать, не будем завидовать детям и свежести их чувств. Есть преимущества и у нашего возраста.
106. Ведь мы уже давно погружены в мир книг и идей. В мир человеческих бед и переживаний, еще не доступный и не понятный нашим детям. Ведь мы, взрослые, и беда наша не в том, что много работаем и читаем, и мало смотрим и играем, а в том, что мало понимаем и плохо устраиваем жизнь вокруг.
107. Из Москвы я взяла одну, но тяжелую книгу, чтобы надолго хватило. Ее автор, историк Лурье, распутывает идеологический клубок времени Ивана III, т.е. при самом зарождении Российской империи.
108. Лурье рассказывает, как гуманные и вроде бы свободомыслящие еретики стали опорой первого самодержца против старых свобод, а потом как защитники старины ради победы над еретиками - «жидовствующими», как их звали, переметнулись на сторону царя, отказавшись тем самым от своих свобод, окончательно упрочив русский деспотизм, и раскрыв тем самым двери для прихода Грозного, Петра, Сталина.

Спустя три века русский деспотизм пришел и на эти берега, а потом перешагнул в глубины Средней Азии.

109. Пришел воинскими командами для покорения азиат и ссылкой-тюрьмой для собственных еретиков. Тоской и мучениями Тараса Шевченко освящены эти берега его памятными стихами.

Лічу в неволі дні і ночі

І лік завуваю

О господи, як то тяжко

Ті? дні минають!

А літа пливуть за ними

Пливуть собі стиха

Забирають за собою

І добро і лихо

110. Грустным оказалось это чтение на шевченковских берегах. Грустным от сознания глубины корней наших сегодняшних и болезней, от ощущения их неизлечимости, от своего позорного бессилия.

111. Грустным от сочувствия мужчинам на стройке. Они, может, и лучше других, но тоже мучаются и не уверены в главном. Грустно от жалости к детям, сейчас таким радостным, не подозревающим, какое тяжелое наследство предстоит им принять от нас.

112. А может, правы те, кто уезжает из страны, ради своих детей? - Конечно, Родина, друзья, привычка к климату и культуре... Но разве этот берег не отличается разительно от Подмосковья, а нам здесь - хорошо... А сколько русских навсегда поселялись в Сибири, в Азии, на Кавказе. В сравнении с ними эмигранты теряют только советскую специфику, угрозу лагерей и бессмыслицу государственной службы, источники всех наших мучений. Но разве их не стоит терять?

114. Но проходила головная тяжесть, окружающий мир  
брал свое, и я возвращалась к солнечному дню,  
прохладной воде, горячему «афганцу», детскому  
щебетанию и Витиному безудержному оптимизму.

115. («Витя»). Брось, Ли! Неужели тебе здесь не нравится?  
Где еще такое получишь - море и дети, работа без  
начальства и мысли без контроля. И вообще, нам 40 лет,  
есть дом и дети, жизнь осмыслена и трудна, есть  
опасности, пусть... Но сейчас-то мы счастливы! И нигде  
больше так счастливы не будем. Нигде, только здесь, на  
этих вот советских берегах, среди конвойных зон и  
неразрешимых проблем. А лиши нас этого - исчезнет  
значимость жизни, погаснет острота чувств.

116-117. Ребята! Пусть трудно и непонятно, пусть впереди  
нам угрожают лагеря, давайте будем счастливы - в  
свободной работе и гражданской смелости, в любви и  
детях! И благословим судьбу нашу!

## П. 0.1.2. «Наши пансионаты»<sup>52</sup>



*Наши пансионаты- 1980год*

---

<sup>52</sup> Смотрите и слушайте диафильм «Наши пансионаты» (Бутырка-1 и Бутырка-следствие), 1981 на youtube: <http://www.youtube.com/watch?v=swYAYmM9Cqw&feature=youtu.be> ; <http://www.youtube.com/watch?v=sFVJopLB8I8&feature=youtu.be> . или на нашем сайте <http://www.sokirko.info/Part1/butyrka-1/index.html>. <http://www.sokirko.info/Part1/butyrka-2/index.html> Текст написан В.Сокирко, музыку подбирали вдвоём, а читали поочерёдно (см. обозначения: «Витя», «Лиля» и «Катя» (жена В.Абрамкина).

*Клязьминское водохранилище*

Ч/Х изменили меру  
пресечения  
и выпустили из  
тюрьмы  
до суда

*Сентябрь 1980*

**«Лиля».** Пожалуй, это было нашим самым коротким путешествием. Комитетская «Волга» за полтора часа отвезла нас от дома в этот пригородный пансионат, выгрузила нас, детей, рюкзак, сумки, ракетки, оформила 4 путёвки



и убралась, пообещав иногда наведываться.





Если идти от Москвы на север, то в пойме реки Клязьмы увидишь как бы морской залив. Это и будет Клязьминское водохранилище. А на его другом берегу в лесу стоят пансионатные корпуса – Молодёжный, Солнечный, Живописный, Зелёный, Дом культуры, столовые, почта, прокаты... В общем, хороший советский курорт на подмосковном море.

Нас поместили в Солнечном корпусе. Вон видна наша лоджия. Слева от входа – густой лес, справа – шахматный клуб, а за ним и дорогой – море. За 12 дней содержания в этом благословенном месте Комитет госбезопасности выложил чистоганом 200 рублей, и это обстоятельство доставляло нам большое удовольствие. Как и все прочие пансионные обитатели, мы именовались туристами. Забавно. Впервые вели не бродячую, а оседлую жизнь на курорте и впервые в жизни получили официальную справку, что являемся туристами.



Множество коллег-туристов  
тихо отдыхало на лавочках, как  
в деревне перед домом,  
завязывая знакомства,  
присматривая за детьми. Ни с  
кем из них мы не сблизились,  
не хотели, спешили друг с  
другом наговориться, в  
тюремных бумагах и себе  
разобраться.



Вечером, когда потухал день,  
вокруг клумбы разгоралось  
веселье образца 50-х годов:  
баян, частушки, старые  
советские песни вроде  
«Катюши», «Звёзд балканских».



Эти песни несли дыхание ещё  
далеко не умершей сталинской  
эпохи. Она ведь не только в  
лагерях и культе личности  
была, но и в таком вот ясном и  
безмятежном существовании.



А утром клумба снова  
светилась яркими,  
удерживающими лето цветами,  
холодной росою сентябрьских  
ясных утр.





Наш номер был обставлен полированными кроватями, шкафами, тумбочками. Красиво. Удобно. Понятно, что мы начали житьё с поисков подслушивающей аппаратуры. Но потом смогли успокоиться и даже себя высмеять. Смогли жить здесь как дома.



Из окна и с лоджии было видно море, и яхты на нём, и церковь на том берегу, и лес справа - свободный, радужный и радушный мир,



которому так радовались дети.



Они живо нашли себе друзей. Это – Катя. От детского звона и игр приходилось скрываться

в тихие холлы с мягкими креслами, столиками для карточной игры и телевизором. Благо, карты и фильмы собирали народ в основном по вечерам.



Наверное, дети более естественно восприняли пансионную жизнь, чем мы.



Голубые кремлёвские ели перед нашим корпусом их не смущали, не вызывали ни страха, ни восторга  
«Подумаешь, ёлки!» Дети ведь не знали, что такое Кремль и Лубянка... Нет, это будет совсем иное и, надеемся, более свободное поколение!



В столовую мы ходили строго по часам и по талонам, без жданки и очередей.





А кормят здесь обильно и очень вкусно. Да, Витин куратор выбрал хорошую фирму, чтобы подкормить подсудимого после его голодовок.



Ублажённый желудок легко воспринимал слова из маминого письма: «Вот вы за пустой своей жизнью только один раз и поехали на курорт, а люди получают путёвки каждый год, платят только 30%, остальное бесплатно. И всегда всем довольны, не так как вы. Бросьте своих подлых друзей и будьте как все советские люди».



Нет, мы ни на минуту не подумали следовать маминому совету. А этот пансионат приняли только как частичную компенсацию за пережитое и отсиженное.

Дом культуры обычно заполнялся к вечеру: танцы, кино, игровые автоматы. Только читальный зал всегда был закрыт. В этот дом часто бегали наши дети, да и мы посмотрели пару фильмов, а однажды, в перерыве между телефонными звонками в Москву, даже танцевали.

.Впервые за 10 лет, если не больше. И были счастливы от своей ещё молодости и удачливости. Ведь по советским порядкам и маминым представлениям полагалось бы Вите сидеть в тюрьме, а мне унывать и плакать, а мы вот здесь танцуем. Тем более что умения в современных танцах не надо – только отбросить стеснение и слушать ритм.



И уговариваясь в этот вечер по телефону с друзьями об их приходе на суд, мы ощущали, как радость обессиливала наш страх перед судом.



Когда Витин куратор из Комитета настоятельно рекомендовал уехать из Москвы, он ссылался на полезность отдыха, хотя и не скрывал главной цели – изоляции от друзей до суда. Вите и вправду нужно было побывать без людей (чужие – не в счёт), очнуться от тюрьмы нравственно, окрепнуть физически. Так всё и получилось. Витя окреп, и суд провёл правильно, как хотел. И потому в сентябре мы говорили Комитету спасибо!

*«Витя». Аресты* Совсем по-иному мы были настроены к Комитету в конце января, после ареста. И я, и Лиля были в чёрных клубах ненависти и горечи. Тюрьма, как прямая дорога к молчанию, к смерти, вдруг открылась омерзительной реальностью. Но как произошёл этот срыв? А вот как.

Острое чувство близящейся катастрофы страны, привело нас к требованию реформ, к самиздату, к участию в журнале «Поиски». Общая тревога заставляла нас пренебрегать угрозами и почти кидаться на опасность, лишь бы быть услышанными, лишь бы добиться хотя бы диалога, обсуждения, а потом и самих реформ. Но добились мы только обысков. Арестов и судов по 190 статье, якобы за клевету на советский строй. И этим, к сожалению, только подтвердили мнение пессимистов: в этой стране нет и невозможно быть оппозиции. Только ярость восточного солнца в человеческой пустыне.

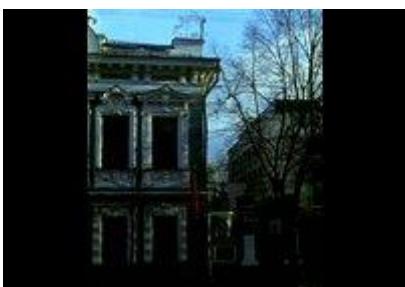




Но добились мы только обысков. Арестов и судов по 190 статье, якобы за клевету на советский строй. И этим, к сожалению, только подтвердили мнение пессимистов: в этой стране нет и невозможно быть оппозиции. Только ярость восточного солнца в человеческой пустыне.



Это приёмная Мосгорпрокуратуры на Новокузнецкой улице. Чёрная «Волга» привезла меня сюда на первый допрос уже 25 января 79 года. А потом старший следователь Бурцев вызывал меня и моих знакомых сюда ещё много раз.



Сейчас старинный красивый особняк дополнен современным корпусом, чтобы удобнее было работать «самым лучшим в мире следователям и зорким защитникам Родины» - это я цитирую ещё одно мамино письмо. Но всё же тесно Бурцеву в своём кабинете, заваленном изъятыми у нас машинками, материалами. Пройти трудно. Наши труды, доказательства, требования, жалобы, крики, свалены в кучу и обречены отныне лишь на извлечение из них судебных

«улик».

Да, пессимисты были правы. Прокуратура и не собиралась глубоко разбираться в наших материалах, отделять критику от клеветы. Она действовала как автомат, запрограммированный сверху на оформление заранее решённого деда, выясняла лишь конкретные детали: кто, когда и как сочинял, печатал, сверял, брошировал, распространял, читал, обсуждал и т.д. А на наши законные требования: «Но где же здесь клевета?» она отмахивалась: «Это Вам суд докажет»

Что тут можно было сделать? Идти в тюрьму, чтобы на суде свидетельствовать и том же? Но ведь и на суде никто не услышит. А из лагеря уже совсем невозможно вести спор о будущем, оттуда впору лишь кричать о ненависти.



Я понимаю, что тюрьма - это поражение и диалога и реформ и потому считаю, что редакция «Поисков» правильно приняла решение выйти из противостояния и объявить о приостановке журнала до более разумных времён и возможностей.



Но не успели мы обнародовать это трудное решение, 4 декабря был арестован Валерий Абрамкин. Осуществлять без него такое решение было очень трудно, горько, хотелось драться за Валеру. Но победил всё же разум. Журнал был остановлен, и может, это позволило некоторым из нас остаться на свободе. Однако тогда машина следствия была закручена столь круто, что в январе 80-го были арестованы ещё двое: Юра Гримм и я. Чёрная «Волга» меня выхватила с работы, привезла домой, всё обыскала и увезла. Сначала в КПЗ, а ночью, воронком,

в Бутырскую тюрьму - следственный изолятор №2, вот к этим воротам. Ведь потом меня ещё раз увозила отсюда и привозила такая «Волга». Господи, а кого же сейчас ждут эти чёрные «щуки»?..



### 3. Бутырский замок



«Лиля». Найдётся ли москвич, не знающий Новослободской улицы? Выходишь из метро прямо на неё, а через пять минут хода она приводит к старинному Бутырскому замку, в котором когда-то ещё от Екатерины Великой размещались казармы, а потом тюрьма.

С улицы тюрьмы не видно. 8-этажный огромный дом своим внутренним параметром обогнул по Лесной следовательский корпус, а по Новослободской – корпус общих камер. А вон то строящееся здание с башенным краном Витя видел через решётку и жалюзи многие месяцы. Сразу за краном начинается Горловский переулок, отделяющий северным проливом многотысячный Бутырский остров от многомиллионной Москвы. Спешат машины и



Интересное – Рядом.



люди. Витя, часто просыпаясь до побудки, слышал сипение троллейбусов и перекличку тепловозов на Савёловском вокзале. И сколь далёкой была для него тогда эта жизнь...



В эту арку ежедневно входят сотни людей, больше всего женщин. За ней бутырская башня – первый бастион Архипелага. В башне всегда полно народа, кто ждёт свидания, кто сдаёт вещевые и продуктовые передачи. Продуктов принимают не больше 5 кг, примерно на 10 рублей в месяц. Если же учесть право подследственного покупать в тюремном ларьке продукты ещё на 10 рублей, то получается существенное подспорье к тем 10, которые тратит сам Бутырский изолятор на одного заключённого. Значит, на 2/3 питание подследственного в руках его семьи.

Мне пришлось выстоять здешние очереди только три раза из-за Витиного отказа от передач. Он берёг наши деньги и, кроме того, не хотел уступать блатным. На свидание мне тоже не пришлось идти и, слава Богу! Зато мы вдвоём



пришли сюда с фотоаппаратом  
уже после суда и встретили  
неожиданно Соню Гримм,  
ждущую свидания с уже  
осуждённым Юрай. Соня-то  
нам и подсказала, что  
бутырские корпуса можно  
увидеть с окружающих жилых  
домов.

И вот мы смотрим, а аппарат  
фиксирует. За жёлтым  
следственным корпусом –  
крыши тюремных камер, а на  
них колпаки вентиляционных  
труб и будки надзирателей.

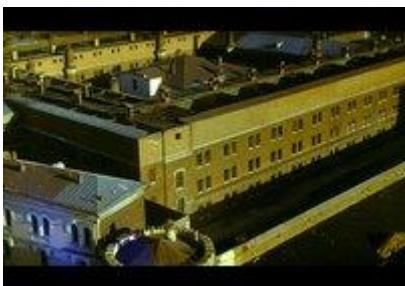


А потом мы последовали  
Сониному совету попытаться  
проникнуть в это 16-этажное  
здание – общежитие МВД.  
Наверное, здесь-то и живут  
бутырские охранники. Ведь  
они, по большей части,  
лимитчики. Это нам удалось.  
На входе сидел молодой и ещё  
добрый парень.



**«Витя».** С 16-го этажа мы увидели Бутырский остров со всеми подробностями. Жаль, не влез в объектив весь! Мощный четырехугольник корпусов общаковских камер, по 20-40 человек каждая, замыкается с юга следственным корпусом, а с ближайшего к нам севера - самым старым замком, ставшим спецкорпусом.

Сейчас эта тюрьма, где надоедливо и громко звучит музыка радио, считается одной из самых лучших. Сюда водят иностранцев. Витя сам видел, как вел их начальник тюрьмы полковник Подрез... А когда-то в башне сидел Емельян Пугачев, в конце прошлого века замок описал Толстой в "Воскресении", в 20-ом веке сидели Дзержинский, Солженицын и др.



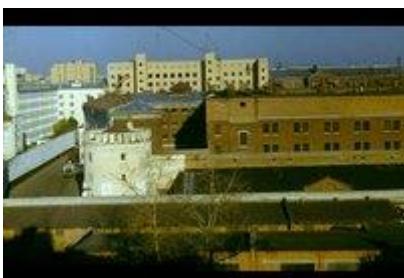
В центре острова в окружении тюремных лип и тополей - белый куб тюремной больницы - предмет вожделения многих зэка



Сам замок имеет форму тупой стрелы, нацеленной на север, на клязьминский наш пансионат. Через два верхних ряда его окон освещаются три этажа - галереи спецкамер. Короткий переход к 4-хугольнику, как ствол стрелы, тоже содержит камеры на обе стороны и окна их частично видны.



Бутырки окружены квадратом бетонных стен. Внутри них охране запрещено иметь оружие – вдруг зэки отнимут. Только сила ключей, угроза карцера, а в случае нужды руки «весёлых ребят» позволяют держать в клетках тысячи подневольных и часто до безумия отчаянных людей.





И в ту первую ночь воронок с нами, собранными со всех КПЗ Москвы, проделал этот путь. Двери стрелы распахнулись, и она заглотнула - нас втолкнули на первый этаж, на «сборку», где расположены службы по оформлению вновь прибывших – боксы, шмональные комнаты, медкабинеты, снятия отпечатков пальцев, запись личных вещей и т.п.

Потом была бессонная ночь в общей камере, под утро баня под следственным корпусом, узнанная мною по великолепному описанию Солженицына. После прожарка вещей. Получив тюфяки, тюремное бельё с клеймом БТ, кружку и спецложку, мы пошагали на развод по камерам,



распределённые заранее по статьям и особым соображениям оперов. Так, чтобы к подъёму уже под включённое радио оказаться каждому в своей каменной ячейке, напрочь, нагло оторванными от семьи, работы, мира, жизни.

Перед тяжеленными замковыми дверьми воздвигнута воздушная на вид, но очень крепкая стальная клетка. Очень современно и удобно. К красному входному квадрату припарковывают воронки, чтобы освободиться от живого груза или набить им своё брюхо на суд или на этап. Когда-то, по свидетельству Толстого в «Воскресении», этап из Бутырского замка был целым событием в московской жизни.

Теперь же это рядовая и чуть ли не ежедневная автотранспортная операция. Вот и сейчас видно, как из тюрьмы вышли трое: серый заключённый из obsługi в сопровождении ментов.





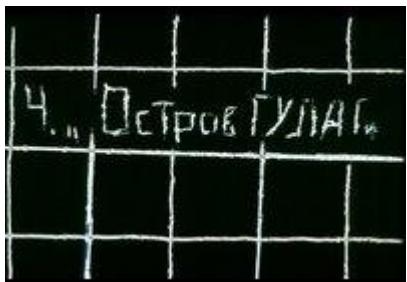
вот они растянулись и стали различимы, кто есть кто.  
Лихорадочно щёлкая фотоспуском, я жалел лишь об одном, что нет с собой сильного телевика, чтобы можно было различить и сытые, благодушные физиономии надзирателей, и серую, грязно стираную одежду на щуплой фигуре остриженного зэка, отбывающего здесь свой лагерный срок.



Пока я говорил, трое обитателей Архипелага успели вернуть к соседнему подъезду и подняться на его крыльце, чтобы снова скрыться в каменном тюремном чреве.



И снова пустынно и тихо. И снова никто ничего не увидит из жизни этих тысяч. Даже с этой башни. Безмолвствует снаружи каменный муравейник, гремит внутри невыключенными динамиками и человеческими страстями. Мой главный многомесячный пансионат...



«Витя». .Остров  
ГУЛАГа Трудно вспоминать о  
том, как там было, а надо.

Большие красные буквы на  
стенах должны угрожать:  
«Запретная зона! Подходить  
ближе одного метра  
запрещено!» Но изнутри эта  
надпись казалась мне знаком  
воли, её близости и, вместе с  
тем, недоступности для всех, в  
особенности для нас,  
требовавших свободы на воле.  
Вот ведь как глупо получилось:  
хотел свободы для всех,



а потерял свою волю... А ведь,  
сколько лет писала нам мама:  
не нужны никому ваши  
свободы, надо жить как все  
советские люди.





А вот годы собственных размышлений твердят иное: нет, нельзя стране жить без свободы труда, свободы совести, свободы слова. И надо жить так, чтобы запретов и тюрем становилось меньше. Но что же я сам наделал,



попав в кольцо этих стен, увеличив собой население Архипелага и тем только подтвердив нужность и силу ментов-охранников? Легко сказать: это они во всём виноваты. Разве я не знал, что они пока способны лишь к арестам? Почему же не учёл? Почему не хватило осторожности и мудрости? Да я не хотел попадать в тюрьму.

Долгие годы в своём самиздате настаивал на осторожности и лояльности к власти, уговаривал всех, что преследования инакомыслящих вредно, только разжигают озлобление, губительное для страны, её мирной эволюции, что они так же губительны, как топтание на месте, как и тупое упорство в сохранении отжившего, и ведут к росту общественного хаоса и будущему краху.



И вот я сам оступился и попал сюда, на восточное крыло “спеца”: в январе – в палату 252 в ближайшем к нам конце корпуса, а в марте был переведён в 322, окно которой отсюда видно – четвёртое слева в верхнем ряду. Прошёл месяц после суда, и я снимаю свою бывшую камеру со странным чувством беглеца – ведь меня сейчас могут увидеть мои сокамерники или, как выразился Валера, собутырники... Но так и не стали для меня близкими людьми эти уголовники.

Четвёртое окно, где был почти дом родной, забрано не только стальной решёткой, но и современными жалюзи. Эти жалюзи, как железная маска на лице, душат бездельем, томят желанием всё разнести и разрушить.

Вспоминал я там пророчества утопистов: при коммунизме будет всё очень хорошо, самым сильным наказанием будет лишение человека работы. В год обещанного Хрущёвым коммунизма я испытал это страшное наказание и теперь признаю: может, прав тот утопист, но не хочется мне его



коммунизма.



Каждый день меня выводили на прогулку, если, конечно, находился напарник... Хорошо видны чёрные сетки над прогулочными двориками, в которых на площади в 10 или чуть больше метров топчутся 5 человек – по 6 шагов в сторону. Край двориков закрыт навесом от дождя, под ним – по доске-лавочке. Телевизор на вышке для наблюдения над прогулочными ямами давно сняли на бессрочный ремонт. Зато хорошо видны два надзирателя.



К сожалению, не получился ближний план надзирателей, не хватило света, и потому с трудом можно различить их фигуры в фуражках. Но ведь именно так, чёрными людьми, их привыкли представлять заключённые и родные.



Как в том анекдоте, когда бывший зэк спрашивает милиционера на улице: «Сколько времени?» и каждый раз удивляется: «А я думал, что уже вечер...» Потом признаётся: «Как Вас увижу,

в глазах темно становится». Это очень понятная реакция.

Сколько надо приложить сил,  
чтобы заставить себя  
относиться к ним, как к  
обычным и нужным людям. И  
чтобы они стали такими  
бессспорно.

Такой вот цементной  
неприятной «щубой»  
облеплены все стены двориков  
так, что о них легко ободраться.  
Но зато интересно  
приглядываться к  
разнообразию её камешков.

Или к задержавшейся на ней  
былинке, тополиному пуху или  
даже кусочку мха - возникшой  
здесь трогательной жизни в  
этом неестественном мире.  
Тоска по зелени была у меня  
большой, и потому так  
радуешься такой вот весточке.





Нет, совсем не просто  
биологическому телу быть и  
биться в чисто каменном мире,  
без срока и передыху.  
Особенно в карцере, когда в  
трёх метрах под землёй, в  
конуре площадью 4 метра или 8  
кубиков, облеплённой вот  
такой же «шубой», нависающей  
на половине камеры так, что  
головой счёсываешь цемент,  
где темно, а бетонные бугры в  
тусклом электрическом свете  
оборачиваются страшными  
рожами и ухмылками...



Здесь, во двориках, легче. Над  
тобой не цемент, а небо, хоть и  
в клетку и окаймлённое  
проводочной паутиной, в  
которой запутаться легче  
лёгкого, но настоящее небо,  
бесконечное, бездонное, с  
настоящими облаками,  
солнечными бликами, дождями,  
снегами, ненастьями. От  
карцера до прогулки под небом  
– таковы бутырские контрасты.  
Даже здесь, в царстве равенства  
и однообразия есть чему  
радоваться и куда падать.

## 5. Возвращение

«Лиля». Витя вернулся худой и серый. Даже через полтора месяца в нём ещё виден бутырский заключённый. Основные силы его ушли на борьбу за выход из тюрьмы, так рвётся на поверхность от удушья тонущий человек. Я знаю, это было трудно, потому что обстановка толкала его или к ненависти и отказу от выхода, или к раскаянию и духовному подчинению. Очень трудно было найти достойный средний путь и сохранить себя полностью. В заявлении для печати он допустил ложь и самоосуждение.

*Заявление в суд и для печати*  
Как мне стало известно, в некоторых зарубежных западных средствах массовой информации появились сообщения обо мне как о «жертве советского режима». В связи с этим я должен сообщить следующее:  
Многие годы по глубокой заблуждённости я занимался деятельностью, порочащей советский общественный и государственный строй. К сожалению, мои отдельные статьи использовались



западными противниками в ущерб нашей стране.  
Осознав антиобщественный характер моей деятельности, я осуждаю её и готов искупить свою вину перед народом честным трудом на благо нашей Родины.

В связи с этим я категорически запрещаю использовать мои работы и имя во враждебных моей стране целях или для ведения против неё психологической войны.

Данное заявление с моего согласия может быть опубликовано в советской печати, АПН и на телевидении.

29.09.80/ Сокирко

Вот этот текст. Он подписан после трёх месяцев не споров, а выдавливания, после двух недель голодовки за изменение меры пресечения до суда. Это цена условности приговора. Конечно, антиобщественной деятельности, порочащей советскую власть, Витя за собой никогда не чувствовал. Но нет в этом тексте признания юридической вины, что и позволило на суде защищать свои убеждения и «Поиски». А ещё важнее – нет показаний на других.

7 месяцев Витя был накрыт тюремной волной, 7 месяцев барахтался в тюремном удушье. И всё же вынырнул.



4 сентября тюремные ворота раскрылись перед ним и комитетская «Волга» отвезла его домой. Радостным и горьким было это возвращение. Конечно, радостным для меня, детей и всех, кто любит его,



но горьким и тревожным для самого Вити. Ведь он знал, что за выход придётся платить осуждением многих, прежде близких людей. Его первый вопрос при встрече ещё даже до прикосновения был: «Ты знаешь, что я подписал?»



А потом многие дни безуспешных поисков слов объяснения с друзьями. Нет, не дни, уже месяцы, а впереди, может, годы недоумений и так удручающих меня прощений. И казался тогда Витя не победительным весёлым, а растерянным и даже жалким. И казалось, что друзей опасается



он больше, чем возвращения в тюрьму.



И только постепенно вновь приобрёл былую уверенность в себе и окончательно вернулся к нам вот здесь, на Клязьме. Вернулся сын к отцу, муж к жене, отец к детям.



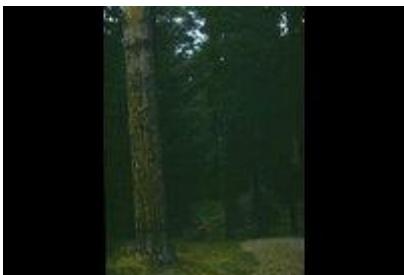
*Аня, Алёша: «Папа вернулся!»*

## *6. Воспоминания о Каспии*

«Витя» Каждое утро до завтрака в пансионате мы убегали на зарядку в лес.

Делали там круг в два-три километра и выбегали

к пляжу, чтобы, поёживаясь от сентябрьской утренней свежести,





влезть в парящую чистую воду и быстрыми движениями заставить тело принять этот прозрачный холод и снова выдохнуть восторженное: «Ух ты! Снова плаваю! Снова море и свобода!!!»

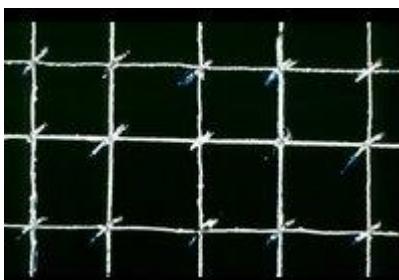


Прогулки с детьми по берегу Клязьминского моря были у нас каждый день. Любимое развлечение – смотреть на яхты, корабли, ракеты и самим плескаться и радоваться детскими крикам, вспоминать себя и привыкать к сверкающей свободе.



За год до этого мы тоже были на море, жили на Каспии в редкой гармонии с пустыней и морем, детьми и шабашной работой. И не мешал этому даже страх уже открытого прокуратурой уголовного дела, даже положение у «бездны на краю». Личное отчаяние как-то увязывалось с конечным оптимизмом и горькой уверенностью, что лучшей жизни для нас уже не будет.

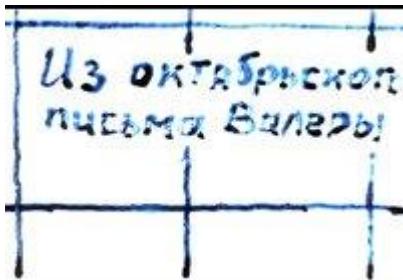
И потому кричать хотелось:  
«Ребята! Пусть трудно и  
непонятно, пусть впереди нам  
угрожает лагерь, давайте не  
бояться быть счастливыми – в  
свободной работе и  
гражданской смелости, в любви  
и детях. И благословим судьбу  
нашу!» Прошёл год после этих  
слов, большая его часть в  
тюрьме, в несчастии отрыва от  
семьи и работы.



Чёрное отчаяние охватывало порой от непонимания ситуации, от беспрерывных следовательских обманов и собственных колебаний: где и в чём граница допустимых с ними соглашений. А иногда хотелось бросить к чёрту эту первотрёпку надежд и договоров и плыть, как все. И когда в последний день, уже подписав тот текст, я заподозрил, что не буду выпущен, то взорвался: «Рву соглашение!», а про себя твердил лишь: «Слава Богу, что не допустил падения!» Да так и было: за часы до выхода я радовался, что не выйду. Но меня выпустили.



Вот оно – осуществлённое, невозможное счастье возврата к нормальной жизни, к Каспио-гармонии... Подумать только, там сейчас ещё сидят мои товарищи: Валера и Юра, Саша и Леонард. Я же на солнце и воле, рядом с детьми и Лилей. Любуюсь и снимаю их в упор. Ну, разве не предатель я? – О Господи! И только через месяц меня одобрят и восстановят слова Валеры, переданные друзьям из Бутырок:



“... Виктор, я очень рад за тебя и за Лилю. Прошу,



очень прошу тебя не терзать свою совесть из-за ложного понимания чувства солидарности. Поверь, мне было бы вдвойне тяжелее, если бы найденный нами совместно выход из той июньской ситуации был бы не реализован».

*«Лиля».* Путь Валерия Абрамкина Вот как бывает! Человек, находящийся в тюрьме, оказывает огромную живительную помощь человеку на свободе... Наверное, немногие способны на такое. Валера из них, сочетающий в себе личное мужество и жертвенность с терпимостью и разумом, с пониманием необходимой дополнительности наших путей. Как воспринял Валера Бутырки? Об этом он написал в чудом дошедших до Кати письмах. Она сама их прочтёт.

*«Катя».* «В 30-х годах мой дед работал на строительстве Бутырской тюрьмы каменщиком. Может, вот эти стены выкладывал, за которыми мне теперь сидеть. Он согнан был с земли коллективизацией... Начальство развернувшейся стройки первой пятилетки вполне удовлетворилось справкой, выменянной за полпуда ржи и литр самогона у писаря сельсовета, да привычными к тяжёлой работе руками земледельца... Вот так и продержался он здесь на твёрдой зарплате и НКВД-шной пайке около полугода,



помогая оставшимся в  
деревне...



И дёрнулся с «хорошего места»  
лишь тогда, когда в Москве  
стали вводить прописку  
паспортов, что грозило  
обернуться для него арестом в  
возводимых им же стенах... Не  
в укор деду вспомнил я о его  
кирпичах в этой стене. Нет в  
том его вины – ни малой, ни  
большой. Просто подумаешь:  
не приведи, Господи, детям  
нашим строить тюрьмы, в  
которых сидеть их внукам...

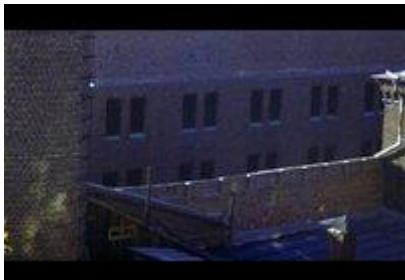


Да, сейчас легко иронизировать  
над первыми тюремными  
впечатлениями, над  
незрячеством и наивностью, над  
строками, написанными в  
декабре:  
И здесь трудны минуты  
тишины,  
Не отступает в зыбкости тумана  
Нездешний мир, непрошеный,  
незванный,  
Сползает с плеч мерцающей  
стены...

Тогда и в самом деле трудны были минуты тишины. Я спасался в потоке разговоров, судеб, откровений, споров, ... набирался опыта, впечатлений, информации. Велик мой долг перед братьями – сокамерниками. Так велик, что не знаю, когда смогу вернуть...

Потом месяцы непрерывного пребывания на людях, в шуме, суете, громыхалке-радио, дыма, как в многолюдной курилке (всё прокурено до кирпичного скелета) – уже ложились тяжёлым грузом, давили на психику и вызвали состояние интеллектуальной и духовной вялости.

Продолжалась моя война с администрацией Бутырского следственного изолятора. После моих требований библиотека вынуждена была купить и выдавать УПК. Прокурор по надзору подтвердил право на ношение бороды, на медицинское обслуживание. А в июне, когда наступила жуткая жара, в камерах было не продохнуть от перенаселённости и духоты, мы потребовали выставить рамы. Дело кончилось коллективной голодовкой нескольких камер и



репрессиями...



Эти строчки пишутся в одиночке 6-го корпуса, где содержат особо опасных рецидивистов и смертников. Виктор Сокирко получил 10 суток карцера. Наверное, здесь же сидит Сергей Кулагин, избитый вертухаями. Мы трое и числимся у администрации зачинщиками голодовки...



Но тишина одиночки мне нравится. Мысль работает яснее, и я даже стал самоуверенно думать, что все, относящиеся до меня события, формировать с некоторых пор я стал сам, пусть вслепую, на ощупь, зажатый в тюремном поле, но сам...

Тишина, благословенна  
тишина...

Сон предутренний, бессчётные  
часы,

Рассыпаются простые имена  
И ночная мгла на капельках  
росы

Только помни здесь, в  
безвременьи, один,  
Пробивая путь в преданиях и  
снах,

Что оплачено безмолвием  
пустынь

Слово Божье на кресте и на  
кострах



Одиночество... Колючая стена  
Кто ни бросит подаянье –  
подниму  
Тишина, благословенна  
тишина...  
Ты прости меня за эту тишину.



В июне Витя сидел очень  
близко от Валеры и часто  
переговаривался через  
оконную решётку, как говорят  
здесь – «вылезая на решку».  
Рассказывал о допросах,  
угрозах, перспективах и о  
своём решении добиваться  
выхода на «химию», т.е.  
условного осуждения. Валера  
ответил, что понимает его и  
одобряет. «Но ведь у каждого  
свой путь», - добавил он мягко.  
В письмах на волю он писал:





Я к его позиции отношусь с пониманием и уважением, но для себя пока не принимаю. Хотелось бы, чтобы и на воле по этому поводу не было кривотолков. В необходимых случаях я буду выступать в защиту Виктора.»



«Витя» Мой путь привёл на Клязьму... Я говорю себе, что в главном выполнил обещание Валере... А выполнил ли? Разве мы говорили о возможности публичного самоосуждения? И прав ли я вообще? Как противостоять кондовой логике: если прав Абрамкин, не разговаривая с «ними», то значит, Сокирко - предатель, а стремление к компромиссу, к жизни – безнравственно. А если прав я, уйдя из тюрьмы и не потеряв себя и совесть, то, значит, жертва Абрамкина не нужна. Напрасна?



Но нельзя, нельзя соглашаться с этой логикой раскола общества на рабов и бунтарей. Валера Абрамкин сейчас в лагере под Барнаулом и пишет друзьям хорошие письма. В их глазах, глазах чуткого к нам мира он – символ мужества и непреклонности в отстаивании гражданских прав.

Моё же оправдание будет в ином: в работе, в том, что удастся сделать за эти годы. Так я считаю сам, так думает и Валера. И этот диафильм я делал не столько в оправдание, сколько в исполнение.





*«Лиля».* Машина показаний Южная оконечность Бутырского острова выкрашена в государственный жёлтый цвет и отдана под кабинеты оперов и следователей. Здесь из подследственных выдавливается информация для осуждения самих зэка и их друзей.

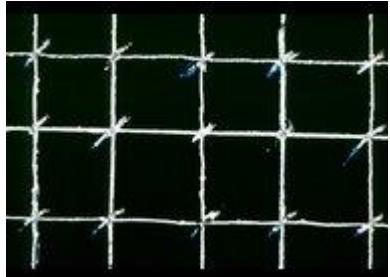
Если смотреть на бутырский санаторий с севера, то за зелёным Домом культуры МВД видим гостиничные окна

спецкорпуса. Но тысячи людей сидят в нём не весёлыми гостями,



а мрачными и подавленными от будущего суда и длинных сроков, от поломанной навсегда жизни, от рассказов бывалых лагерников и, зачастую, по совместительству стукачей. И чем больше времени они сидят,

тем больше выдают нужных следователю показаний. Просто от сидения. Как пускает сок раздавленная и переспевшая ягода, превращаясь потом в лагерное вино и уксус. Бывают, конечно, исключения, но они лишь подтверждают правило, и потому следователи держат своих подследственных здесь до последней возможности.





И течёт этот сок по бутырским общаковским коридорам, оседает в следовательских кабинетах. Улавливается в доносах и протоколах. Выходной цех бутырской давильной фабрики как раз и расположен у фабричных, тьфу, тюремных ворот. Вся беда в том, что для заключённого следователь оказывается единственным человеком из прежней, свободной жизни, только через него возможна связь с родными – и в этом, его сильное оружие.

«*Витя*» Чрез 4 месяца сидения здесь и я стал давать показания о себе. С облегчением сказал: «Да, у меня буржуазно-коммунистические взгляды, я писал книгу и статьи под псевдонимом К.Буржуадемов». С радостью освобождения брал на себя ответственность и за материалы «Поисков», и за сборники «В защиту экономических свобод».

Ещё до ареста я говорил друзьям, что в тюрьме не буду отказываться от ответственности за всё написанное мною. Не сделано это было сразу лишь потому, что добивался, чтобы следователь занялся сутью дела – доказательством содержания клеветы в наших работах, как полагается по закону. Формально я добился этого – «Поиски» были отправлены в академические институты общественных наук на отзывы.



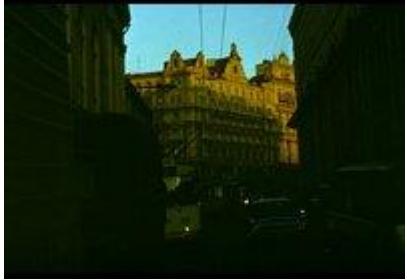
Здесь же следователь передавал мне письма от Лили и скучную информацию о друзьях. В якобы доверительных беседах каждый искал своих выгод: следователь «раскалывал меня на сотрудничество», я же ловил обрывки сведений. Так я узнал, что на волне друзья заступаются и просят за меня, помогают семье. Сквозь зубы было сказано об упоминании моего имени в интервью Сахарова \*



Даже показали эмигрантскую газету «Русская мысль» со статьёй обо мне. К сожалению, статья была резкой, нескрываемо враждебной к нашим властям. И хоть это тоже защита. Но лучше без такой защиты, которая только укрепляет антагонизм, убеждают власти, что ты и вправду антисоветчик, её кровный враг.



9.Комитет

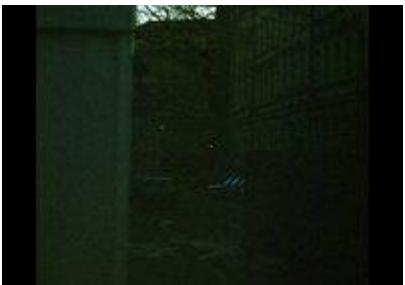


**«Витя».** Всемирно известный и якобы всемогущий и таинственный КГБ... Поднимаясь по Пушечной улице, видишь, как вырастает его главное здание,

чтобы заполнить весь горизонт, если выйти на площадь Дзержинского. Но это только видимый миру образ на том самом месте, где поселил страшную ЧК Ленин, где при Сталине взамен бывшей Лубянской гостиницы воздвигли этот мрачноватый замок – пожалуй, самый полный символ обожествления реальной власти, эпохи, их которой мы далеко ещё не выбрались. Невидимый же миру КГБ разбросан по стране областными управлениями, райотделами, первыми отделами и дальше по всем общественным ячейкам.



За главным зданием на тихой улице Малая Лубянка, по обе стороны расположены кабинеты, а тротуары заняты чёрными и серыми «Волгами». Здесь работает немало моих знакомых. Капитан Трофимов допрашивал ещё в 73-ем году, а теперь вот стал начальником следственного отдела.



Отсюда приезжали ко мне с обыском по делу Тани Великановой. Недавно пришлось «беседовать» с капитаном Катаевым. И, наверное, отсюда приезжали в Бутырку самоуверенные молодые люди, курирующие наши, якобы уголовные дела с их политической стороны, убеждённые в собственной полезности, а значит, правоте.

И я частично признал, вернее, повторил то, что говорил ещё до ареста: в принципе не отрицаю нужности защиты государственной безопасности, даже её контроля за связями оппозиции с зарубежьем. Этот шаг с моей стороны к взаимопониманию с Советской властью в лице её могущественного Комитета был сделан открыто и публично в заявлении для печати. Со своей стороны я добивался признания властью своего статуса инакомыслящего и лояльного оппозиционера. Ведь на словах комитетчики не отвергали ни моего права на буржуазно-коммунистические убеждения, ни права на конструктивную критику. Но это были лишь их



собственные слова, потому что высшее начальство, видимо, ни с какой открытой оппозицией согласиться не желает. И потому реально комитетчики вымогали от меня показания, признания себя преступником.

И я частично признал, вернее, повторил то, что говорил ещё до ареста: в принципе не отрицаю нужности защиты государственной безопасности, даже её контроля за связями оппозиции с зарубежьем. Этот шаг с моей стороны к взаимопониманию с Советской властью в лице её могущественного Комитета был сделан открыто и публично в заявлении для печати.

В солнечный июньский день меня, ошарашенного, помнящего лишь зимнюю Москву, вдруг вытащили из карцера и зелёными предолимпийскими улицами повезли в какую-то роскошную гостиницу,

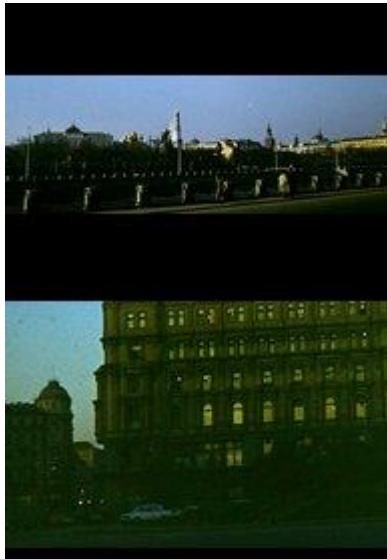


с необыкновенными коврами, мебелью, пирожными, сладкой газировкой на журнальном столике. Как определили вечером мои соседи-уголовники: «Сегодня комитетчики Витька на свою блат-хату колоть возили». Нас было четверо: следователь, комитетчик, экономист-профессор и я. Но вопреки надеждам первых двух участников беседа была не на раскалывание, а мягким прощупыванием, пониманием друг друга. Никакого переубеждения не произошло, но именно после этой беседы я пришёл к выводу, что от возможной причастности к зарубежной антисоветской пропаганде я должен отказаться публично. Мои собеседники ещё раз убедились, что перед ними – не их враг. Они уже никак не могли смотреть на меня с ненавистью. Бурцев потом говорил: «С Абрамкиным и другими нам всё ясно, а вот с Вами-то вся трудность



Из гостиницы к вечеру мы возвращались в двух «Волгах». Чёрная отвезла меня в Бутырку, а бежевая отвезла профессора и комитетчика, наверное, к себе, в центр, может, для отчёта и выводов.

Я же потом пришёл вот к какому выводу о результатах той беседы: компромисса власти с диссидентом, хотя бы одним, не получилось, потому что ни высшая власть, ни авторитетные диссиденты к этому не готовы. Что видно хотя бы по равно отрицательному отношению их к моей промежуточной позиции. Но личное соглашение комитетчиков со мной всё же состоялось. Они, в конце концов, согласились, чтобы я не признавал своей юридической вины и мог защищаться на суде, отпустили домой в обмен на то заявление в суде. И потому я считаю свой случай лишь локальным, лишь далёким предвестником настоящего, широкого компромисса между свободным обществом и властью, будущего общественного договора.





А в тот вечер «Волга» со мной опять подъехала к бутырским воротам. Знакомый охранник только спросил у следователя: «Оружие есть? Смотри, не положено...» и впустил на остров. Проезжая по внешнему обводу бутырских корпусов, я во все глаза смотрел снаружи на своё жилище.

Огибаем башни бутырского замка с их жуткой славой карцеров и «резинок» и останавливаемся у железной клетки. Сейчас в ней пусто, а тогда валила толпа сотрудников после работы, как из обычного НИИ. Так что следователь с трудом протиснулся к проходной. А в это время комитетчики продолжали «спасать» меня и уговаривать. Мы стояли прямо у стены, не обращая внимания на красные запрещающие слова, и я улыбался. Улыбался, улыбался этому вольному без решёток свету, замку, потому что тело знало: через минуту оно уйдёт под землю, в камень, карцер. Через минуту – и ещё на



сколько месяцев вперёд? Да, где-то здесь, у стены, мы стояли, и «они» тоже мне улыбались. А старший, знакомый мне ещё по обыскам, продолжал долбить прежнее: «И всё же зря ты так, Виктор. Как старший тебе говорю: зря!. 12 лет – срок не маленький, это жизнь. А если даже вернёшься, дети без отца вырастут. И ты их не знаешь, и они тебя не узнают... Зачем тебе это надо?» И я был с ним согласен: никому это не нужно. Но когда в ответ спрашивал: «А позволят ли мне при этом не врать, не позорить друзей, не отрекаться от себя?», он стыдливо отводил глаза. Вот в том-то и дело! Даже он считал, что честное соглашение и честный выход отсюда невозможен. Сам комитетчик в это не верил.

А потом вышел из дверей  
Бурцев и поманил ко входу:  
«Мол, пожалуйте к себе, Виктор  
Владимирович!» Но прежде, чем  
я оторвался от комитетской  
компашки, в меня упёрся  
взглядом начальник бутырского  
режима подполковник Бирюков.  
Он выходил со службы и вдруг  
узрел почти на воле, в  
окружении смеющихся  
штатских – кого? Зэка Сокирко,  
которого он самолично упёк за  
протест сначала в камеру  
голодающих, а потом в  
карцерный подвал.

Он просто окаменел от  
растерянности. До сих пор вижу,  
как проворачивались мысли в  
его голове и медленно яснели  
глаза. Через минуту он что-то  
понял, почуяв присутствие  
людей, которым всё  
позволено... и, отвернувшись в  
досаде, побрёл своей дорогой, к  
жене и внукам.



Потом, ещё много раз  
подчиняясь окрикам  
конвоиров: «Руки назад!  
Лицом в угол! Заходи!», я с  
удовольствием вспоминал  
понурую спину их  
всесильного начальника и  
чувствовал, что можно  
вырваться из их власти,  
опираясь на произвольную

силу самих комитетчиков: КГБ против МВД. И не надо за это меня упрекать: ведь на деле именно Комитет посадил меня в тюрьму и потому только он мог из неё вытащить.

*10. Бутырское время* Но отвлечёмся от темы моего выхода на волю - ведь это столь редкое исключение. Гораздо интереснее описать мысли и чувства сидящих здесь людей. Я постараюсь вспомнить, что могу, но думаю, что письма Валеры, написанные в самой тюрьме, ещё более точны и ярки.

В глубине восточного внутреннего двора «спеца» смутно видны бетонные подвальные коробки. Эти отдушины - окна бутырского карцера, который сами надзиратели именуют трюмом, потому что погружённый метра на три под землю, он периодически заливается от дождей и неисправной канализации.

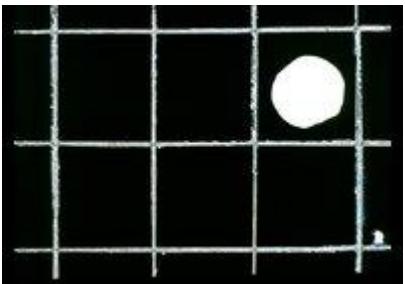




И тогда менты бродят с руганью по карцерному коридору по щиколотку в арестантской разбавленной моче. А карцерники напрасно уговаривают включить воду для питья и умывания хоть на секундочку. И всё же карцер не был для меня худшим временем. Может, даже здесь были мои лучшие дни.

Конечно, холодно и сырьо. Но днём можно отогреться. Наполовину урезана пайка, но после недельной голодовки еды мне хватало. Темнота не удручила, потому что читать и писать всё равно не давали. Зато была тишина, удобная для размышления. А самое главное, можно было переговариваться с сидящими рядом Сашей Лавутом и Леонардом Терновским.

Вокруг средневековые, темно, сырьо, тесно, а в душе такое тепло от расспросов Саши, от более редкого, но такого душевного участия Леонарда. А один раз мне удалось даже увидеться с



Леонардом в глазок его  
камеры, когда мою  
шмонали. Пусть на секунду,  
а свиделись – что может  
сравниться с такой  
радостью?

И ещё одна запомнилась там  
радость: отражённые решёткой  
серебристые дождевые капли, и  
ливневый шум, и свежесть. Но  
об этом гораздо лучше написал  
Валера

**«Катя».** На цыпочки пристав /к  
зарешеченному окну,  
Раздирая руки о колючую  
стену,/ я дотянусь, подтянусь  
Да много ли мне надо?  
Несколько хрустальных  
шариков –  
Достойная награда/ за  
исцарапанные руки и окрик  
Вертухая за дверью: “У окна не  
положено!»  
С ладоней мокрых/ губами  
сниму осторожно  
Уцелевшие дождинки / без  
примеси, без привкуса  
ржавчины  
И это всё? Возможно.





«Лиля». И вот его другое сильное, но более раннее впечатление: «Катя» «Почти во всех камерах, как ни заглядывай в отвоёванные старанием зёков узкие просветы между рамой решётки и стеной, ничего не увидишь. Я помню, с какой неудержимой силой притянуло меня к решётке в камере 312. Расположение самого окна, да щель в ладонь шириной открывали вдали московский островок воли с фрагментом жилого дома – тюлевые занавески на окнах, детское бельишко на балконах и деревья, только что выбросившие первую зелень. Дом с балкончиками и незарешеченными окнами. И особенно дерево, в реальность которого трудно поверить после месяцев тюремы.

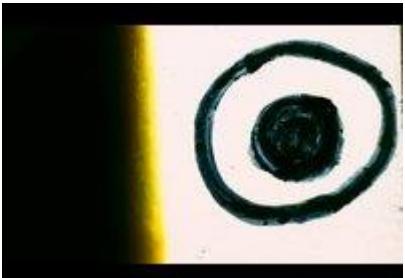
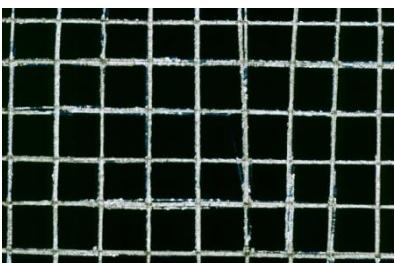
И весна только сейчас донеслась до меня радостно дрогнувшими на ветру листочками – всё это нахлынуло вместе с потоком звуков вольного мира.



А то, что не могло быть схвачено и услышано (а что в такой дали можно услышать и различить?), дополнилось восторженной памятью, и голова моя закружилась как от свежего весеннего порыва в пробуждающемся лесу...

При всей серости и однообразии тюремного существования случаются и на этой неподвижной глади всплески, расходящиеся волнами по ближним к событиям дням. Настоящий праздник – день получения передачи (а также и перевода), записки с воли, достигшей тебя Бог знает каким удивительным способом, или весточки о том, что дома всё хорошо, всё нормально.





или через оконную решётку  
и тюремный двор,  
заполненный голосами  
разыскивающих друг друга  
подельников,  
перекликающихся в минуты  
тишины, пока молчит радио  
— всё это лежит отчёtlовой  
вехой в памяти.

Бывают дни, остро  
различимые на фоне  
пустоты и  
бессодержательности  
СИЗО-времени, отмеченные  
нечастыми событиями,  
вроде появления нового  
лица (особенно  
«свеженького с воли»),  
важного по каким-либо  
причинам допроса,  
перевода в другую камеру,  
выезд на суд и возвращение  
сокамерника,  
ухватывающего украдкой  
через густую решётку  
воронка, как там, на воле.  
И, наверное, каждому эзаку  
судьбой уготовлены дни,  
которые, в памяти своей  
обводит он чёрным  
кружочком отчаянья. В  
бесцветно-неразличимые  
tüремные будни, когда  
наваливается на меня,  
сбивая дыхание, хаос, когда  
на горле удавка тоски, в

минуту выстуживающего  
душу отчаяния, я припадаю  
к живой воде  
воспоминаний...

Но боже, как трудно  
выстраивался для нас тот  
прощальный день. Я снимал  
твою похолодевшую руку и  
молился, чтобы не разгорелся  
ещё сильнее огонёк тревоги в  
твоих зрачках. Прости, не за  
тебя, а за себя в тот час молился.  
Я обязан был быть сильным, но  
боялся не выдержать... Господи,  
никогда раньше не знал, какое  
это блаженство: никуда не  
спеша, не отвлекаясь на «дела»,  
просто стоять и смотреть, как  
любимая «священнодействует»  
на кухне.

А впереди бессчтные месяцы  
на кислой, без запаха хлеба  
тюремной пайке, переваренной  
баланде, без единого кусочка,  
над которым поколдовали твои  
руки... И потянутся снова  
похожие друг на друга,  
разбавленные разговорами с  
сокамерниками, книгами,  
стуком костяшек домино и  
кубиков нард дни...





И будут редкие минуты жизни, восстанавливающие связь с миром, отделённым от меня разломом Времени и Пространства, и напиток Хроноса будет нужен мне, чтобы не отчаяться и не разувериться в реальном мире, в котором осталась ты».

**«Витя».** По разному люди воспринимают мир. А мне вот Бутырка с её вечно гремящей музыкой и бездельем тысяч здоровых мужиков часто казалась «весёлой Бутыркой», гигантским санаторием и университетом воровского опыта. А что сидим взаперти и нет свежего воздуха, так многие из моих сокамерников даже от прогулки отказывались, предпочитая спать.

Правда, в солнечные дни отказов почти не бывало. Зато больше смеха, разговоров и переговоров между двориками. Пока надзирателя рядом нет, перебрасываются записками, куревом, сувенирами... «Сашок, как житуха?» - «Ништяк!» Незримое миру общение

прерывается криками то в сторону женских двориков: «Девочки, как Вы там, очень хочется...», то вдруг дуэтом гомиков по кличке Светка и Белка, исполняющих песни Аллы Пугачёвой и жеманно хващающих «мальчикам» своими «лифчиками»... а то вдруг всё это покроется перебранкой лагерников, истошной руганью, не бранью, а хрюпом бешеных псов: «Падла, козёл вонючий, петух кашкарский, доберусь я до тебя в зоне, не скроешься гад, удав ментовский, комсомольское отродье...»



У меня темнело в глазах от этого нечеловеческого хрюпа, от состояния, до которого способен дойти царь природы в этих каменных ямах. И не поймёшь, то ли тюрьмы нужны, чтобы сдерживать этих животных, то ли именно лагеря и тюрьмы делают людей такими...



А очнёшься: снуют рядом сокамерники, а над тобой в одной из таких будок стоит ментовка, смотрит вниз презрительно или, в лучшем случае, с сожалением и делится товарке: «Ох, не могу смотреть, как они от стены к стене бегают, ну прямо звери, туда-сюда... Эй, эй, ты, чего там делаешь, чего прячешь? Смотри, живо в трюм спустим!»

Невозможно рассказать здесь о судьбах сокамерников. Среди них попадались и хорошие люди, и хозяйственники – механик цеха, завскладом, начальник цеха, директор ресторана, посаженные якобы за хищения и взятки, а на самом деле из-за поражения в борьбе за власть их покровителей чаще всего. И вина их не столько собственная, сколько от безнравственной ситуации, в которую они попали.

Но основная часть моих  
собутырников – чистые  
уголовники – воры, грабители,  
хулиганы, чердачники. Многие  
сидели раньше, часто с  
малолетства, и души их уже  
сформированы Архипелагом.  
Они – его дети и злейшие враги.  
Это они клокочут бранью и  
ненавистью против ментов и  
всех, кто с ними сотрудничает.  
Это они, не задумываясь, пустят  
в ход кулак или нож. Но не хочу  
я участвовать в таком  
противостоянии. Тем более что  
среди них оперы вербуют  
наседок и стукачей.

Думаю, что на 1 мая 80 года,  
когда по Москве вывесили  
флаги и динамики кричали  
лозунги, это они заорали на весь  
тюремный двор: «Смерть  
коммунистам!» - «Ура!» И  
страшно мне стало от этого  
«идейного» крика.

Сейчас только сила, ментовская  
и иная государственная сила  
порядка их сдерживает. Пока  
это большая сила. Она не только  
охраняет улицы, она не только  
держится в традициях  
дисциплинированности. Но сама  
охранительная сила эта слабеет  
и разращается  
безнаказанностью и близостью к



уголовникам. Исправить, очистить и укрепить эту силу можно только гласностью, оппозиционной критикой. Сейчас же это исключено.



Ведь всё связано тут воедино. И то, что в 17-м году обернулось лишь смертями миллионов и разрухой гигантской страны, сейчас может обернуться испепеляющей реальностью тысяч солнц над головой детей наших и внуков. Страшно смотреть в будущее, а надо. Надо, чтобы трезво жить в настоящем.

И кто знает, сколько времени ещё отпущено стоять этой силе и сколько времени осталось вообще нам жить при нынешних порядках, перед социальным кризисом. И кто гарантирует, не приведёт ли анархия в ядерной сверхдержаве к страшному всеобщему взрыву – военному, ядерному...



*11.»Лиля» День рождения семьи.* 21 сентября мы праздновали 18-летие нашей семьи. В тот год я и не чаяла, что будет у нас этот праздник. Наши старшие дети, самостоятельные и почти взрослые, навестили в тот день стареющих родителей в деревне, нет, хуже – в пансионате. А что? Ведь вместе нам уже за 80.



Первой приехала 12-летняя Галя,

а в воскресенье прибыл и старший сын, первокурсник Тёма. И какая получилась от этого радость!





Конечно, праздновать мы  
отправились в маленький поход.

Мимо нашей клумбы,

через игровые площадки

углубились в дремучий лес.





Даже такая нестандартная и экзотическая приют-избушка не привлекла нас – а вдруг сюда придут отдыхающие и помешают празднику, на который приглашены только наши дети.

И потому мы продолжали идти всё дальше и дальше.



Потом вышли на поле, где могучие заграничные машины ждали столь же могучего урожая на наших хилых подмосковных полях.



И снова лес. Малыши начали уставать, но мы дошли

до северного выхода  
Клязьминского моря к деревне с  
незнакомой нам церковью на  
другом берегу. Через пролив  
туда не добраться и потому мы  
повернули по берегу назад,

прерываясь на отдых и игры.



А вот и цель нашего пути -  
красивая и пустынная сейчас  
«Бухта радости».  
Водопроводная станция на  
противоположном берегу  
напоминает, что это море  
московской питьевой воды,  
потому здесь всё чисто и таким  
будет наш праздник.



В укромном местечке мы и устроились. Для себя выставили бутылку красного «Салюта» из местного продмага, для детей импортную «Фанту» из пансионата и, конечно, традиционный шоколад.



Детям было весело. Нам хмель бил в голову, и я даже громко пела, выплёскивая радость наружу. И пусть не только мы,

пусть все будут рады, что Витя вышел, что дети здоровы и веселы, и пусть не будет никому от этого обидно. А не будет ли? И что станется с нами через неделю, две, через суд?

Начитавшись Витиных тюремных документов, видя его подготовку, я знала: он будет идти на острие ножа, чтобы избежать предательства себя и друзей и не угодить снова в тюрьму. Удастся ли? И молила судьбу: дай ему силы!

12. «Лиля». Суд А через два дня за Витей приехала очередная «Волга» и отвезла на Каланчёвку.

за этим вот Обвинительным заключением. В нём было 10 пунктов, ни с одним из них Витя на суде не согласился. А на следующий день мы все уехали в Москву. Ещё 4 дня Витя переписывал эту бумагу и готовился к защите,





чтобы в понедельник , 29 сентября явиться на Каланчёвку к невзрачному зданию Мосгорсуда. Два дня шло его заседание, в большой комнате, но всего с 15 зрителями-статистами и нами тремя – Олей, Сашей [Оболонскими] и мною.

С привычной нам, советским людям, точки зрения суд над Витей был обычным средним процессом. Хотя на взгляд со стороны он мог бы показаться чудовищной комедией, где соблюдалась лишь форма и принятые Витей в тюрьме обязательства. Самое тяжёлое – он зачитал то заявление для печати, написанное вначале по своей воле, а потом изуродованное до неузнаваемости. Однако непризнание клеветы позволило ему вести защиту и прямо на суде объяснить свои мотивы, показать абсурдность юридических обвинений.



Комитетчики были недовольны Витиной защитой, но формальные обязательства были соблюдены и потому с тремя годами условно его отпустили домой.

Через день здесь же судили Валера. Звучали те же почти дословно обвинения, только их было меньше. Как и у Вити, суд не расследовал присутствие в «Поисках» клеветы, он только записал, что, рассмотрев такие-то материалы, убедился в их клеветническом характере. Но сам Валера вёл себя по-другому. Он продолжал начатую в тюрьме войну – десятками заявлений, ходатайств, требований. И его, и Юру Гrimма приговорили к максимальному наказанию по этой статье – трём годам лагерей...



(Катя поёт песню Валеры)



Соню и Клайда.

Я знаю, знаю, как им плохо и тоскливо без мужей и отцов и сочувствую им всем – и в лагере, и здесь, в Москве. И даже стыдно мне за своё семейное благополучие.

Витя тоже не признал себя клеветником и преступником, он тоже не отрекался, но не принёс себя и нас в жертву ради прав человека. Постоянно искал возможности совместить обычную жизнь и гражданскую ответственность или, как он говорил, старался «жить буржуазно». Искал этого даже в Бутырке. И нашёл. И мы рады этому, и в то же время гордимся знакомством с людьми, способными жертвовать собой.

*13. «Лиля».* Новое плавание А наша семья? Что ж, она вновь пустилась в жизненное плавание. А первое, пробное мы совершили на лодке ещё в пансионате, прельстившись видом далёкой церкви на том берегу. И так захотелось её увидеть поближе. Узнать, потрогать, что мы решили: поплыvём.





Ведь есть же здесь лодки!  
Собрались и пошли,



чтобы через 15 минут  
выйти к тихому заливу,



в котором расположен  
прокат лодок.



Погрузились в трёхместную  
лодку и поплыли навстречу  
своей цели. Это только  
вначале мы были закрыты  
от холода сентябрьской  
воды.

Потом разогрелись и начали раздеваться. Сначала папа, а затем, когда ему стали помогать детки, разделись и они.

В конце концов, Аня и Алёша отняли у папы весла и гребли к нашей цели, как могли.

И даже меня привлекали.

С пыхтением достигли мы желанного берега. Оставили папу караулить лодку, а сами втроём отправились к церкви.





Она оказалась не такой уж красивой и старинной, как смотрелась издали, а главное, знакомой — мы её уже видели по дороге из Москвы. Что ж, так часто бывает, не только в туристской, но и в большой жизни.

Но ничего. Давно ведь сказано: главное не цель, а движение к ней, путь, труд и радость. И вот мы возвращаемся домой к своему счастливому берегу.

196– 197

*14. «Витя».* Оконцовка 20 лет назад Хрущёв объявил, что в этом году будет построен коммунизм. За критику той программы меня едва не сшибли с ног, а на деле начали биографию. И вот настал этот «вожделенный год коммунизма» и оказался для меня на 2/3 годом казённых пансионатов, Бутырского и вот этого, Клязьминского. И всё же есть ли повод грустить?



Недавно довелось мне слышать жалобу одного из отезжающих навсегда: «Что не говори, а лучше и интереснее всего жить в России – «у бездны на краю». Я хорошо понимаю эту зависть. Год назад, на Каспии сам так чувствовал, а потом был накрыт



обвальной волной этой бездны и  
как бы унесён за чёрно-красный  
горизонт. Казалось, унесён  
навсегда. Но вот, не утонул,  
вернулся прежним.



В памяти только остался  
Бутырский остров  
Архипелага... В  
общественной  
необходимости тюрем в  
целом я не усомнился, ушёл  
оттуда без ненависти к  
надзирателям, хотя,  
конечно, с огромным  
желанием больше не  
возвращаться. Конечно,  
хотел, очень хотел бы, чтоб  
Бутырский замок стал  
только историческим  
памятником, чтобы тюрем  
совсем не стало. Но только  
знаю, в предвидимом  
будущем люди много  
лучше не станут, а мечтать  
о невозможном не надо.  
Особенно у нас, в  
романтической и потому  
неделовой России.  
Правильней не уничтожать,  
а делать всё, чтобы  
Бутырский остров  
преображался, не хватал  
честных людей, а помогал  
заблудшим вернуться к  
человеческому поведению.

Да именно так. На мне уже вполне цивильная одежда, но ещё тюремная стрижка и бутырские привычки. Однако будущее снова открыто. Так же, как и перед вами. И потому давайте пожелаем себе обоюдно – хорошей работы и гражданской, смелой ответственности, мудрости и счастья! Много счастья! Всем!  
(Песня Кати)



## **Приложение 2 к книге в целом: Два года спустя**

### **П. 0.2.1. Свободная запись судебного процесса по обвинению Павловского Г.О. по ст.190-1 УК РСФСР (1982) <sup>53</sup>**

13 августа я получил повестку из Мосгорсуда явиться свидетелем на суд Павловского 18.08.1982. в здание Люблинского райсуда. Стороной стало известно, что Глеб выбрал особую позицию неоспаривания суда (который будет рассматривать одно и то же дело фактически уже четвертый раз) и потому можно ожидать в приговоре некоторого смягчения по сравнению с максимумом по статье. Но во что выльется такое "неоспаривание"? Видимо, в "неучастие в суде"?

18 августа перед зданием Люблинского райсуда, в котором судили многих диссидентов (я помню – Орлова и последним – Ю. Гrimma), было очень мало желающих пройти – не больше десятка – гораздо меньше, чем охраняющих в форме и в гражданской одежде (суд был обставлен по высшему диссидентскому разряду). Тем не менее, в зал суда пропустили только жену – Марину Павловскую.

Суд начался после назначенных 10 часов: позже привезли Глеба с конвоем, задержался адвокат (его машину никак не хотели пропустить в закрытую по случаю суда над Глебом улицу, ведущую к зданию с Люблинской улицы)…

Судья – Лаврова, заседатели; прокурор обвинитель – Исаева, защитник – Аксельбант.

После открытия суда адвокат заявил ходатайство о приобщении к делу последнего заявления редколлегии "Поиски" - "К нашим читателям" от 31.12.1981. Было отложено.

Затем было зачитано обвинительное заключение, почти полностью идентичное обвинительному заключению на наших

---

<sup>53</sup> См. на сайте «В. Сокирко и Л. Ткаченко»:  
<http://www.sokirko.info/ideology/vokrugpoiskov/5.10.htm>

судах осенью 1980 г. – составление и распространение клеветнических измышлений в статьях журнала "Поиски", №№ 1-7. Перечислялись те же номера, те же статьи и те же основания, подсказанные в 1980 г. Бурцеву идеологическими институтами: "клеветнические измышления о том, что СССР, якобы является тоталитарным государством, где полностью отсутствует демократия, народ отстранен от управления государством... Об использовании якобы в СССР психиатрии и медицины в целом в политических целях... порочащих внутреннюю и внешнюю политику КПСС, якобы находящегося в экономическом тупике и т.д. и т.п. "После размножения названный номер журнала был распространен на территории СССР и передан за границу, где использовался радиостанциями... в целях нанесения ущерба международному престижу СССР"...

На вопрос судьи: понятно ли подсудимому обвинение и признает ли он себя виновным, Глеб ответил: "Да, признаю". (Как можно понять, такой ответ был обусловлен предварительным решением Глеба не спорить с судом. Поскольку три предыдущих процесса по "Поискам" уже признали вот эти самые доводы обвинения справедливыми. Обвинение по делу "Поисков", якобы, приобрело характер "частного советского закона" и поэтому спорить с ним не нужно, надо подчиняться ему, а значит, признавать его справедливость).

Допрос подсудимого шел до обеденного перерыва (15 час.) и был посвящен скрупулезному выяснению обстоятельств жизни Глеба и распутыванию его документов – утерянный паспорт, разные записи о втором браке, часто менявшиеся места работы и т.д. и т.п.; а также выяснению, в какой мере Глеб участвовал в составлении и редактировании и распространении журнала "Поиски" по каждому из шести предъявленных обвинением номеров. Глеб давал детальные исчерпывающие показания о себе, но не давал показания против других людей, живущих в Союзе, видимо, за редким исключением и когда был уверен, что не повредит. Так, например, он показал, что именно

он передал мне в пользование редакционную пишущую машинку "Континенталь". Легко ссыпался на умерших или эмигрировавших – ведь им не повредишь. Неизвестно, насколько судья дотошно пыталась добиться "показаний против других" и приходилось ли Глебу впрямую отказываться отвечать, используя свое право подсудимого. При мне таких случаев не было. Создалось впечатление, что суд это не волновало.

Видимо, Глеба расспрашивали и по каждому конкретному пункту обвинения, требуя признания клеветнического характера каждой статьи или материала "Поисков", перечисленных в обвинении. Видимо, Глеб признавал справедливость обвинения и по каждому пункту, что дало возможность прокурору заявить в конце суда, что "Павловский полностью признал предъявленные ему обвинения", а сам Глеб в последнем слове сказал, что он виноват еще больше, чем говорит обвинитель. Правда, он упорно избегал применять термин "клеветнический", заменяя его на "моя противоправная деятельность" или "носила криминальный характер". Говорил это Глеб достаточно уверенно и внешне искренне, аргументируя следующим образом: да, я знал, что мои статьи и редактируемые материалы могут и, видимо, будут осуждены по ст.190-1, т.е. нарушают существующий закон. Даже если учесть, что я не был согласен с этим законом, но уже тогда знал о том, что моя деятельность объективно носила противоправный характер, и, следовательно, что перечисленные обвинением статьи и материалы носили криминальный характер, а, попадая зарубеж, могли быть использованы для нанесения ущерба престижу СССР.

Видимо, Глеб говорил и положительные вещи о "Поисках", что главной первоначальной целью нашего журнала были поиски взаимопонимания, диалога разных людей, включая и власть. Но, начиная с января 1979 года, когда начались преследования, он уже начал понимать, что диалог в таких условиях невозможен, не получился, а журнал становится органом противостояния. Потом это мнение окрепло у всей

редакции, что и стало основной причиной добровольного закрытия журнала. Кажется, Глеб поддержал ходатайство защитника о приобщении к делу последнего заявления редакции "Поисков".

#### Допрос свидетелей.

Допрос Касаткина, бывшего знакомого Егидеса (кажется, так), который когда-то читал "Поиски", а на суде Абрамкина показывал, что получал журнал прямо у Абрамкина, когда тот работал церковным сторожем. Осведомленные люди утверждают, что эти показания были прямым лжесвидетельством. Сейчас же Касаткин был совершенно не подготовлен, ошарашен неожиданным вызовом, после того, как он уже два года считал, что с тем кошмаром 1980 г. навсегда покончено и, действительно, все крепко забыл. Начисто отрицал какое-либо знакомство с подсудимым, что же касается старых показаний о встрече с Абрамкиным, то он их забыл и потому теперь отчаянно путался в деталях той раньше придуманной "конспиративной встречи" в церковной сторожке (теперь, по наводящим вопросам, он говорил о каком-то вагончике или трамвайчике). О самих же "Поисках" сказал, что получил их для ознакомления от Егидеса, один раз, посчитал интересной мурой, но ничего клеветнического в них не нашел (!!!).

Раздраженный судья окончила его допрос, но оставила в зале заседания. (В отличие от многих других судов по ст. 190-1 и во исполнение УПК, в зале заседания были оставлены и остальные свидетели).

Свидетеля Александра Даниэля спрашивали об изъятом у него при обыске журнале "Поиски" (кажется, № 7). Фактическую сторону он подтвердил. Был также вопрос об оценке содержания конкретных материалов "Поисков", например, к статье Прыжова (Павловского) "Третья сила". Саня ответил, что с этой статьей он ознакомился, высоко ценит проведенный в ней "блестящий социологический анализ" и не усматривает в ней никакой клеветы. Тогда судья подняла подсудимого. Глеб ответил, что литературных достоинств своей статьи он сейчас касаться, конечно, не будет, но, поскольку она

уже осуждена на предыдущих процессах "Поисков", то и он признает ее "кriminalный характер".

Допрос Сокирко. Начиная с этого момента я сам слышал все происходившее на суде и могу опираться уже на собственную память, к сожалению, довольно хаотичную, неорганизованную. Поэтому неизбежны пропуски или иная последовательность сказанного в суде.

Мой допрос судья вела очень активно и фактически не давала высказаться полностью. Так, я знал, что по УПК имею право сначала рассказать свободно и полно все, что знаю о деле и личности подсудимого, и намеревался воспользоваться им, однако просто не смог. После ознакомительных вопросов и подписке об ответственности за уклонение и ложные показания пошли напористые вопросы судьи:

"Что Вы знаете подсудимого, это мы и так видим (войдя в зал, я поздоровался с Глебом отдельно). А вот расскажите, как Вы познакомились с Павловским?"

Мой ответ: Это было давно, деталей я не помню, но Павловский, как и я, был членом редколлегии "Поисков" и, видимо, я познакомился с ним на первых редакционных заседаниях после своего вступления в конце 1978 года. К сожалению, нормальная работа редколлегии была очень скоро, через месяц, прервана, и потому по-настоящему близкие отношения с ним у меня создались только в 1980 г. после моего возвращения из суда, после прекращения работы в "Поисках".

Судья: Каков был порядок работы редколлегии, кто за что отвечал, за какие разделы работ?

Мой ответ: Повторяю – это было давно, потому никаких конкретных деталей не помню, тем более, что в нормальной работе редколлегии я просто не успел принять участие. Знаю только, что никакого твердого распределения обязанностей не было. Но все несли равную ответственность за все в журнале. Это было официальным принципом. К технической же стороне издания "Поисков", как я уже показывал два года назад, я не имел практически отношения, тем более, что я был занят еще изданием сборников "В защиту экономических свобод".

Судья: Обсуждали ли Вы на заседаниях отдельные статьи и материалы?

Мой ответ: Было, видимо, и это, но ничего конкретного я сейчас не помню...

Судья: Ну, и как Вы сегодня расцениваете эту писанину, всю эту свою "деятельность"? Изменили ли Вы свое отношение к ней?

Мой ответ: Свое отношение я выразил определенно на собственном суде, и с тех пор его не менял в главном. Да, я признал, что во многом ошибался, но не понимал и до сих не понимаю, в чем заключается клевета самиздатских моих статей, в том числе и статей "Поисков".

Судья: Вам назначили условное наказание с каким испытательным сроком? Три года? Значит, он и сейчас идет? А судили Вас уже сколько раз? Дважды? И сейчас вот, который раз Вы в суде – четвертый раз? И до сих пор не понимаете? До каких же пор?

Мой ответ: Могу только повторить, что изложил на суде свою позицию и обязательства. Суд учел их. Позиция моя не изменилась и обязательства свои я выполняю.

Судья: А как же именно теперь Вы высказываетесь, выражаете свою позицию? Где именно?

Мой ответ: Не понимаю. Я ее высказал на суде и не изменил до сих пор.

Судья: Это мы уже слышали. А вот прежней своей деятельностью Вы занимаетесь?

Мой ответ: Нет, я выполняю данное на суде обязательство и самиздатской деятельностью теперь не занимаюсь.

Судья: Занимались ли Вы размножением "Поисков"?

Мой ответ: Уже говорил, что технической стороной "Поисков" не занимался, за исключением одной моей попытки распечатать № 5 журнала, предпринятой по личной инициативе, и крайне неудачной. Но об этом я уже рассказывал на своем суде.

Судья: У Вас были изъяты несколько пишущих машинок. Вы на них "Поиски" не печатали? Нет? А на машинке "Континенталь"? Тоже нет? А когда она у Вас появилась и кто Вам ее принес?

Мой ответ: После майского обыска, когда у меня забрали вторую собственную машинку, т.е. летом, мне принесли эту "Континенталь", но кто именно – не помню.

Судья: Подсудимый Павловский, когда Вы передали Сокирко эту машинку?

Глеб: Летом 1979 года.

Судья: Именно на ней печатались материалы "Поисков"?

Глеб: Да, но печатались только до передачи ее Сокирко... Материалы шестого номера? Они были распечатаны раньше, хотя сам номер был собран много позже.

Судья: В деле есть указания, что в некоторых случаях так и не установлено, на каких именно машинках печатались материалы "Поисков". На каких машинках они печатались? У Сокирко Вы этим не занимались?

Глеб: Нет, этого не было. Что же касается неустановленных машинок, то к концу работы в связи с большими трудностями, стали частыми случаи, когда сами авторы приносили нам свои материалы в распечатанном виде, а мы лишь вставляли их в выпускаемый журнал.

Прокурор: Расскажите, каким образом Вы отправляли журнал "Поиски" за границу

Мой ответ: Ничего не могу рассказать по этому вопросу, потому что не отправлял его за границу. Я уже говорил раньше, что знал о возможности появления нашего журнала за границей и не возражал против этого, поскольку был сторонником свободного распространения идей и информации.

Судья: Как же могли "Поиски" появиться за рубежом, если их не передавали специально? Само собой ничего не бывает.

Мой ответ: Нет, с Самиздатом такая вещь бывает и сама собой, без участия и ведома авторов. Так, например, случилось с моей давней книгой, изданной на Западе.<sup>54</sup>

Прокурор: Но вы на своих заседаниях все же обсуждали, как именно передавать "Поиски" за рубеж. Вот и расскажите нам об этом.

Мой ответ: При мне таких обсуждений не было.

Адвокат вопросов не имеет, зато задает вопрос Глеб: «Расскажите об обстоятельствах закрытия журнала»

Мой ответ: Понимание, что в условиях начавшегося уголовного преследования журнала его нормальная работа становится невозможной, невозможно вести дискуссии, поиски взаимопонимания разных людей, приходило к нам очень трудно, не сразу, в течение всего 79 года. Мы все требовали объяснения, в чем именно наша клевета и нарушения закона.

Но осозналось и было вслух сформулировано оно только осенью этого года, когда стало ясно, что следствие – не просто угроза нам, а идет уже само собой, как автоматическая машина, и окончится нашим арестом, т.е. насильственным прекращением журнала. Да и сам он неизбежно терял свой первоначальный характер, в условиях преследований становился скорее органом противостояния. Но остановить издание журнала из-за невозможных условий – было очень трудным решением, потому что мы опасались, что оно будет воспринято как трусость, как уступка незаконному давлению, а не самостоятельным решением. Тем не менее, такое решение было в конце ноября принято вчерне большинством, в том числе и Абрамкиным, но осуществить его не успели из-за ареста Абрамкина. Весь декабрь шли споры: должны ли осуществлять уже принятное решение о закрытии работы редакции, невзирая на еще большую опасность обвинения в трусости (ведь Абрамкин уже арестован!), или поставить перед следствием вопрос об освобождении Абрамкина, как условие, или принять это

---

<sup>54</sup> Имеется в виду книга «Очерки растущей идеологии» (Мюнхен, 1974) **ХОРОШО**

решение независимо ни от чего, по принципиальным мотивам – невозможности выполнять главную задачу журнала – поиски взаимопонимания в условиях фактической нелегальности, куда нас загоняло следствие. В конце концов, и в главном победила последняя точка зрения, и в конце декабря это решение было единодушно принято всей редакцией.

Казалось бы, такое решение должно было закрыть вопрос и для прокуратуры, которая в начале года добивалась только закрытия журнала. Тем не менее, через месяц были арестованы еще двое, а потом судимы, а спустя два года идет снова суд по давно закрытому нами же самими журналу, что совсем непонятно...

(Здесь я был прерван судьей и оставлен в зале... Мое внимательное всматривание в Глеба было прервано конвойным: "Смотри туда, на суд". Больше свиданием с Глебом я не злоупотреблял).

Допрос Кати Гайдамачук ограничился лишь установлением личности, подпиской об ответственности. На первый же вопрос о подсудимом Катя ответила, что имеет право и желание зачитать заявление. Судья не разрешила, требуя ответы на свои вопросы, Катя же упорно продолжала читать свое заявление по пунктам, не обращая внимания на крики судьи, что все равно это заявление не будет принято судом во внимание. Заявление Кати сводилось к отказу давать показания на судах по ст.190-1, поскольку на таких судах постоянно нарушается законность, примером чему может служить суд над ее мужем – В.Ф. Абрамкиным – не обеспечивается гласность судопроизводства, нарушаются права защиты и т.д. Потом она пробовала оставить свое заявление секретарю суда, та не брала из-за приказа судьи, многократно уверявшей, что суд не имеет права заниматься обстоятельствами суда над Абрамкиным или ревизовать его решения, а что свидетельница отказалась давать показания, то это суд удостоверяет... Потом заявление осталось в нейтральной зоне между судом и адвокатом, а Кате вежливо предложили остаться в зале заседания.

Судья объявляет, что в суд были вызваны еще три свидетеля. Они не явились, но от милиции есть объяснительные записки о причинах отсутствия – невозможности вручения судебных повесток. Учитывается длинное объяснение милиции о поведении свидетельницы Рубашовой и что она сейчас неизвестно где. Потом было пересказано письмо из одесской милиции, что свидетель М. Яковлев по месту прописки не проживает, находится в "бегах" – и, наверное, в Москве, добавила судья. Что она говорила о третьем – не помню. Потом ставится вопрос о необходимости зачитывать показания отсутствующих свидетелей, данные на следствии. Прокурор просит зачтать показания Рубашовой. Защитник просит ничего не читать, потому что эти свидетели самого Павловского не знают, а в том, что изъятые у них номера "Поисков", действительно, существовали и Павловский был членом редакции их – ни у кого нет сомнений. Подсудимый согласен с защитником. Суд решает зачтать показания Рубашовой.

Судья читает, что Рубашова ничего не знает, что когда-то ее знакомый Егидес принес к ней какой-то ящик или рюкзак, ссылаясь на ремонт в квартире, просил подержать их у себя. Потом к ней пришли с обыском и забрали эти вещи, о содержимом которых она ничего не знает. С самим Егидесом она больше не встречается. А на каком-то процессе, куда ее вызывали (суд над Абрамкиным), ей объяснили, что Егидес теперь уже за границей. Павловского она совсем не знает и "Поиски" не знает...

Подсудимый просит огласить имеющиеся в деле показания Комарницкого, чтобы иметь возможность опровергнуть их (там неверно характеризовалось его отношение к своему литературному псевдониму и еще что-то...) Судья объясняет, что в деле есть справка, что Комарницкий уже за границей, вне досягаемости, а зачитывать показания не вызванного заранее свидетеля они не имеют права. Глеб снял свою просьбу.

После десятиминутного перерыва суд начинает обозрение представленных обвинением материалов и

документов. Так, зачитываются детальные описания изъятых у меня машинок, причем судья поднимает меня и спрашивает: "Свидетель Сокирко, Вы подтверждаете, что у Вас была изъята эта машинка, откуда она у Вас" - "Купил, давно...". Потом снова зачитываются нужные описания машинок и вопрос к Глебу: "Подсудимый, это Ваши машинки?" - "Одна моя, другая Томачинского в ремонте..." - "Где и когда Вы купили свою машинку?" - "В магазине "Канцтовары" после обыска в 79-м году..." "Купили, а ведь уже знали, что машинки изымают, что это орудие преступления (кажется так...) – зачем же Вы это делали?" - "Но машинки свободно продаются, это просто орудие письма. Я даже все свои черновики пишу на машинке..." - "А Вы на машинках Сокирко "Поиски" не печатали?" - "Нет..." и т.д.

Перечисляются протоколы обысков, заявления. Затем долго и торжественно перекладываются все шесть томов "Поисков", а в них перелистываются страницы статей, упоминаемых обвинением, как клеветнических... По опыту своего суда я уже знаю, что судья таким образом получает возможность записать в своем приговоре: "Суд рассмотрел такие-то статьи и установил их клеветнический характер". А на деле идет просто монотонное перечитывание вслух заголовков и перелистывание...

Наконец, судья объявляет, что материалы в суде рассмотрены и ставит вопрос: есть ли необходимость в исследовании каких-либо дополнительных материалов? – У обвинителя таких пожеланий нет, а вот защитник просит вернуться к его собственному ходатайству о приобщении к делу и рассмотрении в суде последнего заявления редактории "Поисков" от 31.12.1979, поскольку оно свидетельствует о добровольном прекращении редакции, в том числе и Павловским, этого издания и имеет существенное значение для дела. На ходатайство защиты об этом следователь Бурцев ответил отказом, чем нарушил ст.... УПК и права защиты...

Судья обменивается кивками с заседателями и провозглашает, что суд отклоняет ходатайство защиты, после

чего ласково спрашивает: "Товарищ адвокат, у Вас есть еще какие пожелания?" – У адвоката больше ничего нет. У подсудимого тоже. На этом судебное следствие считается законченным.

В ходе "исследования материалов" судья неоднократно возвращалась к допросу подсудимого. Запомнилось, например, следующее:

Судья: Павловский, Вы признали себя виновным. Скажите же, искренне ли Вы это сейчас говорите. Или так утверждаете лишь сегодня, а завтра снова вернетесь к старому? Подумайте еще раз. Если мы сейчас учтем Ваше признание, Вашу позицию, то не сделаем ли мы ошибки в отношении к Вам, как ошибся суд в отношении Сокирко, который, оказывается, до сих пор не понимает клеветнического характера своей писаницы и вообще, в чем его обвиняют? Изложите нам еще раз свои мотивы...

Глеб: Хорошо. Я еще раз со всей определенностью подтверждаю, что виноват в предъявленных мне обвинениях. Признаю, что написанные мною материалы в "Поисках" носили криминальный, противоправный характер. Ведь уже при создании этих материалов я понимал, что, возможно, подвергнусь за них преследованию по ст.190-1 УК, т.е. заранее сознавал, что они нарушают действующее законодательство и, следовательно, носят противоправный характер. Поэтому моя деятельность была криминальной и заслуживает, конечно, осуждения...

Судья: Вы утверждаете, что стремились к дискуссиям, к диалогу, взаимопониманию, и что с № 4 увидели, что диалог такой не получается. Так почему уже тогда не прекратили своей деятельности, именно тогда, когда сами поняли ее бесцельный, антиобщественный, противозаконный характер? Ведь, напротив, именно с этого времени Вы, по собственным признаниям, начинаете играть чрезвычайно активную роль в составлении и распространении журнала. Чем объясняется это противоречие? И кому именно Вы передавали составленные номера журнала?

Глеб: Да, действительно, в 1979 г. я понял, что в создавшихся условиях диалог в журнале не только затруднен, но становится невозможным, но, тем не менее, стал еще активнее. Главным образом, из-за начавшегося уголовного преследования, поставившего нас и втянувшего в противостояние власти. В журнале все больше и больше появлялись материалы не дискуссионного, а информационного характера – о преследованиях... Играло роль и чувство профессионализма, стремление, чтобы твою работу оценили и чтобы твои старания и твой труд читался как можно шире...

Судья: И вот, ради того, чтобы статьи стали широко чтимыми, вы сознательно шли на преступление?

Глеб: Лучше сказать: старался быть не чтимым (у меня еще нет мании величия!), а читабельным... Само дело затягивало нас и хотелось сделать журнал лучше. Хотелось, чтобы составленный тобой журнал широко читался и высоко оценивался по своим литературным и прочим качествам... Ну, еще, конечно, надо учесть влияние окружения, среды...

Да, я, действительно, отдал новый журнал в Ленинград – через Борисова – в тамошний интеллектуальный круг. В Москве же отдавал экземпляр для писательских кругов – для Аксенова, Пинского...

Прокурор: И за границу вы передавали?

Глеб: Один экземпляр каждого номера я регулярно переправлял за рубеж... Да, я сознаю, что этим самым наносил ущерб международному престижу страны. Наносил ущерб я, а через меня и журнал... Мы рассчитывали, что через Запад наши слова вернутся к нам усиленными. Не думая, что вместе с ними в страну проникали и западные спецслужбы...

Судья объявляет окончание судебного следствия, а после перерыва объявляет начало судебных прений.

Выступление прокурора (Исаевой) шло сравнительно спокойно, без всякой предварительной патетики об успехах советской страны и происках империализма. Она достаточно сухо перечислила-перечитала обвинения из бурцевского обвинительного заключения №№ 1-7 "Поисков" и перечень

"доказательств", в том числе и показаний свидетелей. Так, оказывается, что показания свидетеля Даниэля подтвердили факт распространения подсудимым журнала "Поиски", а показания Сокирко в том, что он знал о "передаче за рубеж журнала "Поиски" и не возражал против этого" подтверждает факт передачи за границу. Конечно же, было упомянуто в качестве доказательств, что подсудимый полностью признал себя виновным по всем пунктам обвинения.

Однако, сказала затем прокурор, учитывая, что с места жительства Павловский характеризуется положительно, имеет на иждивении ребенка и ожидает рождения ребенка в своей новой семье, что вину свою он осознал, осуждает прежнюю деятельность, обвинение считает возможным применить ст.43 УК РСФСР и применить более мягкое наказание, без лишения свободы, т.е. к пяти годам ссылки.

Выступление адвоката Аксельбанта показалось мне необычным по свободной манере разговора с судом, а главное, что он безбоязненно говорил вещи, неприятные следствию. Начал он с заявления, что, как защитник, будет, конечно, продолжать линию, занятую его подзащитным и потому не будет оспаривать ни приведенных обвинителем фактов, ни их существа, соглашаясь, что – да, упомянутые нарушения закона имели место, но он считает необходимым обратить внимание суда на субъективную сторону, а также на порядок его расследования. Адвокат указал, что обвинение Павловского почти полностью идентично обвинениям, которые предъявлялись почти два года назад на процессах трех других членов редколлегии "Поисков" – Абрамкину, Гримму и Сокирко. Спрашивается, почему тогда же не судили и Павловского, членство в редакции которого было хорошо известно, равно, как и авторство перечисленных сегодня его собственных статей. Он не собирается обсуждать причины разделения дела "Поисков" по подсудимым, хотя УПК совершенно определенно указывает, что подобные правонарушения должны расследоваться совместно, но обязан обратить внимание, что в 1980 г. Павловский не был ни

арестован, ни осужден. Почему? Прежде чем ответить на этот вопрос, он снова вынужден вернуться к своему отверженному ходатайству о рассмотрении в зале суда последнего заявления редколлегии "Поисков" от 31.12.1979., в котором они совершенно определенно заявили о добровольно принятом решении прекратить издание журнала. Другие документы, имеющиеся в деле, например, письмо Павловского в редакцию "Поисков" и др. также ясно показывают, что активным сторонником этого решения был мой подзащитный. Его объяснение, что уже в 1979 году он понял бесперспективность и противоправный характер своей деятельности и решил отойти от нее, полностью подтвердились всеми обстоятельствами этого дела. Известно, что в конце 79-го года был арестован Абрамкин, в начале 80-го – Гrimm и Сокирко. С Павловским же в это время проводили многократно беседы следственные органы, в частности, товарищи из государственной безопасности. Видимо, учитывая, что в редколлегии "Поисков" он самый молодой и способен воспринимать доводы убеждения, было принято решение, что нет необходимости применения к Павловскому уголовных санкций, что и без этого он способен изменить свою жизнь. Как известно, Павловский дал тогда обязательство не заниматься политической деятельностью, не писать своих статей, не участвовать ни в каких организациях и т.д., намереваясь посвятить себя научным занятиям. И, как стало суду ясно уже из сегодняшнего разбирательства, Павловский полностью выполнил свои обязательства, отошел от прежней деятельности. Фактически мы видим теперь перед собой совсем другого человека, нежели тот, кто совершал противоправные действия, указываемые обвинением. Я считаю, что органы дознания, органы государственной безопасности сделали совершенно правильно, поверив Павловскому и освободив его от уголовной ответственности. Я знаю, что это не редкость в работе органов дознания и такая практика, я считаю, не только себя чаще всего оправдывает, но и демонстрирует гуманный характер нашей системы.

Однако почему же тогда через два с лишним года после принятия такого решения Павловский был все же арестован и предан суду?

Я считаю, что в этом виноват не столько он, сколько роковое для него стечние обстоятельств: сразу после первых судов по делу "Поисков" начал выходить другой самиздатский журнал под схожим названием "Поиски и размышления", с анонимной редакцией, но с номерами, продолжающими нумерацию "Поисков". Естественно, что пало подозрение на Павловского, поскольку из работоспособных членов редколлегии он остался один: Егидес уехал, Абрамкин и Гримм в лагере, Сокирко тоже не может, значит, Павловский. И хотя мой подзащитный не раз обращался и к следствию, и к Генеральному прокурору, и в ЦК КПСС, объясняя, что это совершенно разные издания и любая экспертиза это уверенно подтвердит, осуждал его, его доводы не были услышаны. У следствия, к сожалению, возобладал соблазн самого простого объяснения. Видимо, дело происходило именно так, и потому Павловский был арестован. Но в продолжении всего последующего следствия было выяснено, что Павловский ни в "Поисках и размышлении" не участвовал, ни в каких иных криминальных действиях. Однако, поскольку он уже был арестован и фактически отсиживал срок, было принято решение предать его суду на основе старого дела о "Поисках". Я не считаю это правильным решением. Я считаю, что суд поступит и правильно, и гуманно, учитывая всю совокупность обстоятельств этого дела, если согласится с прежним решением органов дознания об освобождении Павловского от уголовной ответственности и освободит Павловского по ст.50 УК РСФСР не потому, что совершенные в 1978-79 годах действия потеряли общественно-опасный характер, а потому что "лицо их совершившее", т.е. он сам, перестало быть общественно-опасным". Совершенно очевидно, что Павловский перестал быть "общественно-опасным лицом" и для общества, и для него самого, и его семье будет гораздо лучше, если он будет работать в нормальных условиях на свободе, а не в заключении.

Такова была основная линия адвоката. Говорил он очень свободно, иногда позволяя себе делать нарочито замедленные паузы, и никто его не перебивал и не подгонял. Позволял себе даже поехидничать над обвинением. Например, выразив удивление, что записи иностранных радиопередач используются обвинением, как положительные документы, доказывающие, например, что Павловский является членом редколлегии журнала "Поиски" или что он выпустил вот тот или иной номер – доказательств тому много, так что прибегать с этой целью к услугам иностранных радиостанций не следует... Ну, и так далее...

Последнее слово подсудимого. Глеб говорил очень спокойно, уверенно, хорошо скрывая волнение. Начал он с объяснения выявившегося на суде парадокса: свидетели обвинения не видят криминальности в его действиях и статьях "Поисков", а он – подсудимый – видит и признает свою вину. Основная причина этого, на его взгляд, - малое внимание следственных и судебных органов к убеждению обвиняемых в противоправности и криминальности их действий. Между следствием и подследственными возникает глухая стена непонимания: следователь считает тебя заведомо виновным и не считает нужным даже доказывать твою вину, а ты считаешь себя заведомо правым, а следствие – беззаконным преследованием. Потом Глеб повторил свои доводы, почему он считает свою деятельность противоправной – раз заранее знал, что она будет преследоваться по ст.190-1.

Негативным следствием такого непонимания является и то, что важные проблемы общественного развития страны как бы накрепко связываются с деятельностью диссидентов: защита прав человека, отстаивание национальных прав, экономическая реформа, защита экологии и т. п. Получается, что важные для страны проблемы и вопросы связываются с диссидентами и уже потому не разрешаются. Получается, что, выступая за защиту прав, экономическую реформу и решение других проблем, на деле мы не помогаем, а затрудняем их разрешение в рамках государственного правопорядка... Эта ситуация обостряется

еще обращением диссидентов к помощи Запада в надежде, что слова и мысли, переданные на Запад, вернутся в нашу страну книгами, радиопередачами и т. п. и станут доступными для множества людей. А на деле вместе с размноженными Западом нашими словами, в нашу страну проникает и неизбежное влияние западных спецслужб, которое, преследуя свои корыстные и даже враждебные стране интересы, искажает и значение призывов инакомыслящих и делает невозможным решение важных проблем страны, заниматься которыми должны только сами граждане этой страны, без постороннего вмешательства, сами, в рамках существующего государственного правопорядка... Он уже давно разочаровался как в действиях диссидентов из-за их экстремизма, так и особенно в нынешней эмиграции, деятельность которой противоречит интересам страны... Это расхождение ему стало особенно очевидным в связи с анализом последних событий в Польше, когда стало очевидно всем, к какой пропасти могут привести страну экстремистские действия...

Потом Глеб снова вернулся к критике следственных и судебных органов за то, что они не преодолевают глухого непонимания и не стремятся объяснить обвиняемым их действительной вины. В какой-то момент судья, видимо, не успевавшая во всем следить за Глебовой речью и потому местами ее просто не понимавшая, вдруг заподозрила, что Глеб под видом критики диссидентов уж слишком долго критикует следствие и сделала замечание: "Подсудимый, Ваше отношение к диссидентам нам известно из Ваших же статей, поэтому не надо использовать свое место как трибуну для высказывания своих убеждений. Держитесь ближе к сути Ваших обвинений". На это Глеб горько ухмыльнулся: "Это Вы считаете трибуной? О чем Вы говорите..." Но быстро собрался и быстро свернул "слово", повторив еще раз формулу признания обвинений. Закончил он уверением, что любой приговор себе встретит с пониманием, и что его главным желанием является, чтобы этот процесс над "Поисками" стал последним.

(Пожалуй, многое из сказанного Глебом было не близко мне, но только эту последнюю фразу я воспринял с одобрением).

Судья объявила большой перерыв – до 22 ч. для писания приговора.

Свидетели и Марина вышли на улицу, к поджидающим известий знакомым. У меня на душе было очень смутно и растерянно от услышанного. Я не знал, как определить свое отношение. Последние часы не мог глядеть на Глеба, говорящего такие вещи, - без желания тут же возмутиться и оспорить их, а спорить с Глебом, сидящим на скамье подсудимых, в окружении пяти мундиров МВД и еще нескольких штатских, т.е. сидящим прямо в Архипелаге – было невозможно, и встречать его взгляд без сочувствия и поддержки – тоже невозможно.<sup>55</sup> И потому мне было важно услышать мнение других людей, чтобы или согласиться с ними, или разойтись. Но такая же растерянность царила и у других. О главном – молчали, предпочитая обсуждать что угодно, лишь бы не главное: как отнестись к заявлению Глеба. Я мог выражать только свое недоумение и несогласие... Саня Даниэль пытался зацепить какие-то оправдательные мотивы: "Нет, Глеб не случайно вот это накрутил. Он что-то хотел сказать совсем другое..." Катя упорно молчала. Перелом в мое настроение внесла Марина, когда обратилась ко мне: "Знаете, Витя, мне кажется, что Глеб все это говорил искренне, что он и вправду так думает и совсем этим не наплевал себе в душу". Катя тут же полусогласилась: "Может, это он говорит и искренне, но именно

---

<sup>55</sup> А. А.: «А почему такие разногласия с Павловским? Ведь тот, в сущности, повторял логику рассуждений / размышлений самого Виктора – два года назад, разве что более «круто» каялся». Л. Т. : «Витя отказался признать, что журнал содержал клеветнические материалы и в своей защитительной речи на суде доказывал незаконность суда над ним как редактором журнала, клеветническая направленность которого не доказана, чего требовала статья 190-1 УК. Витя не признал юридической вины ни за собой, ни за другими. а Глеб начал с признания юридической вины».

здесь, на суде над "Поисками", не следует так говорить, приписывая свои личные воззрения всему журналу. Впрочем, я уже об этом говорила раньше Вите..." (- Да, я это помню).

На это возразил Саня: "Что же выходит, он должен молчать о своих убеждениях, разыгрывать из себя твердого диссидентса и идти в лагерь? Разве будет лучше, если он такие заявления напишет из лагеря или после него, отсидев уже не за свои убеждения? Зачем нужно такое самосожжение?" – В этом Саня был прав.

Этот короткий разговор позволил и мне окончательно определиться. Да, Марина права, Глеб, возможно, и искренен в словах на суде, сколь страшно они ни выглядят. Ведь высказываемые им мысли для меня, в сущности, не новы: в той или иной форме, но он их уже выдавал в спорах и письменных дискуссиях со мной за последние два года – и по поводу моего выхода из тюрьмы, и по поводу его "Третьей силы", и, особенно, по поводу возможности проведения реформ в стране. Правда, высказывался он двусмысленно, так что ругательства всегда соседствовали с похвалами, одобрение и принятие – с отрицанием. Он как бы не был в силах расстаться с диссидентской терминологией и окружением, и потому говорил о своих новых взглядах защитника официального статуса-кво обиняком, намеками и колкостями. Теперь же, вне "диссидентской среды" и понимая, что с ней больше не столкнется, он позволил развернуться своей антидиссидентской стороне в полную волю. Тем более, что это не противоречило и вполне понятным интересам самосохранения. Жаль, конечно, что он не проявляет в этом сдержанности и невольно идет на поводу... (но это на мой пристрастный взгляд. Сам знаю, как трудно избежать этого).

В общем, если Глеб именно сейчас на суде, наконец, определил свою истинную позицию и будет ее дальше твердо отстаивать и развивать, если все его слова, действительно, искренни и он не поддастся в дальнейшем соблазну вновь "заигрывать с диссидентами", то я оправдаю для себя и эту линию поведения на суде – не в смысле согласия с ней, а в

смысле человеческого уважения. Даже напротив, мне гораздо лучше будет общаться и спорить в будущем именно с этим, новым, не двусмысленным, а проясненным Глебом, умным защитником официоза и статуса-кво, чем путаться в прежних глебовских многозначностях и красотах стиля. Я буду желать ему только успеха и был бы рад, чтобы и остальные, причастные к "Поискам" люди, принимали такого Глеба столь же дружелюбно – это только расширило бы рамки нашей терпимости и укрепило бы дело диалога. Когда в прошлом веке виднейший теоретик "Народной Воли" Л.Тихомиров переменил убеждения и стал монархистом, его заклеймили все прежние коллеги. Я этого не одобряю. В такой нетерпимости – источники всех последующих бед...

Поэтому в том разговоре я возразил Кате: "Если Глеб и вправду так думает, то он должен говорить об этом где угодно, вне зависимости от места и времени. И я буду рад общению с таким "твёрдым Глебом".

Это позволило мне после чтения приговора вновь улыбаться Глебу, передать второпях привет от Лили и пожелания здоровья и всего хорошего.

Приговор, в который уже раз (может,- в сотый), повторил бурцевские формулировки обвинений и "доказательств", а также смягчающие обстоятельства из речи прокурора. Так же, как прокурор, приговор провозгласил, что, используя ст.43 о назначении более мягкого наказания, суд определяет подсудимому наказание без лишения свободы, а именно – пять лет ссылки, с зачетом отсиденного в следственном изоляторе срока – один к трем. Меру пресечения до прибытия на место ссылки оставить прежнюю – содержание под стражей... Машины и пр. – конфисковать... Приговор подлежит обжалованию...

Как говорится, "приговор был встречен молчанием". Адвокат тут же через конвой стал договариваться с Глебом о написании кассационной жалобы. Как я слышал, он считал, что прокурор и суд, пошедший за ним, сделали крупную ошибку: раз они решили использовать ст.43 УК РСФСР, то должны

использовать наказание более мягкое, чем предусмотрено ст.190-1 УК РСФСР, а эта статья предусматривает нижним пределом штраф 50 рублей. Значит, приговор должен был назначить штраф ниже 50 рублей.

Марина говорила с Глебом и судьей о порядке свидания. Я и Саня просили секретаря суда отметить повестки. Конвой заслонял Глеба стеной. Нас просили быстрее очистить помещение...

На улице, в десятке знакомых, мы тихо обсуждали, почему столь сурово обошлись с Глебом. Потом мы дождались проезда Глеба в тюремной машине. Я почему-то говорил: "Не надо", но женщины все же закричали: "Глеб! Глебушка!" Я был неправ – Глебу этот крик был, наверняка, очень нужен.

Вслед за машиной, увезшей Глеба в тюрьму, пошли и мы по своим домам. Милиция снимала свои посты...

Так закончился суд над Глебом Павловским. Через несколько дней у Мариной было с ним свидание в Бутырке. По ее словам, Глеб вполне бодр, уверяет, что в своей позиции он абсолютно тверд, что сидеть в тюрьме ему уже надоело, хотя в камере подобрались неплохие люди и отношения хорошие, и перечитал он много книг, проштудировал "Капитал" Маркса и все же желает сейчас в ссылку, где была бы возможность получать научные книги. Его оценка суда – хорошая. Он, во всяком случае, своей защитой никому не навредил. Так что все хорошо.

Но я еще не знаю, все ли хорошо. Говорю только о Глебе, отводя в сторону пока странные угрожающие выражения судьи в свой адрес (ведь не за что грозить?). Только время покажет, действительно ли Глеб "абсолютно тверд" в нынешних воззрениях и покончил ли с прежней неопределенностью. Я теперь буду только рад Глебу ясному и определенному. Время покажет.

Это же время покажет и меру моей собственной вины и ответственности за поведение Глеба. Ведь я вперед его отказался от диссидентской линии твердого отказа, как бы показал путь, который он только "логически развил". Такое

доказательство моей вины я не принимаю: Глеб знал, что все мои мучения были от необходимости выйти из противостояния и тюрьмы без лжи. Без лжи у меня не обошлось, но главную ложь – о клевете в "Поисках" – я не допустил. И именно это мне не прощает до сих пор суд. Глеб знал мой опыт в тонкостях, но сразу отбросил его, согласившись на признание клеветы с помощью примитивного софизма: раз судят за клевету, значит, виноваты в клевете. Он выбрал не мой, а собственный путь. И если он пойдет по нему без колебаний, то это будет на пользу и ему, и всем, даже если он и будет отныне и навсегда моим идеяным противником. И тогда все правильно, и мне не в чем себя корить. Если же окажется, что в своих словах на суде он все же был неискренним, "такая тактика" обернется крупнейшим нравственным поражением. Тогда, действительно, я буду виноват в невольном "совращении" слабого человека, дав ему пример опасных переговоров (хотя Глеб вел такие переговоры задолго до меня...)

Все же я больше уверен в первом варианте, и надеюсь, что все будет хорошо, и что с Глебом мы еще поспорим.

6.09.1982.

P.S. Позже до меня донеслось мнение Глеба в более развернутом виде. По слухам, он считал, что с тюрьмой ему "повезло": одна и та же "хорошая камера", уважительные сокамерники, неплохие отношения (даже после суда, что удивительно...). В тюремных боксах он часто видел автографы участников "Поисков" (только Гершуни теперь в Лефортово, где его дело ведет капитан Капаев, но тоже, кажется, по ст.190-1). Глеб убежден, что все, что он говорил на суде – и вправду выражает его точку зрения, пусть не полно выраженную. Это, на мой взгляд, самое главное. Правда, он и не стремился к полному выражению своей точки зрения – не видит смысла ни в каких публичных выступлениях, ни в какой публицистике в наше время. Особенно доволен Глеб тем, что дал полные покаяния по "Поискам" – оказывается, он хотел это сделать много раньше, чтобы окончательно разъяснить все непонятные места и закрыть следствие, а, следовательно, и возможности новых

преследований по делу "Поисков". Кажется, так. Он считает, что пока это дело не закрыто, опасность висит над многими, в том числе, Валеру могут не выпустить, меня снова посадить и т.д. Но, оказывается, что дело "Поисков" уже было прекращено в конце прошлого года, а весной вновь возобновлено, в связи с выходом на Западе "Поисков и размышлений"

Теперь же, поскольку суд принял его исчерпывающие показания, продолжать дело "Поисков", на его взгляд, уже нельзя. Положен предел мистификациям с разных сторон – людей, заинтересованных, чтобы вопрос о "Поисках" продолжал быть открытым (наверное, Глеб подразумевал здесь Бурцева и Егидеса?) и длились аресты...

Оказывается, в тюрьме Глеб написал кроме показаний еще развернутую автобиографию, вроде "Исповеди Бакунина", где дал объяснение не только своим взглядам, но и объединил их со взглядами М.Я и моими – на почве "либеральной благонамеренности". Зачем это было нужно, не знаю – ведь я и сам много раз выражал собственные взгляды – в том числе и властям. Также непонятно, зачем надо было поминать, что давал мне читать какой-то самиздат (я и вправду, убей меня Бог, ничего такого не помню) – якобы, потому что они это знают откуда-то еще. Вообще, Глеб считает, что сейчас очень сложное время очищения Москвы от диссидентов, могут придраться к ерунде, и потому надо сидеть очень тихо и не высываться.

Свой приговор он считает самым мягким из того, что ему могли дать, и не думает унывать. Жизнь в камере вывела его из жизненной путаницы и даже вернула способность мыслить. Теперь же он мечтает зарыться в книги и потому будет в ссылке обращаться к друзьям с просьбами о присылке книг и о переписке на отвлеченные темы.

Выходит, Глеб действовал на суде из лучших побуждений – дело "Поисков" взять на себя, чтобы угроза остальным уменьшилась. Не думаю, чтобы это было правильным. Тем более неправильно пристегивать меня в свои единомышленники, забыв начисто о всех наших спорах. Но все эти сведения – пока лишь слухи, и могут не подтвердиться.

## **Приложение 3 к книге в целом: Семью годами ранее**

### **П.0.3.1 Дневник мелкого процесса (1973)<sup>56</sup>**

Я делаю эти записи лишь в июле [1973 г.], когда для меня все уже позади и можно спокойно отдохнуть и подумать. Пишу самому себе на память и в поучение. Наверное, покажу близким друзьям. Остальным, уверен, будет неинтересно. Но друзьям, может быть, мой опыт общения с КГБ будет полезен – как для них самих, так и в плане дальнейшего общения со мной.

Прошло время, и я уже успел забыть многие детали, возможно и важные. А с другой стороны, это и хорошо: не мешает ненужное, неглавное. В дневнике я могу быть откровенным и субъективным, как мне того хочется. Поэтому я не гарантирую точной передачи всего со мной произошедшего, зато постараюсь искренне вспомнить чувства и мысли, восстановить тенденциозность личного восприятия.

**2-4 марта 1973.** В пятницу вечером, в почтовом ящике я нашарил конверт, а в нем серенькую повестку от КГБ с предложением явиться 5 марта в следственный отдел КГБ (Лефортово) в качестве свидетеля. «Все – началось» - захолонул я, аккуратно складывая повестку в паспорт. Два последующих дня были, естественно, «под впечатлением». – «Что делать? Как вести себя? - Хотя о чем это я? Ведь все уже давно решено.»

Наверняка вызывают по делу Петра Якира. Уже с осени, как только стало известно, что Петр раскаялся и начал давать показания на друзей вплоть до собственной дочери, я не исключал возможности и своего вызова, хотя и надеялся, что «пронесет»: ведь к близким друзьям Петра Ионовича я не принадлежал, бывал у них дома довольно редко. В последний

---

<sup>56</sup><http://www.sokirko.info/Tom2/small.html>

раз на Автозаводской был, кажется, в конце декабря. Валя, его жена, у которой самой голова шла кругом и от состояния Петра, и от угроз на допросах дочери, и от собственных посещений милого учреждения, тем не менее, со мной была очень внимательна и настойчиво повторяла: «Тебя в списках свидетелей, названных Петром, нет, поэтому будь спокоен – не вызовут». Помню, что отвечал я в том смысле, что, конечно, дай этого бог, но если меня все же вызовут, то давать какие-либо показания и тем топить себя и других не буду. Вот так.

Однако пока это были только слова, пусть громкие, но лишь слова. В последние месяцы я не переставал молить судьбу: «Пронеси!» Хорошо еще, что мое время до краев забито переживаниями совсем иного сорта: незаконченной диссертацией и сопутствующими ее защите препятствиями, новой работой и ее увлекательными перспективами, встречами с друзьями – терзаться просто некогда, а то просто заел бы себя.

И вот – не пронесло! Что же мне предъявят: разговоры с Петром? Что он мне говорил, и что я отвечал? – Здесь из каждого слова можно слона сделать. Или чтение Самиздата? Хроник? Что еще? – не знаю. А что, если вопросы будут самые безобидные: например, сам П.И. Якир показал, что говорил или давал Вам то-то и то-то. Подтвердите этот факт, и Вы свободны? – Нет, это только иллюзия, этого не может быть. Если им начать отвечать даже на самые безобидные вопросы, это может привести лишь к дальнейшему. Следователи, эти мастера своего дела, только удвоят свои усилия и, опираясь на уже полученные ответы, начнут вытягивать иные и, как потом окажется, совсем не безобидные показания не только на Якира, но и на самого тебя или на кого-нибудь иного. Потом они сами с удовольствием покажут тебе, как твои показания обеспечили обвинение хорошего человека – в чтении ли Самиздата или в неподобающих с их точки зрения разговорах, что ты своим предательством обеспечил ему несколько лет тюрьмы. А потом... а потом тебе, уже морально сломленному и погившему, уже не останется ничего иного, как только спасать – не совесть, нет, ее уже не спасешь, а только собственную шкуру от

наказания и, положившись на милость следователей, говорить все, что им нужно. Такова логика конца всех слабых и доверчивых. Так бывало раньше, так, говорят, происходит и сейчас.

Рассказывают гнусную историю про парня, которому предъявили факты, взятые из личного дневника, изъятого при обыске на дому обвиняемого. А предъявили их под видом чистосердечного раскаяния обвиняемого. От парня требовалось только подтвердить или объяснить показания посаженного друга. Он подтвердил их со всеми необходимыми следствию дополнениями, разъяснениями и уточнениями. Но это не было для него концом вызовов, а только – началом. Теперь у следователя появились первые официальные свидетельские показания в деле, предъявив которые уже самому обвиняемому, можно было убедить последнего в предательстве его товарища... Эта игра продолжалась вплоть до полного раскрытия и раскаяния обоих – и в чем? В чтении и распространении Самиздата! Да боже мой, кто его только не читает? И все эти люди преступники? – Да пропади все пропадом, если я согласен за это сидеть в тюрьме! Пусть тогда сажают за слушание иностранного радио, за чтение дореволюционной и совсем нереволюционной литературы и вообще за что угодно...

Еще более жуткую историю рассказывали про весьма интеллигентную женщину, которую запугали неприятностями на работе и по партийной линии. Сперва уговорили только подтвердить, от кого она получала Самиздат, потом – кому сама давала... и привели к показаниям на саму себя. И стали вить веревки...

Нет, уж лучше сразу отказаться от разговоров с ними: пусть делают, что угодно. А по закону, максимальное наказание за отказ давать показания небольшое: всего 6 месяцев исправительных работ по месту жительства, т.е. будут на работе вычитать 20% от оклада, вот и все. Тем более опыт последних лет подтверждает: за отказ от дачи показаний почти никогда не судят, хотя отказываются довольно часто. Отказывались и

некоторые мои друзья, и до сих пор у них не было из-за этого никаких последствий.

Так что выход у меня один – твердость и отказ. Не пропаду. Правда, если меня все же будут судить, то не дадут впоследствии хорошей характеристики для диссертации. Защита станет невозможной. Прощай, многолетние мучения. Да и вообще вся работа может пойти насмарку. И это самое страшное, почти непереносимое, об этом лучше не думать. Вот чего я боюсь смертельно. Столько биться из-за осмысленной научной работы, столько претерпеть неудач и срывов – и снова, очередной срыв. Как мокрая и насквозь усталая муха, я раз за разом ползу из воды по внутренней стенке стакана, и вот, кажется, достигаю его края, где можно перевести дух и обсохнуть, но нет – новый щелчок по тебе сверху, и снова барахтаешься в том же стакане, снова тонешь.

...До чего же гнусно – быть все время мокрой мухой, неудачником. А ведь годы идут, и силы не прибавляются. Да, я уже почти решил: если и в этот раз не получится защита диссертации, больше барахтаться не буду, хватит, жизнь ведь одна. Пора и о смысле ее подумать.

Но велика сила инерции: и в субботу, и в воскресенье я продолжал заниматься и работой, и диссертацией, и даже детьми, пока не вернулась Лиля из одесской командировки. Не сразу я решился ей сказать про это «пренеприятное известие». Только в понедельник утром, перед тем, как идти туда. Отпросился по телефону у начальника на пару часов, отговариваясь самыми неотложными домашними делами, и поехал.

**5 марта.** До назначенных 10 часов утра у меня еще было время. Поэтому заехал к Тане рассказать о повестке, о решении не давать показания, не искушать судьбу. Мудрая и спокойная она женщина. И меня успокоила: «Ничего, говорит, не бойся. Будут угрожать арестом – не верь, многих сейчас допрашивают, но, кроме Иры Белогородской, никого не забрали...» Интересно, почему меня все успокаивают, я вроде и сам достаточно спокоен.

Знакомые до умиления со студенческих лет Бауманская станция метро, 37-й трамвай и остановка «Лефортовский вал». В большом доме на углу Вала я часто бывал на днях рождения одной хорошей девушки. Непроизвольно проявилась в памяти одна неприятная для меня фраза из ее разговора: «Как бы там ни было, но без тех лет индустриализации, без советской власти мы были бы – ничто. Мой папа не уехал бы из деревни и не стал бы московским инженером...» Обычная, в общем-то, мысль, но тогда она меня так резанула, что я, кажется, не нашелся, что ответить. А надо было: ведь численный рост технической интелигенции в эти годы – лишь следствие технического развития страны, а вовсе не классовой политики партии. Впрочем, можно благодарить и «ту власть» - за то, что в эмиграции, арестах и голодовках вымерла большая часть старой интелигенции и этим самым, действительно, освободилось место под солнцем для «новых инженеров». И сами «новые» благодарили, и дети их, и, наверное, внуки будут. Велика сила слепого эгоизма.

Помню свое неприязненное чувство от этого неожиданного воспоминания: живут же такие милые девушки на красноказарменных улицах, Лефортовских валах, в тени казарм и тюрем, а ты – изволь, тащись в эту тюрьму на расправу. Так я думал тогда, хотя сейчас смотрю на все гораздо спокойнее.

Нашел дом 3-а по Энергетической улице достаточно быстро: в проходе между детским садом и жилым домом № 3 висел аккуратный указатель для грешников: «К дому № 3а».

11-й час. Стеклянная прихожая, потом другая, глухая. Окошко, в котором после стука можно увидеть караульного сержанта. Он принимает паспорт и повестку и велит ждать. Тут уже ждут чего-то две тихие женщины. Мне они кажутся очень грустными. Взд и вперед изредка проходят солидные дяди и юноши студенческого возраста. С неприятным шипом работает автоматика открывания и закрывания тяжелых дверей. Проходит полчаса, я сижу один. Забыли они, что ли? Напоминаю о себе в окошко. Ответ: «Ждите».

Наконец, открывается дверь. Мою фамилию называет серый мужчина, лет 40, с интеллигентными грустными глазами и, как я потом разглядел, с несколько старомодной учтивостью: «Вы – Сокирко? Пройдемте». Дежурный отдает паспорт с бумажкой-пропуском, и я следую за спиной следователя по особо важным государственным делам майора Сучкова Юрия Ивановича. Коридоры, лестницы, двери, замки-шифры. Следователь идет впереди на строго определенной дистанции, как бы говоря спиной: сейчас ты идешь, как человек, сзади, но берегись, как бы тебе не идти впереди конвоира, целое искусство обращения: в театре – начинается с вешалки, а здесь – с караульной.

Вошли в кабинет. «Раздевайтесь, садитесь». Короткое молчание и первый вопрос: «Вы, наверное, догадываетесь, в связи с чем Вы сюда вызваны» - У меня могут быть самые разные предположения, лучше, если Вы их сами скажете.

- Хорошо. Вы знакомы с Красиным В.А. и Якиром П.И.?

- А, все ясно... Я это предполагал и еще дома решил, что по делу Якира и Красина давать показания не буду.

Дальнейшие свои и следовательские фразы я не помню. Он казался профессионально вежливым и невозмутимым. Спрашивал о причинах отказа. Я отвечал неуверенно. Не мог я прямо говорить человеку (даже следователю), что не хочу иметь с ним дела, что во веки не желал бы сюда являться, что не хочу любыми своими показаниями втягивать людей и себя в яму обвинения, что не буду давать какие-либо показания и вообще иметь со следствием дело.

После нескольких попыток все же объяснил: «Не хочу участвовать в деле, в справедливость которого не верю». Для примера сослался на несправедливость судов 37-го года. Ссылка была стандартной, и видимо, столь же стандартно следователь возмутился: «Что Вы знаете о 37-м году? Вы тогда еще не жили, Вы о нем ничего не знаете». Однако ссылку на необъективное освещение в печати процесса Синявского и Даниэля (осуждение за вырванные из контекста и неправильно истолкованные

фразы) следователь воспринял молча, без возражений, видимо, не был к этому готов.

Зато начал писать протокол: ф.и.о., место работы, телефоны, подпись об ответственности за уклонение от дачи свидетельских показаний. Я подписал.

- Кстати, Красин был бы очень удивлен Вашим неразумным поведением. Хотите, устрою для Вас с ним очную ставку?

- Нет, не хочу.

- Вы что, думаете, облегчите его положение? Напротив, своим упрямством только ухудшаете, да и себя ставите в ложное положение... Вот Красин показал, что получил от Вашей жены фотоаппарат «Зенит» с Вашего согласия. Давали ли Вы такое согласие?

Я не помню следующих фраз, потому что мною овладело возмущение Красиным: «Ну, зачем же он сказал о Лиле? Ну, пусть бы вмешивал в это дело меня, ну а совсем незнакомую ему Лилю за что?» - Так я не хотел, чтобы она подпала под такую нервотрепку, и вот – на тебе, сразу, ни за что, ни про что, просто так... Вот гад».

А следователь продолжал говорить наперекор моему молчанию, что «от Вас требуется только подтверждение показаний Красина о передаче ему взаймы фотоаппарата, Вы должны помогать советскому власти, которая вырастила Вас и дала высшее образование, должны помочь вот этими показаниями в полном раскрытии обстоятельств преступлений Красина и Якира, о которых Вы еще не знаете, но скоро узнаете и ужаснетесь... Вы должны дать эти показания, чтобы подтвердить справедливость или неправильность показаний Красина. Вам от этого ничего не будет, этот вызов будет последним, и даже на работе ничего не узнают» (так я ему и поверил!). А если Вы будете упрямиться, то придется применять к Вам наказание, пусть не очень тяжелое, но ведь Вы взрослый человек и должны понимать о весьма серьезных последствиях в последующей жизни и работе (да, черт возьми, я это очень хорошо понимал...), и потом, будете упираться Вы, придется

вызвать Вашу жену, и с теми же результатами, и с теми же последствиями...»

Под навязчивые звуки этого голоса у меня в голове неотвязно ворочалось: «Уговаривает... уговаривает... неужели он прав и дело только в фотоаппарате?... да, давал, конечно, уже давно, год с лишним, и очень ругал себя за это, когда узнал, что его при обыске у Якира забрали... Тогда я даже думал о том, чтобы пойти его вытребовать, но не решился, конечно, ...страшно было связываться с ними... понадеялся, что рано или поздно, но вернут Красину фотоаппарат (материальная ценность – ее нельзя присвоить). Правда, потом, после ареста обоих, мне объяснили, что после суда все материальные улики, хозяева которых не нашлись, конфисковываются... И я потерял надежду снова вернуть себе старого походного товарища. Лиля купила новый «Зенит», и я начал к нему постепенно привыкать. И вот снова он может вернуться... Но нет! Сколько дураков уже попадалось на таких приманках: сначала расскажите только про свой фотоаппарат, потом осветите подробнее о своем знакомстве с Якиром, о чем говорили, что читали, кому давали и пошли-поехали...»

Я чувствовал, что обязан упереться, что должен устоять против голоса этой Сирены, был буквально готов заткнуть уши, чтобы вынести соблазны своего рассудка и следовательской логики. И только отделялся мычанием междометиями. А следователь все продолжал свои речи, как бы чувствуя мою слабость по растерянному и убитому виду: «Ну, что Вы упираетесь? Вы ведь ни в чем не замешаны. Вас упоминают только показания Красина (протягивает листки показаний Красина), Вы ничего не писали, не подписывали, только передали, не зная зачем, фотоаппарат. Ну, чего Вы боитесь? А, между прочим, своим упрямством Вы заставляете нас думать о возможном с Вашей стороны негативном отношении к Советской власти, которая Вас выкорамила. А в ответ мое жалкое: «Ну что Вы? Разве так можно».

Зато внутри крепла уверенность: «Врет, явно врет, не может быть, чтоб он не знал о том, что я подписывал письма и

протесты в 1968 году, чтобы он не познакомился с моими данными перед вызовом. Конечно, обманывает и завлекает. Завлечет и погубит, как пить дать, погубит!» И вот звучит мое твердое: «Нет, показаний я давать не буду!»

Молча и долго пишет протокол. Формальности про украинский язык, об ответственности по 182 статье УК за отказ от свидетельских показаний, о своих предупреждениях... И, наконец, последняя попытка: «но, с Якиром и Красиным, Вы все же знакомы?» - И мое облегченное: «Нет».

Протокол написан – одна страничка – и подписан. Следователь выписывает мне пропуск на выход. Прошел час с лишним. Он думает и говорит: «Вы сейчас очень взволнованы, явно не в себе, находитесь в шоке. Идите домой, успокойтесь, все хорошо обдумайте, посоветуйтесь со своими друзьями. Надумаете – позвоните мне. Запишите телефон Сучкова Юрия Ивановича. Однако не надумаете – пеняйте на себя. Я Вас предупреждал».

Все. Одеваюсь, иду к выходу теми же коридорами и хитрыми дверями вслед за серо-пиджачной спиной Юрия Ивановича, вплоть до караульной. Короткий кивок: «До свидания». Захлопывается дверь, потом другая, третья!

Дом № 3 мне кажется уже свободой! Радостью! Вот они, ощущения перетрусившего интеллигента, но сегодня я, кажется, вел себя хорошо. Сумел четко отказаться. А в качестве причины отказа записано коротко и ясно: «по моральным соображениям, объяснять существа которых не намерен (Юрию Ивановичу мои сумбурные объяснения, что процессы над самиздатчиками являются несправедливыми, явно не нравились, он предложил поэтому эту формулировку, и я с нею согласился – так даже лучше.., и от объяснений отказался).

Мартовское солнце на улице. Вспомнил о 5 марта – ведь сегодня круглая дата. Весна на улице. Радость. А мне, к сожалению, радоваться нечему. Все только начинается. Звоню на работу Лиле, сообщаю, что все в порядке: мне пока предъявили только показания Красина о передаче ему фотоаппарата, но я все равно отказался от показаний, но что

совсем плохо – возможно, ей придется сюда тоже приходить. Еду на работу.

**6-15 марта.** Эти дни прошли как обычно, в инерции дел и без сильных эмоций. На работе никто ничего не знал и все шло своим чередом. Близким знакомым Лия рассказывала про вызов в оптимистических тонах: вызывали – ничего страшного, Витя отказался наотрез, больше не вызывают, может, и не будут. Авось все обойдется. Друзья тоже считали, что ничего особенного не происходит: многих вызывали и трепали нервы не один раз, но так и бросили... Мое же настроение в это время можно назвать смесью жалости к себе и страха за будущее в работе и отношениях с родными (не так страшна тюрьма и суд, как сознание и факт их боли и слез). К этому примешивалось даже некоторое высокомерное и тайное чувство в беседах с непосвященными (вот мы шутим, смеемся, а меня между тем в КГБ таскают) и гордость перед посвященными: что вот был там и вел себя **как следует**, выдержал уговоры. Однако в этой смеси разнородных чувств крепла и струя недовольства своим поведением у следователя. Я был там так скован, на уме у меня было лишь одно: не поддаться, избавиться от своей мягкости, суметь отказаться. На деле я не был там свободен и смел, не мог оценить реальность угрозы и лишь пассивно следовал ранее принятому курсу. Я просто следовал общепринятым мнению. Это чувство недовольства собой только зарождалось, но впоследствии, к сожалению, слишком поздно, оно окрепло.

В голове у меня вертелось сравнение с байдаркой в пороге. В этом серьезном испытании своей жизни, как в неожиданном пороге на прежде спокойной реке, я вел себя как-то пассивно, подчиняясь заранее принятому, общему для всех решению: ничего не делать, не оценивать, не бороться, не доказывать, а только – отказываться, не участвовать, а там – будь что будет... Моему туристскому инстинкту это было противно и угнетало. Впоследствии это свое фаталистическое настроение я называл чувством совершающей **неизбежной**

ошибки. Неизбежной – потому что иначе тогда я поступить не мог. Морально не мог...

С каждым прошедшим после 5 марта днем я все больше успокаивался и временами даже забывал, пока 15 марта прямо домой к нам не позвонил Юрий Иванович и со своей, уже привычной для меня вежливостью, просил прийти 16 марта на повторное с ним свидание.

**16 марта.** 11 часов. Обычная процедура ввода. Но в комнате № 10 сидит еще один товарищ – пожилой, солидный, с простоватой и доброжелательной физиономией. Следователь представляет – прокурор следственного отдела (не запомнил имени, отчества, фамилии) «по моей просьбе решил побеседовать с Вами, чтобы еще раз объяснить Вам положение и помочь Вам».

На этот раз разговоры были гораздо более продолжительными (2-3 часа), причем Юрий Иванович в основном молчал и занимался сочинением протокола, который несколько раз начинал сызнова, а разговоры со мной вел прокурор.

Я видел его доброжелательное лицо на фоне окна, выходящего в огромный тюремный двор. Это придавало мне силы бороться со своим рассудком и не уступать давлению доводов. Предметом разговора было обсуждение мотивов моего отказа. Подробности я, конечно, уже не помню; да, наверное, не припомнил бы и два часа спустя. Не о сохранении услышанной информации я тогда думал. Сам вызов я воспринимал, как еще одну попытку уговорить меня, попытку, которой нельзя поддаться, как еще одно необходимое испытание. Но чувствовал себя я гораздо уверенней, чем 5 марта, хотя внешне вел себя так же. Нить разговора постоянно менялась. Они пытались вместить в меня весь ужас деяний Красина, прокурор зачитывал большие куски из его показаний. Конечно, в них Красин говорит ужасные вещи и притом – языком следственного протокола, в котором все выверено и взвешено, как того хотелось следователю. Слушая эти отрывки, я помнил слова Красина, сказанные им на

очной ставке со своим товарищем: «Понимаешь, перспектива получить 12 лет лагерей меня сломила».

В чтении же прокурора это звучало примерно так: «Начав с, казалось бы, невинных писем и протестов по поводу некоторых судебных процессов, мы не заметили, как перешли к действиям, равнозначным антисоветской пропаганде... Мы радовались тому, как наши письма и протесты печатались заграницей, в том числе и рядом антисоветских, эмигрантских изданий... Мы не заметили, как через иностранных корреспондентов у нас оказались налаженными связи даже с НТС... Мы распространяли «Программу демократов...» как самиздатский материал, а на деле он был нам подсунут из-за границы маxровой антисоветской организацией НТС... Мы ответственны за создание и развитие так называемого «Демократического Движения»... Мы ответственны за поддержание у некоторых людей психологии жертвенности, неприязни к советской власти... Мы виновны...»

Эти страшные слова были вполне в духе признаний 30-х годов и только укрепляли меня в «хохляцком» упрямстве, как деликатно выразился Юрий Иванович. Кстати, он не преминул обратить мое внимание на то, что мое поведение полностью согласуется и определяется положениями «Юридической памятки» А. Есенина-Вольпина: «Ведь Вы знакомы с этой «Памяткой?»... Конечно, я ничего не отвечал, но он попал в мою больную точку. Я, действительно, вел себя строго по Есенину-Вольпину, по заранее написанной инструкции и эта запрограммированность меня раздражала. Он угадал.

Прокурор не только «раскрывал мне правду». Он рассказывал также, что следователи совсем не страшны, что 37-й год давно прошел и не вернется, что Красину и Якиру в Лефортово созданы очень хорошие условия, Красину обеспечена диета и, по словам самого Красина, нигде ему не было так хорошо с питанием, как здесь... Помнится, на это я отвечал, что совсем не плохо отношусь к ним, как к конкретным людям, вполне доверяю их искренности и уверен, что они сами не желают мне ничего дурного. Но ведь не от них зависит

судьба людей, ведь они сами подчиняются Организации, которая все решает – сегодня так, а завтра по-другому. На это Юрий Иванович сразу вмешался: «Вот еще! Как мы доложим начальству, так и будет». Обращается к прокурору: «У многих совершенно превратное представление о следственной работе. Вот недавно показывали фильм, где изображена работа органов. Так каких только глупостей в нем ни наворочено, какими только средствами следователи там ни добиваются признаний: ослепляющими лампами, угрозами... Совершенно глупый фильм, как только его пропустили... А иногда болтают, что мы используем гипноз. А Вы (вопрос ко мне) не думаете, что мы воздействуем на Красина и Якира гипнозом?» - «Нет, не думаю...» - Молчание. И снова говорит прокурор: «А ведь у Красина железный характер. Да Вы ведь и сами его знаете...» Я игнорирую уловку, но вообще-то прокурор совсем не старался меня ловить, и, как я потом оценил, был даже ко мне расположен. Он явно не знал, что со мной делать. И роль уговаривателя ему была явно не по нутру. Иногда даже казалось, что ему просто по-человечески интересно меня понять.

-Зачем Вам нужно, чтобы Вас судили за отказ? - спрашивал он.- Наверное, вы хотите стать жертвой? Чтобы о Вас писали зарубежные издания, чтобы Вас жалели, чтобы чувствовать себя героем.

- Ничего подобного. Никакого желания стать жертвой и жаловаться заграницу у меня нет, можете быть спокойны. Я только хочу, чтобы меня не трогали. Пусть даже меня накажут, как хотят, но только чтобы не таскали на допросы.

- Ну... это, между прочим, даже от Вас не совсем зависит. В Москве найдутся такие люди, которые и без Вашей помощи передадут о Вас материалы за границу.

Но я продолжаю горячо отрицать всякую возможность своего «заграничного прославления». Мне, действительно, подобная «известность» ни к чему, даже противна духу. Лишь потом я сообразил, насколько глупо было убеждать прокурора в том, что мой будущий процесс не принесет им никаких

неприятностей, как бы сам провоцировал КГБ своей беззащитностью на возбуждение против меня уголовного дела: «Не бойтесь, мол, все будет хорошо, бейте, а я вас не подведу, молчать буду как рыба... Никакие зарубежные газетчики ничего не узнают».... Но что же делать: такое убеждение у меня действительно существует и оно в разговоре вылилось сразу, почти непроизвольно. Правда, впоследствии я убедился, что мне все же не поверили и предприняли все возможные в этом случае предосторожности против сборища у здания суда. Тем не менее, думаю, что у прокурора будет возможность убедиться, что я его не обманывал: реклама мне не нужна.

...Да, я не могу пересказать всего... Например, такой вопрос: «Вам, наверное, очень нравится Хрущев?» - задается с явно обидчивой интонацией. Отвечаю, что и Сталин, и Хрущев мне оба не нравятся, но каждый по-своему. Однако вопрос был задан в расчете на положительный ответ, ибо после него последовал бы типичный для них рассказ о том, как нехорошо выступал Хрущев на каким-то активе следственных работников, нес чушь, и угрозы... И все это никуда не годилось.

Еще пример. «Почему Вы всего боитесь?» - спрашивают. Я объясняю свой нынешний страх детскими впечатлениями, запавшими в душу жуткими ночных рассказами о разъезжающих «черных воронах», - досадливо машет рукой: «Мы ведь никого не трогаем за разговоры... Но Вы ведь должны понимать, что государство не может не защищать себя от враждебных действий, в том числе и от антисоветской литературы... Давайте говорить прямо, без протокола. Вы, конечно, бывали у Якира, получали различную информацию. Наверное, встречали книгу Авторханова «Технология власти»... Ну хорошо, не видели. Очень известная книга. С виду – обычный приличный учебник истории партии. Все рассказывается спокойно и обстоятельно. И ничего плохого не заметно. Но как «доходишь до конца книги, до заключения, то и обнаруживаешь, где скрыто зло – выводом изложен призыв к вооруженной борьбе с советской властью. А вначале – можно и не заметить... У нас совсем не те цели, как Вам представляется.

Для нас важно не наказывать, а пресечь вредную антигосударственную деятельность, которой занимаются некоторые люди. Вы что, думаете, мы мало знаем? – Нет, мы знаем очень многое, например, знаем, кто и как делал Хроники. Однако, ведь никто не арестован, за исключением крайней необходимости. Вот, например, Емелькина – она прямо созналась, что «изготавлия и распространяла Хроники» - а мы ведь ее не трогаем. А Вам-то чего бояться? Да если бы мы хотели арестовывать, то разве мало кандидатур? – Одних только членов организаций сколько – Инициативной Группы, Комитета Сахарова...» У меня вырывается: «Вы что же, Сахарова собираетесь арестовать?» - И получаю в ответ добродушное: «Ну зачем же так... Но у Сахарова есть, конечно, вывики».

Наконец, прокурор утомился и вышел. Без него у следователя протокол начал двигаться много живее. Изредка молчание прерывалось вопросами: «Так, значит, отказываетесь? А мотивы отказа как будете формулировать?» Я повторяю снова и уже более четко: «Не считаю для себя возможным участвовать в процессах, связанных с преследованием Самиздата». – «...Так, понятно...» - продолжает писать. В одну из пауз он пододвинул ко мне листки и уверенно сказал: «Пожалуйста, посмотрите». Я взял эти листки. Это был протокол допроса Красина. Содержание его, конечно, меня очень интересовало.

Красин описывал свои поиски фотоаппарата у знакомых – сначала у школьного друга, потом у меня (первый аппарат оказался неисправным). Описание было довольно точным и подробным, без передергиваний, холодно и без каких-либо попыток как-то облегчить положение описываемых: «Знаком с Сокирко с 1968 г. встречал иногда там-то и там-то... Встретив его однажды на квартире Якира, попросил на время фотоаппарат. Для каких целей – не говорил, но из нашего разговора было понятно, что для пересъемки самиздатовской литературы... Сокирко согласился... Но когда две недели спустя я звонил ему домой, он находился в больнице, аппарат мне выдала его жена... фотоаппаратом Сокирко я переснимал спецвыпуски «Посева»...»

Не поинтересовавшись у следователя, что же это были за спецвыпуски (это были «Хроники») я молча вернул ему красинский протокол...

Наконец, Юрий Иванович закончил свой труд, пододвинул мне его для подписи. Я начал читать. С удивлением отмечая такой эпизод. «Вопрос: Ознакомьтесь с протоколом допроса Красина В.А. Ответ: С протоколом Красина В.А. ознакомился, смысл его мне понятен, никаких замечаний сообщить не могу».

Поразмыслив, мне пришлось убедиться, что Юрий Иванович прав, написав, что с протоколом я ознакомился, что смысл его мне понятен и сказать ничего не могу... Но как ловко он подсунул мне этот текст, не предупредив о фиксации этого в протоколе! (Когда я рассказывал этот случай Тане, она только усмехнулась: «Вот видишь, с ними надо быть очень осторожными»).

Наконец, читаю самое интересное. «Вопрос: Расскажите подробнее о мотивах Вашего отказа давать показания по делу Красина и Якира? Ответ: Я считаю, что Красин и Якир не виновны и опасаюсь, что мои показания могут им повредить...»

Над этим местом я думал неприлично долго. Записано было не то, что я говорил и следователю, и прокурору. Надо исправлять. Но ведь для этого надо заново переписывать протокол (о возможности написать замечание в конце протокола я забыл). Было уже много времени, мне уже давно пора было появляться на работе... А с другой стороны – ведь и эта формулировка достаточно правильна. Правда, я совсем не говорил, что считаю невиновными только Красина и Якира. Я говорил вообще о самиздатовских процессах. Тем более, что многие считают Красина и Якира как раз виновными – в раскаянии. Но ведь не об этой вине сейчас идет речь.

По-видимому, им (прокурору и следователю) очень неприятны всякие упоминания о несправедливости процессов над Самиздатом, они постоянно уходят от этих вопросов, а сейчас вот произвели даже прямую подмену моих слов. Ну и черт с ними, какая разница? – думал я. И, в конце концов,

уступил, молча подписал все листы и под диктовку Юрия Ивановича написал завершающую фразу: «Замечаний и дополнений к протоколу не имею».

Пришел снова прокурор. Прочел и что-то подписал. Юрий Иванович спросил его о возможности очной ставки с Красиным. Тот ответил отрицательно: «Очная ставка возможна лишь при расхождении показаний, а раз таковых нет, то и очная ставка не имеет смысла». Мне же в заключение прокурор сказал: «Да, очень жаль, но я не могу ничего поделать: все совершенно ясно и есть все основания для привлечения Вас к уголовной ответственности. Вот только если они (кивок на следователей вообще) Вас пожалеют, у них есть право не привлекать...» и распрошался.

Подписывая мне пропуск на выход, Юрий Иванович невзначай заметил: «А мне придется вызвать на допрос Вашу жену. Наверное, не имеет смысла разыскивать ее на работе или посыпать повестку. Если ей будет удобно, можно прийти в субботу, мы тут работаем по субботам. Я позвоню ей». – Это правда, Лиле лучше не отпрашиваться с работы, а приехать в субботу. С этим я был выпровожен из дома № 3а.

Знакомый теперь путь до трамвая и дальше до метро и работы я проделал уже гораздо более мрачным, чем в первый раз. Правду сказать, я был в отвратительном состоянии. Дело складывалось гораздо серьезнее, чем я думал еще сегодня утром при начале разговора. Сочувствующие слова прокурора не оставляли сомнения, что судебного процесса мне, наверняка, не избежать. Значит, вся работа и диссертация наスマрку, и все старания – зря, зря, зря! Мокрая муха – снова и снова! Из переката в перекат. И все швыряет и бьет. Когда ты только научишься спокойно и уверенно плавать? Ну да со мной легче – уже не раз попадал в подобные житейские водовороты, и, тем не менее, выходил из них живым, невредимым и даже счастливым, как никто. А вот Лилия...

Это самое страшное: вызов Лили стал неизбежным! И я ничего не могу сделать, только самому толкать ее на допрос, самому накидывать на шее веревку. Ведь столько лет билась она

с защитой кандидатской, а потом в поисках соответствующей работы. Наконец-то все, выползла цокотуха, только-только крылышки обсушила (на работе ее хвалят), полетела – и на тебе... И из-за чего? – Из-за глупого случая, из-за того, что я был в больнице, да из-за дурацкой точности Красина: Ну, зачем было ему нужно приплетать сюда и Лилю, вызывать ее на допрос? Но сделать ничего нельзя... Нельзя с ними разговаривать, соглашаться на показания под уговорами и угрозами. И она в том же будет положении: скажи только слово, только признай, что отдала фотоаппарат и больше ничего не знаю – они не отстанут, пока не скажешь и о муже, и о его настроениях, и о знакомых, и его, и своих заодно... Покатилась наезженная телега моих доводов, общеизвестных аргументов.

Но что же делать? Что же делать? Я буквально разрывался в безысходности... Думаю, именно в эти часы я и начал совершать предательство общепринятой диссидентской морали: «С ними, с людьми КГБ – не разговаривать!» Да и что говорить. Принципиально я уже давно подкапывался под эту концепцию. Теоретически мне давно было ясно, что сотрудничать с КГБ во многом необходимо, поскольку приходится признать, что для страны в настоящий исторический период эта организация необходима. Ибо без нее, как без главной скрепы, все нынешнее здание рухнет («Органы госбезопасности – самое острое оружие партии» - сказано М. Ракоши уже очень давно и очень правильно: без органов партия сегодня невозможна).

Но это только теоретическая ясность. Практически же пойти на контакты (стать «сотрудником КГБ») я, конечно, не мог. До сих пор не понимаю, почему? – Может, оттого, что в своих моральных установках сильно завишу от мнения друзей и окружающих людей. А может, дело совсем в другом: именно мораль «Движения в защиту прав» и соответствует моей внутренней сути, родственна ей, но вот жизнь заставляет изменять этой морали, а это очень тяжело... Так было с моим самокритичным письмом в ЦК после исключения из комсомола в 1961 г., так было после исключения из аспирантуры и

обвинения на работе в 1969 г., когда я принял решение больше не подписывать протесты. Ведь это тоже было изменой самому лучшему в себе. И было необычайно стыдно перед теми, кто подписывал, стыдно было не протянуть руку и не сказать: «Постойте, дайте и я подпишу. Я тоже с Вами...» - Не знаю, с чем это можно сравнить. Наверное, для мужчин - с самообвинением в трусости, в отказе пойти в бой, когда к этому зовет сердце. Но вокруг вроде никто не осуждает, все входят в твое положение: ведь и вправду выгоняют с работы, как предупреждали... и вправду дети есть... Но ведь в бой, на фронт идти - было не легче, а по сравнению с теми, кто предпочитает лишиться ради Защиты Прав и работы, и жизненных удобств - ты все равно трус!

Я пережил это, потребовалось титаническое количество времени и работы, чтобы убедить себя, что имел право на такой шаг, имел право выбрать работу и относительное спокойствие, что не надо быть нетерпеливым экстремистом. Я научился волевым усилием преодолевать часто приходящую к совести мысль о том, что все это лишь самоуговоры и самооправдания шкурника, что кроме физиологической трусости ничего тут нет. Но постепенно я научился опровергать эту мысль и приводить себя в равновесие.

А вот теперь нужен новый шаг: передо мной встаёт необходимость дать свидетельские показания в процессе Красина и Якира, стать свидетелем обвинения, почти сотрудником следствия КГБ. Стоит очень остро и грозно: или сотрудником КГБ, или обвиняемым КГБ? Нет, еще остree: не только и не столько твоя судьба, но и судьба и жизнь твоей жены и, следовательно, детей...

Ради объективности надо отметить, что обстоятельства поставили меня в весьма благоприятные условия для совершения этого очередного предательства. Сам Красин и Якир вызвали у многих возмущение своими показаниями, и быть свидетелем обвинения их - не казалось тяжелым преступлением: так им и надо! Показания, которые от меня требовались, касались, в общем, сущего пустяка - передачи

фотоаппарата. Подтверждением этого факта я никого не задел бы и не повредил бы даже Красину. Таким образом, речь шла лишь о нарушении общего морального принципа тех дней: «С ними – не разговариваем!» Да еще перспектива появления записи о сотрудничестве с КГБ на процессе Красина и Якира: «Вина обвиняемых доказана тем-то и тем-то; в том числе и показаниями Сокирко В.В.».

Мои друзья эту грань перейти не могли и не желали. Я, может быть, и желал бы, но не мог... А в этот день, после второго допроса, передо мной стояла задача еще более простая и ясная, не связанная с понятием личной трусости. Лиля фактически не была знакома ни с Якиром, ни с Красиным. Я еще могу опасаться, что меня в случае показаний начнут копать дальше, а ее – просто не имеет смысла. Ведь и вправду, она только передала аппарат. Весь остаток дня и последующие дни эти мысли ворочались в моей голове тупо и отчаянно.

**22-24 марта.** Вечером у нас были гости. Мы звали их еще раньше и совсем по иным причинам, но вечерний разговор постоянно возвращался к этой теме. Общий тон его был обычным: мое поведение правильно, с «ними» нельзя разговаривать, надо всегда помнить, что хоть в отдельности «они» - обычные люди, на службе – это лишь винтики страшной машины, вспоминались и анализировались случаи признаний и показаний – в результате людей, на это решившихся, всегда ждала беда... И вообще обсуждался нынешний «спад» или «распад» идеальных настроений интеллигенции... Само собой подразумевалось, что Лиля, видимо, тоже будет отказываться, если «они» ее позовут все же и будут требовать «государственной искренности».

Моей подспудной, внутренней работе этот разговор не помогал. Даже наоборот, он как бы создавал сопротивление ей, затруднял осознание уже произошедшего морального перелома. Однако, Лилю положение не позволяло тянуть с раздумьями. Наверное, с ней творилось то же самое, с тем лишь отличием, что мораль отказа никогда не была в Лиле сильна, а скорее

просто навеяна общими влияниями. Тем трагичнее было бы и ей поддаться и своим «Нет» кинуться в тот же омут.

На следующий день, вечером, Лиле позвонил Юрий Иванович. Пригласил зайти к нему завтра, в субботу, к 11 часам.

Утром мы в последний раз говорили с ней перед поездкой. «Ну что же делать, Витя?» - спросила она. Тысячу раз я благодарен ей за этот вопрос. В нем прозвучала настоящая просьба совета, просьба о помощи. Речь не шла о моем отказе, о моей совести или трусости. Речь шла только о том, чтобы помочь дорогому мне человеку выпутаться из беды. Именно этот вопрос-просьба столкнул меня, наконец, с мертвоточки, с тягостного раздумья-молчанья, дал силы для предательства, прорвал гнойник нерешительности.

«Знаешь, Лиль – отвечал, - ты все же сделай попытку с ними договориться. Если их цель, действительно, заключается только в том, чтобы подтвердить показания Красина, то соглашайся дать показания об аппарате. Но если они начнут выпытывать обо мне, моих знакомых, взглядах и т.д., то надо непременно упереться и отказаться от показаний. Надо сделать такую попытку. Ведь они должны понимать, что с тебя многое не возьмешь, и, наверное, согласятся на такой компромисс». Она сразу же согласилась: «Ты знаешь, я сама все время так думаю. Обязательно попробую. А не получится – ничего не сделаешь, откажусь». С облегчением как-то сказала это. Покормила детей и ушла.

Ушла в 10 утра, а вернулась в 3 часа дня. Ясно, я беспокоился. Наконец-то, звонок. Бегу открывать дверь и – веселая! Все хорошо! Но пусть об этом расскажет сама Лиля:

«Когда Витя сказал, что мне придется встречаться с Юрием Ивановичем, то передо мной как бы встала непроходимая стена. С одной стороны, я понимала, что давать показания – значит, втягивать Витю своими руками в ту трясину, откуда не выбраться, а с другой стороны – не давать показания, значит, «идти по миру» не только ему, но и мне, т.к. удержаться на работе, которой я очень подхожу, мне не удастся, начнется смутная полоса случайных, тоскливых работ и

заработков... Но я не смела допустить мысль - дать показания. Так считал Витя, так считали друзья. Они умнее и опытнее меня. И все же я ждала чуда. Не знала, откуда оно придет, но оно не могло не прийти, залогом тому вся моя жизнь...

И оно пришло и увело от беды. А материализовалась оно в Витиных словах: «Ты понимаешь, им вроде ничего не нужно, кроме подтверждения факта передачи фотоаппарата. Может, все же тебе – дать показания, но исключить меня и прочее». - Да, конечно! Ведь это, действительно, можно! Было ощущение, что этими словами Витя сдвинул стену, что преграждала мне путь (отклоняла жизненную линию). И мрачное утро перестало давить и только чуть-чуть где-то внутри ощущалось шевеление страха, когда я подходила к «Лефортовскому» дому.

*Первую фразу я составила по дороге и возвращалась к ней, как к заклинанию. Это помогло мне после первых еле слышных хриплых ответов на вопрос: «Знаю ли я, почему меня пригласили?» - четко и громко сказать эту фразу: «Я согласна подтвердить тот факт, что отдала фотоаппарат Красину, если Вы не будете расспрашивать меня о муже или о ком-то другом». Ответ следователя: «Хорошо, давайте попробуем» разом снял напряжение, и я начала писать протокол.*

*Страницу с небольшим моих показаний я писала около полутора часов (крупными буквами). Было два трудно увязываемых вопроса-затруднения: сообщал ли мне Витя о просьбе Красина, а если нет, то как я могла передать фотоаппарат незнакомому человеку, а если я все же знаю Красина, то откуда. Я, действительно, не была знакома с Красиным, но пришлось написать, что фамилию его я слышала, но от кого, не помню. Не помнила я также, был ли у нас с Витей разговор о Красине и фотоаппарате. А почему я дала аппарат незнакомому человеку – то это объясняется моей отзывчивостью на просьбы.*

Я не была спокойна все три часа пребывания в следовательском кабинете, откуда виден внутренний двор лефортовской тюрьмы, но явная заинтересованность следователя помочь мне написать протокол, не вмешивая Витю, его беспокойство, когда я говорила: «Не получается, придется, видимо отказываться» и само освобождающее ощущение возможности встать, порвать протокол и уйти – давало мне силу чувствовать себя не загнанной мышью, а вполне человеком.<sup>57</sup>

Все. Ставлю точку, перечитываю. «Распишитесь». Прежде чем расписаться, задаю последний вопрос-раздумье человеку, с которым вместе поработали: «Как Вы думаете, никому не наврежу?» - «Нет, тысячу раз нет». Еще несколько секунд промедления, расписываюсь и протягиваю ему протокол. Сдержаный вздох облегчения вырывается у Юрия Ивановича, его движения становятся какими-то поспешными, но я не успеваю испугаться, как он уже предлагает мне провести опознание фотоаппарата, чтобы больше не приходить к нему. Я охотно соглашаюсь. Он приносит два «Зенита»: один в черном футляре, другой – в коричневом, предлагая выбрать. Я в растерянности. Черный сразу откладывают – не наш, а у другого – коричневый футляр слишком новый и объектив другой. Неужели я так забыла? – Не признать фотоаппарат, значит, вообще не получить его. И я, стыдясь саму себя, начинаю что-то отыскивать знакомое. Но, видно, поняв мои затруднения, Юрий Иванович отправляется на поиск другого, «недостающего» аппарата (не забыв вызвать какого-то мальчика покараулить меня в кабинете). Он возвращается с нашим родным потрепанным «Зенитом», и я радостно кричу: «Вот это наш».

Вслед за ним появляется нынешний хозяин нашего «Зенита» – ведущий следователь по делу Красина –

---

<sup>57</sup> А. А.: «Так называемый *свидетельский иммунитет* (право не давать показаний против близких родственников) существовал уже и советском законодательстве. Но вряд ли Вы об этом знали...». Л. Т. «Я и не давала показаний против Вити, а показала, что отдала фотоаппарат по своему желанию»

Александровский. Пронзив невзначай меня своим поставленным взглядом, он вальяжно располагается в кресле напротив. На его дородном теле прекрасный темно-синий костюм. Он весь благодушье, ум, терпимость. Мне уже нечего было бояться, и потому спокойно переносила его пронизывающие до затылка взгляды, хоть он и очень старался.

Как я поняла, он решил сделать последнею попытку принудить Витю к даче показаний через меня. На это я отвечала, что слова его Вите передам, но давить на него не буду, потому что привыкла считать, что муж сам знает, как ему вести себя. А еще в оправдание Витиного молчания я сказала: «Ему хорошо, он – не то, что я, не участвует в этом грязном деле». Александровский как-то принужденно рассмеялся и обернулся за улыбкой к Юрию Ивановичу. Тот улыбнулся.

*Ушел Александровский, явились понятые, которым я продемонстрировала, что знаю свой аппарат, а потом они сидели долго-долго (минут 40), пока Ю.И. писал и аккуратно переписывал протокол опознания. После их ухода я посоветовала Ю.И. выписывать им молоко за вредность – уж очень тоскливая работа. Позабавила меня и другая деталь. Во время последнего часа, когда писать мне было не нужно, я рвала черновик своего протокола и складывала из клочков фигурки. Все эти клочки Ю.И. аккуратно смел с моего столика своей холеной женственной рукой в коробку и запер в сейф... Кто-то характеризовал его как женолюбца – этот штрих как бы завершил портрет. Мне неприятен этот человек, я не могу оправдывать его работу необходимостью зарабатывать деньги для семьи, не верю в его «беспределную преданность или что он не понимает «характера» своей работы»... Уходя, я как-то непреднамеренно подняла голову и вместо прощания ограничилась кивком через плечо, если бы он протянул мне руку, я не смогла бы себя заставить ее пожать. Это был*

*редчайший случай, когда гордыня из меня так и лезла.  
Наверное, это все оттого, что посещение Лефортова,  
встреча с его «тружениками», необходимость бесед с  
ними я ощущала как осквернение.*

Тогда меня поразило, как спокойно и уверенно Лиля держала себя на допросе, как естественно она настояла на том, чтобы самой писать протокол (я об этом использовании своего права и не заикался – инстинктивно не могу перечить желанию начальства). Наши раздельные экскурсии в Лефортово показали, что я в таких делах гораздо слабее ее. Мне было просто стыдно, но ничего с собой сделать не могу. И в последующих этапах этого процесса моя смелость и уверенность отнюдь не возросла.

Не передать, какой величины камень свалился с моей души после этого успеха Лили. Главная опасность миновала. Будущее ее не будет испорченным. Муху не скинут в воду. Не будут таскать на допросы, судить, прорабатывать на работе, а потом добиваться увольнения и увольнять. А будет в порядке Лилина работы, будут в порядке и дети. И мне будет относительное спокойствие, что бы ни случилось лично со мной. И при этом даже не думалось, что Лиля в этот день фактически нарушила заповедь «С ними не разговаривать» и может быть осуждена друзьями. Ведь она никого не называла, она даже вынудила следователя мучиться в поисках правдоподобных фраз в протоколе, она сделала одно добро себе и детям. Хотя, конечно, нарушение принципа – налицо, и согласие быть свидетелем обвинения – тоже...

Реакция друзей была в общем положительной. Лилей даже восхищались за смелость и достоинство в кабинете КГБ. Получалось, что не она согласилась на сотрудничество и разговоры с «ними», а напротив, вынудила «их» с нею сотрудничать, заставила поступить по-своему. Получалось, что такое поведение даже лучше простого отказа. Хотя большинство при этом оговаривалось, что все произошедшее с Лилей – лишь редкий случай, исключение из общего правила «не разговаривать». Когда после Лилиного похода в Лефортово я пытался вслух анализировать возможность в некоторых

случаях все же давать показания (если это не влечет нанесение вреда кому-то, а сам отказ грозит тяжелыми последствиями), то в ответ на это получил резонное замечание, что не следует частному опыту отдельной семьи придавать общий смысл. Большинство наших знакомых на этом и сошлось: «Мы оба правильно поступили: я – отказалась, Лиля – согласившись на показания (ни с кем не знакома, мать семейства, и вообще – молодец, здорово себя вела, с достоинством).

Кстати, Лиля мне передала, что следователь в заключение встречи просил передать: до вторника у меня еще есть возможность переменить свое решение и дать аналогичные показания об аппарате, а потом будет поздно.

**25-30 марта.** После первых часов радости за Лилю, я снова впал в уже привычное оцепенелое раздумье – уже о своей жизни. Лилин опыт оказался удачным. «Они» не делали никаких попыток выйти за рамки официально необходимых показаний, вели себя вполне корректно. Может быть, мне все же пойти в понедельник на попятный?

Сегодня, оценивая всю эту историю, зная о конечных ее результатах, я говорю себе, что именно тогда сделал основную ошибку. Именно тогда я уже понял, что можно ограничиться показаниями об аппарате, т.е. повторить Лилин маневр. Именно тогда я ясно видел чистый фарватер перед собой и резким взмахом весла мог бы направить свою байду в обход порога, на путь Лилиного компромисса. Наверняка, тогда не было бы суда, ни всего, что еще будет после него.

Можно было понять, что предупреждение Ю.И. не шуточно, что оно дается не зря. Однако в это время я был слишком увлечен иным, чтобы правильно оценить и намерения следствия и свои возможности все же стать свидетелем. В это время я был сильно задет отрицательным отношением друзей к истории о подмене следователем высказанных мною мотивов отказа – собственной формулой о том, что, по моему, мол, мнению, Красин и Якир – не виновны. Они считали, что в этом есть что-то не хорошее, что меня вынудили этим сделать грубую

ошибку, спровоцировали на высказывание еще до суда своего мнения о невиновности обвиняемых (хотя, собственно, что тут страшного?). Следовало бы обязательно настоять на собственной формулировке («не могу участвовать в судах за распространение и чтение Самиздата»). Я не очень понимал эти доводы, но соглашался, поскольку подмена, действительно, была, а главное, мне все время казалось, что робкий, несмелый вид, готовность идти на поводу у следователя почти во всем (кроме самого «отказа») создали у «них» соблазн устроить на моем удобном примере показательный процесс с целью привлечь остальных людей, отказывающихся от свидетельских показаний.

Меня угнетали воспоминания о собственных уверениях прокурора, что в случае суда я буду вести себя тихо, не буду играть роль жертвы и поставлять материал на Запад. Предупреждение Юрия Ивановича, переданное мне через Лилю, я воспринял именно как реальную возможность такого показательного суда другим в поучение. Моя мягкость и провоцировала, мол, их на такой процесс.

Поэтому я соглашался с доводами, что полезно проявить твердость и показать, что если будет суд, то он не будет избиением младенца, что он будет для «них» неприятностью, ибо я намерен держаться твердо своего: «Суды над Самиздатом несправедливы, проходят с нарушением законности, гласности, поэтому участие в них – аморально». Если «они» убедятся в моей твердости, то, может быть, им не захочется связываться, делать еще один неудобный процесс по мелкому, в общем, поводу, а предупреждение следователя окажется пустой угрозой.

Для совета меня даже познакомили с С.В. [Каллистратовой] – очень доброй и славной женщиной, много помогшей мне в эти колебательные месяцы своим ясным умом квалифицированными, исчерпывающими советами и добрым смехом. Она выслушала объяснения Тани [Великановой] по моему делу и вдруг спросила: «А почему, собственно, Танечка, Вам не нравится формулировка следователя?» - Я почувствовал

себя много увереннее после такого недоумения знающего человека, потому что сам не понимал до конца Таниных опасений, а признаваться в этом было стыдно... Но в конце концов, С.В. – не долго спрашивала, она не принадлежала к любителям спорить и переубеждать, да и с Таниной убежденностью трудно спорить. Только ограничилась ясным советом, как можно исправить формулировку в протоколе допроса: для этого не надо напрашиваться на новый допрос, можно просто отослать следователю свое заявление с просьбой приобщить его к протоколу. Посыпать следует заказным письмом с обратным уведомлением о вручении. Это и будет официальным изменением протокола.

Так я и сделал. Написал заявление на 1 листе, где просил заменить формулу следователя в моем допросе следующим: «По моему глубокому убеждению, все процессы, связанные с чтением и распространением самиздата, к которым, по-видимому, относится и дело Красина и Якира, являются несправедливыми и проходили с нарушением законности. Поэтому участие в них на стороне обвинения – аморально и для меня неприемлемо. Сознавая свою ответственность перед законом, я не чувствую своей вины перед справедливостью».

Последняя фраза мне казалась слишком громкой, но я ведь и стремился здесь к этому. Лена [Сморгунова] же, которая по моей просьбе просмотрела текст от ошибок, даже назвала эту фразу красивой. Увы! Единственная красота во всей этой истории... И может, самая вредная для меня.

Письмо я отправил в понедельник. Оставалось только ждать. Теперь уже никаких отступлений, никаких звонков к Юрию Ивановичу с согласием на Лилин вариант быть для меня не могло. Я выбрал жесткую позицию, позицию нападающего обвинения, позицию своих друзей. Наверное, это был пик моей «смелости», поскольку, казалось, именно жесткость и решимость могли спасти меня от роли козла отпущения или мальчика для порки.

Оставалось только ждать возвращения уведомления о вручении и надеяться на то, что после этого «они» отвяжутся...

Но прежде, чем пришло уведомление, мне снова позвонил Юрий Иванович и снова пригласил зайти к нему в субботу, на час, не больше...

*Комментарий-1977. Здесь я прерву текст дневника 1973 года эпизодом, который в то время я боялся поминать наряду с признанием своего близкого знакомства с «Хрониками», а сейчас его освещение кажется необходимым. Одновременно мне хочется оценить ту ситуацию. Она заключалась в том, что, сознавая теоретически возможность разговаривать с КГБ и давать им показания и чувствуя это интуитивно, я не мог преодолеть господствующего тогда морального запрета и подчинился своим друзьям. Моих сил хватило лишь на то, чтобы вытолкнуть из потока Лилию. Сделать же аналогичный шаг и выбраться самому я не смог, даже, напротив, сделал шаг в сторону экстремизма, надеясь в центре потока проскочить камни, остаться невредимым.*

*Только позже (когда было поздно) я все же сделал этот шаг к даче показаний, но – не самостоятельно, а с чужой помощью... Почему так? – Оказывается, сделать самому моральный поворот поворот так же трудно, почти невозможно, как самому вытаскивать за волосы себя из болота. Человек не может решиться на поступки, идущие вразрез принятой морали, даже если он пришел к внутреннему убеждению в их правильности, ибо он не может, не смеет сам отменять мораль. Это может сделать только другой человек, а лучше – другие люди от имени всех остальных людей, которые согласятся с ним и одобрят эти новые поступки, дадут моральную санкцию на них, как бы установят новую мораль. Но для этого*

*обязательно должен быть Другой, как представитель общества. Только тогда появляется надежда на свою правоту, на завтрашнее оправдание в глазах людей, которые сегодня тебя еще не понимают, надежда, что ты не порвешь с ними дружбы – ибо без нее – тебя нет как человека.*

*Каким бы индивидуалистом ни становился человек, он никогда не сможет уйти от дорогих ему людей, ликвидировать свою зависимость от них, от их моральных оценок, потому что человек – животное общественное. Его свобода и индивидуальность не могут быть безграничными.*

*Под моим влиянием Лиля поступила наперекор диссидентской морали. Это не было осуждено, но лишь в качестве исключения, которое только усиливает общее правило. Чтобы мне самому пойти по этому пути, необходимо убедить своих единомышленников в правильности Лилиного пути, в возможности сотрудничать со следствием при условии не нанесении вреда кому бы то ни было.*

*С другой стороны появилась необходимость разобраться с выявившейся на следствии претензией Красина и Якира выглядеть лидерами созданного в их воображении «Демократического Движения». Оба «лидера» к этому времени уже достаточно далеко продвинулись по пути самоосуждения и слали из Лефортова письма-послания к оставшимся на воле с предложениями прекратить «Хроники» и другую «деятельность», с призывом отступить, поскольку «противник все знает», взял «основную крепость» и, следовательно, сопротивление сейчас бесполезно, а нужно сохранять людей, циркулировали слухи о каких-то списках еще свободных людей, на которых*

*следствием собраны достаточные для сурового осуждения материалы – их обязательно арестуют, если не прекратится выпуск «Хроник»... Поставленная перед выбором: продолжение выпусков или арест людей, редакция «Хроники» приостановила их выпуск. А может навсегда? Хроника перестала существовать, и писать в Хронику стало нельзя, даже с частным письмом. Поэтому я обратился с таким письмом просто к друзьям:*

### **Одно мнение по поводу последних событий**

*1. Стало известно, что следствие по делу Якира и Красина продлено еще на 6 месяцев. Это известие совпало с вызовом большого количества людей в качестве свидетелей. Им предъявляются показания обвиняемых и их «чистосердечные» раскаивания со всеми мыслимыми и немыслимыми подробностями. Опираясь на эти объемистые документы, следователи требуют «искренности» и от свидетелей.*

*В такой ситуации перед каждым стоит выбор: или становиться свидетелем обвинения, подтверждать показания Якира и Красина и их дополнять, т.е. встать на позицию искреннего раскаяния (знакомство с подсудимыми и Самиздатом уже само по себе требует от «советского человека» покаяния), или ничего не говорить, отвергнуть сотрудничество со всемогущими «органами».*

*В первом случае следствие будут захлестывать потоки новой информации, дающей основание для возбуждения все новых и новых обвинений и судебных дел (если не сейчас, то в будущем). Во втором случае – следствие не получает ничего, но имеет повод для*

*преследования конкретного «отказника», как по судебным каналам, так и по неофициальным, административно-служебным. Первый случай близок к моральной капитуляции, второй – грозит очень существенными личными потерями, требует жертв.*

*Что же выбрать? – Ну, конечно же, отказ! «Не помогать следствию в неправом деле» - это давно уже выработанная и общеизвестная рекомендация стала обязательной для всех людей, желающих сохранить достоинство и самоуважение.*

*Однако, на мой взгляд, это правило не следует абсолютизировать. Многие сочтут для себя возможным сохранить позицию минимальной «искренности» (как ни странно звучат эти слова, но они правильно описывают положение тех, кого еще не вызывали к следователю). И я думаю, что эти люди могут быть правы. Но при следующих условиях.*

*1) Если подтверждаются только те показания, которые не затрагивают других лиц (или с согласия последних) и если они не вредят самому свидетелю (иначе могут быть в дальнейшем использованы, как средство давления).*

*2) Если свидетель чувствует в себе твердую уверенность, что в любой момент может остановиться и отказаться от вредных показаний, если он уверен в том, что не скользнет на путь невольного доносительства.*

*3) Если последствия «отказа» слишком тяжелы (потеря работы, призвания, семьи и т.д.) и перевешивают неизбежные издержки от пусть небольшой, но все же помощи неправосудному процессу (т.е. соучастие в преступлениях властей).*

*Говорят, что такая позиция выбора, «торговли со следствием» безнадежна, что условия этой «торговли» неравноправны и потому предопределяют поражение начавшего «торг» свидетеля. Что спасти его может только твердая моральная убежденность в неприемлемости для себя любого участия в преступном следствии. И, наверное, это правда.*

*К сожалению, такая абсолютная мораль и твердость не может быть внушена извне, передана каждому из привлекаемых, и потому не может быть спасением для тех, кто не обладает ею от природы. Для большинства из нас остается надеяться только на здравый смысл. И именно здравый смысл должен максимально оберегать нас от «торговли», ибо ее условия, действительно, не равны: и надуют, и обведут вокруг пальца... Ведь профессионалы напротив.*

*Но совсем избежать «торговли», взвешивания доводов «за» и «против», мы не можем. Само дело Якира и Красина такого рода, что не может вызвать того спасительного негодования, которое возбуждало в нашей общественности все бывшие ранее процессы над инакомыслящими и давало ей моральную силу. И это, наверное, страшнее всего.*

*2. Говорят, оба обвиняемых признались не только в распространении Хроник и другого Самиздата, не только в активном отстаивании прав человека, но и в связях с НТС. И именно последнее очень настораживает. Уже не один год и не на одном процессе инакомыслящих НТС - эта эмигрантская и, как утверждает наша печать, антисоветская организация – исправно играет провокационную роль пугала, пользуясь которой судьи доказывают преступность любого инакомыслия, ведущего, якобы,*

*прямо к диверсиям НТС. Но, кажется, только сейчас обвиняемые сами подчеркивают свои связи с НТС и свои действия объясняют влиянием НТС (организацию «Движения», создания программы и пр.).*

*Что такое НТС на деле? Возможно, это знают люди на Западе. У нас достоверно этого никто не знает. Никто не имеет возможности убедиться, что эта организация, действительно А) ставит своей целью вооруженное свержение правительства, Б) сотрудничала с гитлеровцами и т.д. – убедиться пусть даже не по материалам самой НТС непосредственно, но хотя бы по точным и доказательным цитатам со ссылками на первоисточники – документы НТС или на какие-либо судебные доказательства диверсий, вооруженной борьбы и т.д. Для общественного мнения в стране остается совершенно недоказательной сама преступность НТС. Поэтому судить за связи с этой организацией – значит, нарушать существующие законы.*

*Однако, если в действительности окажется и будет убедительно доказано, что преступность НТС – не выдумка, а факт (диверсии, вооруженная борьба и пр.), то будущий процесс может приобрести совсем иную окраску. Он уже потеряет характер полностью незаконного суда. В части связей с НТС он окажется правым судом, если обвиняемые признают, что были связаны с НТС и осведомлены о преступных намерениях последней.*

*Это страшный вариант, и он сейчас вполне возможен. Но дело не только в обвиняемых. Связать Самиздат и Защиту прав с антизаконной и экстремистской НТС – цель репрессивного аппарата.*

*Сегодня ГБ близка к осуществлению этого, как никогда раньше. Надо не допустить этого.*

*Мне кажется, наша общественность очень сочувственно относится к защите прав человека, и уже не раз доказывала это своими протестами. Мне также кажется, что она скептически или, скажем, нейтрально относится к попыткам создания любых оппозиционных организаций типа Демократического Движения. Такая выжидательность объясняется тем, что признавая в принципе желательность оппозиции, как одного из главных условий осуществления всего комплекса конституционных свобод, многие из нас, тем не менее, видят нереальность существования такой оппозиции в настоящее время, при отрицательном отношении к «отщепенцам» большинства. Тем более предосудителен любой экстремизм, не говоря уже о призывах к вооруженной борьбе. Поэтому при доказательстве вины НТС и связанных с ним обвиняемых, общественность должна будет встать на сторону обвинения и в качестве законопослушных граждан оказывать максимальное содействие следствию. При этом моральные основы для отказа отдачи показаний исчезают.*

*П.И. Якир и В.А. Красин были активными членами Инициативной группы по защите прав человека. Известно, что позиция Инициативной группы по отношению ко всякого рода политическим вопросам была выражена в заявлении от 1970 г. ясно и недвусмысленно: к политическим движениям мы не имеем никакого отношения, наша цель – лишь защита прав конкретных людей от незаконных преследований. Тогда с этим согласились и Якир, и Красин. Однако суд может установить, что на деле они нарушили*

*собственное заявление и связали свою деятельность с НТС. Мало того, суд может оказаться перед попытками следствия и обвиняемых доказать причастность к этим связям всей Инициативной группы в целом и даже широкой самиздатовской общественности.*

*Сегодня многие члены Инициативной группы, привлекаемые в качестве свидетелей по обсуждаемому делу, отказываются от дачи показаний, считая предстоящий процесс незаконным. И это, конечно, правильно, но, на мой взгляд, лишь при следующих условиях:*

*а) не будет доказана преступность НТС и преступные связи с ним обвиняемых;*

*б) в суде не будут доказываться связи остальных членов Инициативной группы с НТС (по аналогии с обвиняемыми).*

*При перечисленных условиях показания, на мой взгляд, давать необходимо, и не столько перед самим судом, который в целом, несомненно, будет носить незаконный характер (быть закрытым, недоказательным, носить характер репрессий за Хроники и Самиздат и т.д.). Давать показания необходимо перед миром, перед нашей общественностью.*

*Всем понятно, что сегодня над каждым из оставшихся на свободе членов Инициативной группы и активных участников движения защиты прав нависла очень серьезная угроза. Все они нам очень дороги, как наши защитники. Но именно сейчас, под этой угрозой, в ситуации, когда поведение двух бывших членов Инициативной группы бросает тень на деятельность всей группы, мне кажется правильным обратиться к*

*«ИГ» с настоятельной просьбой: «Пожалуйста, скажите нам всю правду. Проверьте, если это возможно, истинную роль НТС, степень его «преступности» или даже провокационности, и если она, действительно, имеет место – прокляните НТС! Подтвердите еще раз свою непричастность к экстремизму, объясните, как могли Якир и Красин игнорировать ваше общее заявление 1970 г., защитите себя и нас от этих обвинений.*

*Сегодня, мне кажется, это – самое главное для защиты наших прав! Ибо без этого не будет у каждого из нас твердой уверенности в абсолютной незаконности процесса над Красиным и Якиром, не будет уверенности в правоте своего противостояния следствию, не будет твердой моральной позиции.*

**29.03.1973.**

*Судьба этого очередного моего обращения должна была бы повторить судьбу предыдущих – сгинуть без следа и ответа, и отразиться лишь в изменении личных отношений (статус «колеблющегося и морально неустойчивого» - не очень приятен). Но в данном случае я обратился к близким людям, был настойчив и добился-таки отклика.*

*Уже был апрель, вечер, чей-то день рождения или иной праздник. За столом – много людей, чьи имена часто мелькали в Хронике. Часть из них читала мое письмо, и я ждал, конечно, их отрицательной реакция. Наконец, разговор коснулся и моей темы. Первая часть – о допустимости при некоторых условиях давать показания была опущена без обсуждения, а внимание было привлечено к теме «Наше отношение к НТС». Основным лейтмотивом большинства было: «Мы не*

*знаем, кто такой НТС (орган КГБ или эмиграции?) и знать не желаем».*

*Мои ссылки на пример Якира, который тоже не хотел ни от чего отмежевываться, а потом все-таки пристегнул к НТС все «Движение в защиту прав» - совершенно не воспринимались, как, впрочем, и другие доводы. Подспудно мне слышалось: «А может НТС – наш друг, почему же мы должны связывать себе руки, почему должны делать приятное властям...»*

*«Ну хорошо, можно отмежеваться от экстремизма вообще и от НТС, если она такая на деле, а не по слухам... Ведь нужно отвечать на выдвинутые Красиным и Якиром обвинения, надо решаться на диалог-защиту, не дожидаясь тюрьмы. Ведь любой арест – это плохо, вредно – и нам, и властям, и всем... Почему же не искать и не предлагать компромиссы?..»*

*Но в своих последних доводах я был практически одинок. Ни у кого не было потребности в компромиссе, в диалоге с властями. На меня, возможно, смотрели со стыдом и жалостью, как на редкий в этой среде пример колеблющегося человека. А ведь в то время я уже сам был обвиняемым, ожидал суда за отказ от показаний и еще не думал лично менять своей твердокаменной позиции. Но чувствовал себя осужденным скорее здесь, среди друзей и единомышленников... Мы как будто говорили на разных языках.*

*Попытка убедить в своей правоте людей, чьим мнением я дорожил и почитал – не получилась. Если даже публичное отмежевание от порочащих показаний Красина-Якира оказалось невозможным именно из-за принципа «мы с ними не разговариваем», (духовного торга не ведем), то уж о допустимости «разговора на*

*следствии» у этих людей и мысли возникнуть не могло...*

*Этот вечер еще раз укрепил мою решимость плыть по течению и готовиться к худшему. Возможность пойти по открытому Лилей пути не была использована, а после 31 марта – окончательно закрылась. Но и сейчас, возвращаясь к описанию моего третьего визита в Лефортово в 1973 г., я все еще жалею об упущенной тогда возможности. И, наверное, пройдут годы, прежде чем я окончательно не уразумею: все, что произошло со мной – все к лучшему, что опыт «легкого суда» был мне необходим.*

**31 марта.** Я рассчитывал, что, получив мое письмо, «они» теперь вызывают, чтобы в последний раз меня «перевоспитывать», сломить мою «непримиримость», ждал заключительных и безуспешных уговоров. Да и зачем им нужны теперь мои показания? Ведь莉莉 уже подтвердила факт передачи аппарата Красину.

Но я ошибся. Я переоценил их уговорительный потенциал. Никаких разговоров больше не было. Правда, Юрий Иванович сразу сообщил: «Ваше заявление получено и согласно вашей просьбе подшито к делу. Сегодня Вы в этом сможете сами убедиться! Ничего нового оно нам не показало, кроме укрепления Вашего упрямства». Впоследствии весьма осведомленный мой адвокат вскользь заметил мне, что именно после этого письма было принято решение все же возбуждать против меня уголовное дело, хотя мои показания уже не были нужны, т.е. что именно оно и послужило причиной всего дальнейшего. Не знаю, прав ли он.

«Так вот – продолжает Юрий Иванович, - мы много с Вами, Виктор Владимирович, разговаривали, много раз Вас предупреждали, теперь настало время делать выводы. Я должен сообщить, что против Вас возбуждено уголовное дело по обвинению в нарушении статьи 182 УК РСФСР за уклонение от

дачии свидетельских показаний. Вести следствие по этому делу – да какое тут, собственно, следствие, все и так ясно, только собрать необходимые материалы, - буду я. Вот этим мы сегодня и займемся».

И действительно, дальше пошла деловая жизнь – вопросы, записи, ознакомление с очередной бумагой (о возбуждении уголовного дела, о явке по вызову, допрос обвиняемого и т.п.). Ответы в протоколе он предложил писать самому, чтобы «больше не было недоразумений», логично. Ответ на вопрос о мотивах я почти целиком списал с заявления. Это тоже было логично – даже для Юрия Ивановича, который все же иногда как бы порывался поправить мои фразы, но снова спохватывался и говорил: «Нет, нет, пишите сами, я не хочу на Вас давить».

Много времени я потратил на обдумывание своей «красивой» фразы о невиновности перед справедливостью. В официальном протоколе она как-то не смотрелась, и, в конце концов, я ее выпустил совсем. Потом зациклился на формуле признания себя виновным. Юрий Иванович, ссылаясь на свои справочники, утверждал, что на этот вопрос можно отвечать только следующими фразами: «полностью виновен», «частично виновен» или «не виновен». С его точки зрения я должен был признать себя «полностью виновным». Для моего же самочувствия больше подходила формула «частично виновен». Ведь если факт своего отказа и ответственности по ст. 182 я тогда признавал, то, в действительности, внутренне не чувствовал себя виновным. Напротив, чувство вины у меня возникало лишь при мысли о возможных компромиссах, о возможности все же дать показания. Но, в конце концов, я все же написал просто «виновен» без приставки «полностью» или «частично».

Наконец, все бумаги заполнены. Юрий Иванович тщательно их складывает, нумерует и пишет на деле: «24 стр.». Потом говорит: «Ну вот, следствие по вашему делу окончено. Все материалы вот здесь собраны. Не хватает только справки о том, что ранее Вы не судились, но можете поверить, она будет

приобщена к делу. Теперь Вы внимательно и, не спеша, ознакомьтесь с материалами и подпишите ст.201 об ознакомлении. После этого дело пойдет в суд».

Беру папку. Кроме уже известных, написанных со мной же бумаг, обнаруживаю тот самый протокол Красина, протокол допроса Лили, акт опознания ею аппарата и фото его, родимого, среди чужих. Были здесь и письмо-запрос от КГБ в мой институт, и ответ-характеристика на меня, подписанная треугольником института. Она удивила меня своей лаконичностью и краткостью.

Два дня назад моего нынешнего завлаба за час до конца работы срочно попросили к телефону, после чего он отозвал меня в сторону и спросил: «Партком срочно требует на тебя характеристику. Ты не знаешь, с чем это связано?» - «Поскорился с КГБ.»- «С КГБ? – ужалило моего завлаба. – Да ты что! Да за такие дела морду в кровь бьют». Хм... морду... Объясняю, что его дело сторона, он ничего не знает и поэтому пусть пишет нормальную положительную характеристику, как написал бы ее две минуты назад. Так он и делает, хорошо пишет, длинно, подробно, обстоятельно, расхваливая мои деловые качества и перечисляя выполненные работы. О диссертации, правда, по моей просьбе умолчал (но Юрий Иванович о ней все равно узнал).

Но что же я теперь вижу в «деле» - официальную характеристику парткома: «Поступил в октябре 1972 года. Во время работы нарушений трудовой дисциплины не было, замечаний по работе не имел. Участвует в системе партийного просвещения». – Вот и все! Но нетрудно понять и положение моего начальства. Когда к ним проходит письмо из КГБ с таким запросом: «Прошу дать характеристику на Вашего сотрудника, категорически отказавшегося давать показания по делу об особо важных государственных преступлениях Красина и Якира», то поневоле будешь лаконичным и ограничишься самыми нейтральными выражениями.

Но вот я ставлю последнюю подпись. Все. Юрий Иванович настроен благодушно: славно он поработал! Теперь

даже тянет на разговоры. Уж не помню какие. В основном ему было «жалъ, что Вы так заупрямились и теперь будут неприятности – а ведь могли защитить диссертацию (вот она, осведомленность-то), я ведь понимаю, как это трудно – сам скоро стану кандидатом, только юридических наук...». Жаль, что ст. 182 предусматривает столь мягкое наказание, а вот если бы давали несколько лет лагерей, Вы бы не вели себя таким образом... Жаль, что Вы испортили себе жизнь, но сейчас, когда мы расстаемся и больше никогда не встретимся, может, только случайно на улице, мне («ему») хотелось бы напоследок все же заронить в Вас доброе зерно...» и т.п.

В чем заключалось «зерно» Юрия Ивановича, я сейчас никак не могу вспомнить. Кажется, в том, что сомневаться в правильности политики правительства можно и даже не страшно, но надо непрестанно думать и размышлять над причинами и глубокими обоснованиями этой политики, и тогда придешь к пониманию, к разрешению сомнений. Он так и сказал: «Но ведь думать надо!»

Но этот завет для меня уже давно не был новостью: немало я встречал умных людей, пользующихся этим правилом. Обычно они достаточно информированы и развиты, чтобы во всем правильно и объективно разобраться, чтобы установить несоответствия и в стране, и в личном своем поведении. Однако все свои умственные способности они направляют лишь на оправдание необходимости существующей действительности по правилу: «все хорошо в этом лучшем из миров» и лучше быть не может. Ради этой цели (чаще всего неосознанной) они готовы создать и вообразить самые замысловатые и казуистические системы аргументов и доказательств, обосновывая, например, неизбежность нападения ФРГ на ЧССР, если бы не было нашего выдвижения 21 августа 1968 года.

Этот вид изощренного самообмана, трата интеллектуальных сил не на раскрытие истины, а на ее скрытие ради удобства собственной жизни, ради самооправдания. Но думаю, что одновременно это и распространенный вид духовного самоубийства. Ибо зачем тогда нужна мысль, если

все время заниматься столь неблагодарной работой собственной дезинформации. Лучше просто не думать, заткнуть уши, не получать информации и слепо верить. Так будет дешевле и прочнее. На мой взгляд, такая все оправдывающая умственная деятельность людей, подобных Юрию Ивановичу, столь же плоха, как и нетерпеливость других людей, которым кажется, что все должно перемениться в одну минуту – все или ничего... Но это уже о другом...

Юрий Иванович рас прощался со мной почти благожелательно, но зато я выходил из этого желтого дома в состоянии мрачной подавленности. Напоследок только осведомился, когда можно ожидать суд, на что получил ответ: «Ну, как дело придет в суд, в течение двух недель должен состояться».

Судя по тому, как быстро, в течение нескольких дней после моего письма были собраны все материалы и сформировано уголовное дело, суд может состояться очень скоро – через неделю-две. Теперь надо готовиться к нему. Надо готовиться к защите занятой в письме и допросах позиции, к защите самиздата, но в то же время надо обдумать и все последствия будущего суда и как это скажется на моей работе. Ах, как все это не во время!.. Хорошо бы выработать такую позицию, которая смогла бы послужить и линией самозащиты. Хорошо бы совместить отстаивание принципов и требования последующей жизни, которой должен быть нанесен минимальный ущерб. Ведь я очень сильно завяз в этой жизни, в работе, я верю в нее и не хочу, чтобы все усилия моих последних лет пропали впустую.

Но суд теперь будет неизбежно, обязательно. Передо мной теперь раскрылся не очередной жизненный перекат, а неизвестный порог, подобных которому до сих пор было в жизни немного.

Кажется, именно после этой субботы в ожидании повестки в суд, на замечание одного товарища на работе, что в последнее время я почему-то «почернел», я откликнулся так: «Бывает в жизни, что наваливается масса дел – невпроворот

работы, козни, яростное сопротивление официального «научного» руководителя диссертации; укоры жены за отлынивание от дел с квартирным обменом... Но тут тебе достается и еще, и еще... и голова идет кругом, и все надо делать быстро, быстро работать веслами, ибо только в скорости и уверенности состоит спасение».

Конечно, не надо обращать внимание на эту риторику. Поучительней мне кажется последнее воспоминание о субботе 31 марта.

Когда я уже выходил и миновал дом № 3, по Энергетической тихой улочке, из каких-то ворот Лефортовского тюремного квартала выехала шикарная «Чайка» или даже «ЗИЛ», явно правительенная машина. Шла она медленно и казалась пустой, только рядом с шофером сидел худощавый, седой (а может, белоголовый) человек. Мне он тогда показался похожим на председателя КГБ т.Андропова. Да и кто из правительства мог посещать этот дом в субботний день? Кроме Хозяина?

И тут меня остро хлестнула мысль: если бы было какое-то оружие – стоило бы слегка нажать спуск, и проезжающий в двух шагах Хозяин будет поражен. То-то будет переполох и смута... а самому скрыться. Прекрасно помню: это не было осознанным желанием или даже мыслью. Это было как внутренний толчок-предположение, после которого только и потянулась основная мысль: «Откуда у меня это? Из каких глубин?» Ведь всю жизнь, в последние годы особенно, я был самым твердым противником экстремизма, нетерпеливости, предвестника насилия. И вдруг у меня самого как бы повело в уме руку. Откуда такая напасть? Неужели только из-за вот этой минутной озлобленности предстоящим судом?

Пока шел, вспоминались аналогии из нашей истории, когда народолюбцы, противники насилия и террора, казалось бы, вдруг становились террористами. Вот Степан Халтурин, всегда чуждавшийся интеллигентов-народовольцев, мечтавший лишь о рабочих профсоюзах и легальной борьбе, всегда отрицавший террор – вдруг сам решается и идет на убийство

царя. Почему? – Оказывается, просто потому, что подвернулся случай: какой-то знакомый смог устроить его плотником в Зимний Дворец, а это так удобно для подготовки взрыва царской столовой! Вот так: убежденный антитеррорист, а подвернулся случай убить царя – схватился за него двумя руками, все прежнее бросил, жизнь этому отдал (убить, правда, все же не сумел)... Почему? – Отсутствие традиций уважения к закону, отвращения к бандитизму, насилию, нетерпению...

И вот сейчас меня, как бы толкнул в сердце этот халтуринский рецидив. Конечно, он был сразу осознан и потому отброшен (за столетие, слава богу, самосознание все же выросло), но все же он был и это навело меня на мысль, что я тоже попал в положение нетерпеливого, нетерпимого, ненавидящего... Стало тревожно, неспокойно. Стало не по себе.

*1 апреля - 5 мая.* Теперь мне была нужна юридическая помощь. Я снова напросился к С.В. вместе с Таней. Интересовали меня судебные порядки: как и сколько будет идти суд, как он будет организован, в какие моменты и сколько времени мне дадут говорить. Поскольку я думал, что адвоката у меня не будет (дело-то мелкое), нужно посоветоваться о содержании своих защитительных доводов на суде и всей линии самозащиты. Помню, я даже набросал эти мысли: не отказываясь от изложенных в своем заявлении мотивов отказа, объяснять, что основная вина за этот процесс лежит на запрете достаточной информации о процессах над Самиздатом. Вот если бы эти процессы действительно были открытыми и гласными, если бы можно было бы ознакомиться с протоколами этих процессов и убедиться в их доказательности и справедливости, то, конечно, у меня не было бы выставляемых мотивов отказа. Таким образом, я хотел избежать обвинительного тона и показать, что был просто вынужден поступить именно таким образом, чтобы сохранить свою совесть, а с другой стороны, я хотел принести своими доводами хоть небольшую пользу: еще раз обратить внимание властей на необходимость большей гласности и открытости информации.

С.В. согласилась, что суд может быть очень скоро, раз я подписал ст. 201 о просмотре материалов. Повестку из суда могут прислать даже через неделю – за три дня до заседания и под расписку. Она мне очень советовала взять адвоката: «Он, Витя, будет Вам нужен, как свой человек в суде. А деньги – небольшие. Т.к. дело ведет КГБ, то значит, слушать Ваше дело будет спецсуд и нужен адвокат с допуском. Когда придет повестка, разыщите меня снова, мы подумаем, к кому обратиться. Однако из моих расспросов, сколько мне будет дано времени там и из попыток объяснить, что именно я хотел бы сказать в суде, ничего не вышло.

С.В. и Таня считали, что совсем не нужно в суде допускать какие-либо громкие слова, что этот процесс – совсем не то место, где следует все выкладывать. «Перед кем Вы будете там говорить? – спрашивала меня С.В. – перед специально отобранными людьми в зале. Они даже не захотят Вас понять, я бы советовала, напротив, смягчать выражения. Скажите, например, что под словами «несправедливые или незаконные процессы» Вы понимали отсутствие гласности в этих процессах. И все. А лучше ничего не объясняйте, кроме необходимого: совесть не позволяет. Только так можно выйти из этого суда с меньшими потерями».

Я молча выслушивал эти и другие слова и говорил – «спасибо», а внутри их не принимал. Вести себя на суде совершенно пассивно, стараясь только уменьшить возможное наказание – тогда зачем же было огород городить? Зачем было слать письмо-заявление с громкими и непримиримыми мотивами отказа? Зачем тогда весь суд? Чтобы все смазать?

Сейчас мне понятно, что С.В. и молчащая Таня уже видели реальную мне угрозу, и потому на первый план их чувств и советов встала не защита принципа «С ними не разговаривать», а простая забота обо мне лично, стремление любыми способами помочь выпутаться из теперь неизбежных неприятностей. Тогда я этого не понимал, как не понимал, что этой заботой они фактически начали содействовать моему отходу от этой морали, к последующей ей измене.

В этот раз мне впервые пришлось узнать несколько важных я неприятных положений. Оказывается, принудительные работы по решению суда могут назначаться по месту работы или «в распоряжении органов МВД». В последнем случае тебя посыпают на стройку или на другую тяжелую и мало оплачиваемую работу с одновременным увольнением с основной работы. Очевидно, что мне грозил именно этот самый тяжелый случай. Да что там – он был просто неизбежен. Но этого мало! После окончания срока наказания на мне будет висеть так называемая «судимость» в течение целого года, в течение которого я во всех анкетах и характеристиках должен буду указывать про суд. Кто же возьмет меня на работу с таким хвостом? – Примеров перед глазами у меня хватает... И не только на один год, но и дальше. Раскрывалась бездна неустройства после первого увольнения...

Все. Прежняя жизнь захлопнулась. Работа и диссертация – накрылись. Дальнейшая жизнь пойдет через пень-колоду, от одного случайного заработка к другому. Узнав все это, я, наверное, изменился в лице. Помню, что смог протянуть только: «А я ...не знал... об этом! Да... надо бы что-то сделать, чтобы с работы меня не уволили... Это очень важно именно сейчас. Иначе я, действительно, зря все затеял».

И это, действительно, было так. Я уже подошел к возрасту, когда при выборе: профессия или высокая мораль, - я выбрал бы первое. И это я сказал тогда вслух последней фразой. Но что из того? Что я теперь мог изменить?

Человек – не кузнец, и к резким скачкам в своем поведении не приспособлен. Почти сразу идти на попятный невозможно. Если в субботу, идя на последний допрос, я ожидал новых предложений и уговоров, но еще не был готов их принять, то теперь, после того, как узнал о готовящихся изменениях в своей жизненной судьбе, я, наверное, смог бы принять подобные предложения, но ждать их уже не приходилось.

Неделю назад я сделал свой выбор, сделал, даже не получив всей возможной информации и не обдумав всех

последствий. Теперь же я несся навстречу бушующему порогу, который оказался на деле гораздо хуже, чем думалось раньше. Он был просто непроходимым, мне предстояло потерять свою байду-работу, чтобы как-нибудь вплавь добираться до берега в мокрой одежде... Иного выхода уже не было. Оставалось только ждать.

И я ждал – весь апрель. Было уже очевидно, что теперь все мои обычные старания – над работой, над диссертацией – не имеют никакого смысла. Они неизбежно утонут. Однако машина дел была давно раскручена, и я не мог и не хотел ее останавливать. Не в моем характере такое. Да и зачем? – Чтобы мучиться в ожидании конца без дела? И раньше, даже в безысходных ситуациях, меня не покидала надежда. Так и сейчас. В течение апреля росла надежда на то, что суд все же не состоится, что «они» все же не захотят мараться из-за такого мелкого дела.

И вправду – через неделю напряженного ожидания судебная повестка не пришла. Через вторую – тоже. Третью. Четвертую... Глупо было бы в этой ситуации сидеть, сложив руки. И я не сидел. Как раз в апреле получил официальное разрешение на проведение межлабораторного семинара в своем прежнем институте [ЦЭМИ] с предварительной защитой на нем своей диссертации. Пришлось за очень короткий срок привести ее в должный порядок, перепечатать. Закончил эту работу за неделю до майских праздников и отдал рецензентам. Сама предзащита должна была состояться сразу после праздников (она и состоялась 11 мая).

В этой усиленной работе я терял постепенно настороженность первой недели ожиданий, и мои ежедневные ощупывания внутренности почтового ящика в поисках повестки – с каждым днем становились все менее судорожными и более спокойными. Под конец месяца я уже почти уверял себя, что суд, если не отменили, то, по крайней мере, отложат до лета, до большого процесса над Красиным и Якиром. И может быть, кто знает, может, мне и удастся проскочить? Ведь успели тогда на Печоре, хоть никто не верил? В это было так сладко верить! И

так хорошо было слышать мягкое уверение Лены [Сморгуновой] «Ну вот видишь! Я же говорила – суда не будет».

Майские праздники мы провели в традиционном трехдневном походе, в котором я совсем забыл о треклятом суде, вернее, отнес его в далекое будущее, на лето, а может, и дальше. Я почти ни о чем не думал и был, конечно же, счастлив. Выглянуло солнышко, чуть-чуть обсушило и потому, хоть и плывешь меж отвесных скал и деться некуда, и порог неизбежен, но невольно жмуришь глаза, грезилась опасность где-то вдалеке, и радуешься солнечной ласке... и вдруг — к-р-рах-х!

**5-15 мая.** Утром на работу мне позвонили из Московского городского суда и попросили в понедельник зайти на Каланчевку, в спецчасть, за обвинительным заключением. Значит, никто не останавливал дело, не переносил и не откладывал, оно просто достаточно медленно двигалось по каким-то судебным инстанциям. И наконец-то добралось и до меня.

Ну, а если суд назначат на 11 мая, как я буду совмещать его с предзащитой диссертации? «Придите к ним не в понедельник, как просят, а во вторник. По закону суд могут назначить только через три дня после вручения обвинения, значит, позже 11 мая», - посоветовала мне С.В., когда я пришел к ней со своими новостями. Она же назвала и двух адвокатов. Один из них не смог взяться (уезжал в командировку), другой меня защищал в суде. Правда, именно про последнего С.В. сказала, что хотя она его не очень хорошо знает, но голову свою за подзащитного он, наверное, не положит. Впоследствии я смог оценить точность этого предсказания.

Во вторник съездил на Каланчевку и получил под расписку 5 страниц обвинительного заключения. Дату суда «они» пообещали сказать позже. Здесь же в коридоре я уселся читать этот документ.

**Обвинительное заключение**  
по уголовному делу № 58 по обвинению

СОКИРКО Виктора Владимировича в совершении преступления, предусмотренного ст. 182 УК РСФСР

Настоящее уголовное дело возбуждено Следственным отделом КГБ по СМ СССР 29 марта 1973 года по признакам преступления, предусмотренного ст. 182 УК РСФСР, в связи с отказом СОКИРКО В.В. при допросе в качестве свидетеля по уголовному делу № 24, находящемуся в производстве того же отдела.

В процессе расследования уголовного дела № 24 КРАСИН В.А., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ст. 70 УК РСФСР, на допросе 21 февраля с.г. показал о своем знакомстве с СОКИРКО В.В. и встречах с ним на квартире обвиняемого по тому же делу Якира П.И.

При одной из этих встреч в конце 1971 года, как показал КРАСИН, обратился к СОКИРКО с просьбой дать ему фотоаппарат «Зенит» для съемки нелегально распространяемой литературы и с согласия последнего заполучил указанный фотоаппарат от жены СОКИРКО – ТКАЧЕНКО.

Из показаний КРАСИНА усматривается, что, занимаясь размножением антисоветской литературы, он использовал фотоаппарат СОКИРКО для съемки журналов «Посев». 14 января 1972 года при обыске в квартире ЯКИРА П.И. указанный фотоаппарат был изъят».

Будучи вызван 5 марта в Следственный отдел КГБ при СМ СССР для допроса в качестве свидетеля по указанным обстоятельствам и предупрежден об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний по ст. 182 УК РСФСР и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 181 УК РСФСР, СОКИРКО от дачи каких-либо показаний по делу КРАСИНА и ЯКИРА категорически отказался. При этом он заявил, что причиной отказа от дачи показаний являются его «моральные соображения», существование которых объяснять не намерен.

При вторичном допросе 16 марта 1973 г. с участием прокурора отдела Прокуратуры СССР, несмотря на повторное предупреждение об ответственности по ст. 182 УК РСФСР,

СОКИРКО снова отказался от дачи каких-либо показаний по указанному делу.

Допрошенный в качестве обвиняемого по уголовному делу № 58 СОКИРКО в предъявленном обвинении в совершении преступления, предусмотренного ст.182 УК РСФСР, виновным себя признал и пояснил, что дачу показаний в качестве свидетеля по делу КРАСИНА И ЯКИРА считает аморальной.

Виновность СОКИРКО в совершении указанного преступления помимо его признания подтверждается фактами отказов от дачи показаний, зафиксированными в протоколах его допросов от 5 и 16 марта 1973 г.

На основании изложенного обвиняется:

СОКИРКО Виктор Владимирович, 1939 года рождения, уроженец гор. Харькова, украинец, гражданин СССР, беспартийный, образование высшее, работающий ведущим конструктором ВНИИ Нефтемаш, проживающий в гор. Москве <...>, ранее не судимый

в том, что он, будучи вызван 5 и 16 марта 1973 года на допросы в качестве свидетеля по уголовному делу № 24 КРАСИНА и ЯКИРА, обвиняемым по ч. 1 ст.70 УК РСФСР, отказался давать показания об известных ему обстоятельствах, имеющих существенное значение для указанного дела, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст. 182 УК РСФСР.

Обвинительное заключение составлено в соответствии со ст. 205 в гор. Москве 5 апреля 1973 г. и на основании ст. 207 УПК РСФСР подлежит направлению прокурору для передачи по подсудности.

Старший следователь по ОВД Следотделения УКГБ при СМ СССР по Калининградской обл. майор СУЧКОВ

Согласны: Зам. начальника отделения следственного отдела КГБ при СМ

Начальник следственного отдела КГБ при СМ  
СССР

генерал-майор юстиции ВОЛКОВ

Утверждаю: Первый Зам. Генерального Прокурора  
СССР Государственный советник юстиции 1 класса М.  
МАЛЯРОВ

Возмутила меня главным образом фраза о том, что Красин просил меня об аппарате для съемки нелегальной литературы и получил на то мое согласие. Ведь это передержка даже самих показаний Красина, приложенных к моему делу (он утверждал только, что я **мог бы** понять его цели, но не расспрашивал). Теперь же получалось, что я виновен не только в отказе от показаний, но и в умышленном содействии распространению нелегальной литературы (т.е. в преступлении, по той же ст. 70 УК РСФСР).

По телефону я договорился о встрече с рекомендованным мне адвокатом 11 мая в 18 часов.

Предзащита диссертации началась в этот же день, в 14 час. 30 мин. Проходила она достаточно уверенно. В меру отмечались недостатки, достаточно хвалили. Лиля, которая сидела на заднем ряду, потом говорила, что в иные моменты этих двух часов ей даже хотелось завыть от тоски: «Вот как тут его хвалят, а на самом деле будут судить, и все эти усилия и труд (в том числе и ее, Лилин) пойдут насмарку, зря».

Мое настроение было, собственно, близко к этому. Правда, последние два дня, когда я готовил выступление и материалы и решительно гнал от себя «посторонние мысли», мне было от этого легче, а на самой предзащите я даже забыл обо всем... Но как только все кончилось, и мы вышли вдвоем из института, чтобы ехать в юридическую консультацию, то мне тоже захотелось выть от глупости всего со мной происходящего. Да, сейчас я буду рассказывать адвокату, что намерен отстаивать в суде, а результат известен уже заранее... Детерминирован, чудес у нас ведь не бывает...

И тут появилось спасение... Оно появилось в виде совсем незнакомого, вернее, мало знакомого человека, Вадима, которого я мельком знал по институту и лишь недавно узнал о его близости к С.В. Мы случайно сошлись с ним у дверей

института и должны были вместе пройти две минуты до троллейбуса. Однако за эти минуты я успел рассказать ему о своей предзаштите, а Лиля – о предстоящем визите к адвокату. И как так можно?

И вот, на удивление, Вадим сразу и очень горячо принял к сердцу все наши обстоятельства и буквально увязался с нами до самой юр. консультации. Я потом продумывал, почему так получилось. Наверное, из-за общительного характера Вадима. Он просто увидел, что людям плохо, и не мог от них уйти, не оказав всей возможной помощи и совета. Кроме того, видимо, и для него проблема возможных отношений с «ними» является достаточно актуальной. Однако в отличие от большинства наших друзей, для себя эту проблему он решил не в духе известного принципа: «С ними не разговаривать!», а совсем по-другому: «С ними надо разговаривать и бороться, отстаивать свое существование».

Он был уверен, что в нашей жизни надо прежде всего жить, а не «воевать с ветряными мельницами». Очень давно знаком с Самиздатом, но никогда из подписывал никаких протестов, а само движение в защиту прав человека называл фрондой, чуть ли не игрой в геройство. Свои выводы и мнения формулировал решительно и уверенно.

До встречи с адвокатом у нас оказалось время, и потому в разговорах мы долго шли по Садовому кольцу, открывая друг друга. Для меня это был не просто новый знакомый, а как бы новый тип человека: он был давно знаком с Самиздатом, был в этом кругу, но вместе с тем не придерживался общепринятой для этого круга морали... Нет, я неточно выразился . Людей, которые читают Самиздат, но не осмеливаются подписывать открытые протесты - много. Все они именно «не осмеливаются на подписи», хотя в душе полностью согласны с принципами отказа и хотели бы видеть такую смелость у других (но не у себя). Они были просто непоследовательными и слабыми. Вадим же совсем другой – он решительно отрицает сами принципы «отказа», объявляя их нежизненными и недейственными.

Я не мог с ним согласиться тогда, не соглашавшись и по сей день. У новой морали есть право на существование. Нет, я не так сказал: - у каждого из нас есть право, вернее, долг стремиться к выполнению своих принципов, ибо только это соответствует сути свободного человека. Однако есть важная оговорка – не следует идти на непосильные жертвы, на гражданскую смерть ради выполнения этих принципов. Новая мораль – не абсолютна, она новая и не соответствует установкам сегодняшнего большинства людей, условиям жизни, в которых человек живет. Поэтому при необходимости нужно отступать от выполнения принципов новой морали. Иначе жизнь превратится из обычной, нормальной – в мученичество во имя новой морали. Конечно, эта оговорка касается не всех. Конечно, она не касается людей, сознательно избравших мученичество. Такие люди, как Буковский, в будущем, когда новая мораль станет господствующей, обессмертят свои имена, будут чтимы потомками, как предтеча их нравственных идеалов, но ведь такая судьба только у единиц, выдающихся людей, героев. По самому слову-понятию их не может быть много. Мы же – обычные люди, и наше дело – жить, давать жить другим, чтить своих мучеников и подражать своим героям.

В те вечерние часы нашего похода к адвокату основным для меня были не разногласия с Вадимом. Основным чувством было иное: **облегчение, почти освобождение!** Ведь в том, что касалось моего судебного дела, Вадим открыто и резко выражал мои подспудные и подавляемые желания и стремления, ясно и уверенно он говорил, что вся моя позиция в самом деле – глупость и самоубийство, что, конечно, надо было давать показания об этом несчастном фотоаппарате, что совсем не нужно бояться следователей: они обычные люди и так же халтурно делают свою работу, как и мы все. С ними надо спокойно разговаривать, проводить свою линию, добиваться наименьшего ущерба («а для чего же у тебя высшее образование?»), что даже сейчас, перед самим судом, я не имею права сидеть сложа руки и «тонуть».

«Понимаешь, ты тонешь, просто тонешь на почти безопасном месте; тонешь только потому, что не шевелишь руками, ничего не делаешь – и, конечно же, утонешь!». На моем месте Вадим обязательно добивался бы пересмотра дела, отправления его на доследование, утверждая, что был неправильно понят и т.д. – «Но ведь тогда придется давать-таки показания – слабо защищался я, - это все равно, как самому звонить следователю, что я передумал. Нельзя же так...»- «А что, звонок к следователю – это очень хороший, решительный шаг. Может быть, они даже сразу прекратят дело» - немедленно отвечал он. Его убежденность была неотразима.

Не знаю, с чем сравнить мои чувства в тот вечер. Как будто человеку, висящему над пропастью на кончиках пальцев, вдруг спустили веревку... нет, просто сказали, что никакой пропасти нет, надо только разжать пальцы, встать на ноги и быстро идти домой. Тогда же больше преследовали сравнения с греблей в байдарке, когда твою байду уже втянуло непреодолимым течением в предпороговые скалы, но кто-то неожиданно хватает ее за корму и вытягивает в боковое затишье.

Да, я был слишком слаб, чтобы самостоятельно изменить новой морали, а может, был слишком ей подвержен, чтобы сразу и легко это выполнить. Поэтому явление Вадима, человека нашего круга, но иной «морали», оказалось для меня спасительной опорой для крутого поворота. Сейчас для нас очевидно, что, не будь этой встречи, я, возможно, не успел бы подготовить к суду реалистическую позицию и потерял бы работу и профессию, которой дорожил.

На прощание мы обменялись с Вадимом телефонами и обещаниями разыскать друг друга в ближайшее время. Кажется, я вымученно «шутил», что теперь ни в коем случае не могу потерять с ним контакт, как с единственным источником моей «сверхновой» морали – что же я буду без нее делать? – конечно, тогда это была лишь шутка. В глубине души я надеялся, был уверен, что, сворачивая сегодня с катастрофической, бурлящей струи потока, я попаду не в тупиковую заводь, а в умеренное

спокойное течение. Во всяком случае, в этом и состоит мое глубокое желание, хотя, может, и придется всю жизнь балансировать в поисках нормального течения между этими двумя крайностями. Вадим проводил нас до дверей юрконсультации. Разговор мой с адвокатом был очень коротким – минут 10. Лев Абрамович был страшно занят, и подчеркивал это. Прочитал обвинительное заключение, попросил его оставить себе, обещал узнать, когда будет суд и кто будет судить, осведомился, какие цели на суде я буду преследовать, и был удовлетворен моим желанием «выйти из этого дела с наименьшими потерями». Все. До свидания!

В воскресенье я опять ездил к С.В.. Она прекрасно знала Вадима, любила его и с большим пониманием выслушала мой рассказ о беседе с ним и принятом мною совете активно искать отступления с прежней максималистской позиции.

Ее реакция меня даже удивила – настолько решительно и горячо она одобрила это решение. Правда, в глубине души я давно уже чувствовал в С.В. союзницу своим попыткам вырваться из запрета «Не давать им показания». Но С.В. – очень терпимый и мягкий человек, она не привыкла уговаривать и убеждать взрослых людей, которые, казалось бы, сами должны принимать и обосновывать свои решения относительно собственной жизни. С.В. органически не способна навязывать другому свою точку зрения, и в этом она отличается от Вадима. Но на этот раз она даже пожалела об этом: «Как жаль, что я не попробовала Вас убедить в ненужности такого отказа еще при нашей первой встрече! Можно было бы вполне избежать всех этих неприятностей. А теперь – навряд ли. Хотя, конечно, у «нас» все возможно. Захотят «они» - отменят суд, пусть это по закону сейчас невозможно... Я очень себя ругаю, что не смогла быть такой въедливой и настойчивой, как Вадим... Конечно, я совсем не считаю, что с «ними» надо всегда разговаривать. Если стоит вопрос о выборе между тюрьмой для товарища и помилованием (не говоря уже о карьере) для тебя, то человека, выбравшего второе, я, несомненно, буду считать подлецом. Однако, Ваш случай совсем иной. С одной стороны, на весах вся

дальнейшая жизнь Вас и вашей семьи, а с другой стороны – ничего не значащие и никому не вредящие показания...»

Все это меня сильно ободрило. Таких примерно слов я ждал и за ними, собственно, и приехал. Но в то же время столь

прямая поддержка меня удивила. С.В. как будто игнорировала сам принцип: «не разговаривать с ними **вообще**», она сводила его к другому и вполне понятному правилу: « Не вреди другому» и совсем не считала обязательным выполнение первого. А может быть, я сам выдумал этот принцип, и сам же стремился к недостижимому? Голова шла кругом.

Это «открытие» я невольно сопоставлял с последним, озадачившим меня разговором с Таней и Леной после 5 мая. «Послушай, - сказала Таня, - а может, ты скажешь на суде, что просто побоялся за жену и поэтому отказался от показаний? Может, тогда они смягчат наказание и оставят на работе?»- «Но ведь тогда придется давать показания – ответил я, - зачем же было тогда весь огород городить? Надо было сразу давать такие же показания, какие давала Лиля». - « М-да...» – протянула Таня. Она была явно с этим не согласна, но промолчала. Зато Лена решительно закончила: «Надо что-то сделать, чтобы этого суда не было. Обязательно! Никому он не нужен».

Помню, как я был сбит с толку и даже обижен. Как же так, никому не нужен? Неужели все мои треволнения с 5 марта были зря и никому не нужны – даже для прославления самиздатовской морали? Говорят, что жертвы – это глупость. В данном случае, пожертвовав своей работой и научной профессией, я сделал даже никому не нужную жертву, т.е. глупость вдвойне, в квадрате. Я был самообманутым дураком.

Теперь, во время последнего разговора с С.В., до меня дошел смысл слов Тани и Лены. Нет, они, конечно, очень дорожат принципом свободы и независимости от КГБ: «Мы с ними не разговариваем». Просто для меня они делали исключение. Они не хотели жертв ни от меня, ни от кого-либо иного. А, видя, как я пытаюсь тянуться в чистоте своего поведения и тут же жалею о происходящих от этого личных потерях, они хотели помочь мне встать на собственный, более

легкий, обывательский путь... Оставаясь на бурлящей струе, они собственными руками сталкивали мою байду в тихую заводь, видя по одному лишь искаженному от страха лицу, что в дальнейшем я буду им плохим попутчиком.

Я понял благородство своих друзей и от души желаю им тоже выплыть из порога в спокойное течение.

В тот раз я сообщал С.В., что думаю позвонить следователю и попросить изменить ход дела, если это возможно. Она одобрила этот шаг: «Здесь возможны два случая: или «им» этот процесс не нужен и даже невыгоден (а думать так есть основания), тогда суд отменят в обмен на показания. Или им нужен этот процесс для примера, и тогда следователь скажет: «Нет, назад только раки ползают. – Раньше надо было думать, а теперь – иди и судись!». Но даже во втором случае такое обращение очень важно, поскольку, наверняка, Ваш процесс «они» будут держать под контролем, а предварительное Ваше согласие дать показания сведет дело к простому недоразумению и, возможно, к минимальному наказанию. Но ведь, в действительности, именно это и важно, чтобы Вас не уволили с работы?..» А потом добавила: «Только согласуйте это вопрос с адвокатом». На этом совете я и попрощался с С.В.

В то же воскресенье пришла повестка: «Московский городской суд вызывает Вас к 10 ч. 30 м. 16 мая 1973 г. в качестве подсудимого по вашему делу по адресу: «г. Бабушкин, Ленская ул. 2. Бабушкинский районный суд, зал 15».

**14-15 мая.** В понедельник я звонил следователю Юрию Ивановичу.

Разыскал-таки телефон, насильно записанный еще 5 марта. Наверное, минут 10 ходил вокруг телефонного автомата, пока не заставил себя набрать номер. Соединили. «Нет на месте. Звоните минут через 10». С облегчением бросаю трубку, жду, слоняюсь на улице. Хуже зубной боли. Вот он – мерзкий момент моего отречения, ракообразного движения. Никогда его не забуду!

Снова звоню. Опять его нет. Спрашивают, кто звонит. Объясняю. Просят подождать у телефона. Жду. И вот в трубке голос Юрия Ивановича: «Слушаю».

В горле у меня спазм, огромным усилием проталкиваю слова: «Юрий Иванович, я должен у Вас спросить, нет ли возможности повернуть мое дело по-другому, если я дам показания, аналогичные показаниям моей жены?»

Юрий Иванович отвечает сразу же и совершенно свободно: «Я же Вас предупреждал, Виктор Владимирович... Теперь же ничего предотвратить нельзя. У Вас только один путь: на суде чистосердечно признать свою ошибку и сказать, что Вы готовы ее исправить и дать показания. По-видимому, это будет принято судом в качестве смягчающего обстоятельства». - «Смягчающего обстоятельства?»- я хотел сказать «и только-то?», но не смог продавить это через глотку...

- Да, конечно, - Юрий Иванович был готов говорить еще что-то. Но я уже не мог. Найдя паузу в его речи, я выдавил: «Все понятно. Спасибо» и рывком нажал на рычаг. Отрезал. Заглушил.

Так. Значит, ничего не получилось. Суд все же будет. Ну что же, С.В. меня достаточно подготовила к этому варианту, и я не был сильно разочарован. Надо готовиться к суду. Что еще можно сделать? Еще вчера, по совету Вадима, я обдумал свое «Ходатайство о направлении дела на доследование. В нем я утверждал, что показания не давал, поскольку боялся, что впоследствии эти показания будут обращены против меня самого, т.е. поскольку ощущал себя в качестве подозреваемого в преступлении. В этом и состояла основная аргументация «Ходатайства»: по советскому законодательству подследственный или подозреваемый имеет право отказаться давать показания. Но именно подозреваемым я себя чувствовал и на деле был им (не даром в обвинительном заключении утверждалось, что я не только дал аппарат, но и согласился на распространение Красиным «нелегальной литературы»). Также утверждал, что, по сути, никогда не был против свидетельских показаний, если они мне не вредят, и выражал готовность давать

их в таком случае... С.В. смотрела эту бумагу и даже в самых важных местах исправила. Однако для осуществления этой линии защиты на суде, нужно было, прежде всего, согласовать ее с адвокатом.

К сожалению, Лев Абрамович был очень деловым и занятым человеком. Кроме пятницы, мы встретились с ним (по моим настойчивым просьбам) еще два раза, но не более чем на 10 минут. Он с ходу отверг идею ходатайства и то, как оно написано: «Юридически оно ничего не доказывает, а, напротив, даст массу поводов для новых осложнений и обвинений. Зачем Вам снова обсуждать вопросы о Самиздате, о своем отношении к нему, о процессах и их законности (я пытался в ходатайстве объяснить выдвинутые ранее мотивы отказа). Да Вас изобьют на суде, как мальчишку, и больше ничего... Нет, нет, Вы подумайте еще раз. Мое же предложение о Вашем поведении на суде сводится к следующему: о Самиздате Вы ничего толком не знаете, только понаслышке, и говорить не можете, а показания отказались давать из-за необычности обстановки и страха за жену. Только при такой линии поведения можно будет добиться минимального наказания. Все. Думайте. До свидания».

Так он окончил встречу в понедельник. Но она меня мало удовлетворила. Я еще не потерял надежды, что можно добиться возвращения дела на доследование и, следовательно, отмены суда. (Это после подписи Малярова на обвинительном заключении!)

Конечно, было важно, не сколько процентов и месяцев у меня будут вычитать из зарплаты, важно было иное: 1) не потерять работы – на это после своего звонка в КГБ я уже твердо надеялся, 2) вообще не быть судимым, ибо после суда и срока наказания должен следовать год судимости, в течение которого, а может, и дольше, ни о какой защите диссертации не могло быть и речи. А ведь слишком долгое откладывание диссертационной защиты при столь напряженных отношениях с руководителем может вообще сделать ее невозможной. Таким образом, своим ходатайством я пытался отстоять уже не работу,

а результаты трех лет своего труда и право не заниматься диссертационной гадостью в будущем...

Но почему-то адвокат не хотел понимать, что мне нужна именно отмена процесса... Ну да ладно, пусть не будет специального ходатайства, но разве нельзя построить линию защиты на этих же аргументах и в процессе суда и добиваться все же возвращения дела на доследование? – Нет, мне обязательно нужно убедить адвоката в своей правоте, иначе, зачем он мне тогда нужен? – Просить о более мягкому наказанию?..

Я начал искать новой встречи. Но Лев Абрамович был неизменно занят, и, наконец, после долгих звонков он согласился встретиться накануне перед судом, во вторник вечером. На эту встречу мы пришли с Лилей вдвоем: я уже не надеялся на свою твердость и боялся, что впоследствии буду жалеть о своей уступчивости в переговорах.

Лев Абрамович, по-видимому, уже понял, с кем имеет дело, поэтому гораздо чаще обращался к Лиле, чем ко мне. Говорил неуступчиво и жестко, вообще, по характеру это несколько тяжеловатый, несентиментальный человек, но, возможно, в таких делах и нужна решительность и суровость хирурга. Он был убедителен: «Что Вы хотите? Убеждать суд в законности Самиздата? – Но это Вы уже писали в своем заявлении, после которого, между прочим, Вашему делу и был дан ход... Так Вы, действительно, желаете убедить суд в Ваших хороших намерениях? Тогда Вас подведут к столу и спросят: Подсудимый, на этом документе, где Вас предупреждали об ответственности как свидетеля, стоит Ваша подпись? А на этом, где Вы отказываетесь от свидетельских показаний – Ваша?.. Факт имел место, преступление доказано, и никакое доследование суду не нужно. Его право – учесть или не учесть мотивы или обстоятельства Вашего отказа. И только... Нет, Вы желаете и здесь доказывать несправедливость следствия и суда – ну что же, сделаете себе хуже. В таком случае, мне делать здесь будет нечего. Но я очень не хочу, чтобы Вы навредили себе в очередной раз. Вы пришли ко мне в первый раз с

решением выйти из этого дела с наименьшими потерями. И я предлагаю Вам реальный путь, как этого добиться. И только такой!» Не стоит рассказывать, как я упорствовал, как пытался еще раз изложить свои доводы, свою линию о праве на отказ от показаний, если допрашиваемый чувствует себя подозреваемым. Адвокат этот довод не принимал, он его почти не слышал. В конце концов, с видимой неохотой согласился, что на суде можно ссылаться и на опасения за самого себя...

И я понял: этот человек, действительно, предлагал мне единственный путь к минимальным потерям – **реальный** путь, а не просто возможный по законодательным нормам. Было совершенно нереально, чтобы завтрашний суд против воли КГБ признал, что проведенное им следствие по такому ясному делу было проведено неправильно, незаконно и должно быть доследовано, доработано! Это, действительно, невозможно и будет расценено вызовом и, соответственно, ухудшит положение.

Лиля тоже согласилась с адвокатом. Усмехаясь, он напутствовал нас советами готовиться ночью к суду, но я уже не был способен ни воспринимать чью бы то ни было иронию, ни читать какие-либо бумаги или «готовиться». Мы просто поехали в гости.

Это были именины. Была большая компания, где многих мы не знали, и, соответственно, не знали нас. Ну и что? Важно, что друзья, которые знали и о завтрашнем суде, и о моем звонке в КГБ, относились к нам по-прежнему, и вот – пригласили в гости.

…Для меня же чрезвычайно важным был разговор в этот вечер с И.Н.[Хохлушкиным] - бывшим зэком, подписантом и глубоко религиозным человеком, без колебания расставшимся с любимой профессией ради принципов. Нередко я замечал к нему какое-то особое отношение, любовь, почти почитание. Разговор этот был кратким. Я рассказал, как буду вести себя на суде: «Скажу просто, что боялся давать показания на себя, что мой отказ – это просто недоразумение... Ты, наверное, за это меня осуждаешь?» Он отвечал еще короче, основной смысл

сводился к тому, что я обязан сам и быстрее выбрать свой собственный путь, ибо идти по чужой дороге – обязательно пойдешь к предательству и маразму... «Каждый волен сойти с той стеклянной горки, на которой, вопреки всем законам физики, мы до сих пор стоим и не соскальзываем...»

Потом он ушел, а перед уходом тихо обратился ко мне: «Слушай, может быть, тебе будет лучше, если я приду к суду? В зал, конечно, не пустят, но я буду рядом?» - Я растерялся, это предложение прозвучало для меня немыслимой честью, но тут же опомнился и понял, что это было последним испытанием-обращением: «Может, ты удержишься на стеклянной горке с помощью сильного?» Малодушно пытался я сослаться на «мне неудобно, ты ведь так занят...», но был прерван: «Я говорю тебе о важном, а ты мне о чепухе». Пришлось сказать прямо: «Нет, мне это не нужно», что звучало как «Нет, возврата не будет, буду виниться на суде». Так были выяснены мои отношения с друзьями.

**16 мая (суд).** Потом Лиля вспоминала, что ей было очень тяжело ехать со мной на этот суд, но в тот день я даже не догадался спросить ее желания, настолько уже привык к мысли о ее обязательном присутствии еще с той поры, когда собирался в судебном заседании защищать свое право не участвовать в процессах против Самиздата.

Бабушкинский нарсуд – на дальней от нас окраине Москвы. Говорят, это традиция – устраивать подобные суды подальше, чтобы у здания суда толпилось поменьше народа. И мы, действительно, убедились, что такие опасения у «них» были. Несмотря на всю незначительность процесса, на мою примирительную позицию и звонок в КГБ, «открытый суд» был оформлен по всем традиционным правилам. Когда за 15 минут до начала мы поднялись на нужный этаж, путь нам преградили милиционер и еще двое: «Сюда нельзя, спуститесь на второй этаж». Лиля спросила: «А подсудимому тоже нельзя?» Милиционер заморгал, но тут подошел еще какой-то распорядитель и, осмотрев мою повестку, пропустил меня, а потом и Лилю.

Заглядываем в зал, комната площадью метров 40: пустые судейские столы и три ряда стульев для публики... уже сплошь заполненные. Вот это да! По такому мелкому делу, а зал за 15 минут до начала уже переполнен! Кто же эти люди? - Не знаю.

Наконец, появляется адвокат. Права С.В. – свой человек здесь нужен, пусть даже такой «реальный» и далеко не «свой». Отводит меня в сторону: «Ну, как спалось? Подготовились? Все как договаривались? Ну, очень хорошо. Не робеть!» - сильно хлопает по плечу и профессионально улыбается. Видимо, это тоже входит в технологию адвокатского дела.

Рассаживаемся. Перед глазами маячат три высоких судейских кресла. Ниже столы секретаря и адвоката. Моя скамейка у окна, а у двери напротив, почти на таком же расстоянии от судьи посадили Лилю. Одну. Сразу и вплотную за нашими спинами – ряды зрителей, которых я так и не видел, не запомнил ни одного лица, не мог взглянуть в их сторону ни одного раза, но постоянно чувствовал спиной.

Звучит известная фраза: «Суд идет». Дождался-таки этой части. Входят три пожилых человека. Судья – спокойный, в жизни, видимо, немного ироничный и как-то даже подыгрывающий собеседнику. Заседатели: один похож на пенсионера-активиста с бляхами-значками на пиджаке, другой – на пожилого рабочего. Очень неестественны, с застылыми, почти выпученными от ответственности глазами и абсолютно молчаливы. Смотреть и обращаться к ним было совершенно невозможно, хуже стенки, поэтому все мое внимание и общение было приковано только к судье.

Может, самое неинтересное во всей этой истории – это суд.

Читается обвинительное заключение. Затем анкетные вопросы.

«Признаете ли себя виновным?» - «Да!»

«Расскажите подробнее о...»

Рассказываю. Говорю в первый раз то, что потом буду повторять еще раз 5. Да, был знаком с Якиром... Дал Красину фотоаппарат, зачем – не знаю, не имею привычки спрашивать...

Испугался, когда вызвали. Боялся, что если сразу не отказаться, то могут обвинить вместе с Якиром. Неправильно оценил обстановку... Звонил следователю, когда понял и согласился дать показания...»

Въедливые вопросы судьи: «А почему Вы указали иные мотивы отказа – 5 марта, 16 марта и в заявлении, присланном по почте?»

- Стыд за свой страх, переформулировка мотива, записанного следователем.

Судья с особым удовольствием отмечает: «Значит, причины отказа, указанные в Вашем заявлении, посланном почтой, являются неправильными?» - «Да, настоящая причина отказа в этом письме указана неправильно, она состояла в боязни быть осужденным».

Я постоянно тяну свою линию – не защиты, нет (о какой защите может идти речь?), а аргументации «боялся и потому не говорил»: «Мои опасения подтверждаются обвинительным заключением, где вопреки даже показаниям Красина утверждается, что я знал и согласился с намерениями Красина печатать моим фотоаппаратом нелегальную литературу». На это судья как-то двусмысленно кивает головой и спрашивает дальше: «А какую зарплату Вы получаете? А Ваша жена? Хорошо ли Вы с нею живете?» и т.д.

Допрос окончен. Речь адвоката. Я запомнил только его железный тон: «Преступление совершено. Это очевидно и никак не оспаривается ни защитой, ни самим обвиняемым. Следствие было проведено абсолютно правильно и правильно квалифицировано по ст. 182, что также никем не оспаривается... (вот для чего нужно было адвокату отвергать мой путь защиты)... Однако защита должна обратить внимание суда на ряд обстоятельств, который в значительной мере снижает социальную опасность подсудимого и ставит вопрос о возможности применения к нему минимальной меры наказания в рамках ст. 182... Прискорбное невежество подсудимого в юридических вопросах, в первый раз попавшего в такую ситуацию, его опасения за жену, а также боязнь быть каким-

либо образом привлеченным к делу Красина и Якира, чему... (многозначительный взгляд на судью)... как известно, имелись основания...» Судья ответно усмехается. Заседатели не шелохнулись.

Да, С.В. была права – адвокат не изъявил никакого желания положить за меня свою голову, вернее, карьеру с допуском. Но отказаться от удовольствия игры с судьей в пинг-понг намеков и усмешек, что, мол, на деле КГБ здесь сработал не совсем чисто, - он не мог! Вот этим кратким моментом судейской игры в намеки и закончилась «линия защиты – против КГБ».

Последнее слово подсудимого, его практически не было – одна только фраза с просьбой дать мне возможность нормально работать. Все! Суд удаляется на совещание.

Судебное разбирательство продолжалось всего 45 минут. Быстро! Спиной слежу, как выходят в коридор размяться «зрители». Наверное, можно было бы выйти и нам с Лилей, но не хочется сталкиваться в коридоре с «ними» и смотреть в их лица. В этом чужом, почти враждебном мире лучше оставаться вместе на одной линии скамьи подсудимых.

Проходит минут 15-20, и, как по команде, все возвращаются назад. Засаживают собой скамейки и тихо, терпеливо ждут... Еще 10 минут, еще 20. Пришел адвокат, тоже сидит. Повернувшись к зрителям, в упор их рассматривает. Тяжело и неотрывно. Как будто изучает экземпляры, не заботясь о приличии. Набычившись. И что они ему сделали? – Наконец, отвернулся взгляд, встал и ушел.

Но за спиной у меня сидят тихо, смирно. И вдруг слышу явственный шепот: «Ох, времени погубители... Американцев бы сюда...» - Ого! Сразу оживляюсь. И жду дальше. В этом прислушивании мне даже мешают голоса из судейской комнаты. Секретарь встает и плотнее прикрывает дверь. Теперь я снова слышу шепот: «Да никак указания получить не могут». Больше я ничего не разобрал, но и этого достаточно. Оказывается, за спиной у меня сидят все не «враги», а совсем обычные люди, как все мы, вплоть до восхищения

американцами. Вот тебе и верная гвардия! Вот тебе и особо отобранные райкомом на «ответственное политическое мероприятие!» Вся их застылость, неизменность – внешняя, напускная личина, и только.

Наконец-то снова: «Суд идет!» Оглашается приговор:

## ПРИГОВОР

### **Именем Российской советской федеративной социалистической республики**

16 мая 1973 г. г.Москва

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда

в составе председательствующего Богданова В.В., народных заседателей Шентяпина Е.А. и Ефременко А.А. при секретаре Фомичевой А.И., с участием адвоката Юдовича Л.А., рассмотрела в открытом судебном заседании дело по обвинению: СОКИРКО Виктора Владимировича, <,,,>

... в совершении преступления, предусмотренного ст. 182 УК РСФСР

Проверив материалы предварительного и судебного следствия, выслушав доводы защиты в лице адвоката Юдовича и последнее слово подсудимого Сокирко, судебная коллегия по уголовным делам московского городского суда

установила:

Подсудимый Сокирко виновен в том, что на допросах 5 и 16 марта 1973 года по уголовному делу по обвинению Красина и Якира отказался давать показания об известных ему обстоятельствах, имеющих значение для дела. Преступление Сокирко совершено при следующие обстоятельствах.

5 марта 1973 г. Сокирко был вызван на допрос в Следственный отдел КГБ при СМ СССР. Он был перед

допросом предупрежден об ответственности по ст. 182 УК РСФСР за отказ или уклонение от дачи показаний. Сокирко категорически отказался давать какие-либо показания в отношении Якира и Красина, мотивируя такой отказ своими моральными соображениями.

На допросе 16 марта 1973 г. Сокирко, также будучи предупрежден об ответственности по ст. 182 УК РСФСР, вновь отказался давать показания в отношении указанных лиц, мотивируя это своими моральными соображениями, уточнив при этом, что его участие в предварительном следствии может ухудшить их положение.

Подсудимый Сокирко виновным себя признал, подтвердив в суде, что он, действительно, на допросах 5 и 16 марта 1973 г. отказался давать показания в качестве свидетеля по делу Красина и Якира, хотя и был предупрежден об ответственности за отказ от дачи показаний.

В судебном заседании Сокирко пояснил, что отказ от дачи показаний был вызван необычностью обстановки для него и страхом быть каким-либо путем замешанным в дело Якира и Красина. Те мотивы отказа, которые им указаны в заявлении на имя следователя от 20 марта 1973 г., являются неправильными, необдуманными.

Помимо личных объяснений Сокирко в суде и на следствии, его вина подтверждается протоколами его допросов от 5 марта и 16 марта 1973 г., в которых зафиксирован категорический отказ его от дачи показаний в качестве свидетеля.

Из этих же протоколов усматривается, что 5 марта и 16 марта 1973 г. Сокирко был предупрежден об ответственности по ст. 182 УК РСФСР за отказ от дачи показаний. В обоих протоколах имеются подписи Сокирко, подтверждающие такое предупреждение.

Обвинение Сокирко находит подтверждение и в его заявлении от 20 марта 1973 г., направленном им почтой следователю. В этом заявлении Сокирко также подтвердил свой отказ от дачи показаний.

Таким образом, давая оценку всем доказательствам в их совокупности, судебная коллегия по уголовным делам находит предъявленное Сокирко обвинение обоснованным, а вину его в отказе от дачи показаний в качестве свидетеля доказанной.

Действия его правильно квалифицированы по ст. 182 УК РСФСР.

При определении наказания Сокирко судебная коллегия принимает во внимание данные о личности его, характер совершенного им. На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 301, 303, 315 УПК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда –

ПРИГОВОРИЛА:

СОКИРКО Виктора Владимировича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 182 УК РСФСР, и назначить ему наказание в виде исправительных работ по месту работы сроком на ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ с удержанием 20% из заработной платы ежемесячно.

Приговор может быть опротестован и обжалован в Верховный суд РСФСР в течение семи суток со дня провозглашения приговора.

Подлинный за надлежащими подписями

Верно: Член Московского городского суда

– Секретарь –

Напряженно я ждал заключительных фраз. Хоть и был уверен, что с работы не уволят, но кто «их» знает. Адвокат просил минимума, т.е. единовременного штрафа. Этого, конечно, не будет, но, может, дадут меньше 6 месяцев? – Но приговор оказался Соломоновым решением: он оставил меня на работе (это главное), но одновременно он дал максимум по ст. 182 – наверное, это нужно для «курока другим»...

А вот как воспринимала мое осуждение莉莉亚:

Говорят, что испытания закаляют человека. Суд – это значит, человек вышел за линию нормы, и в него сейчас полетят камни. Я боюсь камней, не боли от них, а ожидания удара и тех рук, которые их наносят и остервенелых лиц и злых глаз... Я не

хочу быть побитой толпой, которая потом разойдется с сознанием хорошо сделанного дела. Поэтому я внимательно слежу, чтобы мои действия не вылезали за норму допустимого. А если уж не убережешься, то закрывай глаза, чтоб не видеть лиц и поднятых рук. Мне очень хотелось закрыть глаза, т.е. неходить на Витин суд. До последней минуты надеялась, что меня не пустят в зал. Это была самая обыкновенная трусость, страх ожидаемой боли, но меня впустили в зал и посадили на скамью, предназначенную, похоже, для свидетелей. И тут мне стало легче. Витя так и не заметил моего страха, как не заметил накануне вечером после визита к адвокату, как меня трясла крупная дрожь...

Витя держится вполне прилично: говорит без пафоса (это б ему и не пристало), но и без униженности (мне б было это тяжело видеть). Судья не делает попыток его унизить, но не обходит ни одного из пунктов его обвинительного заключения. Витя отвечает не всегда четко, сбивчиво, что, кажется, расценивается как робость. Потом он уверял, что специально принял такую манеру. Ну, тогда весь суд можно рассматривать, как спектакль, где я – единственный заинтересованный зритель. Судья задает вопросы исключительно для протокола – ответ ему, наверное, известен из предварительной беседы с адвокатом. И конец известен. А детали этого конца он уточняет уже в судейской закрытой комнате, где установлен телефон (если бы я только знала, что телефон в судейской комнате – криминал, я бы постаралась услышать разговор судьи с некоей Ингой Владимировной, услышав начало которого, я вежливо отключилась).

Витя произносит с должной робостью отработанные ответы, адвокат повторяет Витины ответы, но только уверенным голосом, стенографистка пишет, статисты на скамьях безмолвствуют.

И все же меня поразила максимальность приговора – она не соответствовала тому спектаклю. Я еле устояла, такой сильный удар по голове. Конечно, потом тысячу раз себе

говорила: «Ведь не в тюрьму, и не в Сучан, не к высшей мере»... Но ведь и не готовилась к этому.

Все начинают расходиться. Заглядывают в зал милиционеры – они должны снять свои, никому не нужные сегодня ограждения. С меня берут подпиську об извещении органов при переходе на другую работу. Адвокат спрашивает, буду ли я подавать на кассацию. Сразу же отвечаю отрицательно: «Зачем мне затягивать срок наступления приговора, ведь результат будет тот же». Прошу вернуть мне копию обвинительного заключения. Он ухмыляется: «Для семейного архива? – Хорошо». Уходим. «До свидания». «Благодари и кланяйся» - толкает меня Лиля. Да, конечно, она права. Я благодарю. Ведь адвокат сделал свое дело толково и квалифицированно. Пусть внешне он и потерпел поражение (не минимум наказания, а максимум по статье

И, конечно, хорошо, что он не принял моей линий, не рисковал из-за меня своей карьерой: этим он и мою работу (т.е. голову) спас. Да, я искренне благодарен.

Теперь все – основной порог пройден. Моя байда – работа вроде еще на плаву, пусть и требует не одного года ремонта. Впереди будет еще очень много камней, куча неприятностей, но все они – после главного «Падуна».

**26 мая. Суббота.** Накануне, в пятницу, домой звонил Юрий Иванович: «Прокурор просил меня побеседовать с Вами. Удобно ли Вам зайти в субботу?» ...Снова – Лефортово. Дай бог, чтобы в последний раз. Я догадываюсь, вернее уверен, о чем будет идти сейчас речь: снова о свидетельских показаниях. Да, конечно, после суда и наказания имею полное право по закону отказаться давать показания по делу Красина-Якира: ведь дважды за одно преступление не судят. Но, во-первых, я уже обещал эти показания на суде – чего уж теперь кочевряжиться, а во-вторых, внесудебные преследования для меня страшнее законных вычетов. Судьба диссертации еще держит меня.

Разговариваем в кабинете Александровского. Действительно, прокурор поручил проверить: «Не расходятся ли

у Вас слова с делом, т.е. готовы ли Вы давать свидетельские показания». И тут же на всякий случай подкармливает: «Сразу же хочу Вам подсказать (Ваши друзья этого Вам не скажут), что Вы имеете право после окончания срока наказания при хорошем поведении направить в Президиум Верховного Совета просьбу о снятии с Вас срока судимости – ведь именно это для Вас самое основное сейчас» - за этими словами следует внимательный взгляд в мою сторону. Ну что ж, он, действительно, знает – год судимости для меня, действительно, самое главное.

Пишет протокол. Сам. Уверенно. Лишь утверждая у меня фразы. Да это и понятно – он знает, что мне нужен минимум: был знаком? – Да. Кто знакомил? – Не помню. Давал аппарат? – Да. Зачем? – Не знаю.

«Ну и хорошо, - заключает Юрий Иванович, когда я подписал две страницы. -Теперь, возможно, Вам предстоит вызов в суд с подтверждением этих показаний, да и то не обязательно/ А в заключение мне хотелось бы выяснить некоторые подробности, но не для протокола, а для себя, если Вас спросят...» (Я внутренне настороживаюсь: «Ну, вот...»). Мы, конечно, знаем, что Вы подписывали письма в 1968 году (еще бы!). К счастью, Ваши эти письма не носят криминальный характер, как некоторые другие... Но скажите, Вам не известны Самиздатовские материалы, касающиеся Вас лично?»

Он имеет в виду запись заводского собрания в 1969 г., где меня клеймили за подписи. Что ж, эта вещь понятная, и если у «них» должно сложиться какое-то представление обо мне, то без объяснения этой записи не обойтись.

- Да, я знаю, что есть запись собрания, на котором меня ругали...

- Это вы ее направляли в Самиздат?

- Это не имеет значения.

Юрий Иванович удовлетворяется и этим и переходит на более общие темы: «Все же удивительно, что Вас уже наказывали, и все же это Вас не научило... Возможно, конечно, Вас слишком сильно тогда наказали, но ведь это была прерогатива коллектива. Мы не можем на него влиять... И я

Вам **по-дружески** советую не вставать в позу обиженного, а прийти в институте к директору или в партком; это не важно, что Вы беспартийный, и поговорить, рассказать о суде, о том, что дали показания. Это поможет заранее подготовить и смягчить возмущение собрания, которое, по-видимому, скоро будет».

Слово «по-дружески» я переживаю до сих пор. Но этого мало. Прощаясь в проходной, вместо обычного вежливого кивка головой, «он» протянул мне руку, и я «по-дружески» ее пожал.

**После 26 мая.** Начальнику отдела на работе я официально признался, лишь чтобы отпроситься на суд. Он – хороший человек, когда-то сам сидел, был реабилитирован, ныне – член парткома. Пожурил, что поздно пришел с рассказом, заявил, что давно ждал моего признания (наверное, со временем запроса на меня характеристики). Искренне обрадовался, когда я рассказал ему о ходе суда, и что меня оставили на работе: «Ну, поздравляю. Пусть только впредь тебе будет наука – против ветра не с...»

Теперь, когда я пришел к нему с рассказом о советах следователя, он устроил мне беседу с секретарем парткома института. Беседа продолжалась два с лишним часа. Секретарь – лет на 5 старше меня, бывший завлаб и конструктор. Я так и не понял, почему так долго шел разговор. Не думаю, что он имел целью у меня что-то выпытывать. Этому человеку было просто любопытно. Начал я с повторения рекомендаций Юрия Ивановича, которыми воспользовался, как мандатом, выданным мне в КГБ. Но только в конце беседы получил уклончивый ответ на начальную заявку: «Что же касается обсуждения Вас на собрании, то, если в этом, действительно, будет необходимость, мы посоветуемся с товарищами». Ну, мне больше ничего и не нужно.

Остальное время было занято рассказами и расспросами. Мне было интересно, как работает его мысль в этой тематике. А работала она весьма своеобразно, так что иногда мне даже казалась похожей на провокацию. Но, в конечном счете, я почему-то верил в его искренность...

- Скажите, вот Вы бывали в кругу Якира и других. Чем они, собственно, занимались?

- Как чем? Как и все люди в свободное время – разговорами, обсуждением новостей, спорами...»

- И все же я не понимаю, как такие образованные люди, как, например, Вы, соглашались подвергать себя какой-либо опасности, собираясь в подобной компании – и совершенно бесцельно занимались бессмысленными и опасными разговорами. Для чего? Вот если бы эти люди имели и ставили перед собой определенную цель, имели убеждения, как добиваться этой цели, то я смог бы их еще понять. Ведь и наша партия была когда-то непризнанной и гонимой. Человек всегда вырастает в борьбе...»

Ну, что я мог ему ответить по существу? – Рассказать об эпизодах Движения в защиту прав? О складывающейся морали его участников, о неприятии ими любых организационных форм? Говорить об этом в этом парткоме? В моем положении подсудимого и ждущего характеристики об исправлении, это невозможно. Поэтому я ограничился лишь повторением, что близкие к Якиру и Красину люди не провозглашали никаких целей и программ (если не считать протестов против возрождения сталинизма), что они просто свободно разговаривали... Вместе с тем я пытался втолковать ему про свои конструктивные устремления, про желание сделать что-либо полезное в экономике. И, кажется, даже находил понимание. Он даже по собственной инициативе упоминал, что, к сожалению, в стране совершенно не движется экономическая реформа... А может, он просто вежливый.

Запомнилось мне еще одно его рассуждение: «Наш строй не может спокойно относиться к иностранной и буржуазной идеологической пропаганде – ведь в отличие от капиталистического строя, который сам по себе весьма устойчив и не нуждается в охране, принципы нашего социального строя могут выжить только при неустанной их защите и укреплении». И еще, в заключение: «Я думаю, Вам следует выбирать: между

бессмысленными разговорами людей типа Якира и осмысленной работой и нормальной жизнью».

На это я ничего не ответил. А что можно было ответить?

- Что именно в этом и заключается сложность не только моего положения, но и положения многих моих друзей, которые вовсе не желают и не могут выбирать между «нормальной работой и жизнью» и ... самим собой. Ибо кто ты, если не твои друзья?

Остается только надеяться, что у секретаря и ему подобных ныне уже нет сил (или желания), чтобы добиваться безусловного выполнения своих рекомендаций...

Приговор суда был получен в институте только в середине июня. Вместе с ним было получено и распоряжение о собрании.

Кажется, совсем недавно меня обсуждали на Трубном заводе. Прошло 4 года, и вот готовится новое судилище. Однако, это сходство – лишь относительное. На деле я замечал одни различия. В 1969 г. я в одиночестве готовил свою защитительную речь. Теперь же я участвовал в подготовительном заседании треугольника техчасти: заслушали мое сообщение о суде, покритиковали за вялую и малоактивную форму выступления, а потом при мне же распределяли, кто будет говорить речи, кто председательствовать, и как сделать, чтобы будущее собрание «не ушло в сторону». Юрий Иванович прекрасно знал свое не-следовательское дело, когда советовал мне обратиться в партком за предварительным демпфированием будущего собрания.

И вот настало 20 июня – день моих последних объяснений, последняя волна этого мелкого процесса. Час с лишним слушали чтение приговора, мои объяснения, ответы на вопросы, выступления с мест... За исключением одного старого неуважаемого «держиморды» все выступления были внутренне благожелательными: сетовали на мое несчастье, на неправильное смешивание условий 37-года с нынешними хорошими временами, призывали к осознанию ошибки и т.д. ...

Решение собрания звучало так: 1. Осудить действие... (по приговору)...

2.Учитывая чистосердечное осознание..., просить дирекцию оставить в занимаемой должности (оказывается, у дирекции есть право после получения приговора принудительно перевести меня на любую работу – в пределах института – это было для меня новостью!)

3. Подыскать и поручить нести общественную нагрузку.

4. Через полгода выслушать на собрании самоотчет Сокирко.

В заключение председательствующий, весело улыбаясь, объявил, что, кстати, учитывая потребность института, руководство решило послать меня в июле на месяц в приокский совхоз на шефские с.х. работы: «В Китае отправляют в сельские коммуны, а мы на исправление отправляем его в совхоз», - и сам засмеялся первым. Но тут же поосторожничал: «Это, конечно, шутка!»

**Вместо заключения.**И щуку бросили в реку! Труд во всю силу я всегда считал своей стихией. А здесь – неплохо оплачиваемая работа на стройке подсобником у каменщиков, занятые на весь день руки, дешевая еда, а по вечерам – одиночество, наполненное осмыслением недавнего прошлого.

Сосновый лес, застывшие под ним песчаные дюны, курортное солнце и родниковые воды, берега – как предгорья вдалеке, купание в старицах и в самой величавой Оке. Что может быть лучше? ...Я лежу сейчас на окском берегу, согреввшись после заплыва на тот берег, смотрю на облака и наслаждаюсь всей этой красотой, своим здоровьем и одиночеством, радуясь, как выпущенный на волю теленок. Потом сажусь за эту бумагу. Надо ее закончить в этой тихой заводи. Ведь заводь – временна. Конечно, я буду плыть дальше, пусть медленно и терпеливо. Хватило бы только сил! Мои друзья – еще в порогах. Хватит ли у меня сил им помочь?

Из дома пишут: «Ни о чем не думай и набирайся сил». И эти слова звучат для меня волнующе: «Силы – ведь они скоро пригодятся!» Июль 1973